

В О Ж А К И КОМСОМОЛА

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

«Вожаки комсомола» — сборник биографических очерков о выдающихся организаторах и руководителях ВЛКСМ. Среди них Н. Чаплин и А. Косарев, Л. Пылаева и А. Бойченко, Г. Муратбаев, Р. Хитаров, Б. Дзnelадзе. На примере этих истинных вожаков комсомола, работавших в самых различных уголках нашей страны, можно проследить весь славный путь советской комсомолии.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [ВОЖАКИ КОМСОМОЛА](#)
 -
 - [ЛИЗА ПЫЛАЕВА](#)
 - [БОРИС ДЗНЕЛАДЗЕ](#)
 - [РАФАЭЛЬ ХИТАРОВ](#)
 - [НИКОЛАЙ ЧАПЛИН](#)
 - [ГАНИ МУРАТБАЕВ](#)
 - [АЛЕКСАНДР КОСАРЕВ](#)
 - [АЛЕКСАНДР БОЙЧЕНКО](#)
 - [ОТ РЕДАКЦИИ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -
 -
 -
 -

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
-

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 2
(538)

ВОЖАКИ КОМСОМОЛА

Сборник

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Издание третье, исправленное

Составитель С. СЕМАНОВ

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

ЛИЗА ПЫЛАЕВА

За окнами вагона проплывали поля, перелески, косогоры, показывались и исчезали крытые соломой избы. А ночью мелькнет, проблеснет тусклый станционный фонарь — и опять тьма кромешная.

Вагон третьего класса забит до отказа разнохарактерным людом...

Из богатых приволжских сел и захудалых северных деревень, из сонных провинциальных городков, из безвестных таежных земель, из Малороссии, из степей оренбургских — со всех концов державы тянется народ в столицу. Туда, в Питер, «в люди», «на заработки».

Идет 1915 год, и Лиза Пылаева из захолустной Вологодчины, из уездного городишка Грязевца добралась-таки до Петрограда.

Покуда пара пегих лошадемок трусила по столичным мостовым, Лиза безучастно смотрела в спину

кучера. Она вспоминала, как пять лет назад она вместе с матерью и младшей сестрой Еленой таким ясным днем впервые приехала в Питер. Но тогда все, все было иначе. Тогда они приехали к отцу, который работал в каком-то трактире, к брату Георгию, питерскому мастеровому. Тогда Петербург с первых же минут заворожил ее, Лизу, многоголосьем, многокрасочностью столичного быта: магазины, дворцы, аршинные вывески, пароходы, снующие по реке, трескотня автомобилей, гомон, шум, суета. Будущее представлялось светозарным, беспечным, исполненным мира, любви, поэзии.

Три года столичной жизни промелькнули для Лизы как одно мгновение. Зимой гимназия, рождественские каникулы, катанье с ледяных гор. Летом, когда вся семья Пылаевых выезжала на родину, в Грязевец, Лиза надолго уходила с подругами в лес, на реку, в заречные луга. Известно, сколь благотворно влияют на формирование человеческого характера русские северные просторы. Эти щемящие сердце поля и перелески, эти колдовские белые ночи («О север, север-чародей! Иль я тобою околдован?» — вопрошал Тютчев), эти снежные стаи лебедей, растворяющиеся в закатах и зорях, — кого не тронет неброская красота Вологодчины!

Гармония природы, поэзия, музыка — все кончилось сразу, в один день. В тот день, когда умер отец. Он давно уже тяжело болел, и дождливая осень 1914 года оказалась для него роковой. Овдовевшая Марья Матвеевна Пылаева решила не возвращаться в Петербург, осесть в Грязевце, у родного очага. Брат Георгий и старшая сестра Анна остались в столице.

Нелегко приходилось Пылаевым в Грязевце. Шла война, цены росли неудержимо, и трудно было сводить концы с концами. Однако во всем есть благо, даже в трудностях. Кто знает, может быть, именно призрак

надвигающейся нищеты заставил Лизу по-другому ощутить жизнь и свое место в ней. Теперь она начинала присматриваться к угрюмым лицам ссыльных, коих немало было в здешних краях, находить на их лицах выражение тоски, ожидания, ненависти, муки. Она открыла для себя *страдание*, и сама содрогнулась от этого открытия. Страдала соседка с пятью малолетними детьми, оставшаяся без мужа-кормильца, убитого где-то в чужих военных полях. Страдали молодки, криком кричали, провожая суженых на фронт, на верную смерть. Страдала ее, Лизина, мать — бессловесно, худея, тая на глазах.

А тут еще новое горе — брата сослали в Сибирь, в Иркутскую губернию. Лиза с удивлением узнала, что ее тихий, никогда не повышавший голоса брат Георгий был большевик, что он размножал на гектографе антивоенные листовки и распространял их среди питерских рабочих.

Георгия Пылаева судили в Петрограде и приговорили к ссылке. Этого оказалось достаточно, чтобы вскоре после суда Лизу Пылаеву вышвырнули из грязевецкой гимназии...

Отзвенело, отошло в прошлое вольготное гимназическое существование. Теперь приходилось думать о хлебе насущном, о матери и младшей сестре, одиноко коротающих тяготы военного времени где-то там, в вологодских краях, в старом деревянном доме.

Каждое утро Лиза спешила на Невский, к посудному магазину «Фарфор — фаянс — хрусталь товарищества Кузнецова». Магазин сиял витринами на весь квартал, сюда то и дело заходили важные господа и барыни в изысканных нарядах, заглядывали раненые офицеры, студенты, курсистки, иногда невзначай забредал простолудин. Лиза довольно скоро привыкла к однообразной, утомительной работе за кассовым

аппаратом, выучилась, держа в уме цифирь, вслушиваться в магазинную разноголосицу, узнавать новости на фронтах. Пройдет месяц ее новой, самостоятельной жизни в столице, потом другой, третий, потом минет зима — и снова, как тогда, после смерти отца, в душе Лизы обозначится перелом. Теперь она посмотрит на окружающее иными глазами. Она доподлинно узнает и выучит наизусть другой Петроград. В том, другом Петрограде, владычествовали бедность, грязь, теснота и убогость жилищ, голод, болезни, пьянство, запустение, смерть. Она проникнется заботами тех, кто от зари до зари склонялся над красильными чанами, гнул спину за сапожными верстаками, выстаивал у станков, дабы заработать копейки на пропитание. Она увидит обратную сторону довольства и благополучия — «сильных мира сего» — нищету. В ней вызревала ненависть к существующим законопорядкам, к миру, где попирались человеческие достоинства и права. Она инстинктивно жаждала какой-то деятельности, ей грезились баррикады, винтовочные залпы, коммунары, умиравшие под пулями. Однако Лиза, естественно, боялась поделиться с кем-либо своими мыслями. Единственный человек, который мог бы ответить на все ее вопросы, брат Георгий, был в далекой сибирской ссылке, и она отчаялась когда-либо увидеть его.

Каково же было Лизино изумление, когда однажды — это случилось поздней осенью 1916 года — она увидела брата, поджидавшего ее вечером у магазина.

— Георгий! — только и выкрикнула она и тотчас замолкла, заметив, как брат приложил палец к своим губам и негромко, но внятно произнес:

— Ни слова больше! И никакой я не Георгий. Теперь меня зовут Андрей. Запомни это имя до лучших времен.

Оказывается, брат бежал из сибирской ссылки и нелегально вернулся в Петроград.

Брат был старше Лизы всего на четыре года, но выглядел уже вполне зрелым человеком. Говорил коротко, обдумывая каждое слово, глядел собеседнику прямо в глаза, в упор, как бы вопрошая: «Что ты за человек?» Изредка брат решительным движением откидывал со лба густые, чуть выющиеся волосы.

Теперь Георгий жил в столице нелегально и, как и прежде, занимался революционной деятельностью. По заданию бюро Центрального Комитета партии Георгий организовал подпольную типографию для издания газеты «Правда».

Именно брат оказал влияние на формирование взглядов юной Лизы Пылаевой. Долгие беседы с ним не прошли даром для чуткой, впечатлительной девушки. Она с радостью узнала, что неотвратимо приближаются грозные времена грандиозной переделки социальных устоев. Да, надвигалась революция, которая должна была разрушить вековой мир насилия и зла. Лиза Пылаева пошла в революцию безоглядно, самоотверженно, она была порывиста, смела и молода, и музыка скорого преображения мира звучала в ее душе. Она расклеивала по городу листовки, распространяла другую партийную литературу, собирала деньги на партийную печать, постигала замысловатую науку явок, конспирации, единоборства с предателями и шпиками.

Изредка Лиза получала от брата короткие записки, которые нужно было тайно передать кому-либо из его друзей — профессиональных революционеров. Случалось ей хранить в посудной лавке какие-то свертки и увесистые пакеты, о назначении которых она могла только догадываться. Лиза была у своих хозяев на хорошем счету, никому и в голову не приходило, что она может заниматься подпольной работой. Но сама она прекрасно понимала, что выбор сделан: что бы ни

произошло в дальнейшем, она посвятит себя делу революции.

Легко себе представить, какая судьбина ждала бы Лизу, родись она где-нибудь в середине XIX века. В деревне непосильный крестьянский труд, в городе каторжная фабричная работа, прозябание в трущобах, туберкулез. А стань она революционеркой, народоволкой — казематы Петропавловской крепости, вечное поселение где-нибудь на холодных берегах Шилки, Енисея, Вилюя. Но Лиза родилась на самом исходе прошлого столетия, она была почти ровесница нашему веку.

Вскоре после буржуазно-демократической революции Александр Блок запишет в своем дневнике: «Старая русская власть делилась на безответственную и ответственную.

Вторая несла ответственность только перед первой, а не перед народом.

Такой порядок требовал людей верующих (вера в помазание), мужественных (нераздвоенных) и честных (аксиомы нравственности).

С непомерным же развитием России вглубь и вширь он требовал еще — все повелительнее — гениальности.

Всех этих свойств давно уже не было у носителей власти в России. Верхи мельчали, развращая низы. Все это продолжалось много лет. Последние годы, по признанию самих носителей власти, они были уже совершенно растеряны».

Февральская революция привела в движение неисчислимые народные массы России. Решающую роль сыграла революция и в судьбе Лизы Пылаевой. К этому времени она уже профессиональная революционерка.

По совету Георгия Лиза взяла расчет в посудном магазине и перешла на другую работу: в экспедицию газет «Правда» и «Солдатская правда». И не пожалела:

теперь она оказалась в самом центре назревающих политических событий.

Везде, где бы Лиза ни бывала, выполняя редакционные задания или поручения Петроградского комитета партии, — на заводах, в воинских частях, в железнодорожных мастерских, — везде она остро чувствовала нарастающее недовольство войной.

Поздними вечерами, отсортировав вороха тогдашних бумажных копеек и почтовых марок (которые заменяли бумажную монету), Лиза в изнеможении откидывалась на стуле, терла ладонью глаза. Мучительно хотелось спать, однако работа была далеко еще не закончена. На протертом редакционном диване покоилась гора тоненьких книг. Эти брошюры надо было подшить, разложить по папкам, запечатать. Завтра они будут отправлены на фронт, солдатам, неся большевистскую правду об империалистической войне.

По рекомендации Марии Ильиничны Ульяновой Елизавета Пылаева вступает в большевистскую партию и вслед за тем переходит на работу в Петроградский комитет РСДРП (б).

Вместе с молодыми большевиками Василием Алексеевым, Петром Смородиным и другими Лиза берется за важное партийное поручение: назрела необходимость создания в Петрограде массовой молодежной организации.

То была бурная, насыщенная событиями, тревожная эпоха. Еще далеко до Октябрьского вооруженного восстания, еще в Советах солдатских и рабочих депутатов засилье меньшевиков, еще буржуазные газеты, такие, к примеру, как «Новое время», величают большевиков не иначе как «германскими шпионами». Но правда революции уже торжествует: Россия, как отмечал В. И. Ленин, после свержения царизма была самой свободной из всех воюющих держав. На смену

самовластью пришло двоевластие, а это значит — большинство политических партий и различных организаций могло действовать открыто. А раз так, следует приложить все силы к тому, чтобы юношество стало на сторону большевиков и включилось в борьбу пролетариата за свои права. Еще находясь в эмиграции, Владимир Ильич размышлял над тем, как использовать богатый опыт западноевропейского молодежного движения применительно к русским условиям. «Мы много говорили с Ильичем о том, как вести работу среди молодежи», — свидетельствует его жена и соратница Н. К. Крупская. В своей работе «Письма из далека», выдвигая задачу создания народной милиции, вождь предлагал вовлекать в нее юношей и девушек с 15-летнего возраста. «Такая милиция, — указывал он, — втянула бы подростков в политическую жизнь, уча их не только словом, но и делом, *работой*»^[1]. 6 марта^[2] 1917 года Петроградский комитет РСДРП (б) во всех деталях намечает программу содействия молодым рабочим в их стремлении организовать. Пройдет около месяца, и Лиза Пылаева вместе с товарищами по борьбе будет раздавать на улицах листки «Правды» с Апрельскими тезисами: в столицу вернулся из эмиграции Владимир Ильич Ленин! Вместе с вождем — Надежда Константиновна Крупская, из-под пера которой вскоре появятся правдинские статьи: «Союз молодежи», «Борьба за рабочую молодежь», «Как организовать рабочей молодежи».

«По приезде из-за границы в апреле 1917 года я стала работать среди молодежи, ходить на их собрания, толковать с молодежью, писать в «Правду» статьи о молодежи, — вспоминала потом Надежда Константиновна. — Начала с информации об Интернационале молодежи, водила к нашей рабочей молодежи представителей шведского союза молодежи,

вела агитацию за то, чтобы наш союз молодежи примыкал к Интернационалу».

Партия пристально следила за развитием юношеского движения. Результаты этой заботы не замедлили сказаться. Повсеместно одна за другой возникали группы: организация учеников заводских предприятий Васильевского острова, социалистические союзы рабочей молодежи Выборгской стороны, Невского и других районов.

Вот еще несколько замечательных строк из воспоминаний Крупской, красочно передающие атмосферу той незабываемой поры:

«Посещая собрания союза рабочей молодежи (главным образом Василеостровского и Выборгского районных комитетов), я увидела, что наша молодежь во многом отличается от западноевропейской. С одной стороны, она была много моложе, гораздо беспомощней в области общеобразовательных знаний, но в то же время в своей массе гораздо более революционно настроена, стояла гораздо более под влиянием рабочего класса».

13 апреля на собрании в столовой завода «Русский Рено» Надежда Константиновна от имени Петроградского комитета партии большевиков приветствовала молодых посланцев крупнейших предприятий столицы. Затем началось обсуждение самых злободневных вопросов: о 6-часовом рабочем дне для подростков, о предоставлении избирательных прав по достижении 18-летнего возраста, об участии молодых в деятельности фабрично-заводских комитетов, о первомайской демонстрации, на которую каждой районной организации надлежало впервые выйти отдельной колонной: пусть знают буржуи, что им противостоят не разрозненные группки энтузиастов, но сплоченная, монолитная масса борцов за новую Россию. Кончилось время размышлений и споров о том, нужно

ли создавать общегородской союз рабочей молодежи. Сама жизнь властно диктовала: только объединившись, можно с полной отдачей юных сил служить делу революции.

Наступил долгожданный Первомай^[3]. На небе — ни облачка. Весеннее солнце низвергает потоки света на голубую Неву, на площади, парки, проспекты. Везде, куда ни глянь, красные, алые, пурпурные полотнища и транспаранты. На здании адвокатской конторы сверху вниз саженными буквами громокипящее пророчество неизвестного стихотворца:

*Жить накануне
Веселых лет
Кому в коммуне,
Кому и нет!*

А еще ниже нарисован белым по красному дворец, из окон которого выглядывают улыбающиеся рабочие и крестьяне — истинные хозяева Коммуны Грядущего.

Лиза задерживает шаг, пробегая глазами четверостишие, переводит взгляд на соседний дом, весь испещренный лозунгами «Долой войну и насилие!», «Отречемся от старого мира!», и снова торопится к Троицкому мосту, на Марсово поле. Сегодня первый в России молодежный митинг.

На мосту столпотворение: идут солдаты с красными бантами на груди, плывет над солдатами плакат «Долой Временное правительство!», шагают рабочие со знаменами, звенит медью оркестр, гудит грузовик. Какой-то молодец в небесно-голубой рубашке, подыгрывая себе на гармошке, выкрикивает с хрипотцой частушки:

*Меньше гонору,
Хо-луй!
Сдохнешь с голоду,
Бур-жуй!*

Отсюда, с моста, Лиза отчетливо видит, как во всю длину набережной текут в сторону Марсова поля толпы демонстрантов. Красный цвет заполнил нынче столицу, и даже дирижабль, висящий в небе где-то за оружейными заводами, весь окутан красными развевающимися лентами...

Лиза немного запоздала: не так-то легко, оказывается, в одиночку добраться до Марсова поля! Выбиваясь из сил, она с трудом протиснулась поближе к трибуне, возвышавшейся над толпой.

«На трибуне молодой оратор. Льется плавная горячая речь:

— ...Кровавая бойня начата буржуазией. Отцы наши льют кровь за чужие интересы. Плачущие матери, обремененные горем и семьей, пошли на фабрики. Кагитал неумолим. Безжалостно втянул 10—13-летних детей в мрачные, душные сети заводов и фабрик и превратил их в машины.

Мы требуем прекращения ненужной народу войны, мы требуем охраны детского труда, мы требуем полного запрещения труда малолетних...

Аплодисменты покрывают речь молодого оратора. Море детских голосов колышется. Раздается мощная «Марсельеза», слышится «Интернационал»...»^[4]

И в это время на трибуне появился Ильич. Понадобилось несколько минут, чтобы стихли овации, гром оркестра и шум приветствий, которыми Петроград встречал своего вождя. Потом на Марсовом поле ненадолго наступила тишина: Ленин произнес краткую речь о текущем моменте, о задачах русской революции,

о необходимости кончать войну, о грядущем, где уже не будет места насилию, жестокостям, голоду, войнам, ненависти, угнетению, лжи. Лиза слушала Ильича, и ее воображение рисовало перед нею счастливых людей из недалекого будущего, этих мускулистых, бронзовотелых колоссов, стройными рядами маршировавших по просторам Земли, этих титанов, которые подчинят себе не только околоземные стихии.

Тут Лиза услышала, как оркестры снова грянули «Марсельезу»: Владимир Ильич сходил с трибуны, улыбаясь, приветливо махая рукой.

Когда собрание на «Русском Рено» решило создать в столице единую молодежную организацию, никто не подозревал, с какими трудностями придется столкнуться в дальнейшем. Между тем трудности возникли немалые. Далеко не везде юные пролетарии без всяких раздумий приняли сторону большевиков. На некоторых предприятиях, прикрываясь псевдореволюционными лозунгами, безраздельно господствовали меньшевики, эсеры.

...До Февральской революции Петр Шевцов был ничем не приметным репортером в бульварной «Маленькой газете». И вдруг весной семнадцатого года летописец скандальной хроники преобразился в пастыря юных душ. Для начала он выступил на первом общегородском собрании молодежи и предложил образовать руководящий центр — Всерайонный совет. Предложение было поддержано, и вскоре Шевцов уже именовал себя не иначе, как «делопроизводитель Всерайонного совета рабочей молодежи». Новоявленный «делопроизводитель» составил воззвание от имени юношеской организации, которую он назвал «Труд и свет», сочинил обширную программу деятельности.

Однажды, возвращаясь вечером с собрания «Труда и света», Вася Алексеев огорченно сказал Лизе:

— Куда мы только смотрели, раззявы. Ведь прошляпили этого хлыща Шевцова, попробуй теперь к нему подступиться. Ты программу «Труда и света» проштудировала?

— Просмотрела программу, Вася. Просмотрела и диву далась, — отвечала она в задумчивости. — Тут тебе и Моцарт, и Монтень, и Метерлинк, и Ницше. Неужто простому рабочему надобно с этого начинать самообразование? Никто не спорит: хорошо читать вслух Стасова или Чернышевского, слушать, как поет Шаляпин. Однако сейчас-то на повестке дня совсем иное: ребятам есть нечего, пообносились все, а заболит кто, к лекарствам не подступишься — заработки не те. В программе же шевцовской — ни слова о наших политических или экономических требованиях. Ни к чему хорошему это не приведет.

В момент обострения классовой борьбы, когда революционный пролетариат, руководимый партией большевиков, готовился к решающему штурму, молодым рабочим предлагали покинуть свое место в строю ради стремлений «к удовольствиям художественного свойства» и «развития чувств прекрасного и величавого».

Вася молчал. Они шли вдоль канала. В черной воде дрожал огромный серп луны.

— Да, этого господина раскусить не просто, — сказал наконец Вася. — Краснобай, интеллигента из себя разыгрывает, — и он заговорил, слегка картавя, явно подражая Шевцову: — «Мы должны среди рабочей молодежи развивать эстетическое чувство, любовь к прекрасному, а не толкать юные сердца в омут тех страстей, кои царят сейчас и в коих чувствуется запах крови».

Лиза усмехнулась и тут же предложила:

— Давай сходим завтра к Надежде Константиновне, посоветуемся. Надо что-то предпринимать, ведь в «Труд и свет» ребята хлынули не десятками и даже не сотнями — тысячами!.. Скажу откровенно: меня не столько беспокоит беспринципность Шевцова по части политики, сколько назойливые слухи, что он подкуплен врагами. Поговаривают, будто «Труд и свет» финансирует сам Нобель. С чего бы это он стал так раскошеливаться?

Опасения Лизы Пылаевой подтвердились: Петр Шевцов пустил в оборот все свои таланты, дабы оправдать доверие тех, кому он служил. С ним предстояла затяжная борьба.

«Казалось порой, что мы вместо центральной организации питерской молодежи, горевшей жаждой борьбы и боев, попали на толстовский литературно-музыкальный вокальный вечер и здесь говорили о музыке, живописи, кройке и шитье, литературе, памятниках искусства, непротивлении злу, но ни слова не было сказано о социальной революции, гражданской войне и борьбе за социализм», — вспоминал впоследствии И. Скоринко, один из активных организаторов Нарвско-Петергофского социалистического союза молодежи.

Как и следовало ожидать, вскоре бразды правления в «Труде и свете» оказались в цепких руках шевцовских сообщников — представителей мелкобуржуазных партий и группировок. И все же им не удалось осуществить свои далеко идущие планы — помешали сами рабочие. Почувствовав, что организация весьма далека от экономической и политической жизни, юные пролетарии поначалу в одиночку, а потом целыми группами стали покидать «Труд и свет». Лиза Пылаева и Вася Алексеев торжествовали: шевцовская затея вот-вот должна была изжить себя. Однако в политической борьбе нередко самые неожиданные крены и повороты.

Случилось так, что вскоре оба революционера горячо агитировали молодых рабочих... не покидать «Труд и свет».

Иван Скоринко вспоминает: «Однажды после собрания в нашем районе представителей заводской молодежи, на котором была принята «ужасная» Временное правительство резолюция (в ней попутно мы ругнули «Труд и свет»), я был делегирован в редакцию газеты «Правда» передать эту резолюцию для напечатания.

Придя туда и спросив кого-либо из редакции, я вошел в одну комнату, где увидел небольшого роста человека, читавшего газету.

При моем входе он отвлекся от газеты и спросил довольно любезно о цели моего прихода. Я показал ему принесенную резолюцию.

Товарищ прочел ее внимательно, улыбнулся и спросил, кто ее писал и почему мы ругаем «Труд и свет».

Будучи «бойким» и к тому же «активным работником», я, сгорая от авторского самолюбия, сказал, что резолюция моя, а «Труд и свет» мы ругаем потому, что, на наш взгляд, эта организация портит классовое самосознание и отвлекает нас от дела отцов в революции.

Товарищ заинтересовался и стал о юношеских организациях расспрашивать более подробно. Узнав, что наш рабочий район вышел из Всерайонного комитета «Труда и света», он заволновался и несколько раз повторил, что этого делать не следует.

«Наоборот, нужно на собраниях раскрывать планы П. Шевцова и указывать молодежи, что они и П. Шевцов говорят на разных языках...» — так говорил мне товарищ.

Тогда же он мне преподал несколько советов по ведению политической полемики и фракционной

борьбы.

Чуть ли не бегом помчался я к себе в район и, отыскав Васю Алексеева, рассказал ему о беседе.

Во время рассказа Вася попросил меня описать наружность того товарища, который со мной говорил, и, когда я это сделал, Вася стал меня уверять, что это был не кто иной, как Ленин.

Ленина я до этого времени не видел и согласиться с Васей Алексеевым не мог. Но когда впоследствии я видел Владимира Ильича, то убедился, что о юношеской организации в редакции «Правды» со мной говорил именно Ленин.

Устроив экстренное совещание по вопросу о Всерайонном комитете, наше бюро согласно указаниям Ленина постановило вновь войти в комитет с целью его разрушения и создания во всем Петрограде единого Социалистического союза рабочей молодежи.

С этого дня наш район сделался официальным оппозиционером, о чем Васей Алексеевым было указано в декларативном заявлении на заседании всерайонного комитета. На каждом заседании наш Вася Алексеев раскрывал сущность организации «Труд и свет», вставая на ножи с П. Шевцовым и горячо споря с ним по принципиальным вопросам».

По прошествии нескольких недель Лиза Пылаева уже докладывала Надежде Константиновне: попытки соглашателей подчинить своему влиянию юных пролетариев провалились. Подавляющее большинство рабочих не разделяло взглядов мелкобуржуазного руководства «Труда и света», бойкотировало его решения, шло за большевистской партией. Вскоре соглашательское руководство было полностью разоблачено и изгнано из организации, а затем «Труд и свет» вообще перестал существовать.

Лиза Пылаева и ее друзья вернулись к идее создания социалистического союза. К тому же назрела и другая, не менее важная проблема, от решения которой зависело в дальнейшем слишком много. Временное правительство, спешно пытаясь укрепить свои шаткие позиции, лишило молодых граждан России избирательных прав. Петроградский комитет РСДРП (б) незамедлительно организует кампанию по разоблачению антинародного декрета.

19 июня «Правда» публикует «Открытое письмо товарищам рабочим и солдатам», где призывает к защите выборных свобод. Затем там же, в «Правде», появляется броский призыв:

«18 и 19-летние граждане!

Нас лишили гражданского права голоса при выборах в Учредительное собрание. Мы не должны молчать, протестуйте все!

Нас, 18 и 19-летних, одевают в шинели и гонят на бойню.

Мы, 18 и 19-летние, как равные со взрослыми, становимся к станкам.

Капитал налагает на нас столь же тяжелое бремя, как и на взрослых.

Организуйтесь!

Отстаивайте свое гражданское право!

Приходите все, без различия пола, вероисповедания, 22 ию(ня в 7 часов вечера в клуб рабочих и солдат «Объединение» для обсуждения этого вопроса».

И они явились в «Объединение» — без различия пола и вероисповедания. В те годы трудно было кого-либо удивить митингом, маевкой, заседанием, манифестацией — после многовекового молчания Россия наконец заговорила! Но это собрание было особенным...

Среди собравшихся и Елизавета Пылаева. Она очень хороша собой и невольно привлекает внимание. Пышные каштановые волосы оттеняют белизну красивого лба, яркий румянец щек, задорный блеск больших серых глаз. На Лизе простенькое летнее платье, но на ее ладной фигуре и оно кажется нарядным.

Лиза выступает первой. В руках у нее исписанные листки конспекта, но она так волнуется, что не может их читать и говорит экспромтом, немного сумбурно, но очень искренне и убедительно. Аудитория ей сочувствует, понимает ее волнение и в затруднительных случаях подсказывает нужное слово.

«Когда я пришел, на трибуне громко ораторствовала Елизавета Пылаева, — вспоминает один из организаторов ССРМ, Эдуард Леске. — Она делала это так пылко и с таким воодушевлением, что в зале перестали щелкать вездесущие даже тогда семечки».

О чем говорила Лиза? Об антидемократическом декрете Временного правительства, которое пытается уравнивать молодых с преступниками и умалишенными. О том, что настало время получить политические права, за которые молодежь боролась, не жалея своей свободы и жизни. Однако не могло быть и речи о том, чтобы долгожданные свободы дались легко, без борьбы. Только объединившись, можно было стать реальной силой, противостоящей правительственным демагогам и реакционерам.

— Правильно, товарищ! Правильно! Даешь союз молодежи! — то и дело слышались в зале взволнованные голоса.

22 июня 1917 года — одна из памятных дат в истории революционной борьбы рабочей молодежи России. В этот день родился предвестник комсомола — межрайонный Социалистический союз молодежи Петрограда. Лизу избрали в организационный комитет.

Собрание постановило: для пропаганды идей нового союза создать общегородской платный концерт-митинг.

Вся следующая неделя прошла у Лизы в треволнениях и хлопотах, связанных со множеством самых непредвиденных дел. Легче всего оказалось найти для митинга вместительное помещение: комитет партии помог договориться с дирекцией цирка «Модерн». Гораздо труднее было заполучить духовой оркестр — никто не хотел играть бесплатно. Лиза уже отчаялась в поисках, и тут кто-то сказал, будто капельмейстер Измайловского полка давно уже сочувствует большевикам. Правда, как выяснила вскоре Лиза при встрече с бравым капельмейстером, «сочувствие» его вылилось в своеобразную форму: «во имя торжества мировой революции» он назначил довольно низкую по тем временам сумму, всего восемь рублей, и согласился месяц-другой с «должком» подождать. Лиза распрощалась со словоохотливым музыкантом и немедленно отправилась в «Правду» — теперь можно было давать объявление.

На следующий день «Правда» напечатала:

«Социалистический союз молодежи сегодня, 1 июля, в 6 часов вечера в цирке «Модерн», Петроградская сторона, Троицкая площадь, устраивает митинг молодежи. Выступает ряд ораторов, хор певчих завода «Новый Лесснер» и оркестр духовой музыки Измайловского полка.

Билеты по 20 коп. можно получить при входе. Товарищи от 16 до 20 лет, приходите все!

Организационный комитет молодежи».

К шести часам вечера в цирке негде яблоку было упасть. Кто мог ожидать, что соберется свыше трех тысяч энтузиастов буквально со всех концов Петрограда!

Митинг открыл Иван Рахья, представитель городского комитета партии. Сидя в президиуме рядом

с Оскаром Рывкиным и Эдуардом Леске, Лиза пыталась сосредоточиться. Она никогда не выступала перед такой огромной массой людей. И хотя это были ее сверстники, единомышленники, она не была до конца уверена, что сможет подробно и доходчиво рассказать о задачах нового союза. Она нервничала, поправляла волосы, выводила в блокноте бессмысленные завитушки — в общем, ей было явно не по себе. Видимо, сказалось напряжение нескольких бессонных ночей накануне митинга. Вот и в предстоящую ночь вряд ли придется сомкнуть глаза: завтра утром в комитете партии важная конференция, где ей опять придется выступать...

Опасения Лизы оказались напрасными... Она, как всегда, говорила глубоко, заинтересованно, со знанием дела. Митинг удался на славу. Здесь же, в цирке, объявили о записи в союз. И тотчас же многие вскочили с мест, ринулись к президиуму — вступать в ССРМ!..

Ночью, когда Лиза набрасывала тезисы завтрашнего выступления на конференции, где-то раздались одиночные выстрелы, прострелкотала пулеметная очередь, гроыхнул взрыв. Погасло и не скоро зажглось электричество. Сидя у открытого окна и вглядываясь в ночное небо, Лиза подумала, что в последние дни какая-то тревога поселилась в Питере. Слишком много грузовиков с пулеметами, патрулей, пикетов, юнкеров, биржевиков. Слишком много стрельбы и выкриков «ура!» по ночам. Слишком застлано небо едкой гарью — это горел вокруг города торф, и его некому было тушить. Надвигалось нечто грозное, и, оттого что Лиза не могла определить, что же все-таки происходит, беспокойство не покидало ее.

2 июля состоялась II Петроградская общегородская конференция большевиков. С докладом о союзе рабочей молодежи, об основных принципах партийного руководства молодежным движением выступила

Надежда Константиновна Крупская. В резолюциях конференции, в частности, говорилось:

«1. Организации молодежи должны быть массовыми, пролетарскими организациями, социалистическими по духу и тесно связанными с Интернационалом молодежи.

2. Партия должна со всем вниманием отнестись к возникающим самостоятельно организациям молодежи, оказывать им содействие и посылать туда своих членов, чтобы установить тесный контакт между движением взрослых рабочих и молодежи.

Поэтому конференция находит нужным поддержать работающую организацию молодежи и помочь ей сложиться так, чтобы она способствовала выработке сознательных и активных членов партии, способных справиться с теми задачами, которые поставит перед ними жизнь».

Таким образом, большевики всемерно поддерживали только что возникшее объединение молодых сил революции — межрайонный ССРМ. Партия как бы напутствовала: дерзайте, юные борцы! Теперь многое зависело от самих организаторов союза: необходимо было обсудить устав и программу, вынести решение о присоединении к Интернационалу молодежи, избрать руководящие органы, позаботиться о росте рядов. Частично эти вопросы были решены уже на следующий день, когда в клубе «III Интернационал» собрались члены ССРМ. Вновь избранный комитет (в него вошли Е. Пылаева, О. Рывкин, Э. Вьюрков, Э. Леске и другие товарищи) разработал обширные планы деятельности союза на ближайшие месяцы. Никто, конечно, не подозревал, что с осуществлением этих планов придется повременить. Другие, неизмеримо более важные проблемы встанут на повестке дня.

4 июля реакция расстреляет мирную демонстрацию рабочих, солдат и матросов. Меньшевики и эсеры

переметнутся в лагерь контрреволюции. Наступит единовластие Временного правительства, большевики вновь уйдут в подполье.

5 июля Лиза Пылаева с двумя своими подругами оказалась в Петропавловской крепости. Предыдущую ночь они коротали во дворце Кшесинской, где помещался городской комитет партии. Впоследствии Елизавета Константиновна Кокшарова в своих воспоминаниях красочно передала драматические события той поры.

«В особняке Кшесинской нас, женщин-большевичек, было три... Вместе с Лизой Пылаевой мы организовали пункт первой медицинской помощи в нижнем помещении редакции «Солдатская правда», а Нина Богословская работала наверху в ПК.

Всю ночь с 4 по 5 июля мы провели в большой тревоге. Дежурные матросы не отходили от окон, где стояли пулеметы, а когда я подходила к окнам, они говорили: «Отойдите, ведь могут начать стрелять по зданию».

Рано утром 5 июля раздался телефонный звонок из штаба Петроградского военного округа. К телефону подошел руководитель военной организации большевиков Николай Ильич Подвойский. Ему был предъявлен ультимативный приказ немедленно очистить дворец Кшесинской и сдать оружие, а при невыполнении приказа командование военного округа угрожало начать штурм дворца.

Матросы и солдаты, охранявшие здание, узнали об этом ультиматуме и решили оружия не сдавать и не допустить врага до цитадели большевиков. Однако руководители «военки» признали для принятия боя момент неподходящим. Н. И. Подвойский предложил матросам перейти в Петропавловскую крепость, чтобы разговаривать с Временным правительством под

прикрытием пушек. Матросы согласились и, как в бою, перебежками перебрались с пулеметами и оружием в Петропавловскую крепость. Вместе с ними перешли в крепость Лиза Пылаева, Нина Богословская и я. Нина успела захватить с собой несколько револьверов, часть документов и денег ПК. Расположились мы все во внутреннем дворе Петропавловской крепости, а вокруг крепости стягивались пехота, броневики. Из крепости нам виден был Троицкий мост, на котором в боевом порядке выстраивались войска штаба военного округа.

Вскоре начались переговоры между ВЦИК и Петропавловской крепостью. Представитель ВЦИК предъявил требование, чтобы матросы, гренадеры и пулеметчики, находившиеся в крепости, сдали оружие. Матросы волновались, горячились и говорили, что сдавать оружие они не согласны».

Переговоры затягивались.

— Как вы думаете, освободят нас сегодня? — тихо спросила Нина.

— А куда им деваться, «революционерам»? — язвительно отвечала Лиза Пылаева. — Дай им волю, и они сгноили бы нас тут живьем. Да только руки коротки: половина гарнизона ненавидит Временное. Мне брат говорил на днях: из пятитысячного гарнизона больше двух тысяч — за большевиков. И некоторые офицеры, между прочим. Так что выпустят... Одно меня беспокоит: как быть с оружием?

Тут подружки опасливо посмотрели на пухлые санитарные сумки, битком набитые важными партийными документами, револьверами, пачками денег. Но что самое главное — у отважных девушек был вынесенный из дворца портфель Якова Михайловича Свердлова.

— Можно придумать вот что, — зашептала Нина. — Там в сумках есть бинты. Давай бумаги и оружие прибинтуем к телу. Глядишь, и удастся хитрость. В

конце концов, мы же не каторжники, никто не станет нас раздевать. Эти господа относятся к сестрам милосердия довольно снисходительно...

— А портфель?

— Бумаги из портфеля вытащим. «Случайно, — скажем, — его захватили с собой». А отберут — ну что ж, объясним все Якову Михайловичу, думаю, он нас поймет, не осудит. Я с ним давно уже работаю в комитете...

И они принялись осуществлять задуманное.

Медленно тянулись минуты, часы. Казалось, минула вечность, прежде чем за дверью раздались тяжелые шаги. Дверь отворилась.

— Выходите, да поскорее, — услышали девушки чей-то окающий голос, многократно усиливаемый сводами. — Вместе со всем своим шмутьем.

По ту сторону дверей, в коридоре, стоял солдат. Было ему лет двадцать, не больше. Он то и дело поглаживал левой рукой пшеничные усы, отпущенные, должно быть, для солидности, а в правой руке держал винтовку с примкнутым штыком.

— Выпускают ваших дружков, матросню-то. Оружие отымают и под зад коленкой — катись на корабль, нечего воду мутить, — сказал усатый. — Ну и вам свободу вроде бы определили.

— Что ж так скоро выпускают? Или харчи в крепости на исходе? — спросила Лиза Пылаева.

— Много чести для державы кормить вас понапрасну. Тут сидят птички высо-о-окого полета.

— Какие птички? — спросила Нина.

Солдатик опасливо огляделся по сторонам и отвечал:

— Царевы министры, государственные мошенники, казнокрады. Комиссаров сидит, генерал жандармский. Другой генерал, Курлов, тоже из жандармов. Маклаков сидит, министр внутренних дел. Ренненкампф,

Фредерикс, Хвостов, Щегловитов — одним словом, много их тут, душегубов.

«А ведь он тоже с Вологодчины, — подумала Лиза. — Больше нигде так «о» не растягивают», — и спросила родным говорком:

— Ну и долго им отсиживаться, горемычным? Што об этом начальство-то твое полагает, а, землячок?

При слове «землячок» караульный и глазом не моргнул.

— Начальство полагает завсегда, што ему положено, — отрезал он. — А на сколько упекли сюда прихвостней царевых, там видно будет. А покудова с них снимает показания комиссия чрезвычайная для расследования противозаконных по должности действий... Ладно, заболтался я тут с вами, пошли к выходу.

Девушки перекинули санитарные сумки через плечо и двинулись по коридору. Во дворце знакомый матрос сообщил им последние новости: приезжал представитель ЦК партии большевиков. Он заявил, что нет никакого смысла идти сейчас на столкновение с войсками контрреволюции, которые, несомненно, будут скоро на стороне народа. Посоветовавшись, матросы решили оружие сдать.

У выхода из крепости находилась комиссия Временного правительства. Возле ворот стоял молодевааый офицер с тонкими, как стрелы, черными усиками.

— Кто такие? Оружие есть? Чего шлялись утром во дворце Кшесинской? — быстро спросил он и, не дождавшись ответа, указал на Лизину сумку. — Что там, внутри?

Лиза расстегнула сумку, сказала, заглядывая в нее:

— Внутри динамит, адская машинка, склад фугасных снарядов, револьверы. Один, два, три, четыре...

— Ты с кем так разговариваешь! — перебил ее офицер, и теперь в его речи стал заметен сильный кавказский акцент. — Ты разговариваешь с поручиком Чхония, комендантом Петропавловской крепости! Вон из моей крепости, чтоб духу не было! В другой раз попадетесь — сгною в камере до седых волос! — Он повернулся к часовому и скомандовал: — Пасмуров, запиши фамилии, адреса, а потом пропусти этих...

Оказавшись с толпою матросов за пределами Петропавловской крепости, девушки ликовали: оружие и партийные документы (и даже портфель Якова Свердлова) спасены!..

«Сильный, настойчивый был у Лизы характер. Смелая она была, боевая и веселая, и всегда жизнерадостная», — вспоминает Нина Аркадьевна Богословская (Танхилевич), заслуженный ветеран революции.

Лиза поразилась изменениям в городе, свершившимся всего за один день. Николаевский мост был разведен. Изредка то тут, то там проносились кареты «скорой помощи». У Английской набережной дымил трубами военный корабль: миноносец «Орфей». В Летнем саду, обычно заполненном гуляющими, ни души. Возле кинотеатра «Ниагара» на Петроградской стороне мальчишка-газетчик яростно вопил:

— Покупайте «Биржевку». Прорыв на германском фронте! Покупайте «Дело народа»! Скоро арестуют Ленина! Покупайте «Вечернее время»! Восставших рабочих отправляют на фронт! На фронте братание!

Столица наполнилась самыми нелепыми слухами. Сотни людей стояли в очередях за хлебом. По ночам где-то в стороне моря раздавались частые залпы. Прожекторы шарили в дымном небе. Поговаривали, будто ищут налета немецких самолетов.

Все пути к мирному развитию революции оказались отрезанными. Временное правительство снова ввело

цензуру, отменило свободу собраний, наводнило столицу казачьими эскадронами. Большевики уходят в подполье, готовят вооруженное восстание. Ильич скрывается от ищеек Временного правительства. Обстановка требует мобилизации всех сил.

В конце июля состоялся VI съезд партии. В принятой съездом специальной резолюции «О союзах молодежи», в частности, говорилось, что «в целом ряде городов России, в особенности в Петрограде, началось широкое движение рабочей молодежи и рабочего юношества в целях создания самостоятельных пролетарских организаций...». Учитывая указание Ленина, съезд предложил ЦК партии «устроить курсы инструкторов по организации и руководству союзами социалистической молодежи». Было также одобрено предложение делегата Василия Алексеева создать юношеский журнал. Партия нацеливала молодой Петроград на единственно верный курс — вооруженное восстание.

18 августа юные борцы на первой общегородской конференции ССРМ поклялись в своем приветствии вождю революции: «Наши молодые силы готовы не только продолжать, но и окончить Ваше идейное дело и на развалинах свергнутого Вами самодержавия воздвигнуть новую Россию, Россию пролетарскую». Многомесячная борьба Елизаветы Пылаевой и ее друзей за крепкий, сплоченный союз молодых увенчалась полным успехом. Вместо «Труда и света» с его мелкобуржуазным руководством теперь в Петрограде действовала классовая организация пролетарской молодежи. Ее возглавляли верные, добросовестные, честные люди. Именно эти душевные качества необходимы были тем, кто, по словам революционного поэта, «сумеет вырастить на сухих прутьях благоухающие, свежие и красные цветы Демократии».

Такой и была Лиза Пылаева, вошедшая в состав первого ПК ССРМ. В чертах ее характера как бы

сконцентрировались вековые свойства русской женщины: бесхитрость, доброта, готовность к самопожертвованию во имя высших целей и предназначений.

«Из девушек первой и наиболее активной выделялась Е. Пылаева... Она была родной в кругу рабочих подростков. Ее веселость и энергия были неисчерпаемы. Она очень много работала в организационном бюро по созданию союза и созыву конференции. В бытность свою членом ПК, обремененная партийной работой, она главным образом служила связующим звеном между Петроградским комитетом союза и партии», — вспоминала участница описываемых нами событий Евгения Герр в своей книге «На пути в революцию».

Первое боевое крещение ССРМ получил в конце августа, когда пришлось защищать родной город от корпуса генерала Корнилова, жаждавшего восстановить на престоле «царя-батюшку». Однако монархические планы ретивого генерала рухнули... В рядах красногвардейцев, выступивших против войск Корнилова, была и Лиза.

Приближался октябрь. Шла подготовка к вооруженному восстанию.

Владимир Ильич высоко оценивал роль рабочей молодежи в подготовке и проведении социалистической революции. Для успешного осуществления плана восстания вождь, в частности, рекомендовал (в работе «Советы постороннего»):

«Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях...»^[5]

Письмо Ленина послужило для Петроградского комитета ССРМ сигналом к решительным действиям. Союз немедленно обратился ко всем юным пролетариям: вступайте в Красную гвардию! Вскоре свыше пяти тысяч добровольцев пополнили ряды тех, кому предстояло в скором времени завершить дело революции.

В эти октябрьские дни партия поручила Елизавете Пылаевой проверить на местах, как идет подготовка к восстанию. Вместе со своим другом по революционной борьбе Владимиром Павловым (впоследствии он станет Лизиним мужем) она исколесила Питер вдоль и поперек. В городе мало что изменилось с июльских и августовских дней: все те же конные и пешие патрули, военные катера на Неве. На Петербургской набережной из казарм лейб-гвардии гренадерского полка неслись пьяные выкрики, нецензурная брань. Возле Дворцовой площади частые пикеты. И очереди, бесконечные очереди у магазинов.

Однако Лиза замечала и другое. За Нарвской заставой, на Выборгской стороне, на Васильевском острове — повсеместно юные красногвардейцы вместе со своими отцами и старшими братьями обучались военному делу, знакомились с оружием. Опытные большевистские инструкторы учили новичков прицеливаться, метать гранаты, вести штыковой бой. Молодые бойцы приобретали навыки ориентировки по топографическим картам, чертили схему расположения городских улиц.

Особенно радовало Лизу положение дел на заводах Струна, «Экваль», «Лесснер». Здесь боевые отряды почти целиком состояли из членов ССРМ. Да, за 2 месяца своего существования Социалистический союз рабочей молодежи Петрограда, пройдя сложный путь становления и развития, стал грозной силой.

Пройдет несколько дней — и разразится очистительная гроза Октябрьской революции.

К сожалению, история сохранила слишком мало подробностей о судьбе Елизаветы Пылаевой после Октябрьской революции.

...В начале февраля 1918 года Лиза Пылаева вместе с отрядом красногвардейцев уехала на Западный фронт, в Могилев. Там сражался с белополяками ее муж Владимир Николаевич Павлов, один из первых организаторов петроградской Красной гвардии. Своей храбростью двадцатилетняя девушка изумляла даже выдавших виды бойцов: она ходила в атаки, выносила раненых из-под огня.

Летом того же грозного восемнадцатого года отряд Павлова был направлен на Урал — для борьбы с восставшим чехословацким корпусом. Здесь Лиза была ранена в руку. Об одном эпизоде ее боевой деятельности повествуют воспоминания ее боевого товарища, который также воевал на Уральском фронте. «Владимир Павлов считался инспектором Уральского фронта, и ему со своим отрядом приходилось перебрасываться то на тот, то на другой боевой участок, где была какая-нибудь заминка, для восстановления порядка.

Велась так называемая «эшелонная война». Отдельные отряды имели свои поезда-эшелоны с собственными запасами, воевали самостоятельно, придерживаясь железнодорожных линий, далеко не отходя, чтоб не оторваться от своей базы. А если приходилось отступать или наступать, то уже сразу на целый железнодорожный перегон. Но в то лето наши уральские рабочие отряды больше отступали под натиском гораздо лучше организованных чехословацких полков. Дисциплина была слабая, иной раз инспектору

приходилось разоружать какую-либо самовольно отступившую роту.

В начале августа 1918 года Павлов со своим отрядом попал в засаду недалеко от города Лысьвы. Чехословаки обошли, разобрали путь, и поезд Павлова сошел с рельсов. Со всех сторон начался обстрел. Отбиваться из вагонов было бесполезно, надо было отходить в лес. Павлов успел заскочить в свой штабной вагон и велел Лизе, которая работала его секретарем, собрать военные документы, в которых были сведения о всех частях фронта, и деньги штаба. Сам он пошел к отряду, медлить было нельзя. Лиза быстро все собрала, спрятала на груди сверток с бумагами и деньгами (около 100 тысяч рублей), выскочила из вагона, а враги вот-вот уже подбегали к поезду. Пришлось засесть почти по шею в воде, среди кустов, всего в нескольких десятках шагов от линии. Нельзя было даже пошевелиться, так близко она спряталась. А там чехи и белогвардейцы, захватив в плен группу наших бойцов из отряда Павлова, заставляли их с бранью и побоями ставить на путь сошедшие с рельсов вагоны.

Так продолжалось долго, дотемна. У эшелона зажгли костры. А когда работа была закончена, тут же у вагонов всех пленных расстреляли. Слышны были каждое слово, стоны раненых, крики и ругань убийц.

Наконец эшелон отошел, затихло, Лиза стала выбираться из болота. Тут встретился один из бойцов их отряда, он тоже пересидел в болоте все это время. Вдвоем пошли в лес, вскоре встретили еще одну женщину из своих, жену одного рабочего-бойца, бывшую сестрой в эшелоне. Втроем было уже легче. Настало утро, шли лесом, без дороги, голодные, направление знали приблизительно, держались подальше от линии.

Наконец им удалось окольными путями, чуть не на третий день блужданий, добраться благополучно до

Лысьвы. Там оказался и Павлов с отрядом. Никто уж и не надеялся, что Лиза выберется невредимой.

За спасение денег и важных бумаг секретарю инспектора Уральского фронта Елизавете Николаевне Пылаевой командование фронтом объявило благодарность, которая и была опубликована в пермской советской газете».

Когда армия Колчака начала наконец спешно откатываться на восток, Лизе пришлось распрощаться с боевыми друзьями: ей предстоял далекий путь через всю разрушенную Россию в Донбасс. Здесь ее брат, Георгий Пылаев, служил в Красной Армии. Участник Октябрьского вооруженного восстания, он воевал впоследствии на Восточном фронте, был трижды ранен, награжден орденом Красного Знамени.

Добравшись с непомерными трудностями до Юзовки, Лиза помогает восстанавливать угольную промышленность. Работать приходилось в условиях, приближенных к боевым: отряды красноармейцев вели неустанную борьбу с бандами Махно, Золотого Зуба и других атаманов.

В 1922 году партия переводит Елизавету Пылаеву в Москву, в Главное электротехническое управление ВСНХ. Лиза и здесь остается верной себе: она читает лекции рабочим, ездит на строительство первых советских электростанций. Можно понять, какие чувства испытывала она, когда видела воочию, как задымила на все 5 тысяч киловатт Шатура, как встали от Каширы до Москвы деревянные опоры высоковольтной передачи. Отложив множество других важных дел, Россия становилась «родиной электричества». Уже претворялся в явь грандиозный замысел перекрытия Днепра, уже бородатые мужики забивали сваи в дно былинного Волхова. Электрификация страны была задачей в те дни грандиозной, этой задачей жила вся страна.

В эту пору Лиза, помимо ответственной работы в ВСНХ, несет еще и многотрудное бремя обязанностей депутата Рогожско-Симоновского райсовета, заканчивает рабфак.

Сохранилось свидетельство, выданное Лизе Институтом народного хозяйства имени Плеханова: она окончила «полный курс рабочего факультета» по техническому отделению и питому «...имеет право преимущественного поступления во все вузы республики без всяких проверочных испытаний». Вскоре Лиза уже занималась на подготовительном отделении Института красной профессуры.

Годы напряженного труда и лишений не могли пройти бесследно: здоровье Лизы были подорвано, она тяжело заболела. Привыкнув стойко переносить лишения, она слишком поздно согласилась на операцию. Усилия врачей оказались тщетными. 18 марта 1926 года, в день, когда в Москве работал VII съезд ВЛКСМ, перестало биться благородное сердце Елизаветы Пылаевой.

Лучшую оценку ее яркой жизни дала «Правда»:

«...Пылаева была дочерью революции в подлинном смысле этого слова. Она умела жить полной грудью... и вместе с тем умела не задумываясь бросаться в борьбу, ставя свою жизнь под риск, умела увлекать за собой и вдохновлять окружающую ее массу, внедрять в нее дух боевого задора, борьбы.

...Молодежи, и в особенности девушкам, нужно учиться у Пылаевой. Это как раз тот тип простых, жизнерадостных людей, все существо которых неотделимо от масс. Такими были женщины-коммунарки, умиравшие в 1871 году на парижских баррикадах. Таковыми должны быть русские коммунарки, ведущие за собой миллионные массы женщин, пробудившихся для строительства новой, социалистической жизни».

Их было тысячи и тысячи...

Имена одних, таких, как Елизавета Пылгева, надолго запечатлены в памяти народной. Другие остались безвестными, безымянными. Но и те, что увенчаны гласною славой, и те, что безымянны, одинаково дороги нам, их потомкам. Их уравнило бессмертие. Все глуше их голоса на стертых граммофонных дисках. Все желтее фотокарточки, с которых они — юные, дерзновенные — глядят в упор на нас. Они целиком, безраздельно отдали себя борьбе за революцию. А те, кто после всех нечеловеческих испытаний остался в живых, и доныне передают нам, молодым, заветы революции, музыки вечного обновления мира.

Вадим Зубков,

Юрий Медведев

БОРИС ДЗНЕЛАДЗЕ

1

Март семнадцатого года. Тифлис. Медь оркестров, «Марсельеза». Лобзания. Восторги по поводу волшебной свободы...

В здании городской управы на Эриванской площади неторопливо, с большой pompой заседает конференция «Союза учащихся марксистов Закавказья». Тщательно отрепетированный «экспромт». Объединенная делегация тифлисской дворянской мужской гимназии и реального училища предлагает направить приветственный адрес высокочтимому ОЗАКОМУ. Полностью — Особый Закавказский комитет, облеченный Временным правительством «всеми правами наместника».

Зачитать приветствие угодно самому председателю конференции. Его обрывает невысокий худощавый паренек Борис Дзнеладзе. Тонкое, к подбородку суженное лицо Бориса бледнее обычного.

— Опомнитесь! Отдайте себе отчет — кого вы собираетесь приветствовать?! Тех, с кем завтра нам неминуемо вступать в борьбу! Не забывайте — наша революция еще впереди!..

Смятение, шум, крики: «Долой, выведите его из зала!» Возгласы одобрения: «Браво, Борис!.. Ура большевикам!»

Инцидент обсуждается в высших сферах. «Отец кавказской демократии» Ной Николаевич Жордания с некоторой долей снисходительности:

— Борис Дзнеладзе? Помню, тихий мальчик-сирота. Наша кухарка в Озургетах зазывала его помочь выбить ковры, наколоть дров... С малых лет предоставлен себе. Заблудшая овца... При случае надо вразумить...

Будет случай, хотя и не так скоро. До того многое еще произойдет и в государственном устройстве Кавказа, и в борьбе политических партий, и в людских судьбах.

Разношерстный «Союз учащихся марксистов» продержится недолго. Тихо уйдет в небытие. Вместо него с сентября девятьсот семнадцатого года — «Организация молодых социалистов-интернационалистов «Спартак». Заслуженный, прямой предшественник комсомола Грузии и Армении. И два «внеклассовых, всенациональных» объединения грузинской и армянской молодежи.

На первом учредительном собрании «Спартака» в клубе на Авлабаре Дзнеладзе оглашает манифест:

«Ко всем тем, кому дороги интересы и будущее пролетариата... кому еще не вскружил голову шовинистический угар... «Спартак» обращается к вам, ко всем молодым борцам, призывая вас создать свои

местные и общие организации и всегда и всюду горячо поддерживать революционное движение интернационального пролетариата... в особенности на Кавказе, где атмосфера пропитана национальной рознью. Здесь еще больше трудностей придется побороть интернационалистической молодежи, ее «Спартак»...»

Оценка положения, довольно скоро подтвержденная жизнью. 26 мая 1918 года «Грузинский национальный совет» провозглашает отделение «независимой Грузинской республики» от Советской России. Во дворце бывшего царского наместника теперь полностью хозяйничают меньшевики. Туда, во дворец, и является Борис Дзенеладзе. Требуется приема у самого Жордания.

Аудиенция дается по наивысшему разряду. Помимо Жордания, в беседе с восемнадцатилетним Борисом желает участвовать и главный меньшевистский оратор, лощеный Ираклий Церетели. Оба внимательно разглядывают столь неожиданного пришельца. Борис смотрит, как всегда, в упор. Учтиво излагает свое дело.

— Молодежная организация «Спартак» добивается истины. Вот устраиваем доклад Мухи Цхакая: «Итоги и перспективы Октябрьской революции». Пожалуйста, Ной Николаевич, и оппонируйте Цхакая. Приводите свои доводы!

Жордания удивленно восклицает:

— Разве вы до сих пор не определились, не их соратник?

Дзенеладзе, особенно четко выговаривая слова:

— Господин Жордания, лично я свой выбор сделал давно, я в партии большевиков с семнадцатого года, как только позволил возраст. А в «Спартаке» сотни молодых людей, еще колеблющихся. Приходите, боритесь за них на равных!

Деваться некуда. Маскировки ради надо обещать — такова уж служба Ноя Николаевича.

— Да-да, обязательно буду. Очень интересно!.. И лучшие пожелания от меня батоно Михе. Нам с Цхакая не впервые скрещивать шпаги. И с вашим уважаемым Владимиром Ильичем доводилось не раз... Было, было...

Вечером десятого октября цирк братьев Есиковых переполнен молодыми рабочими, ремесленниками, учащимися. К восьми часам, как условлено, приходит Цхакая, начинает доклад. Жордания нет и не будет. Вместо него прибывает начальник особого отряда — так именуется меньшевистская охранка — Кедия. С ним несколько десятков «народных гвардейцев»^[6]. Раздается резкая команда: «Никаких рассуждений! Немедленно разойтись!!» Той же ночью арестован и увезен в Метехский тюремный замок Борис Дзнеладзе. С ним и остальные организаторы митинга.

Подавление живой мысли, преследования, репрессии — не прискорбное исключение и еще меньше своеволие исполнителей, это государственная политика «свободной Грузии». Второй после Жордания лидер меньшевиков — Евгений Гегечкори — покорнейше заверяет в Екатеринодаре^[7] генерала Деникина на совместной конференции белогвардейцев и кавказских националистов: «Цо вопросу об отношении к большевикам могу заявить, что борьба с большевиками в пределах нашей республики беспощадна. Мы всеми имеющимися у нас средствами подавляем большевизм, и я думаю, что в этом отношении мы дали ряд доказательств, которые говорят сами за себя...»

Впереди многие месяцы жесточайшего террора — смертные приговоры, убийства «при попытке к бегству», расстрелы из пулеметов рабочих митингов и сельских сходов. Испытания, далеко не всем посильные. Тогда и появится запись в самодельном блокноте Мухи

Цхакая: «Этот удивительный юноша Борис в 1918 году на моих глазах настолько вырос и возмужал, настолько развились его способности, что во всех организационно-политических мероприятиях начатой тогда нами нелегальной работы он разбирался с поразительной быстротой и заслуживал такого же доверия, как революционер, закаленный долголетней борьбой».

2

Главнокомандующий британских военных сил в Закавказье генерал Форестье-Уокер находит возможным разрешить литератору, редактору официозных меньшевистских изданий Сеиду Девдариани прочесть в тифлисском оперном театре лекцию: «Ужасы большевистской азиатчины. Личные наблюдения».

Начало лекции достаточно привычное: «В Грузии большевизм абсолютно невозможен!» Тут же в полное подтверждение на публику обрушиваются белые, серые, почти совсем желтые — какая нашлась бумага — листки.

«Мы против меньшевиков, мы за Советскую власть, мы твердо стоим на платформе Коммунистической партии!..

Организация молодых коммунистов «Спартак».

Прокламации «Спартака», подпольные его издания — не ошеломляющая тифлисцев новизна. В немалых количествах расходились они по городу и в минувшем восемнадцатом году. Не редкость и выступления против меньшевиков. Не одному Девдариани приходилось торопливо сбегать. Но чтобы так, в лоб, с таким предельным вызовом: «Организация молодых коммунистов»!.. Это из событий чрезвычайных, дотоле неслыханных.

И обновленный «Спартак», изрядно пополненный рабочими парнями из Надзаладеви — это как Выборгская сторона в Петрограде, Красная Пресня в Москве, — только-только начинает свой особый отсчет времени. С нелегальной конференции 31 марта — 2 апреля девятьсот девятнадцатого года.

Борис Дзnelадзе, докладчик о новом уставе, неуступчив до предела:

«Членом коммунистической организации молодежи «Спартак» может быть лишь тот, кто безоговорочно признает Программу Коммунистической партии и ее идейное руководство. Также необходимо согласие с тем, что «Спартак» неотделимая часть Российского Коммунистического Союза Молодежи. Устав, принятый на первом съезде РКСМ, одинаково обязателен для Москвы и для Тифлиса. Это первооснова. Полностью приемлешь — оставайся. Колеблешься — уходи с миром. Борьба в условиях, сложившихся на Кавказе, требует чистоты воззрений, непреклонности, немалой доли суровости».

Положения этого устава обязательно надо сравнить с тем, что защищалось в начале пути — на учредительном собрании «Спартака» в клубе на Авлабаре.

«Слова «социалисты-интернационалисты», а не «социал-демократы-большевики» были выбраны нами не случайно, — рассказывает тогдашний секретарь Тифлисского комитета партии Анастас Микоян. — Имелось в виду, что такое название облегчит приток в наш союз тех левых элементов из молодежи, которые еще не самоопределились как большевики, но склонялись к нашей тактике в революции».

Теперь на конференции подчеркнуто твердо, чтобы никаких разночтений, названа политическая принадлежность — верность большевизму, солидарность с российским комсомолом.

На последнем заседании конференции «Спартак» — выборы руководящего центра. Называют его бюро Тифлиссского комитета. А направлять, налаживать работу ему по всей Грузии, в большей части Армении. Все голоса за то, чтобы Дзнеладзе возглавлял бюро. Борис не отказывается. Просит лишь разрешения на время отправиться в Озургетский уезд — в места, где прошло его невеселое, сиротское детство.

В Западную Грузию, в селение Бурнати, Борис с братом попали, скитаясь после смерти родителей. Свой очаг у семьи Дзнеладзе был в Гори. Старый отчий дом у железной дороги. Родился Борис там 19 августа. Год точно неизвестен. Не то тысяча девятисотый или девятьсот первый...

Существует версия, будто, вступая летом семнадцатого года в Тифлисскую организацию РСДРП, Дзнеладзе один год себе добавил, указав в анкете: «Родился в 1900 году». Проверить теперь невозможно.

Оттуда, из Западной Грузии, родом и Ной Жордания. Там, в крестьянском крае, давний оплот меньшевизма. В понимании Бориса именно в Озургетах, или, как говорят грузины, в Гурии, ему теперь надлежит искать крестьянских парней и создавать организацию молодых коммунистов.

Если весной в патриархальных гурийских селениях за Борисом шли одиночки, то осенью за Борисом в его повстанческий отряд устремляются десятки людей, убежденных в невозможности поступить иначе. Сражаться с карателями гурийские спартаковцы будут в местах наиболее трудных, продержатся дольше других. И никому так яростно не будут мстить цепляющиеся за власть меньшевики. Не миновать тогда озургетской тюрьмы и Дзнеладзе. Начиная с ноября он будет пять раз арестован, дважды выслан из Грузии.

Пока же Борис отправляется в Баку на началах вполне добровольных. «Общим желанием, общим

требованием тифлисского «Спартака» и бакинского Интернационалистического союза рабочей молодежи является, — сообщает Дзнеладзе подпольному краевому комитету партии, — созыв Кавказской объединительной конференции организаций молодых коммунистов».

Крайком согласие дает. Начало конференции 22 сентября в Баку. Там по сравнению с Тифлисом дышать чуть свободнее. Рабочий класс сильнее, организованнее, умеет постоять за себя. Заседая в Центральном рабочем клубе, молодежная конференция в относительной безопасности.

Дебаты шумные. Характеры кавказские, горячие, за острым словом никто в карман не лезет. Далеко не сразу достигается согласие между спартаковцами и «интернационалистами». По несколько раз выступают делегаты. И Борис Дзнеладзе в том числе. А решение единодушное: «Никакой отчужденности, никаких разделений! Быть общекавказской организации Российского Коммунистического Союза Молодежи. Для руководства — краевой комитет РКСМ».

С официальной частью покончено. Можно делегатам — оакинцам, эриванцам, тифлисцам, александропольцам^[8], кутаисцам — подхватить на руки своего строгого председателя Бориса и что есть силы подбрасывать к потолку. «Качать, качать!..» Борис хохочет не меньше других. При всех его обязанностях, полномочиях ему неполных девятнадцать лет.

Всего девятнадцать или уже девятнадцать?

Написано Дзнеладзе на узких листках линованной бумаги. Когда, где — остается только догадываться.

«После возвращения в Тифлис узнаю, что здесь подготавливается восстание. Наиболее реальная цель, по-моему, — создать угрозу тылу Деникина, заставить его перебросить побольше полков к границам Грузии в момент, особенно грозный для еще отступающей Красной Армии.

Партия нам поручает добыть сведения о противнике: о дислокации его войск, о местонахождении и состоянии складов вооружения и обмундирования. Поручает также дать хороших разведчиков...

Мы дали своих лучших товарищей для этой работы, разбили их на маленькие отряды, десятки и пятерки. Товарищи снимали планы более или менее важных государственных и военных учреждений, записывали, сколько дверей и выходов имеет тот или иной дом и тому подобное. Так, например, был снят план арсенала и тифлисского юнкерского училища. Нет нужды распространяться о том, с какой опасностью была связана эта работа. Собираение таких сведений меньшевики рассматривали как военный шпионаж, как «деяние, наказуемое исключительно смертной казнью».

За два дня до начала восстания англичане и меньшевики арестовали почти весь состав Военно-революционного штаба и гарнизонный совет. Начались облавы, повальные обыски, разоружение большевистски настроенных войск. Мы выступили с листовкой: «За каждого расстрелянного коммуниста — 10 чиновников меньшевистского правительства!» Отпечатали, как обычно, в типографии ЦК меньшевиков...»

У Бориса: «как обычно, в типографии ЦК меньшевиков»! На листовках, на тех, что сохранились, — «Типография крайкома РКП», или «Издательская организация «Спартак» № 1. Город Баку». Ни ошибки, ни противоречия — просто

конспирация. Какая же солидная фирма станет раньше времени разглашать свои производственные секреты, ставить под удар своих тайных поставщиков и доброжелателей?!

Разве что непредвиденный случай... Примерно полгода всю нелегальную литературу на грузинском языке и газету для солдат «Джарис каци» набирали и печатали на Ольгинской улице в главной типографии ЦК меньшевиков «Эртоба». Там же заимствовали бумагу из лучших сортов. А в одну трудную ночь, рассыпая перед уходом уже ненужный набор прокламации, забыли верхнюю строку: «Российская Коммунистическая партия (большевиков)». Утром строку нашел заведующий типографией Бухадзе. Самолично доставил Кедия... Тут уж ничего не поделаешь. На время пришлось Борису — главе Техколы — Технической коллегии, ведавшей всей издательской деятельностью, — перенести заказы в другое место. В типографию, так же хорошо оборудованную, — ЦК социал-федералистов...

Нужда приводила Техколу и в типографию «Борьбы» — меньшевистской газеты на русском языке. Еще в середине девятнадцатого года Дзнеладзе для большего удобства снял квартиру по соседству. При всех строгостях комендантского часа рядом — из дома в дом перейти все-таки возможно. А ключи — по счету тридцать семь — от всех типографий Тифлиса предусмотрительно добыл консультант Техколы старый печатник Аветик Назаров. Так в типографии «Борьбы» исправно печатались и подпольные газеты крайкома большевиков, и прокламации, и брошюры. Общим тиражом за восемьдесят тысяч экземпляров вышли: «Принципы коммунизма» Фридриха Энгельса, «Государство и революция», «О среднем крестьянине», «Письмо к американским рабочим» В. И. Ленина, «К народу и интеллигенции» Максима Горького.

Иногда складывалось презабавно. Владелец типографии «Труд» Мачковский известил Бориса о своей готовности выполнять заказы «срочно и с гарантией качества, если будет принято непременно условие, а именно: доставлен в мою контору приказ на сей предмет». Ладно, написали:

«ПРИКАЗ.

Немедленно выдать бумагу и напечатать прокламации '(текст прилагается). Деньги будут возвращены после установления Советской власти.

В случае неисполнения данного приказа будут приняты строгие меры.

Начальник штаба (витиеватая закорючка)».

Или совсем юмористическое. Работали всегда ночами. Тиражи для тогдашних машин обременительные. Торопились. Корректуру правили кое-как. И однажды утром тифлиscopy читали:

«Не успели три премьера — Хатисов, Гегечкори и Хан-Хойский — расчесаться (это вместо «разъехаться»), как полилась кровь...»

Эффект потрясающий — все три премьера совершенно лысые...

Посмотрим строки из документа, переправленного через Баку и Астрахань Исполкому Коммунистического интернационала молодежи:

«Вся нелегальная издательская работа, распределение и распространение партийной литературы в Грузии и Армении в руках Коммунистического Союза Молодежи. Сотни летучек, газет, брошюр являются делом молодежи. Созданы особые отряды для распространения подпольной литературы. В этих отрядах работают молодые коммунисты. Они наводняют театры, фабрики и улицы летучками, умудряются расклеивать прокламации в казармах и во дворце правительства, укладывают в карманы министров...»

Под вечер 17 января 1920 года от перрона тифлисского вокзала с небольшой задержкой отходит поезд на Баку. Вагоны оцеплены «народными гвардейцами» и союзными солдатами в шотландских юбках. Бог знает, которая по счету проверка документов.

Английский офицер бесцеремонно наводит электрический фонарь, затем сверяется с какой-то фотографией. Не миновать этой процедуры и курчавому, слегка рыжеватому, средних лет землемеру Самтредской уездной управы Деви Бахтадзе. Тревожиться ему не приходится. Еще на вокзале он слышал, что ищут опасного московского агента, некоего Дзнеладзе. Ну и пусть себе ищут. Лишь бы ночью не мешали спать. До сна землемер большой охотник!

Вполне благополучно Бахтадзе проходит осмотр и на станции Баку. На привокзальной площади неторопливо выбирает фаэтон по вкусу. Приказывает отвезти себя на Молоканскую улицу. Там находит мастерскую Сергея Мартикяна — слесарные, лудильные, паяльные работы. Зачем-то дважды пересчитывает выставленные на витрине никелированные самовары. Убедившись, что число нечетное, входит. Улыбается, заговаривает по-грузински. Мартикян обрывает: «Не понимаю чужой разговор!» Пришелец громко смеется, жаждет обнять. Мартикян раздражается: «Зачем играешь, кто такой?!»

Не остается ничего другого, как снять парик, сорвать пышные усы, стереть с лица морщины. Теперь совсем другое дело. Парень вполне соответствует приметам, заранее сообщенным Мартикяну членом Кавказского крайкома Виктором Нанейшвили. Сам Виктор и другой член крайкома, Мирза Давуд Гусейнов,

нетерпеливо ждут Бориса Дзнеладзе в задних полутемных комнатах мастерской. Бакинским и тифлисским подпольщикам необходимо согласовать план подготовки к восстанию, обсудить, как надежнее переправить в Грузию оружие, прибывающее на баркасах с Волги от Кирова.

Безупречные документы землемера Деви Бахтадзе до поры до времени останутся в Баку. А Борису надо срочно вживаться в новый образ — князя Визирова, старшего дипломатического курьера Совета обороны Кавказа. Князь следует из Порт-Петровска^[9] в Тифлис. С ним охрана и особой важности почта. Должно быть предоставлено отдельное купе в спальном вагоне. Никаких проверок, никакого беспокойства. Преотличная возможность доставить в сохранности вооружение боевым дружинам.

Путешествия с дипломатическим паспортом весьма удобны. Когда осенью Дзнеладзе по комсомольским делам придется предпринять кратковременную поездку в Персию, снова выплывет на свет «князь Визиров»...

До осени еще надо дожить. Предугадать ничего нельзя.

По северную сторону дымно-белой гряды Кавказских гор неудержимо наступают советские войска. 25 марта освобожден Грозный, 30-го — Владикавказ^[10] и Порт-Петровск. В ночь на 28 апреля мусаватистское правительство сдало власть восставшему бакинскому пролетариату. На площади Свободы первомайский парад, праздничное шествие. В Тифлисе в те самые минуты демонстрацию расстреливают ружейными залпами, пулеметными очередями. «Народные гвардейцы», английские военные полицейские хватают уцелевших, скручивают руки, избивают. Многие из последних сил шагают в

Метехский тюремный замок. По хорошо проторенной дороге.

На той же неделе правители Грузии в полное подтверждение предельно точной характеристики, данной им Лениным, — «Что такое меньшевики? Это — люди, которые держат нос по ветру»^[11], — сообщают в Москву о своей полной готовности заключить мирный договор. Обязуются дать большевистским организациям «право свободного существования и деятельности, в частности, право свободного устройства собраний и право свободного издательства (в том числе органов печати)». На свободу выходят больше тысячи коммунистов. Среди других, к огромной радости Бориса, его «крестный отец» Миха Цхакая.

Пользуясь моментом, совсем дерзкий поступок совершает Дзнеладзе. Захватывает в центре Тифлиса на Ново-Бебутовской улице «особняк» — бывшую кухню и чулан при ней. К дверям прибывает две от руки написанные таблички: «Центральный Комитет комсомола Грузии» и «Редакция газеты «Молодой пролетарий». Это не останется без внимания. Будет спрошено при первой возможности...

...К чему другому, а к неожиданным поездкам в любое место, в любом качестве Борис привык. Потрясает сейчас не внезапность, не дальность дороги. Совсем другое. То, что словами не выразить, то, чего он так и не сумел высказать заглянувшему к нему в «особняк» Михе Цхакая. Он, Борис, полномочный делегат Грузии на конгресс Коминтерна. Вместе со старейшими, выдающимися большевиками. С Цхакая, Махарадзе, Тодрия!

От Баку дальше на север грузинская делегация едет в вагоне Серго Орджоникидзе. Серго подолгу стоит с Борисом у окна, расспрашивает о том о сем, сам рассказывает. Перед остановкой поезда на станции

Минеральные Воды снова уединяется с Дзнеладзе. Заставляет себя сказать:

— Бичико^[12], надежд на то, что после конгресса меньшевики дадут тебе вернуться в свои края, почти никаких. Рисковать нельзя. Дело быстро идет к тому, что в Грузии нашему брату опять работать в подполье. Кем заменить тебя, я не представляю... Сходи, Борис, с поезда, добирайся побыстрее в Тифлис!.. Я не приказываю, прошу!.. Дай руку!

Как оценить, насколько прав Орджоникидзе, предупреждая о неизбежном скором уходе в подполье?

25 августа в 4 часа 30 минут в Тифлисе, в помещении Национального совета открывается съезд комсомола Грузии. С предварительного разрешения министерства внутренних дел Дзнеладзе просит всех посторонних удалиться. Вежливое напоминание слегка переодетым агентам особого отряда и «народным гвардейцам». Тот, кто желает быть глухим, никогда не слышит. Борис все-таки повторяет еще раз, еще: «Все, кто не имеет делегатских удостоверений или пригласительных билетов, обязаны уйти!» Объявляется вице-директор министерства,» рекомендует времени не терять: «Мы зала не покинем. Заседайте при нас!»

Кое-что можно и при них. Пусть слышат из первых уст.

Дзнеладзе: «Все равно, как бы ни преследовали, как бы ни истязали в тюрьмах наших товарищей, меньшевистский режим не спасет себя, он обречен, противоестествен. В один прекрасный день трудящаяся молодежь Грузии вместе со всем народом отпоет заупокойную господам Жордания и Гегечкори...»

Неполные сутки спустя тот же вице-директор руководит операцией по разгрому ЦК комсомола и редакции молодежной газеты. Борис уже в тюрьме, в Метехи. Обвинение неизменное — «призыв к

вооруженному восстанию». Следует резкий протест полномочного представительства Советской России, напоминание об обязательствах по мирному договору. Циничный ответ: «Государственные интересы настоятельно требуют, чтобы Дзнеладзе Борис Дегович был выслан из Грузии». Высылают в Азербайджан.

Тот случай, когда меньшевистский произвол оборачивается помощью, неожиданно снимает трудные заботы.

Он выслан. На 9 сентября в Баку назначен первый съезд молодежи Востока — Кавказ, Туркестан, Бухара, Хива, Турция, Персия. Борису на съезде быть обязательно. Выступать с основным докладом. Баллотироваться в бюро Совета молодежи. Есть неотложные дела и в Иранском Азербайджане — Тебризе, Казвине.

5

...В Москве, на Малой Дмитровке, 6, в здании бывшего купеческого собрания, — III Всероссийский съезд комсомола.

Для Бориса все-все впервые, необычайно, сверхудивительно. Москва... Комсомол, свободно обсуждающий свои дела... Речь Ленина, обращенная к ним — молодым!..

Хочется жадно впитывать в себя. Слишком боязно неосторожным движением вспугнуть чувство, вдруг возникшее в груди, горячим клубком подкатившее к горлу.

Не сразу доходит содержание переданной ему из президиума записки: «Приготовься! Фамилии твоей называть не будем».

Председатель: «Слово для приветствия имеет представитель красной молодежи Грузии».

Представитель Грузии: «Я приветствую вас от имени ЦК Коммунистического союза молодежи Грузии. Вы, пролетарская молодежь России, счастливы тем, что имеете возможность свободно устраивать съезды и решать свои дела. Коммунистическая молодежь Грузии лишена этой возможности. Нас арестовывают и сажают в тюрьмы за то, что мы говорим, что в конце концов пролетариат Грузии должен восстать и свергнуть изменников рабочего класса, чтобы соединиться со свободной Россией. Коммунистический союз молодежи Грузии ведет самую ожесточенную борьбу против меньшевистского правительства за то, чтобы сделать нынешнюю Грузию Советской.

...У меня хватит смелости заявить от имени наших молодых коммунаров, что в самом скором времени этой меньшевистской Грузии не будет, а скоро будет Красная рабоче-крестьянская Советская Грузия!»

Скоро... После одной зимы. Возможно, наиболее трудной.

В третью годовщину Октябрьской революции арестован полностью весь Тифлисский комитет комсомола. Делегаты, прибывшие на республиканский съезд союза молодежи, собираются на... крыше здания представительства Советской России. Зато самая фешенебельная гостиница Тифлиса «Ориант» предупредительно отдана «горскому правительству», «комитету содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков», «комитету возрождения Баку»...

По требованию министра внутренних дел Н. Рамишвили объявлена «чрезвычайная мобилизация» — гимназистов и их почтенных дедушек хватают на проспектах и бульварах, под конвоем доставляют в казармы. Карательные отряды артиллерийским огнем сжигают селения нейтральной зоны, установленной после войны Грузии с Арменией. Демонстративно

разорваны отношения с Азербайджаном, его посольство заключено в тюрьму.

...Весеннее половодье прорывает глухую плотину. Восстание перекидывается из уезда в уезд. Из Восточной Грузии в Западную, в горы Рачи, в приморские долины Абхазии. Борис среди тех, кто на рассвете 25 февраля 1921 года — в Грузии это как раз начало подлинной весны — водрузил над Тифлисом Красное знамя Советской власти.

Сразу два назначения — секретарь 2-го городского комитета партии и член Кавказского бюро ЦК РКСМ. Бюро, впервые учрежденного для руководства комсомолом по обе стороны Главного Кавказского хребта: в Азербайджане, Армении, Грузии, Дагестане, Горской республике.

Два месяца спустя участники пленума ЦК комсомола Грузии энергично атакуют Серго Орджоникидзе: «Дзnelадзе должен вернуться! Настаиваем, чтобы он был ответственным секретарем нашего ЦК!» В конце концов Серго сдается: «Быть по-вашему!»

Много это или мало — вся жизнь Бориса обидно коротка — еще почти год Дзnelадзе будет заниматься исключительно комсомолом. До письма Ленина:

«...Во что бы то ни стало и *немедленно* развить и усилить Грузинскую Красную Армию. Пусть 1 бригада для начала, пусть даже меньше. 2-3 тысячи красных курсантов, из них полторы тысячи коммунистов... Тут шутить нельзя. Это политически абсолютно необходимо, и Вы лично и весь Грузинский ЦК ответите перед всей партией за это»^[13].

Это и для товарища Серго, и для всех членов ЦК Грузинской компартии.

«Партией мобилизованный», Борис уходит комиссаром Грузинской военно-сводной школы. Тогда точно и уважительно о них говорили — «кузнецы

красных командиров». Двадцать пять генералов, более двухсот полковников, сорок Героев Советского Союза из курсантов того первого набора.

И в каждом немало от комиссара Дзнеладзе.

6

Начало октября двадцать третьего года застаёт Бориса в горах Абастумана — в туберкулезном санатории.

Из Тифлиса депеша с пометкой: «Особо важно. Срочно!» Приглашение на республиканский съезд комсомола. Врачи категорически против. Годы пребывания в меньшевистских тюрьмах, подполье оставили слишком заметный след. Болезнь лечению поддается плохо. Уверенности никакой.

— Не надо уговаривать! Я обязан поехать. Хотя бы для того, чтобы попрощаться... Другого случая уже не будет.

Не будет и этого. Живым до Тифлиса Борис добраться не сумеет. В пятницу, 5 октября, из горла хлынет кровь, 10-го в театре имени Руставели траурное заседание, 11-го — похороны.

Прожито двадцать три года. Потом будет памятник в центре Тбилиси — в саду Коммунаров, баллада, сложенная армянским поэтом Егише Чаренцем. И память поколений.

Илья Мухадзе

РАФАЭЛЬ ХИТАРОВ

1

Мовсес Геворкович втайне очень гордился своим вторым сыном Рафиком. Надеждой-то семьи, конечно, был старший — Георгий, юноша веселого нрава, умевший постоять за себя и уже знавший толк в деньгах, которые Мовсес Геворкович приумножал весьма успешно.

В кругу семьи он любил напоминать, что вот, мол, и прадед, и дед, и отец его были ремесленниками и тяжелым трудом едва-едва сводили концы с концами. «Ну сами посудите, какие капиталы мог накопить лудильщик медной посуды, да еще армянин — чужой человек в Кахетии. Ходил дед ваш Геворк по деревням Кахетии и Хевсуретии, таскал за плечами тяжелый

мешок с инструментами и кричал: «Паять, лудить! Паять, лудить! У кого посуда дырявая — новая будет!»

По крутым тропам, под палящим солнцем, под секущим дождем, навстречу ледяному ветру с горных вершин, не зная усталости, бродил лудильщик Геворк, и глотка его пересыхала, а голос становился хриплым от призывного вопля: «Паять, лудить! Паять, лудить!» А деньги в семью приносил маленькие.

А мы со старшим братом Бегляром нанялись в пастухи и прибавляли заработанные копейки к тому, что приносил отец».

Но брат Мовсеса занялся торговлей, завел свою собственную лавку, сказав: «Образование полезно состоятельному человеку. Бедняку оно нужно, как седло козе. Ты, Мовсес, должен помогать мне». «Вот я и помогал ему, и теперь Мовсес Хитаров — богатый, уважаемый человек, и никто не посмеет назвать его малограмотным армянином. А уж что касается вас, дети мои, то вы получите самое лучшее образование, о котором ни я, ни дядя Бегляр не смели даже мечтать».

У Георгия возбужденно засверкали глаза. «Ты прав, отец! — восклицал он. — Деньги совсем неплохая штука».

А Рафик молчал. Бледный, хрупкий мальчик в серой гимназической форме. Тихий, услужливый, отзывчивый — полная противоположность Георгию. Разговоры о богатстве его совершенно не интересовали. Он куда больше гордился тем, что в роду его еще со времен Давида Строителя были мастера, имеющие дело с гулко звенящей медью.

Контора по закупке и поставке шерсти, принадлежавшая его отцу, всегда оставалась для мальчика чем-то непонятным и скучным. А деньги? Что ж, иногда они могли пригодиться и ему. Вот, например, мама дала Раффи деньги и велела пойти к портному, заплатить за костюм. Но по дороге ему встретился

старый, оборванный человек и попросил подаяния, сказав, что дети его голодают. Рафаэль залился краской, вытащил все деньги, которые получил от мамы, и отдал их нищему. «Возьмите, пожалуйста, батона», — сказал он и стремительно убежал от благодарностей и причитаний старого оборванца.

— Неужели костюм до сих пор не готов? — спросила мать.

— Не знаю, мама. По дороге к портному я встретил бедного человека и отдал ему все деньги. Ведь на них он сможет прокормить свою семью, наверное, целую неделю. А я великолепно обойдусь и старым костюмом.

Отец Рафаэля был человеком добрым и по тем временам — широких взглядов.

Из села Тионети, что возле Телави, в котором Рафаэль родился 28 (15) декабря 1901 года, Хитаров-старший переехал в Тифлис, чтобы дать хорошее образование детям. А было их шестеро: три сына и три дочери. И верхний этаж двухэтажного дома, фасадом выходящего на Черкезовскую улицу, звенел от детских голосов. А так как Хитаровы отличались гостеприимством и чтили свои родственные связи, под их крышей жили многочисленные родственники, овдовевшие тети с детьми, двоюродные, троюродные и еще уж не знаю какие племянницы и т. д.

Так что тесно стало в хитаровском «ковчеге» на Черкезовской, и пришлось перебраться на Николаевскую, в дом побольше.

Рафаэль учился во второй, потом в шестой и, наконец, в первой мужской гимназии Тифлиса и неизменно был в числе первых учеников.

Он всегда готов был помочь своим младшим сестренкам Соне и Тамаре. Он охотно признавал старшинство и превосходство Георгия. Но иной раз неожиданно удивлял старшего брата. Так было, например, с шахматами. Играть в них выучил Рафика

Георгий, выучил и обыгрывал его самым нещадным образом. Рафику не удавалось выиграть у Георгия ни одной партии. И однажды он заявил, что играть больше не будет.

— Ага, струсил! — поддразнивал его Георгий. — Но я добрый, дам тебе вперед ладью. Мало? Получай королеву.

— Считай; что струсил, — невозмутимо отвечал Рафо. — А королеву побереги на будущее.

И через полгода сам предложил Георгию сыграть партию.

— Ха, разрешился от поста! Хочешь фору?

— На равных.

— Ого! Ну держись! — Сел за доску и... проиграл. Пожал плечами. — Дурацкий зевок. Давай новую!

И опять проиграл. И, кажется, с тех пор никогда не выигрывал у младшего брата.

Полгода Рафаэль изучал теорию шахматной игры. Так же серьезно и обстоятельно, как и науки, преподаваемые в гимназии.

А вот на скрипке так и не научился играть. Тут уж не приходилось тягаться со старшим братом, у которого был абсолютный слух.

Но чем старше становился Рафаэль, тем все резче расходился с Георгием во взглядах на жизнь, в определениях, что истинно и что ложно.

Был такой случай. В доме Хитаровых появился мальчик лет тринадцати. Сирота. Георгий превратил его в своего денщика. Гонял по мелким поручениям, заставлял чистить одежду, обувь.

Рафаэль решительно запротестовал:

— Я не патриций, рабы мне не нужны. Я такой же мальчик, как и он. И он куда больше нуждается в моей помощи, чем я в его.

Он подружился с этим мальчишкой. Давал ему читать свои книги, делился впечатлениями о

прочитанном, старался научить тому, что знал сам.

В 1916 году при первой гимназии образовался нелегальный кружок из учащихся-армян. Пятнадцати- и шестнадцатилетние подростки дали друг другу клятву посвятить жизнь борьбе за освобождение Армении.

Всего год назад по приказу турецкого правительства было вырезано более миллиона армян, а около шестисот тысяч переселены в бесплодные пустыни Месопотамии.

Вместе с Рафаэлем в кружок вошли Андрей Ванян, Сергей Калантаров, Степан Акопов и другие. Они учили армянский язык, читали книги просветителей... Каким ветром свободы повеяло со страниц замечательного романа Абовяна «Раны Армении» о борьбе армянского народа против иранского ига! А судьба самого Абовяна! Подвергнутый жесточайшим гонениям со стороны армянских клерикалов и чиновников царской России, он в возрасте сорока трех лет бесследно исчез. А романы Раффи «Давид-Бек» и «Самуэл»! А поэзия Нагаша Овнатана и Саят Новы! И не сразу, а открывая для себя все новые и новые горизонты, кружковцы пришли и к сочинениям Микаэла Налбандяна, друга Герцена и Джузеппе Мадзини, революционного демократа и философа, просидевшего три года в казематах Петропавловской крепости и умершего в далекой ссылке... Вот так, понемногу, в сознании кружковцев возникало видение древнего и когда-то могучего государства, с гениальными зодчими, воздвигшими Звартноц и Рипсимы, Эчмиадзинский собор и патриарший дворец в Двине, с удивительным народом, сын которого, Месроп Маштоц, уже шестнадцать веков назад изобрел армянский алфавит.

Добрый, талантливый, трудолюбивый народ с беспримерно трагической судьбой, постоянная добыча завоевателей... Чем же могут помочь ему они — неоперившиеся юнцы?

Кружок, по существу, носил просветительный характер, но был нелегальным. Сам Хитаров определял его направление как народно-революционное. В статьях рукописного журнала звучали призывы посвятить свою жизнь освобождению Армении.

Они зачитывались Радищевым и Пестелем, Белинским и Герценом, Чернышевским и Добролюбовым. Просачивались слухи, что в России существует социал-демократическая рабочая партия, что у этой партии есть газета «Правда» и она запрещена правительством.

Члены кружка понимали, что освободительная борьба необходима, и не без поддержки русского народа.

2

Грянул февраль 1917 года.

В эти дни с площадей и перекрестков Тифлиса исчезли черные монументальные силуэты городских, красные бантики пришли на смену бутоньеркам, духовые оркестры исполняли «Марсельезу», а посетители духанов, наслаждаясь шашлыком и сациви, произносили замысловатые тосты за «прекрасную даму» Революцию, которая широко распахнула двери в новую жизнь.

Но в какую? Представители нарождающейся национальной буржуазии полагали, что в этой новой жизни для них откроются небывалые горизонты предпринимательства, частной инициативы и конкурентной борьбы. Так да здравствует революция! Во имя столь чарующих перспектив почему бы и не позволить называть вчерашнего князя из рода Багратидов и уличного продавца мацони гражданами. Мы ведь не лыком шиты: почитывали и Гизо. Великая

французская революция... Она прорубила дорогу молодому классу — буржуазии. А чем мы хуже французов? У них Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст. Ну а у нас бывший князь Львов, Александр Керенский, Церетели, Чхеидзе, Дан. Вполне здравомыслящие, вполне приличные люди. Поднатужимся, сокрушим кайзера, смотришь, и в Европе найдется применение нашим капиталам. Осушим же, генацвале, до дна этот турий рог вина, столь же красного, как и сама революция. За новую нашу власть! А пролетарии... Ну пусть они пошумят немного — от крика никогда еще не рушились основы строя. А потом все будет по-прежнему, только у баранов будет новый пастух. В марте 1917 года на совещании представителей марксистских кружков в Тифлисе обсуждался вопрос об объединении большевиков с меньшевиками. И после долгих споров было принято явно ошибочное решение об объединении, хотя соотношение сил, особенно в Тифлисе, складывалось в пользу меньшевиков, которых было значительно больше. Одна ошибка привела к следующей, и, когда эхо выстрела «Авроры» докатилось до Тифлиса, сторонники «мирного перехода власти» во главе с Махарадзе настояли на отмене вооруженной демонстрации трудящихся. И уже через день меньшевики, объявив военное положение в Тифлисе, захватили арсенал, вооружили своих сторонников и фактически взяли власть.

Кружок первой гимназии, в котором состоял Рафаэль Хитаров, вновь перешел на нелегальное положение.

Но еще до этого, в июле 1917 года, Рафик, явившись на очередную встречу кружковцев, вытащил из-под гимназической куртки тщательно переплетенную книжечку и, подняв ее над головой, воскликнул: «Я прочитал! Это Ленин. Ленин указывает нам путь в будущее. Послушайте, что он здесь пишет: «Ставя

лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только и безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации»^[14]. Они целый вечер читали удивительные по своей ясности и несокрушимо аргументированные «Критические заметки по национальному вопросу». Рафик где-то достал журнал «Просвещение», вырезал из него статью, подписанную В. И. Лениным, и сам старательно переплел ее.

И маленький кружок учащихся армянской национальности за несколько месяцев освободился от «шелухи народничества» и принял отчетливую марксистскую окраску.

Не удалось установить, присутствовал ли Рафаэль или кто-нибудь из его товарищей-кружковцев на учредительном собрании молодежи, состоявшемся в августе 1917 года в клубе на Авлабаре. Проводил его молодой стройный армянин, член большевистской партии с 1915 года, Анастас Микоян.

На собрании приняли обращение к трудящейся молодежи Кавказа:

«Товарищи! Организация молодых социалистов-интернационалистов «Спартак» обращается к вам, ко всем тем, кому дороги интересы и будущее пролетариата, которые заинтересованы в освобождении человека от ига рабства и угнетения, которым еще не вскружил голову шовинистический угар, которые не загрязнили великие принципы боевого социализма «патриотическим» хламом, — организация «Спартак» обращается к вам, ко всем молодым борцам будущего, призывая вас создать свои местные и общие организации... и всегда и всюду горячо поддерживать

революционное движение интернационального пролетариата... в особенности на Кавказе, где атмосфера пропитана шовинистическим угаром и национальной рознью, являющейся наиболее благоприятнейшей почвой для оппортунизма всех оттенков: здесь еще больше трудностей придется побороть организациям интернационалистической молодежи.

Товарищи! Организация молодых социалистов-интернационалистов «Спартак» взялась за эту трудную задачу сплочения и организации интернациональной молодежи на Кавказе, руководствуясь основными положениями данного манифеста.

Организация «Спартак», полная надежд и стремлений, начинает свою деятельность и призывает всех молодых социалистов-интернационалистов Кавказа ко всемерной поддержке и помощи интернационалистской организации молодежи на Кавказе».

Нет сомнения, что Рафаэль не только прочитал манифест, но и положил его в основу деятельности кружка.

В это время ему шел только семнадцатый год, но он уже понимал: грузинские меньшевики всей своей деятельностью стараются вырыть непреодолимую пропасть между Грузией и Советской Россией. Именно об этом с гневом говорил он своим товарищам по кружку, призывая их стать на путь ленинской правды.

По словам сестры Рафаэля — Софьи Хитаровой, ее брат частенько приносил домой какие-то внешне неказистые книжечки и брошюры, отпечатанные на шершавой сероватой бумаге, читал их ночами, а потом тщательно прятал.

Политический сыск меньшевистского правительства Грузии поставлен был на широкую ногу. Очевидно, опыт царской охраны не только учитывался особым отделом, но и подвергся некоторой модернизации.

Но вот парадокс политической борьбы: филеры и жандармы охотились за революционерами, а меньшевистские их преемники, весьма снисходительно относясь к контрреволюционерам всех мастей, подобно стае натренированных гончих псов, гонялись за большевиками!

В штабе охраны, находившемся недалеко от судебной палаты, арестованных большевиков при допросах подвергали неимоверным издевательствам и избиениям.

И господин Кедия, рыская по всему Тифлису в поисках большевиков, стороной обходил большой двухэтажный дом под № 22 на Николаевской, принадлежавший некой Непокойчицкой, барыне, которая сдавала его внаем.

И дело было не в самой владелице дома, а в том, что в семи комнатах верхнего второго этажа жила семья богатого и благонамеренного предпринимателя Мовсеса Геворковича Хитарова, которого только сумасшедший мог заподозрить в симпатиях к большевикам. Конечно, из агентурных донесений было известно, что на квартире Мовсеса Геворковича частенько собирается молодежь: юноши в гимназических мундирчиках с темным пушком над губой и тоненькие нежные барышни в скромных платьях и черных передниках. Что-то там декламируют, играют в «почту Амура», скользят в томном вальсе по блестящему паркету зала, обставленного мягкой мебелью под красное дерево. Иногда из окон, из-за тяжелых плюшевых штор лились звуки пианино, скрипки и даже тари... Музицируют! Ну и пусть себе. Лишь бы в политику не совались...

А вечеринки в доме Хитаровых бывали обычно два раза в неделю. Раздавался звонок в парадную дверь, и кто-нибудь из младших девочек мчался со всех ног и дергал за веревку, отодвигал язычок запора, радостно приветствовал друзей своего любимого Рафика. Собравшиеся действительно декламировали звучные байроновские строфы, иногда и музицировали, но все это было лишь прикрытием для конспиративной деятельности кружка, руководимого Рафаэлем.

А Рафаэль требовал от своих товарищей перехода к прямому действию. Рамки кружка расширились: молодые люди уже не теорию изучали, а становились активными участниками классовой борьбы. Почти все они вступили в ряды тифлисской организации молодых социалистов-интернационалистов «Спартак», участвовали в первой комсомольской конференции в марте 1919 года, а позже стали членами партии большевиков.

И тут с Рафаэлем произошел трагический случай. Он попал под автомобиль и с тяжелым переломом ноги, почти без сознания был доставлен домой. Суматоха поднялась страшная. Причитания матери, слезы сестер, руки врача, делающие боль почти нестерпимой, и стиснутые зубы, и вымученная улыбка только для них, для мамы и сестреноч...

Ровно полгода «безобразно провалялся», как говорил сам Рафаэль, в постели. Перелом оказался сложным и потребовал нескольких операций. Ни стоны, ни жалобы. Только улыбка на побледневших губах: «Не тревожьтесь, родные! Все будет хорошо».

К нему приходили товарищи: Андрей Ванян, уже избранный членом Тифлисского комитета комсомола, Варя Мириманова, Сережа Калантаров. Рассказывали новости, советовались, спорили. Таким образом, закованный в гипс, Рафаэль оставался в курсе революционных событий в Закавказье и принимал в них

участие, хотя, конечно, не такое, как ему хотелось бы. Болезнь задержала и его вступление в нелегальную большевистскую партию и комсомол. Оно состоялось лишь в декабре 1919 года. Но было и маленькое личное достижение. За месяцы болезни Хитаров, ученик восьмого класса, готовился к выпускным экзаменам и выдержал их блестяще — вместе с аттестатом зрелости получил золотую медаль.

И вот наконец снят гипс, отброшены костыли, и Рафаэль вновь на ногах. Он уже и коммунист и комсомолец. Его вдохновляют вести из Советской России: Красная Армия разгромила полчища иностранных интервентов и белогвардейцев, освободила Украину, Северный Кавказ и приблизилась к рубежам Закавказья.

Волновали и известия о гибели 26 бакинских комиссаров: Степана Шаумяна, Алеши Джапаридзе, Мешади Азизбекова, зверски расстрелянных английскими интервентами в песках между станциями Перевал и Ахча-Куйма.

Они были организаторами и вожаками Бакинской коммуны. И в тяжелые месяцы весны и лета 1918 года они защищали единственный очаг Советов в Закавказье от английских, германо-турецких интервентов, от мусаватистов, дашнаков, эсеров и меньшевиков.

Вот пример, достойный подражания! Правда, Шаумяну было уже почти сорок лет, а Раффи только... восемнадцать.

Но ведь и Шаумян руководил марксистским кружком в Тифлисе, когда ему еще не исполнилось двадцати!

Меньшевики Грузии, дашнаки Армении, мусаватисты Азербайджана, находившиеся у власти, усиливали террор и преследования сторонников Советской власти. В Тифлисе неистовствовал Кедия со своей бандой головорезов.

В сентябре 1919 года создается Закавказский краевой комитет РКСМ. Выражая волю всей революционной молодежи Грузии, Армении и Азербайджана, он обращается к В. И. Ленину с просьбой направить части Красной Армии на помощь рабочим и крестьянам края. Большевистские организации Закавказья принимают решение начать подготовку к вооруженному восстанию.

23 февраля 1920 года в нелегальных условиях созывается вторая Тифлисская городская конференция комсомола. Принимается решение — всем комсомольцам перейти на военное положение и готовиться к вооруженной борьбе. Рафаэль избран членом Тифлисского комитета.

Повсеместно создаются отряды Красной гвардии. Члены городского комитета входят в штаб Красной гвардии молодых коммунистов. Нелегально приобретается оружие. Во главе штаба Рафаэль Хитаров и его верные друзья — Б. Дзnelадзе, А. Амирбеков, С. Варданян, Г. Девдариани.

В Тифлисе готовилась грандиозная первомайская демонстрация трудящихся. Меньшевики намеревались придать ей проправительственный и националистический характер. Но просчитались. Потoki демонстрантов, залившие проспекты и улицы Тифлиса, почему-то не проявляли лояльности к своим «мудрым» правителям. Демонстрация проходила под лозунгами: «Долой меньшевистское правительство!», «Да здравствует Советская Россия!», «Да здравствует Советская Грузия!»

Опять большевистские козни. Немедленно разогнать этот сброд! И на помощь полиции бросаются подручные Кедия, пожарные команды и вооруженные отряды молодежи, созданные меньшевиками.

Во главе колонны демонстрантов вместе со старшими товарищами шагают Раффи Хитаров, Андрей

Ванян, Сергей Джапаридзе, Александр Амирбеков, Гурген Восканян и другие комсомольские активисты. На них и обрушивается первый удар. Шипят тугие струи воды из брандспойтов, отрывисто щелкают выстрелы маузеров, удары дубинок падают на головы и плечи. Избиение безоружных! Еще одно проявление «демократизма» меньшевистских заправил. Массовые аресты демонстрантов. Около ста человек брошены в тюрьму — угрюмый Метехский замок. И среди них Рафаэль Хитаров и его друзья.

Порядком избитых приводят их на допрос к самому начальнику особого отдела. Кедия несказанно изумлен, увидев в списке арестованных фамилию Хитарова. Как, сын почтенного Мовсеса Геворковича? Быть того не может? По-видимому, однофамилец.

Но, встревоженный за судьбу арестованного сына, Мовсес Геворкович сам приезжает к Кедия и закликает его отнестись снисходительно к порывам юноши. По существу, он еще мальчик, только что окончил гимназию. У него доброе сердце и тихий нрав.

Стоит ли портить отношения с известным всему Тифлису коммерсантом? «Не волнуйтесь, батона Мовсес. Ваш сын будет освобожден».

Кедия вызывает на допрос Хитарова. Гм... Порядочно синяков и кровоподтеков наставили ему мои молодцы... Но на пользу, только на пользу!

Кедия — сама благожелательность. Похлопал Рафаэля по плечу, усадил, повел душеспасительную беседу об ошибках, свойственных юности.

— Как старый революционер я желал бы, мой дорогой, дать вам совет. Вам нужно учиться, а не заниматься политикой, в которой вы ничего не смыслите.

— Я, господин Кедия, гимназию окончил, а сейчас продолжаю свое образование, изучаю произведения

Маркса, Энгельса, Ленина. Как видите, следую вашему совету.

Начальник особого отдела с трудом взял себя в руки.

— Обещайте, по крайней мере, вести себя как и подобает сыну почтенных родителей.

— Я поступаю так, как подсказывает мне моя совесть.

— Увести арестованного! — гаркнул Кедия.

Но обещание, данное отцу Хитарова, все же выполнил и приказал Рафаэля освободить.

Но теперь за ним ведется беспрестанная слежка. Возле дома на Николаевской слоняются юркие молодые люди с тщательно подстриженными усиками, нафиксатуарен-ные, надушенные. Под длинными грузинскими рубашами, туго перетянутыми в талии наборными поясами, припрятаны маузеры.

А Рафаэль уже председатель Тифлисского городского комитета комсомола. Жизнь профессионального революционера-подпольщика. Уйма работы по разъяснению и пропаганде интернационалистического характера международного юношеского движения, а отсюда и постановка конкретных задач перед молодой комсомольской организацией Тифлиса.

В августе 1920 года второй арест.

И опять Метехский замок и ухмыляющаяся физиономия господина Кедия.

— Пеняйте на себя, молодой человек. Я свое слово сдержал, а вы свое нарушили.

— Я не давал вам слова, господин Кедия.

— Подумайте о своих родителях. Из-за вас у них одни неприятности. Кстати, арестована ваша двоюродная сестра Софья. У нее обнаружена недозволенная литература. Но если вы будете вполне откровенны...

— Хотите, чтобы я назвал членов нашей организации? С великим удовольствием. В ней состоят молодые пролетарии всего Тифлиса, всей Грузии, всего Закавказья. Согласитесь, что я не могу запомнить десятки тысяч имен!

Грозил военный трибунал и как минимум многолетнее тюремное заключение. Но еще раз помогли связи отца. Он добился для Рафаэля высылки за пределы Грузии как «инородца». Навсегда! Но в Советскую Россию, в страну Ленина, о которой Рафаэль так мечтал, выезд был запрещен.

Вот письмо, которое Рафаэль написал своим младшим сестрам и брату перед тем, как покинуть Грузию.

21 октября 1920 года. «Милые мои Эля, Коля, Соня и Тамара!

Я взялся писать вам это «общее» письмо, потому что у меня есть кое-что, что я хотел бы сказать вам всем вместе.

Дело в том, что я уехал так сразу и внезапно, что не успел сказать вам на прощание ни одного слова. А между тем, быть может, я не увижу вас несколько лет, а сказать вам на прощание кое-что мне необходимо.

Так вот вам мое, так сказать, «прощальное завещание», мое «последнее сказание»: единственной моей просьбой к вам, единственным моим желанием и ожиданием от вас является то, чтобы вы никогда не забывали того дела и той идеи, во имя которой я начал работать и буду работать всю мою жизнь. Идея это и дело это — освобождение всего человечества, освобождение и материальное и духовное, освобождение людей от тех оков, которые опутывают их со всех сторон и которые делают нашу жизнь жестокой, несправедливой, грязной, нехорошей. Я знаю, что многого из всего того, что я говорю, вы пока не

поймете. Но пусть Эля постарается объяснить вам то, что сумеет и как сумеет, а вы постарайтесь все это понять и усвоить. Остальное вы поймете потом. Но уже теперь вы должны расти с мыслью об этом.

Если бы я остался в Тифлисе, я бы сам позаботился об этом. Но я еду в Европу учиться, чтобы потом с еще большей силой и большими знаниями отдаться этому делу, — и теперь вы сами должны постараться воспитать себя именно в таком направлении.

Я знаю также, что если мама или папа прочтут это, то они, наверное, рассердятся: уехал, мол, туда, и еще не может успокоиться, и вдобавок еще других соблазняет.

Но что же делать? В конце концов они поймут нас и должны будут с этим примириться.

О Георгии я не говорю, потому что он уже вырос и воспитался в совершенно другой атмосфере, и потом он старше меня, и не мне, во всяком случае, учить его. Но вам я имею право и обязан сказать все то, что я думаю о вас и о вашем воспитании. В этом отношении меньше всего надежд как будто на Колю. Но я убежден, что все это у него поверхностно и вся его «буржуазность» с годами пройдет.

А пока прощайте, мои дорогие. Надеюсь, что вы поймете меня и оправдаете мои ожидания.

Крепко целую вас всех.

Ваш брат Рафик».

Это настоящее политическое и нравственное завещание, написанное человеком, убежденным в правоте дела, которому посвятил он свою жизнь. И как-то забывается, что автору письма еще не исполнилось девятнадцати лет.

На шахту рудника «Фридрих Нахбар», что вгрызлась в землю недалеко от города Бохума, нанялся откатчиком молодой иностранец, кое-как говоривший по-немецки.

Управляющий шахты недоверчивым взглядом окинул парня, пожелавшего стать рудокопом: невысок ростом, тонок в кости, а руки как у музыканта, с длинными, нежными пальцами. Такой недолго выдержит!

Но прошло несколько суток, и шахтмейстер Иоганн Фукс, приглядывавший за новичком, должен был признать, что работает он как черт и вполне успевает обслуживать забойщика. А Фукс, проработавший на шахте около тридцати лет, до тонкости знал тяжкий труд рудокопа.

И довольно скоро новичок пошел на повышение — стал помощником забойщика. Ну и еженедельная получка повысилась. Сообразительным парнем оказался молодой рудокоп. И руки у него не так уж слабы: управляют с отбойным молотком, будто это и не рокошующее, бьющееся под ладонями стальное чудовище.

Но ни Фуксу, которого шахтеры по привычке называли «папаша Иоганн», ни забойщику Глокнеру, непосредственному начальнику новичка, неведомо было, каких нечеловеческих усилий стоило Рафаэлю встать в один ряд с мускулистыми людьми, имевшими за своими плечами годы и годы работы в «преисподней».

А ведь Хитаров никогда не занимался физическим трудом, если не считать любимого им в детстве занятия — выпиливания лобзиком рамок для фотографий и разных причудливых фигурок. А о шахтах, о труде горняков он имел представление только по литературе. Читал, конечно, «Жерминаль» Золя. А тут падение клетки вниз, точно каменная глыба сорвалась с крутого

обрыва, спертый воздух, сырость, тьма, едва раздвигаемая лучами фонариков, мрачный блеск угольного пласта и деревянное крепление, такое, казалось бы, хрупкое под непомерной тяжестью земли, и, как хлопки бича, выкрики: «Шнелль! Шнелль!»

Но почему же Хитаров отправился именно в Германию, стал рудокопом?

Когда решался вопрос о высылке Рафаэля из Грузии, он обратился за советом к старшим товарищам. И ему сказали: «Поезжай в Германию. Ее рабочий класс хотя и не выбрался из плена социал-демократических иллюзий, но хорошо организован и имеет немалый опыт классовой борьбы. Постарайся понять сильные и слабые стороны немецкого пролетариата. А для этого стань в его ряды».

Кроме того, Хитаров считал чрезвычайно полезным в совершенстве изучить хотя бы один из европейских языков. Пусть таким языком будет немецкий. И Рафаэль много занимался грамматикой и синтаксисом, читал газеты, а потом взялся и за классиков: Гёте, Шиллера, Гейне. Сказывались его природные лингвистические способности (позже он свободно владел французским и английским).

Рафаэль, внимательно присматриваясь к своим товарищам по работе на шахте, многие из которых, очевидно, были участниками героического восстания рурских горняков, искал среди них коммунистов, чтобы установить с ними связь и самому принять активное участие в политической борьбе. При его прямом содействии на шахте создавалась комсомольская ячейка.

А вскоре из газет Рафик узнал, что 25 февраля 1921 года в Грузии установилась Советская власть. И уже в апреле он оказался в Тифлисе, пробыв в эмиграции около пяти месяцев.

Как радостно встретила его семья!

Друзья Рафаэля, возглавлявшие комсомольские организации Кавказа, немедленно нагрузили его работой. Поначалу он заведовал агитпропом Тифлисского горкома и принял участие в важнейшем совещании представителей комсомольских организаций Абхазии, Азербайджана, Дагестана, Горской республики, Грузии и др.

Руководил совещанием Серго Орджоникидзе. Нужно было незамедлительно решить вопрос об объединении всех комсомольских организаций Закавказья, их слиянии с РКСМ.

«Пропасть, вырытую за три года стараниями меньшевиков, мусаватистов и прочей дряни, одним прыжком не перепрыгнешь, — говорил Хитаров. — Задача состоит в том, чтобы сплотить рабоче-крестьянские массы и доказать им, что Советская власть пришла сюда не на штыках красноармейцев, а благодаря упорной и долгой борьбе трудящихся Закавказья, что нужно бороться с национализмом, что объединение комсомольских организаций нельзя мыслить себе иначе, как объединение всей молодежи Кавказа с РКСМ».

Избранный в первый состав Кавказского краевого комитета комсомола, Рафаэль выехал в Москву делегатом IV съезда РКСМ.

И уж никак не предполагал он, что вернется из Москвы не в Тифлис, а в тот же Рурский бассейн, только не в Бохум, а в индустриальный центр области — Эссен.

А произошло все это совсем просто, даже буднично.

В один из перерывов между заседаниями съезда к нему подошел Лазарь Шацкин, выступавший с докладом о проблемах международного юношеского движения, и, улыбаясь, сказал: «Ну здравствуй, бохумский шахтер. Давай пройдемся». И, взяв под локоть, неожиданно спросил по-немецки: «Остались ли на шахте, где ты

работал, верные нашему делу ребята?» — «Ну конечно, мне даже удалось...»

Но тут Шацкин перебил его: «Говори, пожалуйста, по-немецки, если, конечно, можешь». Рафаэль пожал плечами. «Ну если тебе так хочется... Для меня это полезная практика. Так вот, мне даже удалось организовать на шахте небольшую комсомольскую ячейку...» — «Ого! Да ты, брат, дока! Говоришь как немец». — «Плохо я говорю, Шацкин. Пять месяцев практики маловато». Лазарь бросил на него загадочный взгляд: «Думаешь, маловато... Учтем. Так вот, после съезда встретимся. Серьезный будет у нас разговор».

Разговор состоялся сразу же по окончании съезда в Цекамоле, на Воздвиженке. В темноватой, невзрачной комнате Рафаэля поджидал Шацкин и еще один смуглый юноша с красивым, одухотворенным лицом, ласковыми карими глазами и по-девичьи нежным и чуть капризным ртом.

— Прежде всего познакомьтесь, — предложил Шацкин, — крымчак Тарханов. Кавказец Хитаров. Оба знаменитейшие подпольщики. Гроза врангелевской контрразведки, неуловимый бойскаут с маузером вместо посоха, — жест в сторону Тарханова. — А этот молодой товарищ ушел от Кедия — так, кажется, звали эту меньшевистскую сволочь? — и скрылся не где-нибудь, а в глубине бохумских руд. А теперь попрактикуемся в немецком языке. — И без всякой предварительной подготовки бухнул: — Мы тут потолковали, Рафаэль, и решили послать тебя в Германию. Есть возражения?

— Когда лаваш бросают в раскаленную печь, его не спрашивают, как он к этому относится. Печется, и все тут. А что я должен делать в Германии?

— Вопрос по существу. Окажешь помощь комсомольцам Рурской области.

— Не очень-то я сведущ в вопросах международного юношеского движения...

Тут его перебил Тарханов.

— А я и того меньше в педагогике. А вот придется заняться организацией детских коммунистических групп. Хочешь, поменяемся?

— Во всяком случае, ты лучше меня говоришь по-немецки!

— Отложим окончание вашего учебного спора, — вмешался Шацкин, — на день возвращения Хитарова из Германии. Согласны? Ну вот. А что сейчас происходит в Германии, тебе, Рафаэль, известно не хуже, чем нам. Страна задавлена репарациями. Сто тридцать два миллиарда марок! И все на шею трудящихся. Волнуется, бурлит пролетариат. Ты, по-моему, еще работал на своей шахте, когда Макс Гельц создавал партизанские отряды в Саксонии и вел вооруженную борьбу с полицией и рейхсверовцами. И знаешь, конечно, оценку мартовских событий, сделанную Паулем Леви.

Жаль, что ты не был на втором конгрессе. Мы там старались внушить некоторым пылким юношам, что только под руководством коммунистической партии они в состоянии сделать что-то полезное.

Я попрошу дать тебе стенограмму. Обрати, в частности, внимание на прекрасное выступление нашего австрийского друга Рихарда Шюллера. — Лазарь перелистывал листы с напечатанным текстом. — А, вот... Послушай: «Мы вполне согласны, что II конгресс является великой школой для пролетариата. Мы рисовали себе раньше процесс захвата власти в действительности значительно более простым. Совершенно очевидно, что коммунистические партии должны привлечь на свою сторону возможно большие массы пролетариата». Очень правильно сказал Рихард!

— Но это же азбучная истина, — попробовал возразить Хитаров.

— Для нас с тобой, прошедших школу большевизма, — бесспорно, а вот для зарубежных товарищей, находящихся еще в плену авангардистских настроений, эту азбуку предстоит выучить назубок. Сектантство и авангардизм — скверные помощники в завоевании широких масс пролетарской молодежи. А это главная задача.

Так вот, о Германии. Уж больно много, дружище, развелось там всяких молодежных движений, союзов и обществ. И все это по инициативе социал-демократов, которые делают все, что в их силах, дабы не взвилось ввысь знамя Ленина — Либкнехта. — Он поморщился. — Прости, что я вроде бы митингую. Так уж вышло... А вот в буржуазных юношеских организациях — порядок, дисциплина и согласие. И нечего глаза закрывать — союз «Молодая Германия», бойскауты, студенческие корпорации дуэлянтов и им подобные заполучили пятую часть всей молодежи страны. Это не шутка! Вот ты поедешь в Рур. Это индустриальное сердце страны, и раньше всего изучи экономическое положение рабочей молодежи и подростков. Оно, скажу тебе, просто катастрофично. Ну а без борьбы за экономические права, реальной, каждодневной, доверие масс не завоеуешь. Придется тебе посмотреть, что делается в юношеских секциях профсоюзов. В Германии они объединяют уже около четырехсот тысяч человек. Сила! Но пока качество несоизмеримо с количеством. Будешь держать Исполком КИМа в курсе происходящего. А как пропагандисту придется заняться и активной антимилитаристской деятельностью. Усваиваешь? Ну и ладно. Теперь вопрос: сколько времени тебе, Рафаэль, нужно, чтобы привести в порядок личные дела? Справишься за неделю? Распрекрасно! А за неделю и мы тут с Оскаром кое-что для твоего путешествия подготовим.

Так сразу же после IV съезда РКСМ Хитарова забрал к себе Исполком КИМа.

5

И вот он снова в Германии. В знакомых местах. Но только уже не как эмигрант из Грузии Рафаэль Хитаров, а как геноссе Рудольф — Рудольф Мартин. И работает он не помощником забойщика в шахте, а пропагандистом Рурского областного комитета комсомола.

Мало что изменилось в Германии за полугодовое его отсутствие. Разве что еще туже затянули пояса горняки и металлисты, подорожали продукты, а марка стала еще немогуще. Да увеличилось и без того огромное число безработных.

Первое время Рафаэль только присматривался к деятельности областного комитета КСМГ, секретарем которого был берлинский молодой рабочий Вилли Вайс.

Рафаэль изучил город, мысленно составил его план, старался как можно больше времени проводить среди молодежи, заходил в пивнушки, научился бросать шары в кегельбане, бывал на вечерах, устраиваемых «Вандой» — «Вандер-Фогель» — туристской и сугубо беспартийной организацией германской молодежи. Очень много читал, совершенствуя свой немецкий язык и овладевая разными диалектами.

Когда недели три спустя после начала работы Рафаэля в областном комитете Вилли Вайс, приехав в Берлин, зашел к секретарю ЦК КСМГ Рихарду Гюптнеру, тот спросил его как бы между прочим:

— Ну как там ваш новый пропагандист? Справляется с работой?

— Это ты о Рудольфе? Для меня он загадка, товарищ Гюптнер. В вопросах марксистской теории он

необычайно силен. Все мы перед ним школяры. И где только удалось ему так подковаться!

Гюптнер усмехнулся. Он-то знал, что за университет окончил геноссе Рудольф.

И уже в августе 1922 года Хитаров был избран секретарем Рурского и Рейнского обкомов КСМ Германии. Для него началась страдная пора.

В материалах о деятельности Хитарова в Германии существуют некоторые разноречия. Ветераны комсомола Германии Рихард Гюптнер и Эрих Ауэр в своих воспоминаниях о Рафаэле утверждают, что он уже в конце 1922 года был отозван в Берлин для постоянной работы в Центральном Комитете. Сам же Хитаров в автобиографии, написанной 3 июля 1937 года, после избрания его вторым секретарем Челябинского обкома ВКП(б), называл другие даты. «Прибыв в Германию в ноябре 1921 года, — писал он, — я последовательно работал сперва пропагандистом обкома комсомола Рурской области (до апреля 1923 года, в том числе в период французской оккупации), затем был избран членом и зав. орготделом ЦК КСМ Германии».

Прав, вероятно, Хитаров. А установить точность дат важно потому, что комсомол Рура именно под руководством Хитарова вписал самые блестящие страницы в историю борьбы международного юношеского движения против военной опасности и буржуазного милитаризма.

Нужно вспомнить последовательно ход событий тех давних лет.

Лишь только германское правительство Куно заявило о своем отказе от репарационных платежей, Пуанкаре отдал приказ об оккупации Рура и Рейнской области. Туда 1 января 1923 года были введены французские и бельгийские войска, и Германия лишилась 88 процентов добычи угля, 70 процентов

чугуна и т. д. Усилилась инфляция и обнищание трудящихся. Число безработных достигло чудовищной цифры — 5 миллионов!

Пренебрегая призывом правых лидеров социал-демократии сохранить «гражданский мир», горняки и металлисты Рура и Рейна под руководством коммунистов начинают подготовку к грандиозной забастовке протеста (в ней принимало участие более 400 тысяч рабочих).

Уходит в отставку перепуганное правительство Куно. Создается правительство «широкой коалиции» во главе со Штреземаном, а первую скрипку в нем играет военный министр генерал Сект.

Штреземан дает указание прекратить политику «пассивного сопротивления».

Следует ответная любезность со стороны оккупационных властей: они разрешают германскому правительству ввести на территорию Рурского бассейна свою полицию и батальоны рейхсвера для подавления «беспорядков» и «мятежей».

По всей стране объявлено осадное положение. Отменен восьмичасовой рабочий день. Запрещены забастовки. Происходят массовые аресты.

В конце сентября в Саксонии и Тюрингии при участии коммунистов создаются рабочие правительства. Но их действия скованы капитулянтской позицией тогдашнего руководства компартии во главе с Брандлером и Тальгеймером.

Уже к концу октября оба эти правительства распускаются. Сотни революционно настроенных рабочих брошены в тюрьмы. Коммунистическая организация Саксонии разгромлена.

И наконец, героическое Гамбургское восстание, которое поднял и возглавил Эрнст Тельман. Баррикадные бои. Беспримерное мужество восставших. Защитники красной крепости — Гамбурга — окружены.

Силы неравны. Кровью залиты улицы и площади города. Восстание подавлено.

И вот уже поднимает голову самая отвратительная, самая агрессивная гадина реакции — фашизм. Будущий «фюрер» Адольф Гитлер в союзе с воякой Людендорфом пытаются организовать в Мюнхене захват власти. Пока неудача и насмешливое определение этой акции как «пивного путча».

Но так ли долго продлится это «пока»?!

В события решительно вмешался генерал-полковник Сект — командующий рейхсвера.

Будучи убежденным последователем идеи, что армия основная опора государственного режима, он, по существу, сосредоточил в своих руках всю полноту исполнительной власти и штыками подавил революционное движение.

22 ноября 1923 года Сект объявляет вне закона Коммунистическую партию и Коммунистический союз молодежи Германии.

Партия и комсомол уходят в глубочайшее подполье.

Таков фон основных политических событий, на котором развернется деятельность нового секретаря Рурского и Рейнского обкомов КСМГ товарища Рудольфа.

Рафаэль, став секретарем обкома, прежде всего занялся организационным управлением комсомола. Нужно было провести в первую очередь преобразование первичных организаций полностью по производственному принципу.

Такое преобразование, особенно в крупнейших индустриальных районах Германии, было важно потому, что сразу же включало комсомольцев в гущу экономической и политической борьбы рабочих рудника, завода, фабрики и становилось действенным средством образования единого фронта.

Ведь именно такую задачу ставил и Коминтерн перед своими секциями — партиями нового типа.

Известный ленинский лозунг «Каждый завод — наша крепость!», полностью оправдавший себя в дни подготовки и осуществления Октябрьской революции в России, мог определить и тактику недавно созданных зарубежных коммунистических партий. Тут дело не могло ограничиться чисто формальной организационной перестройкой.

В письме к съезду Объединенной коммунистической партии Германии Владимир Ильич советовал: «Не терять хладнокровия и выдержки; — систематически исправлять ошибки прошлого; — неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; — терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий; — вырабатывать себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии, — вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу»^[15].

А без превращения заводов, фабрик, рудников и шахт в подлинно «красные крепости», где даже призыв начать борьбу за какое-то частичное требование рабочих, выдвинутый коммунистами, превращался в звено в цепи единого фронта, трудно было ждать крупных успехов.

В одинаковой степени относилось все это и к комсомольским организациям, объединенным КИМом. Ведь в них состояли комсомольцы самых разнообразных профессий, что всякий раз затрудняло и задерживало активное участие в том или ином событии. Пока соберут

по цепочке, пока согласуют время сбора, имея в виду время и место работы каждого, — потеряны драгоценные часы!

Иное дело фабрично-заводская ячейка. Принято, допустим, решение объявить однодневную забастовку протеста или провести на территории предприятия сразу же после работы митинг. Что ж, Карл сказал об этом Францу, Франц сообщил Эриху, тот, в свою очередь, забежал в цех, где работает Людвиг, смотришь, не прошло и десяти минут, как вся комсомольская организация в полном составе ждет сигнала.

А как это стало необходимо, когда фабрично-заводские комитеты стали центрами по организации боевых отрядов пролетариата для борьбы с нацистскими и штальгеймовскими вооруженными бандами! В эти отряды первыми вступили молодые рабочие.

Так вот, Хитарову путем непрестанной разъяснительной работы среди комсомольцев Рура удалось активизировать их деятельность внутри профсоюзов, и, когда в Лейпциге в ноябре 1922 года проходил профсоюзный съезд, комсомольская фракция насчитывала 20 человек, преимущественно из Рурской организации.

А работа комсомола в профсоюзах была теснейшим образом переплетена с задачей завоевания влияния в массах и с созданием единого фронта снизу.

К успехам Хитарова следует отнести и демонстрацию солидарности с молодыми коммунарами Саксонии, Тюрингии, Рейна, проведенную 26 марта 1922 года по призыву Рурского областного комитета КСМГ. В ней приняло участие более 100 тысяч молодых рабочих.

Но самые тяжкие испытания, потребовавшие от Рафаэля мобилизации всех духовных сил, энергии и выдержки, были еще впереди.

Лишь только в городах Рура появились оккупационные французские войска, их встретили расклеенные на фасадах зданий воззвания на французском, немецком и арабском языках: «Солдаты! Вступая в Рурскую область, подумайте о том, что империализм Франции превратил вас в орудие борьбы против интересов пролетариата Германии, Франции и всего мира. Сыны трудящегося класса, не забудьте, что капиталисты всех стран — ваши враги, пролетариат всех стран — ваши братья!»

Воззвание подписали ЦК комсомола Франции и Германии и Рурский областной комитет.

А текст его был написан и принят на совещании представителей французского и немецкого комсомола, проведенном в Эссене буквально накануне начала оккупации. На этой братской встрече выработана была и программа совместных действий.

В Эссене, Дюссельдорфе, Бремене, Бохуме и других городах оккупированных областей комсомол вел пропаганду непосредственно в казармах, где размещались французские солдаты.

Впоследствии в одном из своих отчетов Хитаров писал: «В связи с рурской оккупацией антимилитаристская работа КИМа получила большой толчок. С первых же дней занятия Рурской области германский и французский комсомол установил между собой тесный контакт и все последующие месяцы работали совместно над разложением армии французских империалистов. Это был первый в истории КИМа пример столь широкого и тесного международного сотрудничества в виде совместной борьбы против общего классового врага. Еще французские войска не вошли в Рурский бассейн, как впереди них оказались французские комсомольцы, которые с помощью своих германских товарищей расклеили по всей области плакаты, разоблачавшие

цели и замыслы французских империалистов и призывавшие французских солдат к неповиновению, к братанию с германскими рабочими и к совместной борьбе против буржуазии — как французской, так и германской».

И прошли месяцы, и кто-то бросил крылатую фразу, что Рур стал красным капканом для молодых французских солдат. Может быть, чуть гиперболично, но, по существу, справедливо. Среди оккупационных войск началось брожение. Пришлось принимать самые срочные меры — отзывать распропагандированные роты и батальоны из Рура и заменять их новыми, надежными. Но даже новые войска — зуавы и марокканские стрелки — также отказывались стрелять в бастующих рабочих, тайно читали и передавали друг другу листовки с пламенным обращением быть «не палачами, а братьями».

Еще больший размах приняла кампания активного сопротивления оккупантам после международной конференции во Франкфурте-на-Майне, созванной по инициативе фабрично-заводских комитетов Рейнско-Вестфальской области. Был принят манифест «К рабочим всех стран!» и избран Международный комитет действия против военной опасности и фашизма. Его возглавили Клара Цеткин, Фриц Геккерт и Анри Барбюс.

Активное участие в работе этой конференции принимал и Рафаэль Хитаров.

А как он жил в эти горячие, густо пахнувшие порохом дни?

Забыл, что такое сон и отдых. Появлялся там, где в нем больше всего нуждались. Был доступен для каждого комсомольца и неуловим для тех, кто жаждал с ним расправиться.

Жил очень просто. Стал изучать французский язык и уже через несколько месяцев мог не только читать

периодическую прессу, но довольно сносно разговаривать.

6

С тех времен сохранилась изрядно пожелтевшая фотография.

С нее из такого далекого прошлого смотрят шесть юношей и две девушки.

Крайний в первом ряду слева Эрих Виснер. В 1928 году он, работая в ЦК КИМа, вместе с Валерианом Зориным возглавлял международное детское бюро.

Рядом с ним невысокая темноволосая девушка Лотта Кюн. Впоследствии она стала женой и верным другом Вальтера Ульбрихта, разделив с ним судьбу революционера-подпольщика, а затем выдающегося государственного деятеля нового социалистического государства — Германской Демократической Республики.

Слева сидит еще одна немецкая комсомолка — Луиза Дорвальд, по мужу Шелике. Луиза Шелике, сейчас ветеран СЕПГ, вспоминает:

«...Летом 1921 года на собраниях и других встречах я познакомилась с товарищем Рудольфом. В то время мне было неясно, являлся ли Рудольф представителем ЦК комсомола в Рурской области или по другой причине прибыл в Германию. О себе он много не говорил. Я знала только, что он русский, который хорошо говорит по-немецки. Я удивлялась тому, что он, будучи представителем, работает в шахте. Он был самым умным среди нас, и то, что всегда готов был помочь каждому из нас советом и делом, делало его особенно симпатичным».

И еще:

«Весной 1922 года я встретила Рудольфа в Дюссельдорфе. Я помню одну прогулку, на которой решался вопрос о моей поездке в Советскую Россию, в Москву, чтобы поработать машинисткой в Исполкоме КИМа... Именно Рудольф научил меня первым русским словам, необходимым для этой поездки. Он дал мне также ряд советов по поводу моей будущей московской жизни.

...Последний раз я встретилась с товарищем Хитаровым летом 1928 года в Берлине. Это было незадолго до открытия пятого конгресса КИМа. Мой муж, Фриц Шелике, уже уехал в Москву на конгресс в качестве руководителя издательства Интернационала молодежи. Тут мне позвонил тов. Р. Тунич и спросил, не могу ли я предоставить ночлег молодому товарищу, который едет на конгресс в Москву. Я согласилась. И ко мне на Андреасбергштрассе, 7, когда стемнело, пришел «молодой товарищ». Это был Рудольф — товарищ Хитаров».

Здесь на фотографии и Рихард Гюптнер, «железный Рихард», выполнявший в ИК КИМа ту же труднейшую роль секретаря по организационным вопросам, что и Осип Пятницкий в Коминтерне. Член «Спартака», он участвовал в штурме кильских казарм шестого ноября восемнадцатого года, когда ему еще не исполнилось семнадцати... Теперь он видный дипломат ГДР, один из авторов многотомной истории Коммунистической партии Германии. Они были друзьями с Рафаэлем.

А на фотографии Раффи стоит позади, положив руки на плечи Рихарда, и легкая улыбка трогает его губы... Но он уже не Раффи, не Рафаэль, не Рафик. Он — Рудольф Мартин. Геноссе Рудольф, снискавший уважение и любовь комсомольцев Германии. Трое остальных парней на этой фотографии — Курт Ваумгертель, Фриц Геблер и Вальтер Шульц.

Вальтер Шульц ныне сотрудник Института марксизма-ленинизма в Берлине. Он помнит товарища Рудольфа по совместной работе в КСМ Германии, вспоминает, что на VII съезде комсомола Германии в Хемнице Хитаров был одной из центральных фигур, способствующих успешному его проведению.

Это делегация комсомола Германии на III Всемирном конгрессе Коммунистического интернационала молодежи, открывшемся в Москве 4 декабря 1922 года.

Рафаэль вновь в Москве, но уже делегатом комсомола Германии! Мало кто из делегатов знал, что черноволосый немецкий товарищ родился в грузинском селе Тионети.

Ему тогда очень повезло. Вместе с Гюптнером он присутствовал на заседании IV конгресса Коминтерна, когда с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» выступал Владимир Ильич. «Он (Хитаров. — *В. Д.*), как и все мы, был счастлив, когда 13 ноября в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал о важности работы коммунистических ячеек на предприятиях, — вспоминает Гюптнер. — Это было самой сильной поддержкой нашей точки зрения, какую только можно было делать».

В Хемнице 31 марта 1923 года открылся VII съезд комсомола Германии.

И прежде всего съезд принял решение послать приветственное послание Владимиру Ильичу Ленину.

«Дорогой товарищ Ленин!

С глубоким беспокойством мы следим за ходом твоей болезни.

Теперь мы работаем и боремся в надежде увидеть тебя скоро здоровым и бодрым во главе борющегося рабочего класса всего мира.

Нам, рабочей молодежи Германии, предстоят тяжелые испытания. Борьба против нагло

поднимающего всюду свою голову фашизма и мобилизация пролетарской молодежи против своего порабощения требуют всех наших юных боевых сил.

Но в нашей борьбе мы учимся отвечать ударами на удары врага. Наш дух поддерживается следующей мыслью: «Привлечь рабочую молодежь на свою сторону, под наши знамена мировой революции, передового боевого авангарда рабочего класса Германии и воспитать ее для грядущей последней битвы с капитализмом».

В твердом убеждении, что наши успехи послужат великой цели, которой ты нас научил, мы обещаем удесятить нашу энергию и нашу волю на пути через борьбу к победе».

Бесспорно, в составлении этого послания принимал участие и Хитаров.

А потом некий товарищ Мартин Клаковицки выступил с докладом «О нашей работе на производстве».

«Эге! Да это же наш Рудольф!» — удовлетворенно отметили делегаты съезда от Рурской и Рейнской организаций.

— Мы выражаем твердую уверенность, — звучал с трибуны спокойный, уверенный голос докладчика, — что наш союз быстро будет расти благодаря работе фабрично-заводских ячеек. В настоящее время путь KGM Германии — это работа на заводе.

Свой доклад Рафаэль иллюстрировал примерами успешной деятельности фабрично-заводских ячеек Рура и Рейна. Поэтому теоретические его положения о необходимости коренной организационной перестройки были просто неопровержимы — факты упрямая вещь! — и оппоненты, которых было уже немного, оказались жестоко битыми.

В новый состав Центрального Комитета наряду с Генрихом Дютцем, Конрадом Бленкле, Робертом

Лейббрандтом, Гарри Кюном, Вилли Крессом, Эрихом Виснером и другими был избран и Мартин Клаковицки.

Отныне ему — Рафаэлю Хитарову — предстояло перебраться из Эссена в Берлин, в пятиэтажное здание на Бюловплац — знаменитый Дом Карла Либкнехта, и работать в качестве заведующего организационным отделом (фактически вторым секретарем) ЦК КСМГ.

А хемницкий съезд закончился веселым праздником молодежи.

О нем товарищ Эрнст {Эрих Виснер) рассказывал:

— Рудольф был простым веселым парнем. Ну и превосходным организатором. Мы это учли. Самодеятельный вечер без тамады — ну это за грузинским столом, а по-нашему — без директора-распорядителя — может превратиться в сплошной бедлам, и мы тут же решили избрать на этот высокий пост Рудольфа. Идея принадлежала Гюптнеру: «А ну-ка испытаем нашего нового орг-секретаря. Каков будет он в деле?» — предложил он.

Рудольф не стал ломаться и торжественно объявил наш вечер открытым. И тут же заставил Карла — под этим именем на съезде присутствовал Ефим Цейтлин, — спеть песню о Волге. Карл согласился и пел очень старательно, а мы ему дружно подпевали. Рудольф продолжал командовать, властно требуя от каждого присутствующего выступления со своим номером. И не знала птичка, что шествует по тропинке бедствия... Правильно я это сказал? Ну так вот, когда каждый из нас продемонстрировал свои таланты, Карл сказал Рудольфу: «Теперь твой черед!» — «Я же директор-распорядитель!» — возмущенно возразил Рудольф. «Не выйдет, браток, не отвертишься! Большому кораблю большое плавание... Пляши лезгинку!» — «А где бубен?» — «Обойдешься без бубна. Я тебе на губах сыграю и в ладоши буду хлопать».

И Рудольф вошел в круг, гикнул и выдал такую пляску, что мы все просто глаза вытаращили...

Как и в Эссене, Рафаэль продолжал бороться за организационную перестройку союза, за его массовость и тактику единого фронта. Ездил по всей стране и вел разъяснительную работу среди молодежи.

Первая производственная ячейка комсомола была создана в Дюссельдорфе в первые дни борьбы с оккупантами, а в июне 1923 года таких ячеек в Рурской области было уже 42.

Стали возникать фабрично-заводские ячейки и в других городах страны: в Гамбурге, Хемнице, Штутгарте. Позже в самом Берлине, ибо руководители Берлинской организации дольше других цеплялись за старый, опровергнутый жизнью территориальный принцип.

И за сравнительно короткое время число комсомольцев Германии выросло с 28 до 70 тысяч человек. КСМГ выходил на дорогу создания массовой организации молодежи.

Это было время, когда Коммунистическая партия и комсомол Германии были объявлены вне закона.

Генерал Сект угрожал казнями и каторгой всем тем, кто не порвет с «красными бунтовщиками».

В декабре вышел нелегальный номер «Молодой гвардии».

«Можете ли вы, генерал Сект, — говорилось в передовой статье, — запретить миллионам людей, страдающим от голода, бороться против такого положения, можете ли вы запретить пролетарской молодежи, доведенной до невероятных лишений, оставленной без средств к существованию, без обуви, без одежды, без кроватей, без жилища, объединиться для оборонительной борьбы? Это вам никогда не удастся, потому что восстание против голода можно подавить лишь с ликвидацией его причин, с

ликвидацией самого голода. Но вы не можете и не хотите ликвидировать голод, потому что в этом случае пришлось бы покушаться на богатства буржуазии, в руках которой вы являетесь лишь палачом рабочих. Именно поэтому пролетариат под руководством коммунистов должен вести борьбу во имя своей свободы, и он победит».

Но чего стоила эта самоотверженная борьба? Какие потери понесли партия и комсомол Германии за месяцы своей подпольной деятельности?

Вот несколько цифр. В тюрьмы из числа участников октябрьских боев брошены семь тысяч коммунистов и две тысячи комсомольцев. Смертью храбрых пали комсомольцы Баумперт, Гемпель, Кун, Мандель. Член ЦК Вилли Кресс, арестованный французскими оккупационными властями, умер в тюрьме 21 января 1926 года.

Переход на нелегальное положение — дело сложнейшее. В особенности для такой массовой партии, как германская, имевшей 62 депутата в рейхстаге.

И еще, пожалуй, труднее уйти в подполье молодежным организациям. Именно этим и приходится заниматься Хитарову. И не только по должности, как орг-секретарю ЦК, но и потому, что он обладал наибольшим опытом революционной деятельности в условиях глубокого подполья.

Нелегальный аппарат должен быть мобильным и гибким. Надо сразу же предохранить организацию от проникновения в нее провокаторов. Позаботиться о явках, меняющихся паролях, способах связи, найти возможность печатать нелегальные газеты и листовки.

Конечно, не все проходило гладко.

Слабые духом отступили — за месяцы подполья комсомол потерял 70 процентов своего состава. Осталось неполных 23 тысячи, но то были настоящие парни! К тому же именно тогда, когда комсомол

объявлен был вне закона, активизировали свою деятельность и реформистский союз социалистической молодежи (более 90 тысяч членов), и германский союз католиков (620 тысяч членов), и буржуазно-националистические организации: «Молодежь великой Германии», «Молодой германский орден», «Союз Бисмарка» и т. п.

Нелегко приходилось и самому Рафаэлю. Рудольф Мартин проходил по «делу», заведенному против ЦК КПГ. Числились за ним и «старые грехи» — антимилитаристская пропаганда. Так что «на всякий случай» его заочно приговорили к нескольким годам каторжных работ.

И полиция буквально сбилась с ног, разыскивая в огромном городе «опаснейшего политического преступника». Но тщетно! Рафаэль всякий раз уходил от слежки, «обрубал хвосты», менял местожительство.

После «легализации» ему пришлось принять участие в развернувшейся широкой дискуссии — нужно было с большевистских позиций разъяснить комсомолу причины октябрьского поражения германского пролетариата.

Рафаэль был убежден, что осень 1923 года была как нельзя более благоприятна для решительных действий Компартии Германии, способной тогда повести пролетариат на «последний и решительный». И только оппортунизм тогдашних лидеров партии Брандлера и Тальгеймера, их растерянность перед лицом назревающих событий, их стремление к единому фронту сверху с левыми социал-демократическими болтунами поставили под смертельный удар и рабочие правительства Саксонии и Тюрингии, и героев красных баррикад Гамбурга.

Что касается комсомола, то молодежь долгое время верила, будто их бывший вожак Генрих Брандлер (он основал пролетарскую молодежную организацию в

Берлине и являлся одним из руководителей «Спартака»), став партийным лидером, указывал самый верный революционный путь. И лишь с осени 1923 года пути брандлеризма стали постепенно ослабевать.

Но, как часто бывает в момент серьезных кризисов, критика одной ошибочной позиции приводит к укреплению противоположной и тоже ошибочной.

К руководству компартией пришла группа «ультралевых» во главе с Рут Фишер и Аркадием Масловым, проповедовавшими сектанство и мелкобуржуазный радикализм, а политическим секретарем ЦК комсомола стал их сподвижник и ставленник Якобс. К счастью, ненадолго. Благодаря упорству и настойчивости Хитарова он был отстранен, и политическим секретарем Цемаола стал Конрад Бленке, один из самых блестящих представителей германского комсомола 20-х годов.

Бленке и Хитаров работали дружно и много сделали для того, чтобы полностью излечить комсомол от «правых» и «левых» болезней. Во всяком случае, VIII съезд германского комсомола, проходивший 10–12 мая 1924 года в Лейпциге, принял резолюцию, предложенную Исполкомом КИМа.

На этом съезде Рафаэль вновь был избран членом ЦК и его секретариата, а также и делегатом на IV конгресс Коммунистического интернационала молодежи. А после конгресса опять вернулся в Германию и продолжал работать секретарем ЦК КСМГ.

С приходом к руководству компартии группы ленинцев во главе с Эрнстом Тельманом, Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и другими работать в комсомоле стало гораздо легче.

Рафаэль, занимавший бескомпромиссную большевистскую позицию во время внутрипартийной дискуссии, подружился с Тельманом. Об этом рассказал впоследствии генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ

Александр Мильчаков, вспоминая о своей поездке во Францию в качестве руководителя делегации КИМа на съезд французского комсомола:

«...Первые знакомства с немецкими товарищами на немецкой земле. Дом Карла Либкнехта, где размещены ЦК Компартии и ЦК комсомола Германии. Крепкие рукопожатия, добрые пожелания. И наконец, встреча с вождем германского пролетариата Эрнстом Тельманом. Он тогда временно находился в подполье — предстояли президентские выборы. И компартия выставила его кандидатуру на пост президента. Предвыборная борьба проходила в обстановке разгула антикоммунистической кампании и усиления террора против компартии. Опасаясь за жизнь Тельмана, ЦК партии предложил ему временно скрыться в подполье...

Встреча с Тельманом произошла неподалеку от Дома Карла Либкнехта. Стены домов пестрели предвыборными плакатами, в темноте вспыхивали щиты, на которых «публиковались» электросветовые «сводки» хода голосования. Возле щитов с утра до позднего вечера толпились люди, что-то оживленно комментируя, о чем-то споря. Каково же было удивление Хитарова, когда в толпе, ожидавшей очередной сводки, он увидел Тельмана.

Мы подошли к нему. Поздоровались. Хитаров представил меня: «Русский товарищ Александр, едет в Париж».

Тельман улыбнулся и молча сильной рукой рабочего сжал мою руку.

Я пристально вглядывался в обветренное озабоченное лицо Эрнста Тельмана. Крупные черты лица. На голове — фуражка с твердым околышем и козырьком, хорошо знакомая нам по фотографиям. Широкие плечи. Крепкая, коренастая фигура.

Хитаров спросил:

— Почему ты на улице?

Тельман насупился.

— Не могу я уподобиться этим трусливым адвокатам. — Тельман имел в виду оппортунистов Рут Фишер и Маслова... — И вчера и позавчера я говорил с делегатами от рабочих. Они собираются в пивных залах. Друзья проводят меня к ним. И сейчас я пойду на встречу беспартийных рабочих с коммунистами. И снова буду выступать. А как же иначе?

Хитаров стал убеждать Тельмана:

— Береги себя, дорогой...

— Хорошо, я буду осторожен, юноша.

И затем, повернувшись в мою сторону, усмехнулся:

— У русских, кажется, есть такая поговорка: «Не так страшен черт, как его малюют!»

Хитаров перевел мне слова Тельмана. Я попросил его передать Тельману, что русские комсомольцы желают ему успеха.

Тельман крепко обнял нас и по-русски сказал:

— Привет Москве!»

Дружба Рафаэля с Эрнстом Тельманом продолжалась и тогда, когда Хитаров окончательно перебрался в Москву и стал секретарем Исполкома КИМа. Во всяком случае, в дни VI конгресса Коминтерна и V конгресса КИМа их не раз видели вместе...

Гигант с широченными плечами и круглой выбритой головой и стройный молодой человек с шапкой волнистых черных волос. И оба в форме красных фронтовиков — в пепельно-серых костюмах, перетянутых желтыми ремнями.

Кстати, Рафаэль был одним из самых убежденных и энергичных помощников Тельмана по созданию «Рот фронта» — Союза красных фронтовиков — и его молодежного резерва «Ротен юнгштурм».

Почти пять лет своей жизни отдал Рафаэль Хитаров борьбе за победу пролетарской революции в Германии.

В апреле 1925 года он знал, что доживает в Германии последние дни, так как уже было принято решение о вызове его в Москву для работы в Исполкоме КИМа.

Тем не менее он с присущей ему тщательностью и увлеченностью готовился к докладу о положении и задачах германского комсомола, который должен был сделать 23-24 мая на Всегерманской конференции КСМГ в Магдебурге.

Заключительное заседание конференции превратилось совершенно неожиданно для Раффи в торжественные проводы геноссе Рудольфа в Советский Союз.

Председательствующий, прежде чем закрыть конференцию, взял слово:

«Нас покидает товарищ, — взволнованно начал он, — почти пять лет назад посланный к нам для работы Российским союзом (молодежи) и все это время принимавший участие в нашей работе. Я думаю, что выражу ваше общее пожелание, благодаря его за работу. Он начал работать в низах организации, работал в рудниках, и рурские товарищи еще, вероятно, хорошо помнят его. Он быстро завоевал доверие товарищей и на хемницком съезде (Коммунистического союза молодежи Германии) был избран в Центральный Комитет. Долгое время он руководил оргсекретариатом ЦК, особенно в трудное для нас время нелегального положения, а в последнее время он направлял профсоюзно-экономическую работу союза. Во время дискуссии о партийной тактике у нас были острые разногласия с товарищем Рудольфом. И то, что мы, серьезно выступавшие против него, можем сказать, что он — деловой работник — и каждый работавший с ним подтвердит это, — является лучшим доказательством того, что он действительно верно и ревностно, не ради личных и иных выгод выполнял свою работу. Мне

кажется, что доверие, завоеванное товарищем Рудольфом, является показателем того, как мы должны работать. Оно означает еще большее. Оно говорит о том значении, какое имеет совместная борьба русского и немецкого союзов. Я думаю, что мы остро почувствуем отсутствие товарища, в течение пяти лет проработавшего с нами в труднейших условиях и теперь возвращающегося в Российский союз. ЦК предлагает избрать товарища Рудольфа почетным членом союза. (Громкие, продолжительные аплодисменты.) Мы никому еще не оказывали такой чести, и это высший почет, который союз может оказать. Мы все будем рады, если товарищ Рудольф вновь вернется к нам. Мы желаем КИМу, чтобы товарищ Рудольф и в тех странах, куда его пошлет Интернационал, работал с таким же успехом, как он работал у нас. Еще раз благодарим его за все то, что он дал нам, что он дал нашему комсомолу. (Громкие аплодисменты.)».

Вот этого товарищ Рудольф совершенно не ожидал. Он знал, конечно, что на VI съезде РЛКСМ, отпуская на учебу вожака своего Петра Смородина и одного из руководителей ИК КИМа, Оскара Тарханова, делегаты единодушно избрали их почетными комсомольцами. Но ему казалось, что он-то, работая по поручению Исполкома КИМа в Германии, выполнял честно, как подобает каждому большевику, то, что должен был делать. Только и всего!

Сидя в президиуме, он вглядывался в лица девушек и парней, заполнивших места в зале. Почти каждого он знал лично, как товарища по борьбе.

И он встал:

— Большую честь, оказанную мне, я принимаю не на свой счет, — голос Хитарова предательски дрогнул. — Все то, что я делал, идет в счет того союза, который дал мне политическое воспитание... В течение нескольких

лет мы работали в мире. Мы много сделали. Германский союз приобрел богатый опыт. Не на основе одного факта, а учитывая весь процесс развития (коммунистического движения) Германии, можно твердо сказать, что немецкие товарищи понимают теперь значение большевизма. Слово «большевизм» перестало быть пустым звуком для германской партии. Работать по-большевистски — вот нынешняя цель каждого немецкого коммуниста, стремление всей партии и союза молодежи. Это самое ценное из того, что я смогу передать Российскому комсомолу.

Я расскажу русским товарищам, как вы прекрасно работаете, как вы хорошо поняли, что большевизм — не только русская, а интернациональная школа ленинизма. Я скажу им, что немецкие товарищи с гордостью заявляют ныне: мы хотим стать твердокаменными большевиками и, только будучи ими, победим. (Бурные, несмолкающие аплодисменты.)

В этой короткой речи весь Хитаров. Ни слова о себе, если исключить критику собственных ошибок, высокая оценка деятельности своих немецких товарищей и четко сформулированная «сверхзадача» — дальнейшая большевизация КСМГ. Предельная скромность и страстная революционная требовательность к себе самому и к своим соратникам по борьбе.

Тут полезно напомнить, что именно в 1925 году ЦК РЛКСМ организовал ряд поездок зарубежных молодежных делегаций по Советскому Союзу. Молодые рабочие из разных стран получили возможность увидеть жизнь Страны Советов, убедиться в преимуществах социализма перед капитализмом, завязать прочные дружеские интернациональные связи с советскими комсомольцами. Они разнесли по всему миру правду о «страшной большевистской России», в которой каждый честный пролетарий чувствовал себя как в родном доме.

В то же время их свидетельства разрушили ложь и клевету, распространяемую буржуазными идеологами и их социал-реформистскими подпевалами, отрицавшими успехи строительства социализма в СССР.

В мае 1925 года Хитаров был избран заместителем председателя делегации РЛКСМ в КИМе и назначен заведующим организационным отделом Исполкома.

Подытоживая деятельность комсомола Германии за эти годы, Исполком Коминтерна молодежи отметил: «В Германии наш комсомол первым, еще до опубликования «Открытого письма» Коминтерна, осудил курс Рут Фишер. После «Открытого письма» комсомол со всей энергией защищал линию Коминтерна и партийного большинства. Наш германский комсомол принимал горячее участие в ликвидации ультралевого кризиса в Германии. Комсомол также всегда боролся против правых внутри Коммунистической партии Германии. Германский комсомол принимал горячее участие в практической партийной работе и энергично поддерживал партию в избирательной кампании».

Это оценка практической деятельности Хитарова.

«Бессмертны и неоценимы его заслуги в развитии коммунистического молодежного движения в Германии, в превращении его в массовую организацию большевистской закалки, — писал один из ветеранов СЕПГ, Эрих Ауэр. — Всецой своей работой *Хитаров навеки воздвиг себе памятник в истории немецкого рабочего молодежного движения*».

А Рихард Гюптнер и его жена называли своего сына в честь их друга Хитарова — Рудольфом, и Рудольф Гюптнер в день гитлеровского нападения на Советский Союз пошел добровольцем на фронт и погиб смертью храбрых, защищая родину Рудольфа-старшего — Раффи Хитарова, которого уже не было в живых.

Часы на башне английской таможни — шанхайский Биг-Бен — отзвонили пять раз. Времени еще оставалось предостаточно, и он неторопливо пошел по Банду в сторону памятника сэру Роберту Харту.

Желтая лента реки медленно темнела. Вечер принялся за свое рукоделие, вышивая по водной глади многоцветный огненный узор.

На узкой и длинной Фучао-род, куда он свернул с Банда, зажглись десятки наддверных фонариков, которым был придан облик фантасмагорических животных: львов, хмурых длинноусых тигров... Больше всего было драконов.

Он посматривал на этих бумажных драконов, во множестве нависающих над головами прохожих, и мысленно усмехался. «Отправиться тебе сейчас в Шанхай — это все равно что сунуть голову в пасть разъяренного дракона», — сказал ему Чжан Тан-лэй. Он очень уважал Чжана и всегда считался с его точкой зрения. Но относительно поездки в Шанхай их мнения резко разошлись. Чжан полагал, что ни в коем случае нельзя рисковать жизнью представителя, а Хитаров считал, что в жизни каждого наступает такой момент, когда надо переступить через «нельзя», пренебречь риском, не думать об угрожающих тебе опасностях, словом, сунуть голову в пасть дракона, постаравшись, конечно, не допустить, чтобы зубастые челюсти сомкнулись. Впрочем, так ли уж много было у него спокойных дней за почти восемь месяцев пребывания в Китае? Пожалуй, только в Ухани до трагического дня 26 июля, когда Ван Цзин-вэй и его сторонники из левого крыла гоминдана перешли в лагерь контрреволюции. Но и в те первые месяцы своей работы в Китае он не отсиживался в Ухани. Ездил в Кантон, Нанкин, Гонконг,

в тот же Шанхай, и всё в условиях строжайшей конспирации. Тайные и явные агенты Чан Кай-ши вылавливали коммунистов, комсомольцев, профсоюзных работников и жесточайшим образом расправлялись с ними. Дабы не «проливать кровь», активистов партии и комсомола живыми зарывали в землю. Одним из первых погиб секретарь Шанхайского комитета комсомола Хуан Лянь-чунь — прекрасный юноша со светлой головой и бесстрашным сердцем.

«И все же Хуан успел ввести меня в курс дел шанхайской организации и помог изучить этот гигантский город», — подумал идущий по Фучао-род европеец, изображающий из себя бульвардье, у которого много свободного времени и никаких дел, кроме как пялить глаза на витрины лавчонок с немудрящими безделушками да на выпорхнувших на свет «ночных бабочек» с замысловатыми и точно лакированными прическами.

Он был в светло-сером легком костюме и широкополой фетровой шляпе. Плаща не взял — вечер, несмотря на ноябрь, стоял жаркий, — но помахивал неизменным зонтиком, туго свернутым, с удобной ручкой из гнутого испанского камыша. А очки в золотой оправе с зеленоватыми стеклами — завершающий штрих в обличье молодого и, по-видимому, преуспевающего немецкого служащего, направленного в Шанхай, чтобы привыкнуть к запахам южнокитайского рынка. Что-что, а послевоенную Германию он знал как собственную ладонь, по-немецки говорил безукоризненно, владея и «хохдой-чем», и баварским диалектом, что особенно важно, ибо по паспорту он как раз и являлся баварцем.

Остановился он в Вейда-отеле на авеню Жоффр. Дороговато, конечно, но все же в возможностях посланца концерна «И. Г. Фарбениндустри». Просторные номера с ванной и душем, бары, бассейны,

множество уютных уголков для отдыха и деловой беседы. И цены в ресторане — только ахаешь. Ну он-то к ресторану и близко не подходит. В кафе можно быстро поесть, а главное, без больших затрат.

Он умышленно не позволял себе думать о самом главном... О четвертом повороте направо. И шел очень медленно, останавливаясь и подолгу задерживаясь перед витринами.

Пройден третий поворот, и разменяны еще четыре минуты. Остается чуть больше трех. Ага! Первые капли дождя. Значит, можно раскрыть зонтик и использовать эту несложную процедуру для того, чтобы еще — в который уж раз — осмотреться по сторонам. Хвоста нет. Звонкие щелчки капель по натянутому шелку. Дождь — это, пожалуй, хорошо. Да нет же, никаких признаков слежки! Так откуда же это беспокойство? За тем двухэтажным домом, на углу ждет рикша. На оглобелях по две поперечные синие полосы. Сесть и громко крикнуть: «Пристань Дикейкей!» Только и всего. Сесть и сказать: «Дикейкей...»

Еще пять шагов... Итак, значит, Дикейкей...

И он делает шаг, еще один и еще...

8

На VII расширенном пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала, заседавшем в Москве с 22 ноября по 16 декабря 1926 года, обсуждались важнейшие вопросы мирового рабочего движения. В их числе были доклады Тан Пин-сяна — «Пути развития китайской революции» — и Д. З. Мануильского — «Тихоокеанские противоречия и Китай».

В основном докладе, письменный текст которого был роздан участникам пленума, констатировалось, что

за последние шесть-семь лет наметился несомненный прогресс в революционном развитии китайского пролетариата. И именно Шанхай, многомиллионный город, крупнейший транспортный и торгово-индустриальный центр страны, стал в майские дни 1925 года ареной ожесточеннейших классовых сражений, в результате которых удалось вырвать из рук буржуазии руководство национально-революционным движением.

Одна из центральных магистралей Шанхая носит название Бабблинг-Велл-род, что можно перевести как — «улица бурлящего колодца». Название это было бы справедливо перенести на весь город-гигант с его районами Чапеем, Путуном, Наньтао, как бы стискивающими в своих жестких объятиях фешенебельный центр — улицы международного сеттльмента и французской концессии — с его портом и многочисленными пристанями по берегам Хуанпу, судоремонтными мастерскими, текстильными и табачными фабриками и знаменитым Фуданьским университетом.

Так вот, 30 мая 1925 года в Шанхае английской полицией была расстреляна патриотическая демонстрация рабочих и учащихся. В первый день на улицах Шанхая пало 46 патриотов, в последующие дни было убито еще 65 человек и ранено более 250. И ответом на эту кровавую расправу стала мощная *политическая забастовка*, в которой приняло участие более 200 тысяч шанхайских рабочих. К ним присоединились студенты Фуданьского университета и некоторая часть мелкой и средней буржуазии. И на этот раз шанхайские события вызвали участие и горячую поддержку во многих городах Китая, оформившиеся в движение «Тридцатого мая».

В своей резолюции по китайскому вопросу VII расширенный пленум ИК КИ записал: «На втором этапе характер движения меняется, и его социальная база

передвигается в сторону другой классовой группировки. Развиваются новые, более революционные формы борьбы. На арене Китая в качестве первоклассного политического фактора появляется рабочий класс».

К VII пленуму ИК КИ во всей стране с населением более чем в полмиллиарда в КПК насчитывалось едва ли тринадцать тысяч членов. Следовательно, не могло быть и речи о том, чтобы только силами компартии и примыкающих к ней групп членов профсоюза и молодежных организаций попытаться вывести страну на путь некапиталистического развития. Основной движущей силой оставался гоминдан — национальная партия, усилиями одного из ее основателей, доктора Сунь Ят-сена, выработавшая новые формы освободительной антиимпериалистической борьбы.

Оказавшись дальнзорким и честным политиком, Сунь Ят-сен понял в конце концов, что единственным выходом из тупика, в котором уже много лет находился гоминдан, может быть сотрудничество с молодой Коммунистической партией Китая, завоевывавшей все более прочные позиции среди рабочего класса. В результате в июне 1923 года на III съезде КПК было принято решение о создании единого национального фронта, и коммунисты в индивидуальном порядке вступали в гоминдан, сохраняя организационную и идейно-политическую самостоятельность своей партии.

Казалось, что после I конгресса гоминдана, состоявшегося в январе 1924 года в Гуанчжоу (Кантоне), на котором был принят манифест, излагающий программу борьбы против империализма и феодализма, гоминдан стал партией блока рабочих, крестьян, мелкой городской и национальной буржуазии.

Казалось, что семена, посеянные доктором Сунь Ятсеном, — нерушимая дружба с Советской Россией,

союз с КПК и поддержка крестьян и рабочих — дадут щедрые всходы.

Казалось, что военные успехи НРА — Национально-революционной армии, созданной гуанчжоуским правительством и уже разгромившей во время своих прошлых походов сильную реакционную клику Чэнь Цзюнь-мина, обеспечат постепенное, но неизбежное освобождение восточных и северных провинций страны от засевших там, враждующих между собой генералов-властолюбцев.

Казалось, что даже безвременная кончина Сунь Ятсена, выразившего в своем предсмертном обращении к ЦИК СССР убежденность, что настанет день, когда свободный и независимый Китай пойдет рука об руку с Советским Союзом к светлому будущему человечества, уже не повлияет на политические позиции гоминдана, во всяком случае его левого большинства.

Михаил Маркович Бородин — старый большевик ленинской выучки — возглавлял группу политических советников при ЦИК гоминдана, находившихся в Гуанчжоу по приглашению Сунь Ят-сена, а Василий Константинович Блюхер был главным военным советником и разрабатывал стратегию восточных походов НРА.

Шли, казалось бы, плечом к плечу, рука об руку... Но в гоминдане не было единства.

Его крайне правая группа, представляющая интересы компрадоров и наиболее крупных помещиков, захватившая власть в провинции Гуандун, не только тайно, но и явно заигрывала с международным империализмом и не гнушалась контактов с милитаристами внутри страны.

Эту группу решительно поддерживает правое крыло гоминдана, опирающееся на крупную буржуазию, зажиточное крестьянство и эмигрировавших богатых купцов, «революционные» настроения которых вызваны

лишь неудачами в конкурентной борьбе с иностранными импортерами.

Что касается центра, чьими лидерами являются Дай Цзи-тао и Чан Кай-ши, то, несмотря на небольшое число приверженцев внутри гоминдана, он — реальная и потенциально опасная сила, ибо опирается на вооруженные силы, а Чан Кай-ши является начальником военно-политической школы Хуанпу — горнила по подготовке кадров Национально-революционной армии. Пока что компартии удается осуществлять деловой контакт с центром, но уже мартовские события этого года — прямая попытка лидеров центра захватить власть в свои руки — требуют от руководства компартии неусыпной бдительности. Дай Цзи-тао и Чан Кай-ши представляют собой некий симбиоз: первый — идеолог, великолепно владеющий искусством демагогии; второй — отлично отработанное орудие, с помощью которого и проводится в жизнь идеология «народной», но не социальной революции, пропагандируемая Дай Цзи-тао. И обоих съедает просто чудовищное властолюбие.

Левое крыло — самое многочисленное в гоминдане. Оно представляет интересы среднего и мелкого купечества, большей части крестьянства, ремесленников, интеллигенции. Почти ⁹/10 местных организаций партии находится под руководством этого крыла, поддерживающего наиболее тесный контакт с коммунистами. Признанный лидер левого крыла — Ван Цзин-вэй, человек нерешительный, склонный без видимых причин менять свои позиции. Левая часть гоминдана столь же неоднородна по своему социальному составу и по политическим воззрениям, как и весь гоминдан. Коммунисты, вошедшие в него, делают все возможное, чтобы городские рабочие,

малоземельные крестьяне и батраки стали основной опорой левого крыла гоминдана.

Итак, в наличии не стиснутый кулак, а всего лишь рука с пальцами, растопыренными в разные стороны. Естественно, что важнейшей задачей Китайской компартии была и остается необходимость сблизить, сомкнуть хотя бы часть пальцев этой гигантской, но пока еще довольно беспомощной руки.

Но для этого нужно было послать опытных партийных работников в важнейшие города страны: Шанхай, Пекин, Ханькоу, Гуанчжоу (Кантон), Нанкин и другие.

9

Расстановка политических сил в Китае к концу 1926 года общеизвестна и, пожалуй, не потребовала бы столь подробного описания, ежели бы не одно частное событие, происшедшее уже после пленума, утром одного из рабочих дней Исполкома КИМа.

Лазарь Шацкий, возглавлявший делегацию ВЛКСМ, заглянул в комнату, где работал Хитаров, и поманил его к себе.

— Посоветоваться треба, — сказал он Хитарову, подхватывая его под руку.

Они прошли через весь длинный темноватый коридор и втиснулись в крошечный кабинет Шацкого.

— Располагайся.

Шацкий молчал и как-то уж слишком внимательно разглядывал Рафаэля. Наконец спросил:

— Ну что ты думаешь о Китае, Рафик?

— Если ты, дорогой, собирался ошеломить меня таким вопросом... я еще неважно знаю английский.

— Ага, — хмыкнул Шацкий. — Язык дело поправимое. Ты человек способный, а времени

предостаточно.

— Неделя? Две?..

— Да нет же, Рафик! Не на пожар, хотя, конечно, Китай в пламени. Полагаю, месяца два у тебя в запасе. Никак не меньше.

Хитаров соскользнул с края стола, подвинул стул, сел и, поставив локти на стол, вцепился пальцами в свои густые блестящие волосы.

— Я же Китаем не занимался.

— Но у тебя опыт работы в нелегальных условиях.

— Только европейский! А кроме того, партия в Китае легальна. Там немало хороших парней.

— Вот-вот, — чуть прищурил свои карие глаза Шацкин. — Поедешь, встретишься там с Оскаром, привет ему кимовский передашь, глядишь, и он тебе кое-что подскажет. А что касается мастерства конспирации, то кто знает, не пригодится ли оно тебе коли не сегодня, так завтра. Не такие уж мы с тобой повара, чтобы на глазок определить, что варится в этом огромном котле.

— Надолго ехать? — спросил Хитаров.

— Нет, самое большее на год.

— Ну удружил!

— А что, за немцев своих беспокоишься — осиротеют, мол? Уж как-нибудь присмотрим.

Рафаэль засмеялся, блеснув белыми ровными зубами.

— Решение уже принято? — спросил он, сразу посерьезнев.

— Нет. Решить должен ты сам.

— Лазарь, дорогой, помнишь ли ты хоть один случай, когда кто-нибудь из нас отказывался выполнить поручение Коминтерна?

— Нет.

— То-то и оно! Значит, я начинаю подготовку.

— Действуй, Рафик, действуй!

Назавтра Хитаров уже не пришел в ИК КИМа. Намеченный им план подготовки к поездке в Китай требовал по крайней мере четырнадцати часов в день усидчивого многообразного труда.

Он затребовал из публичной библиотеки труды, посвященные Китаю, на русском, немецком и английском языках. Увесистые тома в толстых картонных, под разноцветный мрамор переплетах, с кожаными корешками и поблекшим золотом тисненых букв. Старые книги. Траченные временем, словно прошли они через тысячи нетерпеливых рук.

И все это как добавка к совершенствованию английского языка и, естественно, изучению важнейших документов Коминтерна и КИМа по китайскому вопросу. Четырнадцать часов в сутки оказалось явно недостаточно. Хитаров сократил сон до шести часов, но сохранил ежевечернюю, обязательную в любую погоду, полуторачасовую прогулку по Тверской и Садовому кольцу, чтобы «проветрить мозги».

Однажды Коля Фокин, заглянув в комнату Хитарова, застал его за чтением английского перевода книги «Дао дэ цзин», в которой изложены идеи Лао-цзы, основоположника даосизма.

— Ого! — воскликнул он. — Берешь на вооружение старика Лао. А пригодится ли тебе сия премудрость, Рафик?

— Человек должен следовать «дао», то есть отказаться от мудрствования. Какую же премудрость имеешь ты в виду, о Николай, застав меня за изучением основ даосизма?

— Ловко! Но только я опасаюсь, не слишком ли глубоко вскапываешь?

— Я же бохумский рудокоп, Коля, — рассмеялся Хитаров. — Привык глубоко копать. В шахте. Худо другое — китайского языка не знаю, а выучить его за такие сроки выше сил человеческих.

— Неужели пробовал?

Хитаров вытащил из-под стопки тяжелых книжищ общую тетрадь в клеенчатом переплете. Раскрыл, перелистал. Ее страницы были испещрены старательно выведенными иероглифами и переводами их на русский и английский.

— Вот это зазубрил, — хлопнув ладонью по тетради, сказал Хитаров. — Самое необходимое. Но выговор у меня ужасающий.

Фокин с нескрываемым уважением посмотрел на своего друга.

— С таким запасом прочности ты и в кипящем котле не пропадешь.

10

А котел бурлил все сильнее, и казалось, что вот-вот события подтвердят оценку перспектив китайской революции, сделанную VII пленумом ИК КИ, и государство, созданное в результате победы революции, «будет представлять собой демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов».

Национально-революционная армия одерживала все новые и новые победы на севере над войсками милитаристов. Ухань была объявлена столицей революционного Китая. 21 марта 1927 года началось вооруженное восстание шанхайского пролетариата, и уже на другой день восстания — 22 марта — в город вступили революционные войска. Через два дня был взят и Нанкин.

Правда, главнокомандующим революционных армий оставался Чан Кай-ши, честолюбец и авантюрист, однажды уже попытавшийся повернуть события вспять и совершить в Гуанчжоу контрреволюционный

переворот. Но думалось, что революционные волны, накатывающиеся одна за другой, достигли уже такой мощности, что роль волнореза станет Чан Кай-ши не по силам.

Во всяком случае, после обстоятельной беседы с секретарем ИК КИ Осипом Пятницким, великим знатоком конспирации, Хитаров, отправляясь в долгий путь, был почти убежден, что, оказавшись в Ухани — новой столице революционного Китая, ему не понадобится скрываться на нелегальных квартирах или жить согласно тщательно разработанной легенде о некоем молодом энергичном баварце, представляющем могучий концерн «И. Г. Фарбениндустри». Зачем это, когда в Уханьское правительство вошли коммунисты, а центральные комитеты КПК и комсомола разместились на одной из главных улиц города! Он пойдет и скажет: «Во хэнь цэю мэйю кань цзянь нимэнь! — Давненько я вас не видел!»

А Чжан хлопнет себя по коленке и крикнет: «Ребята, это же Рафик! Мы ждали товарища из КИМа, но никак не думали, что этим товарищем окажешься именно ты, Рафаэль». Ну и пошла писать губерния!

Увы, в китайском котле неожиданно образовалась течь.

11

Еще в дороге до Хитарова дошла зловещая весть: Чан Кай-ши совершил контрреволюционный переворот в Шанхае и Нанкине и образовал в Нанкине правогоминдановское правительство, которое сам и возглавил. Таким образом, случилось именно то, что Исполком Коминтерна в своем анализе положения в Китае учитывал как худший из возможных вариантов: с развитием и углублением революции крупная

буржуазия, придя к выводу, что антиимпериалистическая борьба угрожает и ее интересам, отошла от революции и попыталась сокрушить ее. И сделала это с помощью наиболее умного и жестокого своего ставленника — Чан Кай-ши, сумевшего исподволь, осторожно и постепенно прибрать к рукам почти все командование национально-революционными войсками.

Оказавшись в Ухани — одном из крупнейших городов Китая, с населением около двух миллионов человек, — Хитаров был просто-напросто озадачен непонятным оптимизмом, царившим в руководящих кругах компартии и комсомола. Будто ничего и не произошло! Будто и не потеряла революция в течение нескольких дней Шанхая и Нанкина! Будто не льется кровь шанхайских коммунистов и комсомольцев, на которых подручные Чан Кай-ши устраивают массовые облавы и которых предают изощренным пыткам и казням!

А в Ухани тишь, гладь и божья благодать. Большинство руководителей партии и комсомола уповают на генерала Ван Цзин-вэя, возглавившего левогоминдановское правительство, и играют с ним в поддавки. Все дело, конечно, в фигуре Чэнь Ду~сю — Генерального секретаря ЦК КПК.

Профессору Чэню уже под пятьдесят. Широко образованный человек, учившийся в Японии и во Франции, он принадлежит к старой гвардии. Активно участвовал в революции 1911–1913 годов, а в 1915 году основал журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь»), который с 1921 года стал центральным органом партии. Был профессором Пекинского университета и, как рассказывают, пользовался громадным влиянием на студенческую молодежь. Его авторитет непререкаем. Он не говорит, а вещает. Ему внимают как пророку, а чтут как божество, принявшее облик человека.

Конечно, Хитарову и раньше были хорошо известны правооппортунистические ошибки Чэнь Ду-сю и его неоднократные попытки оказывать сопротивление линии Коминтерна, но то, что собственными глазами увидел в Ухани, показалось ему просто чудовищным.

И пока Ван Цзин-вэй и его приспешники били себя кулаками в грудь, обещали «расправиться» с отступником Чан Кай-ши, растоптавшим заветы доктора Сунь Ят-сена, Центральный Комитет КПК без боя сдавал одну позицию за другой. Так, например, руководство партии согласилось подчинить гоминдану все профсоюзы, все крестьянские союзы и другие массовые революционные организации, находившиеся под влиянием коммунистов. Оно отказалось от каких бы то ни было самостоятельных акций, приняло решение о добровольном саморазоружении рабочих пикетов Ханькоу — города, представлявшего собой одну из частей Ухани, — по существу, разогнало боевую пионерскую организацию в Ухани, не препятствовало разгрому всех крестьянских союзов на территории национального правительства, причем в оправдание жестокого преследования отрядов «красных пик» была разработана особая «теория», будто аграрная революция в Китае возможна и без захвата помещичьих земель.

— Что тут у вас происходит? — возмущенно спрашивал Рафаэль молодых людей, работающих в аппарате Центрального Комитета комсомола.

— Мы выполняем указания товарища Чэнь Ду-сю, — с придыханием ответствовали молодые люди. Впрочем, они тут же любезно соглашались с аргументацией представителя ИК КИМа, кивали головами, улыбались, но делали все наоборот.

Но ведь не эти молодые люди, как молитву повторявшие высказывания Чэнь Ду-сю, представляли боевой, поистине героический комсомол Китая!

Разобравшись в обстановке, Хитаров пришел к выводу, что Центральный Комитет комсомола, находящийся в Ухани, ограничивает свою деятельность лишь несколькими ближайшими провинциями. Работники Центрального Комитета плохо знают о положении на местах. Связи с Шанхаем, Кантоном, Гонконгом и севером страны оборваны. Информация с мест отсутствует. Цифры учета берутся с потолка. Уханьская организация комсомола почти не использует возможностей легальной работы и, по существу, занимается кружковщиной. А теперь 15 мая, вслед за V съездом Китайской компартии, должен открыться и IV съезд комсомола, и он, Хитаров, будет выступать на съезде с докладом о деятельности Исполкома КИМа. Но имеет ли смысл говорить о проблемах международного юношеского движения в отрыве от конкретной деятельности китайского комсомола? А что может сказать он сейчас, ознакомившись только с работой Центрального Комитета и Уханьской организации? Разве что констатировать, что оппортунизм проник и в комсомол? Но будет ли это характерным для низовых организаций, для всего комсомола Китая? На такой вопрос Хитаров мог ответить лишь после непосредственного ознакомления с жизнью, деятельностью и настроениями комсомольских организаций, работающих легально, полулегально и в условиях глубочайшего подполья. Поэтому он сразу же потребовал от Центрального Комитета устроить ему поездки в провинции, занятые милитаристами, в Гонконг, в Шанхай, Кантон и Нанкин.

Вежливые, улыбающиеся молодые люди делали все от них зависящее, чтобы затруднить поездки представителя Коминтерна молодежи на места.

— У нас нет проверенных каналов связи, — говорили они. — А это означает, что мы не можем уберечь от опасностей твою драгоценную жизнь. Ведь там, куда ты

хочешь ехать, господствует свирепый террор контрреволюции и каждый коммунист и комсомолец, по существу, смертник.

— А как вы представляете себе руководство революционной борьбой молодежи без риска для своих столь драгоценных жизней? — в упор спрашивал их Рафаэль.

Молодые люди улыбались и на память цитировали успокоительные высказывания Чэнь Ду-сю.

Но помогал опыт подпольной работы в Грузии и Германии, и Хитаров совершил все намеченные поездки. Они никак не походили на туристские прогулки. И хотя его немецкие документы были довольно надежны, он всякий раз подставлял под удар свою свободу, а возможно и жизнь. Легче, пожалуй, было ему в таких гигантских городах, как Шанхай и Гонконг. Там он как бы растворялся в разноязыкой толпе европейцев: коммерсантов, чиновников и авантюристов, приехавших в Китай ловить золотую рыбку в мутной неспокойной воде. А вот в северных провинциях он оказывался на виду и дважды только чудом избежал ареста. Но то, что он увидел и узнал, наполнило его чувством гордости и восхищения. Нет, лицо китайского комсомола определяли не те приторные молодые люди, с которыми он столкнулся в Ухани. Он встречался с молодыми рабочими Шанхая и Гонконга, принимавшими активное участие во всеобщих забастовках и в бойкоте иностранных товаров. На севере он беседовал с комсомольцами, еще недавно отважно сражавшимися против войск Чжан Цзо-лина, У Пэй-фу и других генералов-милитаристов.

Это были прекрасные парни и девушки, отважные, прямые, говорившие то, что они думают, и всегда готовые к действию.

Теперь Хитаров чувствовал себя хорошо вооруженным. Он готовился к докладу, широко

используя собранные материалы.

В работе IV съезда комсомола, открывшегося в Ухани и проходившего в нелегальных условиях — как видно, Чэнь Ду-сю дал такую команду во избежание недовольства со стороны лидеров гоминдана, — приняло участие 37 делегатов. Присутствие Хитарова способствовало тому, что все вопросы (политическое положение в Китае и задачи комсомола; работа среди крестьянской и рабочей молодежи, работа среди солдат национальных войск и солдат контрреволюционных генералов «гоу-юй», что буквально значит «собаки-рыбы») обсуждались в духе решений, принятых на декабрьском (1926 г.) пленуме Исполкома Коминтерна молодежи.

Кое-кто из делегатов совсем недавно встречался с этим молодым иностранцем в самой гуще борьбы, на нелегальных комсомольских явках и потому с особым вниманием и доверием вслушивался в перевод его речи.

Докладчик знал положение на местах. Докладчик рисовал не приблизительную, а точную картину...

Съезд дал правильную оценку политического положения в Китае, осудив ошибки, допущенные оппортунистическим руководством компартии. И в этом была немалая заслуга Хитарова, сумевшего подробно ознакомить делегатов съезда с решениями Исполкома Коминтерна о китайской революции, которые «патриарх» Чэнь Ду-сю старательно прятал под сукно.

После жаркой и длительной дискуссии определилась основная задача комсомола: «... всемерное укрепление руководства пролетариата широкими крестьянскими массами и городской мелкой буржуазией, тесное сближение с пролетариатом всего мира, в первую очередь с пролетариатом СССР, систематическое углубление китайской революции для обеспечения некапиталистического развития Китая

через демократическую диктатуру пролетариата в союзе с крестьянством».

К сожалению, эти правильные и совершенно конкретные решения, по существу, так и не дошли до местных организаций.

Все туже сжималось вокруг Ухани чанкайшистское кольцо. Большинство делегатов съезда так и не смогли вернуться туда, откуда они прибыли. Рвались последние ниточки связи... А тут еще и упорное противодействие партийного руководства любой боевой инициативе комсомола.

Резолюция съезда, естественно, пришлась не по вкусу Чэнь Ду-сю, упорно придерживавшемуся тактики «не дразнить гусей».

И когда по предложению Хитарова Центральный Комитет комсомола принял особое решение в защиту директив Коминтерна и резолюция эта попала в руки Чэнь Ду-сю, он пришел в страшную ярость. «Как это комсомол принимает политические резолюции и смеет что-то говорить партии!» — закричал он и, разорвав резолюцию, швырнул обрывки бумаги на пол.

Узнав об этом, Рафаэль понял, что больше нельзя откладывать разговор с Чэнь Ду-сю, и попросил, чтобы он назначил день и час встречи. По правде сказать, он почти не рассчитывал на то, что сможет в чем-то переубедить «живого бога» и добиться от него снятия опеки над комсомолом, тормозящей переход к новым формам работы. Он уже порядочно узнал за три месяца, которые пробыл в Китае, и не только интуитивно чувствовал, но и, сопоставляя непреложные факты, понимал, что развитие китайской революции вступило в новую, неблагоприятную фазу, что после прямой измены Чан Кай-ши чрезвычайно осложнилось положение Ухани и что позиция левых лидеров гоминдана Ван Цзин-вэя, Чэн Гу, Чу Пе-де и других не

только шаткая, но, что особенно тревожно, совсем неясная.

Рафаэль очень сблизился с Чжан Тай-лэем, одним из руководителей комсомола, бесстрашным и удивительно прямым человеком, одним из немногих, осмелившихся возражать «патриарху». Чжан подтвердил характеристику, которую дали моложавому красавцу генералу Ван Цзин-вэю наши советники: позер, демагог и властолюбец. Так почему же Чэнь Ду-сю, старый коммунист с огромным революционным опытом, столь безоговорочно верит в этого генерала? Хитаров считал себя обязанным поговорить с Чэнь Ду-сю и прямо предупредить его, что если и впредь руководство партии будет обходить директиву Исполкома Коминтерна, комсомол пойдет иным путем.

Он уже был однажды в этой большой светлой комнате, обставленной с суровой простотой: письменный стол, покрытый ярко-красным сукном, несколько плетеных стульев, низкий столик для чаепития, полка с книгами и портрет Ленина в простой рамке из бамбука. Но тогда, приехав из Москвы, он только представился Чэнь Ду-сю, выслушал от него несколько вежливых пожеланий и выпил чашечку душистого жасминового чая. Только и всего! Сейчас же предстоял долгий и трудный разговор, и, хотя Рафаэль был к нему готов, но, войдя в кабинет, огромный, какой-то пустынный, он на мгновение почувствовал себя неуютно.

Чэнь Ду-сю, одетый, как всегда, в «суньятсеновку» — серую тужурку с накладными карманами, неторопливо встал из-за стола и сделал несколько шагов навстречу Хитарову. Пожав Рафаэлю руку, он осведомился, как чувствует себя высокий представитель, и легким жестом предложил Хитарову сесть в одно из плетеных кресел возле чайного столика. Сел и сам, а переводчик — молодой человек, высокий и

невероятно тощий, в очках и точно такой же, как у Чэнь Ду-сю, тужурке, — застыл между ними.

На столике стоял колокольчик. Чэнь Ду-сю, с широкой улыбкой, но очень пристально вглядываясь в Хитарова, взял колокольчик двумя пальцами, поднял к самому уху и легонько встряхнул. Раздался мелодичный перезвон, и тотчас же в кабинет вошел еще один молодой человек в такой же серой тужурке, но широкоплечий, с шеей как у профессионального борца. На ладони он держал черный лакированный подносик с чайником и двумя чашками. Бесшумно поставив поднос на стол, он выскользнул из кабинета. Хитаров успел заметить, что справа на боку тужурка оттопыривается, а дуло маузера торчит из-под полы.

Чэнь Ду-сю сам наполнил чашки зеленоватой жидкостью. Тонко запахло жасмином.

Чэнь Ду-сю осторожно отхлебнул из пиалы и что-то сказал. Длинный китаец покосился на Хитарова и перевел:

— Как вам нравится голос моего колокольчика?

— Мне показалось, что в нем звучит тревога, — быстро ответил Рафаэль. И пока переводчик, повернув голову к Чэнь Ду-сю, отчеканивал ему ответ «высокого представителя», Хитаров успел подумать, что вот и пригодилось ему знание грузинских тостов.

Чэнь Ду-сю приподнял брови и сказал, что ему было бы любопытно узнать, почему молодой товарищ слышит в голосе колокольчика то, что не улавливает его собственный слух. Но прежде, нежели последует ответ на его вопрос, он хотел бы, чтобы гость утолил жажду. Ведь сегодня очень жаркий день.

Хитаров кивнул головой, сделал несколько глотков, полюбовался голубыми драконами, распластавшимися на нежно-белом, почти прозрачном фарфоре, и поставил пиалу на стол.

Начал издалека. Высоко оценив мужество комсомольских организаций Шанхая и Нанкина, ушедших после контрреволюционного переворота в глубокое подполье, сказал, что, к сожалению, жертвы огромны. Убиты секретарь Шанхайского комитета комсомола Хуан Лен-чуен и секретарь Кантонского комитета Чан Су. Гоминдановцы устроили погромы в городах, захваченных Чан Кай-ши. И это продолжается уже третий месяц. Комсомольские организации терпят страшные потери, а их можно было бы если и не избежать, то, во всяком случае, сделать менее ощутимыми, если бы...

Тут Чэнь Ду-сю прервал его нетерпеливым взмахом руки...

— Вы, вероятно, хотите сказать, что комсомол мог бы избежать этих жертв, если бы внимательнее прислушивался к советам старших товарищей?

— Нет, товарищ Чэнь Ду-сю, я хочу сказать, что беда как раз в том, что советов было слишком много и, как теперь легко установить, они были неверны, — глядя в глаза собеседнику, твердо сказал Хитаров.

— Вы имеете в виду указания Центрального Комитета партии? — вежливо спросил Чэнь Ду-сю и потянулся за сигаретой. — Корите, прошу вас, это английские и, по-моему, недурные.

Переводчик поднес зажженную спичку. Чэнь Ду-сю сделал глубокую затяжку и, вопросительно улыбаясь, посмотрел на Хитарова.

— Спасибо, не курю, сказал Рафаэль. — Я убежден, товарищ Чэнь Ду-сю, что ваши, — он старательно подчеркнул слово «ваши», указания находятся в противоречии с директивами Исполкома Коминтерна.

Еще не дослушав переводчика, Чэнь Ду-сю перестал улыбаться. Он спросил Хитарова по-английски:

— Вы по-английски говорите?

— Да.

— Тогда обойдемся без переводчика?

— Как вам угодно.

Движением указательного пальца Чэнь Ду-сю изгнал из комнаты переводчика и голосом, хриплым от сдерживаемого гнева, выкрикнул:

— Вы... вы мутите здесь воду... Мне все известно! Эта резолюция комсомольцев состряпана по вашему наущению. Вылупившиеся из яйца цыплята вознамерились поучать курицу... Но я этого не допущу.

— Чего именно? Выполнения директив Коминтерна?

— Не занимайтесь демагогией, молодой человек. Вы в Китае несколько месяцев, а я вот уже скоро пятьдесят лет. Вы сидите там у себя, в Москве, и занимаетесь абстрактным теоретизированием. Теории, выхваченные из воздуха! А мы осуществляем тактику сплочения всех антиимпериалистических сил...

— Сдавая все ранее завоеванные позиции господину Ван Цзин-вэю, — перебил Хитаров.

Чэнь Ду-сю бросил на него неприязненный взгляд черных узких глаз.

— Гибкость проводимой политики не есть синоним отступления. Пора бы вам это выучить наизусть, молодой человек. Почитайте-ка великого Ленина.

— Я читал Ленина, — сказал Хитаров. — Когда то, что вы называете гибкостью, приводит к страшным поражениям, это уже не гибкая, а гибельная политика, товарищ Чэнь Ду-сю.

— От английского у меня заболел язык. Вот если бы вы знали французский...

— Я говорю по-французски, — сказал Хитаров.

— О, это приятный сюрприз! Так вот, молодой товарищ, ваши старания вбить клин между компартией и левым крылом гоминдана я вынужден квалифицировать как попытку протащить точку зрения вашей оппозиции. По-видимому, вы скрытый троцкист!

«Эк куда хватил, — подумал Рафаэль, — вот я уже и троцкистом стал». — И очень спокойно сказал:

— Можете считать меня кем угодно, но не обо мне сейчас речь. О китайском комсомоле. Вы заставляете его ходить в коротких штанишках. Но так не может продолжаться. Комсомол полностью разделяет точку зрения Коминтерна в китайском вопросе: аграрная революция, демократическая диктатура, вооружение рабочих и крестьян. И не на словах, а на деле. А вы глушите его инициативу.

— Кажется, вы собираетесь меня учить? Так вот, имейте в виду, что мы не позволим нашему комсомолу играть в солдатики. Это опасная игра!

— Тогда придется обойтись без вашего позволения, — сказал Хитаров.

— Хотите противопоставить комсомол партии! — уже не сдерживаясь, тонким голосом закричал Чэнь Ду-сю. — Вы... вы авангардист!

На этот раз улыбнулся Рафаэль.

— Позвольте ответить вам притчей Чжуан-цзы, — сказал он. — Как-то во сне Чжуан-цзы увидел себя бабочкой; он порхал над цветами, не зная, что в действительности он Чжуан-цзы. Когда же наконец проснулся, то никак не мог решить вопроса: видел ли Чжуан-цзы во сне, что он бабочка, или бабочке теперь снится, что она Чжуан-цзы? И не было ли тут просто двух превращений чего-то односущего?

Чэнь Ду-сю вскочил с кресла.

— Я телеграфирую в Исполком Коминтерна. — Схватил колокольчик и яростно затряс им над головой. — Потребую, чтобы вас немедленно отозвали из Китая.

В дверях выросла коренастая фигура телохранителя.

— Проводите высокого представителя, — приказал Чэнь Ду-сю. И, не подав Хитарову руки, пошел к своему

столу. Только крикнул ему вдогонку по-французски: — Вы нам мешаете, господин авангардист!

«Ну понятно, я им мешаю, — не без удовлетворения размышлял Рафаэль, анализируя свою беседу с Чэнь Ду-сю. — Им бы хотелось загнать комсомол в бутылку и накрепко заткнуть пробку. А ведь в нынешней ситуации комсомол превращается в основную силу в борьбе с оппортунизмом партийного руководства. Он держит великий экзамен на политическую зрелость. Значит, моя задача — помочь им этот экзамен выдержать».

Опыт работы в Германии, когда Хитарову пришлось мобилизовать комсомол сперва на борьбу с Брандлером и Тальгеймером, а позже с ультралевыми, захватившими руководящие посты в партии, помог ему найти верный путь и в сложностях китайских событий. Речь ведь шла не о противопоставлении комсомола партии, а о борьбе комсомола против отдельных личностей, пусть даже занимающих положение лидеров партии, которые всячески сопротивлялись проведению в жизнь директив Коминтерна. Речь шла не о борьбе с партией, а о борьбе с Чэнь Ду-сю и его приспешниками, о борьбе за спасение китайской революции.

12

Контрреволюционные восстания и перевороты произошли уже во многих провинциях. Да и в Ухани было беспокойно. В правительственных кругах идет какая-то подозрительная возня. Вместо того чтобы немедленно вооружить трудящихся и мобилизовать их на борьбу с Чан Кай-ши, клика Ван Цзин-вэя ограничивается туманными декларациями, а сама все чаще посматривает в сторону Нанкина. Не надо быть ясновидящим, чтобы понять: генерал Ван Цзин-вэй не враг генералу Чан Кай-ши, справедлива китайская

пословица: «Ворон высмеивает черную свинью, но оба они черны». Но почему же все, что так ясно ему, Хитарову, не тревожит, не принимается в расчет руководством компартии? Почему Чэнь Ду-сю по-прежнему пребывает в саду иллюзий и ничего не делает, чтобы предотвратить катастрофу? Ведь постановление, принятое пленумом Центрального Комитета партии, созданным 3 июля, — это петля, добровольно накинута на собственную шею. Полная капитуляция перед гоминданом! Полнейший отказ от самостоятельной политической деятельности. Близорукость, граничащая с изменой.

И тогда Хитаров предлагает, чтобы собрался Центральный Комитет комсомола.

В страстной речи он квалифицирует постановление пленума ЦК компартии как «позорную капитуляцию» и требует от собравшихся руководителей комсомола принять решения, соответствующие реальной политической обстановке, и энергично бороться против группы Чэнь Ду-сю.

15 июля 1927 года Центральный Комитет комсомола выступил с заявлением «О контрреволюционном перевороте в Ухани», то есть открыто выступает против Уханьского правительства — своры продажных предателей и преступников — и призывает всех молодых рабочих и крестьян с оружием в руках выступить на защиту революции. Это серьезнейший конфликт, а точнее, полный разрыв с оппортунистическим руководством партии.

Комсомол остается верным Коминтерну.

На чрезвычайном совещании ЦК КПК с активом, созванном 7 августа в Цзюцзяне и проходившем в нелегальных условиях, Чэнь Ду-сю был отстранен от руководства и исключен из партии, а позиция комсомола признана правильной.

Но поздно, ох как поздно!

Одна за другой подвергались разгрому организации партии и комсомола. Погибли тысячи лучших работников. Судьбу Кантона, Шанхая, Хубэя, Гуандуна разделили теперь Ухань и Чанша. За короткий срок в этих городах уничтожен был весь комсомольский актив — из трех тысяч ребят в живых осталось только тридцать! Казни, казни, казни!.. Комсомол Китая ушел в глубокое подполье и нес неисчислимые жертвы. Расплачивался за благодушие старого партийного руководства.

И, как часто случается, внезапный удар, полученный комсомолом, вывел на поверхность разные течения, ранее скрытые, как подземные ручейки.

Наиболее опасным и распространенным стал авангардизм, как прямая реакция на оппортунизм бывшего партийного руководства. Идеологи этого течения кричали на всех перекрестках, что партия — миф, что, по сути дела, ее нет и что комсомол — единственная надежда китайской революции. А раз так, то он и должен взять на себя задачу создания новой партии. Тут надо иметь в виду и то обстоятельство, что в ряды комсомола Китая согласно уставу принимались юноши и девушки 18-28 лет. Более молодых объединяла пионерская организация.

В противовес авангардистским настроениям возникла ликвидаторская теория, объявляющая ненужность самого существования комсомола, который в условиях китайской действительности якобы не имел своих специфических задач и вполне мог влиться в коммунистическую партию.

И та и другая «теории» были одинаково опасны для судьбы юношеского революционного движения в Китае, и Хитарову пришлось вести борьбу на два фронта.

В неимоверно сложных условиях глубочайшего подполья Рафаэль продолжал свои поездки по городам Китая и, встречаясь на нелегальных квартирах с

уцелевшими активистами комсомола, терпеливо разъяснял им, как понимал задачи комсомола В. И. Ленин и почему авангардистские и ликвидаторские настроения несовместимы с идеологией коммунистов.

Делал все от него зависящее, чтобы сохранить комсомол Китая как верного и боевого помощника партии, сумевшей к тому времени преодолеть оппортунизм своего бывшего руководства и возглавить новые классовые бои в Хунани — восстание «Осеннего урожая» — и в ряде уездов провинций Гуандун и Хубэй.

Наступало время возвращения в Москву. Но прежде чем уехать из Китая, Рафаэль хотел по возможности закрепить все то, что ему удалось сделать как представителю Исполкома КИМа. Он настойчиво уговаривал китайских товарищей созвать пленум ЦК комсомола, на котором предполагал дать последний бой группке авангардистов.

И когда выяснилось, что пленум можно провести в Шанхае, не задумываясь полез в самую пасть дракона.

...Вот он, этот поворот. Узкая длинная щель. Чем дальше, тем темнее. Ни черта не видно! А тут еще дождь, словно завеса из стеклянных нитей. Рикша на месте. Все, значит, в порядке. Но почему же тогда он, не ускоряя шага, не поворачивая головы направо, минует и этот четвертый поворот?

Там, в нескольких шагах от рикши, почти невидимые в сгущающемся сумраке и дожде, две мужские фигуры. Чего они ждут?

Он неторопливо продолжает свою прогулку по Фучао-род и напряженно думает. Откуда они, эти двое? Прячутся ли от дождя, прижимаясь спинами к стене дома, или же?.. Попробуем проверить! Пройдя сотню шагов, он поворачивает и идет в обратном направлении. И тут дождь прекращается внезапно,

словно гигантский топор подсек его на корню. Улица поблескивает, как черный мрамор.

Вновь поравнявшись с фасадом углового дома, он чуть замедляет шаг и под расплывчатым светом, истекающим из пасти зеленого дракончика, закрывает влажный потяжелевший зонтик. Рикша ждет. Но и эти двое тоже. Ничем не примечательные китайцы, только очень рослые. И оба курят. Все теперь ясно. Постукивая зонтиком по тротуару, он проходит мимо. И больше он сюда не вернется. Сердце, бьющееся где-то у самого горла, успокаивается. На этот раз зубы дракона его миновали. А вот бедняга рикша попался. Кто он, этот парень, ждавший пассажира, который хотел добраться до пристани Дикейкей?

Какой-то китаец, торопливо идущий навстречу, поскользнулся, выронил маленькую корзиночку и, нагнувшись за ней, неловко толкнул в бок. Рассыпался в извинениях и шепнул: «Опоздали предупредить. Завтра в «Максвелл-хауз» в полдень».

Он громко обругал по-немецки «неуклюжую желтую обезьяну». Прежде чем выйти на авеню Эдуарда, зашел в какой-то китайский ресторанчик и наскоро поел риса с креветками. Что опять произошло? Каковы размеры провала? Неужели взяли кого-нибудь из членов Центрального Комитета?

Ресторан «Максвелл-хауз» был второй запасной явкой. Была и еще одна — последняя, в Джессвильд-парке, на второй аллее, третья скамья с правой стороны. Но с переменой явки, естественно, откладывался и пленум ЦК. А каждый день промедления таил новые опасности для каждого товарища, пробравшегося в Шанхай для участия в пленуме. Но что же все-таки произошло сегодня, час назад, на углу четвертого перекрестка? И почему его не успели вовремя предупредить? До пленума ему хотелось встретиться с товарищем Юнь Дай-ином,

убежденным ленинцем, одним из самых выдающихся руководителей компартии. До контрреволюционного переворота Чан Кай-ши он занимал пост главного политического инспектора военной школы Вампу, а сейчас, неуловимый для сыщиков и полицейских, ведет пропагандистскую деятельность в Чапее и Наньтао, недавних красных бастионах Шанхая.

Неужели это с ним произошла беда?

Утром он встал с тяжелой головой, долго плескался под пронзительно холодным душем, попросил принести в номер крепкого чая и понемногу привел себя в порядок.

Неутомимый ходок, немало побродивший по горам Кавказа и приучивший себя к обязательным прогулкам в Москве, он решил не пользоваться транспортом, хотя, судя по плану Шанхая, который он тщательно изучил, дорога растягивалась на несколько километров.

Перейдя авеню Эдуарда, являвшуюся как бы границей между французской концессией и сеттльментом, он, поплутав немного, вышел по узкой и кривой Рут-Груши на Бабблинг-Велл-род, широкую, как Невский, но гораздо более шумную, и зашагал по ней все дальше на запад. Миновал фешенебельный дансинг «Парамаунт» — в утренние часы зеркальные его окна зашторены тяжелым багровым бархатом. Остался позади и старый китайский монастырь, охваченный высокой каменной стеной, над которой едва поднимались многослойная крыша пагоды и кроны чуть пожелтевших платанов. Улица все более суживалась, сбрасывала с себя парадное одеяние и наконец уперлась в побуревшую от времени кирпичную ограду, за которой начиналось царство мертвых.

Именно здесь, почти приткнувшись к кладбищенской стене, находился маленький ресторанчик «Максвелл-хауз», чем-то приглянувшийся американцам, живущим в Шанхае.

Было ровно двенадцать, когда он, отдав шляпу и зонтик бою, вошел в зал. Почти все столики пустовали. Только в глубине зала безразличные ко всему окружающему юноша и девушка, почти подростки, шептались о чем-то. Да за столиком у окна курил сигарету и лениво перелистывал иллюстрированный журнал молодой китаец в элегантном европейском костюме. Бармен бесшумно протирал полотенцем высокие бокалы для коктейлей и рюмки для бренди, похожие на распутившиеся лилии. И когда Рафаэль громко, ни к кому не обращаясь, сказал по-английски: «Я хотел бы заказать какое-нибудь национальное блюдо», молодой китаец отложил журнал и, приветливо улыбнувшись, предложил:

— Если вы желаете, сэр, я готов стать вашим гидом по волшебной стране китайской кулинарии. Здесь превосходно готовят трепанги с салатом из нежных ростков бамбука.

— Я никогда не пробовал трепангов.

— Убежден, что трепанги, изготовленные в «Максвелл-хауз», доставят вам истинное удовольствие.

Как и было оговорено, слово «трепанги» произносилось трижды. Поэтому он спокойно сел за столик напротив китайца в европейском костюме. Тот сразу же взял со стола меню и, называя перечисленные там блюда, пространно разъяснял их достоинства, потом, перейдя на французский, сказал вполголоса:

— Мы очень тревожились вчера... Шун не успел вас предупредить, но вы справились сами. И блестяще!

— Насколько серьезен провал?

Китаец назвал еще несколько блюд. Дойдя до плавников акулы в пикантном соусе, вновь заговорил по-французски:

— Никакого провала. Пострадал только рикша. Но он твердый парень, да и мало что знает. А теперь прошу вас слушать внимательно...

Официант поставил на стол маленькую овальную кастрюльку и снял крышку. Положил на тарелочку какое-то дымящееся месиво, приправил его безразличной улыбкой и тотчас же отошел.

— Когда вы покончите с этим блюдом и потребуете счет, я вас покину. Вы должны выйти отсюда через пять минут после меня. Вас будет ждать рикша. Он отвезет куда нужно. Путь предстоит долгий, но такси не годится. Вас уже ждут. — И по-английски: — Теперь прошу вас отведать трепангов.

Он покорно проткнул вилкой темный комочек и положил трепанга в рот. Нет, это совсем не шашлык по-карски с соусом ткемали! Но несколько этих печеных существ придется все же проглотить.

Китаец наблюдал за ним с явным сочувствием.

— Для вас это экзотика, а к ней надо привыкать постепенно... У меня есть еще одно сообщение: вам просили передать, что встреча с Юнь Дай-ином состоится несколько позже. О дне и часе вас заблаговременно известят... Закажите чай, сэр, и запейте им трепанги... Итак, я расплачиваюсь и ухожу.

Что ж, через пять минут расплатился и он и, выйдя из ресторана, увидел рикшу. Подозвал его взмахом руки. Высокий китаец в шортах, с дочерна загорелыми мускулистыми икрами сразу же рванул с места, как спринтер после выстрела стартера. Быстро свернув с Бабблинг-Велл-род на узкую ответвляющуюся улочку, рикша все дальше убегал от центральной части города.

Мысленно представив перед собой план Шанхая, седок приходит к заключению, что скорее всего его везут в Ча-пей. Но только по истечении часа догадка его подтверждается. Городу словно бы надоело рядиться в чужеземные одежды. Он склонился к самой земле, нарушил геометрию своих «род» и «авеню», перестал сверкать зеркальными витринами и предстал в своем первородстве — россыпь фанз, словно

брошенные игроком потемневшие кости, узкие, кривые улочки, теснота, многолюдье и непроходящий сладковатый запах бобового масла.

Да, это Чапей. Но и тут рикша не замедлил бег. Нырнул в одно ущелье, в другое и вот выскочил на совсем уже крохотную улицу и, поравнявшись с последней ее фанзой, вбежал в воротца, которые тотчас же закрылись.

— Даола! — И повторил: — Все. Приехали.

Повел в глубь двора к какому-то приземистому строению, похожему на сарай. Часто-часто застучал костяшками пальцев в дверь сарая, а когда она чуть приоткрылась, шепнул что-то по-китайски и отступил в сторону.

В помещении было нестерпимо душно — крыша накалилась и давила жаром. Но это не сарай, а скорее мастерская медника. Что-то вроде станка с тисками возле маленького окошка, тазы, подносы...

На окаменевшем земляном полу кто на чем устроились девять молодых людей, большинство в традиционных голубых куртках из грубой бумажной ткани. Пьют чай из фаянсовых кружек.

Когда он вошел, все вскочили со своих мест, обступили, крепко пожимали руку. Потом подхватили под локти, словно богдыхана, и повели к столику, усадили в самом центре на низенький, плетенный из соломы стул.

Он снял шляпу, положил возле себя на пол, вытер платком потное лицо, окинул взглядом собравшихся. Девять человек. Девять членов Центрального Комитета. Все, кто остался. Остальные или убиты, или брошены чанкайшистами в страшную нанкинскую тюрьму. Хотелось сказать этим парням, что они замечательные, бесстрашные ребята, что он любит их, как братьев, и готов каждого прижать к груди. Но он понимал, что не время давать волю чувствам. Предстоял разговор

долгий и трудный, и вовсе не исключено, что кто-то из этой девятки уйдет отсюда уже не другом, не единомышленником, а непримиримым противником. Такова логика идеологической борьбы, и к черту всякие сантименты!

Секретарь ЦК прервал ход его мыслей.

— Больше ждать некого. Начнем?

— Тебе виднее. Я готов.

— Подожди. У тебя есть оружие?

— Только зонтик.

— Возьмешь этот браунинг.

— Зачем?

— Ну на всякий случай.

— Ладно, договорились. А как будет с переводом?

— Переводить будем я и вот он. Товарищ Чжао. Узнаешь?

То был знаток китайской кухни, но уже успевший сменить модный европейский костюм на голубую куртку. И без очков. Сел рядом и тихо спросил:

— Одолеет ли твой желудок трепангов?

Секретарь ЦК открыл заседание пленума. В короткой вступительной речи он охарактеризовал сложившуюся обстановку в стране, проанализировал причины временной победы реакционных сил гоминдана, напомнил об оппортунистических, оказавшихся гибельными ошибках прошлого руководства компартии и предоставил слово Раф Фитунджи, то есть товарищу Раффи.

Рафаэль говорил по-английски. Начал с того, что в трагические дни поражения китайской революции комсомол блистательно выдержал экзамен на политическую зрелость, проявил беспримерный героизм и выдержку. Не изменил славному знамени Коммунистического Интернационала. Понес огромные жертвы. Но борьба против правого руководства партии, за неукоснительное выполнение директив Коминтерна

вскружила некоторые чересчур уж горячие головушки. Кое-кому из комсомольских активистов показалось, что партия не выполнила своей исторической роли и что, следовательно, комсомол должен подменить ее. Эти авангардистские настроения не менее опасны, чем оппортунизм и ликвидаторство. Известно, что некоторые товарищи авангардисты пытаются по-своему толковать известную статью В. И. Ленина «Интернационал Молодежи». Но ведь товарищ Ленин, резко критикуя некоторых представителей «поколения пожилых и старых» за их неумение «подойти, как следует, к молодежи» и высказываясь, «за *организационную самостоятельность* союза молодежи», имел в виду «организации *молодежи*, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело — готовить работников социалистических партий»^[16].

Вот этого-то и нельзя забывать. Не противопоставлять комсомол партии, а быть ее надежным резервом. Тем более в специфических условиях Китая, где компартия еще так молода и в массе своей не поражена неизлечимой болезнью оппортунизма, которой страдали партии II Интернационала.

— Так неужели же вы, кровью и жизнью своей доказавшие свою безграничную преданность делу революции, сегодня, когда здесь, в Китае, она требует железного единства от всех своих защитников, внесете сумятицу и смятение в их ряды и предпочтете действенной борьбе крикливые лозунги в духе Троцкого? Не верю я в это, дорогие мои товарищи!

Так сильно и просто закончил свое выступление Рафаэль.

А когда начались прения, стало ясно, что речь его выбила почву из-под ног двух членов ЦК, представлявших авангардистский уклон в китайском

комсомоле. Правда, споры продолжались до позднего вечера, но Рафаэлю удалось постепенно переубедить обоих уклонистов, доказав им, что авангардизм, равно как и ликвидаторство, есть прямое отступление от ленинизма и неизбежно приведет к катастрофе.

Пленум ЦК принял четкое решение. Комсомол Китая остался на марксистско-ленинских позициях.

Шепотом пропели один куплет «Интернационала».

Рафаэль возвратил секретарю ЦК браунинг, сел в повозку рикши и вновь превратился из представителя Исполкома КИМа в служащего немецкого концерна.

Теперь можно было подумать и о возвращении в Москву.

Хитаров находился еще в пути, когда чистейшим алым пламенем вспыхнул факел Кантонской коммуны. И этот факел высоко поднял друг Рафаэля, товарищ Чжан Тай-лэй, возглавивший еще одно героическое выступление китайских коммунистов.

Комсомольцы сражались на баррикадах вместе с коммунистами.

Три дня просуществовала Кантонская коммуна. Комиссар военных и морских сил первого рабоче-крестьянского правительства, один из организаторов китайского комсомола, Чжан Тай-лэй, был убит выстрелом из-за угла, когда возвращался с митинга. Пуля попала ему в сердце, и он так и не узнал, что существовать Кантонской коммуне осталось считанные часы.

Восстание в Кантоне, как и ряд восстаний в сельских районах, показало, что революция в Китае продолжает развиваться под руководством компартии.

И Хитаров в своем выступлении на XV съезде ВКП(б) убежденно говорил:

— Я считаю своей обязанностью заявить, что, несмотря на то, что Коммунистическая партия Китая в течение долгого времени совершала неслыханные

оппортунистические ошибки, не приходится винить в этом всю партийную массу в Китае. У нее было насквозь оппортунистическое, мелкобуржуазное руководство. В Китае мы можем ожидать совершенно нового оборота событий. Не приходится сомневаться, что в недалеком будущем мы будем иметь новый взлет китайской революции. Недалеко то время, когда снова красный флаг будет развеваться над китайской территорией, на этот раз флаг подлинно рабоче-крестьянской революции.

Рафаэль не ошибся в своем прогнозе. Он глубоко знал теперь и Китай, его движущие силы, острейшие классовые противоречия, положение молодого пролетариата и многомиллионного крестьянства. Знал почти так же хорошо, как и Германию.

...На VIII съезде ВЛКСМ в мае 1928 года был избран новый состав делегации ВЛКСМ в Исполкоме КИМа. Став членом ЦК ВЛКСМ и его Бюро, Хитаров вошел в состав делегации и был избран ее председателем.

13

Исполком III Коммунистического Интернационала, созданного В. И. Лениным, размещался в ничем не примечательном четырехэтажном доме на углу Воздвиженки и Моховой.

Случайный прохожий, минуя этот дом, пожалуй, и не заметил бы небольшую красную вывеску возле входной двери, окрашенной темной охрой: «Исполком Коммунистического Интернационала», и принял бы чуть накренившееся здание с рядами небольших окон за многоквартирный жилой дом, каких в Москве и не перечечь.

Но стоило оказаться внутри дома и пройти по его длинным, темноватым коридорам со множеством

дверей, и ты тотчас же погружался в совершенно необычную атмосферу, заставлявшую сердце биться взволнованнее и сильнее.

Из-за дверей доносились треск пишущих машинок и обрывки разговоров чуть не на всех языках мира. По коридорам медленно вышагивали статные потомки викингов, розовощекие и золотоволосые, торопливо пробегали остроглазые французы, деловито топали немцы в вельветовых пиджаках или в серой форме ротфронтовцев... Испанец приветствовал негра, англичанин пожимал руку индейцу в синем тюрбане, стайка смуглых латиноамериканцев засыпала вопросами вежливо, но растерянно улыбающегося китайца, поляк в чем-то горячо убеждал итальянца.

Тут можно было встретить виднейших деятелей мирового коммунистического движения.

Вот неторопливо прошла пожилая женщина с белоснежными волосами и добрым взглядом голубых глаз — легендарная «Красная Клара», ветеран Компартии Германии Клара Цеткин.

А этот невысокий старичок с лицом, иссеченным мелкими морщинами, в больших круглых очках и черной профессорской шапочке, — товарищ Катаяма Сен, лидер японских коммунистов.

Могучий человечище, круглоголовый, со лбом-куполom и крутым подбородком, идет под руку с приземистым и тоже круглоголовым и что-то доверительно гудит ему на ухо. А тот коротко отвечает высоким клекочущим голосом и теребит седеющие усы. Эрнст Тельман и секретарь Исполкома Осип Пятницкий. Они большие друзья.

По лестнице в буфет сходят Дмитрий Захарович Мануильский, постреливающий дымком из своей кривой, прокуренной трубочки, и Марсель Кашен, в толстом темно-бордовом свитере домашней вязки. Угощают друг друга анекдотами. Хохочут.

И на множестве языков звучат слова: революция, кризис, локаут, стачка, восстание, солидарность, интернационализм, конгресс... Чаще всего — конгресс. Ибо именно здесь, в ничем не примечательном доме на Моховой, идет напряженнейшая подготовка к VI Всемирному конгрессу Коммунистического Интернационала.

А на самой верхотуре, в правом крыле четвертого этажа, находится Исполком КИМа — Коммунистического интернационала молодежи.

Теснота страшная. В каждой комнатухе стол к столу, протиснуться между ними можно только бочком. У первого секретаря Исполкома в кабинете места хватает как раз для одного стола и двух стульев. Но в тесноте, да не в обиде!

Со всех частей света съехались сюда парни и девушки, представляющие комсомол своих стран. Многие нелегалы. Живут и работают под кличками, а настоящие их имена известны только ОМСу — Отделу международных связей ИК КИ, которым руководят Абрамов и Бричкина.

14

ЦК ВЛКСМ и Исполком Коминтерна не ошиблись, выдвинув в состав руководства КИМа двадцатисемилетнего коммуниста Рафаэля Хитарова.

Для того чтобы составить некоторое представление о характере и объеме работы Исполкома КИМа и его руководителей, необходимо вспомнить, что к лету 1928 года комсомольские организации существовали в 45 странах всех частей света. В громадном своем большинстве они находились на нелегальном или полунелегальном положении. В странах с фашистским или

полуфашистским режимом факт принадлежности к комсомолу граничил со смертельной опасностью.

В Москву пробирались молодые итальянские революционеры, вырвавшись из застенков чернорубашечников.

Почти каждый день приносил все новые утраты. И чем малочисленнее была комсомольская организация, тем ощутимее оказывались для нее эти потери. Без комсомола Страны Советов, объединявшего в своих рядах свыше 2 миллионов человек, вся кимовская армия насчитывала более 100 тысяч юношей и девушек.

Им, этим молодым коммунарм, противостояли не только многочисленные массовые буржуазные организации молодежи (бойскауты, христианский союз, различные спортивные общества и др.), но и СИМ — Социалистический интернационал молодежи, чья классовая беззубость, отразившаяся в пышно расцветшем культуртрегерстве, вполне устраивала правительства капиталистических стран. Набирали силу и откровенно фашистские молодежные организации, члены которых получали полувоенную форму, оружие... право этим оружием пользоваться.

Все эти организации, союзы и общества молодежи имели возможность действовать совершенно легально, имели отличные помещения и немалые средства. А у комсомольцев были только революционный энтузиазм и убежденность в великой правде идеи, во имя которой они боролись, жертвовали свободой и жизнью. Но и тут далеко не все обстояло благополучно.

В условиях временной стабилизации капитализма обострилась внутрипартийная борьба. В отдельных компартиях подняли голову правые уклонисты, чрезвычайно опасные для мирового коммунистического движения.

Одновременно в некоторых зарубежных партиях активизировались и «ультралевые», в крикливых

лозунгах отрицавшие стабилизацию капитализма и всячески препятствовавшие проведению тактики единого фронта. «Ультралевые» стали опорой для Троцкого и его союзников в их яростных нападках на ВКП(б), на ленинизм.

Молодежь по природе своей восприимчива, нетерпелива, обуреваема жаждой действия и склонна к радикальному решению вопросов. Уклоны в компартиях нашли свое отражение и в комсомоле, причем кое-где приобрели сугубо острые формы авангардистско-путчистского толка. Руководству Исполкома КИМа предстояло провести нелегкую разъяснительную работу во многих зарубежных коммунистических союзах молодежи.

На Моховой шла интенсивная подготовительная работа к Всемирному конгрессу Коммунистического Интернационала. И так как КИМ являлся одной из самых многочисленных секций Коминтерна, обитатели четвертого этажа столь же энергично включились в подготовку.

Сделать доклад конгрессу о деятельности Коминтерна молодежи поручено было одному из виднейших деятелей международного юношеского движения, представителю КСМ Австрии и секретарю Исполкома КИМа Рихарду Шюллеру. Но над докладом, понятно, работало все руководство, и в том числе Рафаэль Хитаров. С Шюллером они дружили и понимали друг друга с полуслова. Был близок Хитаров и с секретарем ИК КИМа Рихардом Гюптнером — ветераном комсомола Германии, начинавшим свою революционную деятельность еще под непосредственным руководством Карла Либкнехта. Гюптнер главным образом занимался организационными вопросами и, надо сказать, решал их умело и четко.

Материалы, и притом самые свежие, для доклада Шюллера можно было получить от приезжающих в

Москву руководителей комсомольских организаций, избранных делегатами на конгресс Коминтерна.

Вот появился в кимовском коридоре коренастый, с черным ежиком волос Франсуа Бийю, один из организаторов комсомола Франции. Задымил своей трубкой-носогрейкой Билл Рэст — редактор газеты английских комсомольцев. Приехали и депутат рейхстага, секретарь ЦК комсомола Германии Конрад Бленкле, невысокий быстрый паренек из Австрии Фридль Фюрнберг, синеглазый Милан Горкич — представитель героического Союза молодежи Югославии...

С каждым из приехавших Хитаров обязательно встречался и подолгу разговаривал. Ему хотелось как можно глубже вникнуть в повседневную жизнь каждого отдельного союза, узнать все его тревоги и заботы, получше понять неповторимые особенности и как можно ближе познакомиться с его вожаками. Ведь сразу же после VI конгресса Коминтерна, даже до его закрытия, начнет свою работу и V всемирный конгресс КИМа.

Младшая сестра Рафика, Тамара, так вспоминает об этих днях:

«Осенью 1928 года я приехала в Москву получать высшее образование. Мы с мамой поселились у Рафика в гостинице «Люкс», где он тогда жил. Это было такое счастье для нашей матери — пожить с Рафиком, позаботиться о нем, последить за его питанием. Он давно уже страдал колитом, холостяцкая жизнь обрекала его на питание в столовых, что было ему просто вредно. Это были чудесные дни. Правда, Рафика мы видели только урывками, очень мало. Он был занят по горло делами КИМа, подготовкой к конгрессу. А когда ему удавалось вырваться домой хоть немного пораньше, вечером в комнату сразу набивались люди. В

«Люксе» в то время жили многие работники КИМа и Коминтерна, у всех была тяга к Рафику.

Жили мы с Рафиком в «Люксе» недолго, вскоре к нему переехала его жена, Елена Константиновна Коломейцева, а мы с мамой перебрались в ее комнату в Настасьинском переулке».

Рафаэль терпеть не мог «бумажного» руководства. Любой, пусть великолепно разработанной инструкции он предпочитал живую беседу с интересующим его человеком, обмен мнениями, горячий принципиальный спор. Сказывались долгие годы работы за рубежом в нелегальных условиях, при которых бумаге грош цена, а в пору сказанное слово дорого стоит.

При открытии VI конгресса Хитаров был избран в его президиум, выступал на 11-м заседании с яркой речью и участвовал в составлении резолюции по отчетному докладу и разработке новой программы Коминтерна.

В «свободные» ночные часы он напряженно работал и над проектом программы Коммунистического интернационала молодежи, которую должен был принять предстоящий конгресс.

Нет надобности подробно рассказывать о Всемирном форуме коммунистов, проходившем в Москве с 17 июля по 1 сентября 1928 года.

Главными задачами международного коммунистического движения конгресс признал: борьбу с опасностью империалистической войны, защиту СССР, борьбу с интервенцией в Китае, защиту китайской революции и колониальных восстаний.

Потребовав от компартий перенесения центра тяжести их деятельности на единый фронт снизу, конгресс уделил серьезнейшее внимание работе среди молодежи.

Кроме специального доклада Рихарда Шюллера, выступлений Николая Фокина и других кимовцев,

значительную часть своей речи посвятил молодежному вопросу Эрнст Тельман.

Он говорил, что при сложившемся положении, когда военная опасность возрастает, необходимо, чтобы все секции Коминтерна, в том числе и германская, с большей энергией использовали антимилитаристские традиции пролетарской молодежи и коммунистического союза молодежи для борьбы с империалистической войной.

Выступление вождя германского пролетариата произвело на делегатов сильнейшее впечатление.

Особенно обрадовало око Хитарова. Он говорил своим друзьям: «Речь Тельмана стоит всех наших выступлений. Его громадный авторитет не может не повлиять на некоторых «партийных папаш», которые все еще относятся к комсомолу как к пасынку. Он заставит их всерьез взяться за руководство молодежью».

В новый состав Исполкома Коминтерна, избранного конгрессом, наряду с виднейшими деятелями коммунистического движения избраны были и представители молодежи: Хитаров, Горкич, Бленкле, Рэст, Бийю, Гуан Ли.

На состоявшемся пленуме ИК КИ Рафаэль Хитаров был избран и в состав президиума Исполкома. Он становился одной из центральных фигур международного юношеского движения, его вожаком.

15

Ночь на 20 августа прошла без сна. Забылся Рафаэль только на рассвете, и вдруг почудилось, что опаздывает в гимназию, что дядюшка Левон яростно трясет колокольчиком и укоризненно бормочет: «Ох, как ты опаздываешь, Раффи! Ведь урок давно начался».

Рафаэль с трудом открыл глаза, но все еще не мог вырваться из вернувшегося к нему детства. Хотел даже пожаловаться: «Майрик, я так хочу спать...»

Но колокольчик продолжал звенеть, и его холодноватый ясный голос безжалостно отсекал прошлое. На тумбочке возле кровати захлебывался, содрогаясь от напряжения, будильник. Часовая стрелка уперлась в цифру 8.

Рафаэль вскочил, подбежал к окну и разметал шторы. Небо над Москвой было чистым.

Разжег примус, поставил на него чайник и, пока вода закипала, тщательно побрился и обтерся холодной водой. И кажется, впервые в жизни в задумчивости постоял перед раскрытым шкафом, где аккуратно разместились весь нехитрый его гардероб. Выбор пал на серый костюм юнгштурмовца. Туго затянул широкий, желтой кожи поясной ремень и сразу почувствовал себя собраннее и увереннее. Что скрывать, он здорово волновался. Сегодня открывался V конгресс Коммунистического интернационала молодежи. И хотя Хитаров был участником и III и IV конгрессов как делегат комсомола Германии Рудольф Мартин, а на IV даже выступал с содокладом о работе фабрично-заводских ячеек германского комсомола, — все это не шло ни в какое сравнение с тем, что предстояло ему сделать сегодня. Не говоря уже о том, что он выступит с основным докладом — политическим отчетом ИК КИМа, ему предстоит открыть первое торжественное заседание конгресса. И он задался целью превратить это заседание в великое торжество идей пролетарского интернационализма, в праздник, который никогда не забудется делегатами и гостями конгресса. А делегатов приехало 261 человек, и представляют они комсомольские организации 43 стран — такого представительного конгресса еще не знала история

международного коммунистического движения молодежи.

VI конгресс Коминтерна, еще не закончивший свою работу, решил направить с приветствием к своей боевой смене — революционной юности — Эрнста Тельмана, Марселя Кашена и верного друга молодежи Надежду Константиновну Крупскую. А он, Хитаров, внес предложение, чтобы конгресс принял присягу молодых коммунаров всего мира на верность Советскому Союзу, на верность пролетарской революции...

Глотая горячий крепкий чай, Рафаэль еще раз перечитал текст присяги. Он огласит его на немецком языке. Ну ладно, теперь, кажется, все.

...И вот уже Колонный зал Дома Союзов, битком набитый молодежью. До открытия конгресса еще есть время. Знакомства. Обмен адресами. Как птицы, взмывают к потолку звуки любимых песен. Итальянцы запевают свою «Бандьера Росса». Она стала интернациональной, весь зал ее подхватывает. Но вот французы швыряют в ряды «взрывчатку» — лихую «Карманьолу», а немцы отвечают «Красным Веддингом», а потом гремит и наша — «Но от тайги до британских морей...».

Ну а теперь тишина! Уже избран президиум, и к длинному столу, что на возвышении, подходят Луиджи Лонго, Рихард Шюллер, Милан Горкич, Франсуа Бийю, Рихард Гюптнер, Александр Мильчаков, Александр Косарев...

А вот и Надежда Константиновна Крупская, Эрнст Тельман, Марсель Кашен.

Рафаэль на председательском месте. Голос его звенит.

«Сегодня радостный день для каждого комсомольца, — говорит он, открывая конгресс. — Четыре года прошло после последнего конгресса Коминтерна молодежи. За эти четыре года Коминтерн

молодежи прошел через огонь испытаний, через грандиозные классовые бои. И сегодня наше первое слово, наша первая мысль посвящена тем, которых уже нет с нами...»

Все встают. Две минуты глубокого молчания. «Орленок, орленок...» Да, скольких бесстрашных орлят недосчитались мы сегодня!

Гудит набатный голос Тельмана. От имени президиума VI конгресса Коминтерна он приветствует собравшихся в Колонном зале.

Негромко и проникновенно говорит Надежда Константиновна, представляющая старую гвардию большевиков.

Саша Косарев выступает от Центрального и Московского комитетов комсомола. Юные пионеры, командиры и комиссары Красной Армии...

Что ж, пожалуй, пора!

Рафаэль вновь поднимается.

— Встаньте, — говорит он негромко. — Теперь слушайте все! Я оглашаю текст нашей присяги. — И, высоко подняв над головой правую руку, стиснутую в кулак, четко выговаривая слова, читает по-немецки:

— «В духе идей наших великих вождей Ленина и Либкнехта клянемся мобилизовать трудящуюся молодежь мира во имя непримиримой борьбы против капиталистов всех стран, которые подготавливают войну против оплота рабочего класса мира — Советского Союза.

Мы клянемся:

быть в первых рядах в борьбе за коммунизм и, помня славные традиции КИМа, став солдатами, во всех сражениях, во всех армиях всегда действовать так, чтобы начавшаяся война превратилась в гражданскую войну.

Мы клянемся взяться за оружие:

во имя защиты Советского Союза,

во имя оказания помощи угнетенным народам,
во имя сокрушения буржуазии,
во имя победы рабочего класса,
во имя победы всемирной революции».

Приглушенно прозвучали слова переводов.

— Теперь повторяйте за мной! — сказал Хитаров.

Взлетел лес рук, сжатых в кулаки. И на десятках языков громко, торжественно и вдохновенно в Колонном зале, где четыре года назад советские люди у гроба Ленина присягнули на верность его делу, прогремели слова клятвы молодых.

— Wir schören zu Waffen zu greifen, — чеканил слова Хитаров.

— Мы клянемся взяться за оружие, — грозным эхом откликались партер, ложи, балкон.

— We swear to take arms...

Перекатывались по залу, сталкивались и сливались воедино прекрасные эти слова верности великой идее и призыва к действию, произнесенные по-русски и по-немецки, по-французски и по-итальянски, по-английски и по-китайски и еще на многих, многих языках.

Лица отвердели, посуровели, а глаза сверкали...

Каждый чувствовал возле себя плечо товарища, брата, соратника.

Казалось, что раздвинулся потолок Колонного зала, разошлись стены, под голубым куполом неба, за морями и океанами, на всех пяти материках Земли миллионы юных пролетариев присоединились к клятве и вслед за своими вожаками повторяют:

«...Во имя защиты Советского Союза... Во имя победы всемирной революции...»

Каждый, кто присутствовал тогда в Колонном зале, сохранил в своей памяти эти драгоценные мгновения!

А когда отзвучали последние слова присяги, на сцене появился старый человек с длинными седыми

волосами. Он взмахнул руками и запел дребезжащим, хрипловатым голосом:

— *Debout les damnés de la terre...*

То был композитор Дегейтер, написавший музыку международного пролетарского гимна.

Делегаты и гости пели «Интернационал».

Через несколько дней, выступая с докладом «Строительство социализма и деятельность ВЛКСМ», генеральный секретарь Центрального Комитета комсомола Александр Мильчаков говорил:

— Мы воспитываем революционеров-интернационалистов. Поэтому основной заповедью нашего существования является воспитание молодежи в духе преданности КИМу. В среде нашей молодежи неугасимый интерес к борьбе наших братьев на Западе и Востоке и дух международной солидарности. Такие величайшие события, как китайская революция, всколыхнули огромные массы трудящейся молодежи. Мы знаем, что работа нашего союза, в свою очередь, находит отзвук среди наших друзей в странах капитала. Мы будем еще больше крепить узы нашей братской связи, так как каждый комсомолец является членом КИМа, членом международного объединения юных коммунистов.

Слова эти, сказанные с подъемом и огоньком — ведь Саша Мильчаков был, бесспорно, лучшим оратором комсомола 20-х годов, — прозвучали как ответная присяга двухмиллионной армии советских комсомольцев на верность Коммунистическому интернационалу молодежи. Верность присягала верности!

Но уже началась деловая работа конгресса. Дав клятву, держи ее! Это значило, что уже сегодня предстоит решить кардинальные вопросы юношеского движения, от которых зависит дальнейшая его судьба, смело обнажить ошибки и недостатки в деятельности

комсомольских организаций в странах капитала и подсказать способы их скорейшего преодоления.

Да, комсомольцы Китая, Германии, Болгарии, Югославии, Италии, Венгрии, Греции, Польши, Франции своими героическими действиями подтвердили свою преданность делу коммунизма.

Но в то же время в этих же союзах нет-нет да и вспыхивали эпидемии давней, уходящей своими корнями в первые годы существования КИМа болезни авангардизма. Ее симптомы — в стремлении противопоставить себя партии, быть более «революционными», нежели партия, осуждать старшее поколение за якобы излишнюю осторожность, муссировать проблему «отцов и детей».

Хитаров в своем отчетном докладе очень подробно рассказывал о деятельности ВЛКСМ, на примерах и фактах доказывал, что в Советском Союзе не существует ни проблемы «отцов и детей», ни разрыва между поколениями.

«Союз коммунистической молодежи потому и побеждает, — говорил он, — что предан большевистской партии во всех ее боях, во всех трудностях. Когда партия боролась против троцкистов, последние возлагали свои надежды на молодежь, но что мы видели? Мы видели, что Союз коммунистической молодежи единодушно защитил партию».

Рафаэль чрезвычайно серьезно готовился к докладу. Он хотел, чтобы все положения его были сформулированы предельно ясно и иллюстрировались конкретными примерами деятельности отдельных союзов. Конечно, тезисы доклада всесторонне обсуждались и делегацией ВЛКСМ, и секретариатом ИК КИМа, но и личный вклад Хитарова был очень велик. Ведь Рафаэль превосходно знал работу крупнейших секций КИМа: ВЛКСМ, комсомола Германии и Китая. И

знал не понаслышке, а на основе накопленного им опыта практической работы в этих союзах.

В его докладе четко проводилась мысль о том, что борьба за молодежь стала одним из коренных вопросов современности.

Молодежь — будущее мира. За кем молодежь, за тем будущее. Это отлично понимали не только марксисты, но и их идейные противники. И буржуазия прилагает много усилий и тратит огромные средства для того, чтобы завоевать, покорить и на свою потребу перекроить умы и сердца молодых. Различные государственные режимы, начиная от фашистской диктатуры в Италии и кончая социал-соглашательскими правительствами, по существу, ничем не отличающимися от капиталистических, пытаются утвердить себя в грядущем, активно борются за молодежь.

Следовательно, задача зарубежных коммунистических партий и, естественно, КИМа — всеми силами противодействовать буржуазному влиянию на молодежь, в первую очередь пролетарскую, вооружая ее идеологией коммунизма...

Одним из решающих факторов превращения союзов в массовые организации молодежи является их перестройка на основе производственных ячеек. Где, как не на заводах и фабриках, юные пролетарии получают возможность пройти школу классовой борьбы, непосредственно участвуя в экономических и политических боях рабочих?

Одновременно с организационной перестройкой необходимо оживить внутрисоюзную работу, не забывая ее «юношеский» характер, отказаться от механического копирования форм и методов деятельности компартий.

Отчеты от имени Исполкома КИМа, сделанные Хитаровым и Миланом Горкичем, вызвали живейший

обмен мнениями.

В прениях выступило 57 ораторов, представляющих комсомольские организации 36 стран.

Рафаэль был счастлив. Анализ положения и перспектив нашел горячий отклик в сердцах делегатов конгресса.

Не прошло даром и его участие в выработке программы КИМа. В ней Коммунистический интернационал молодежи декларировал свою сущность, мировоззрение, принципы, задачи.

При разработке программы комиссия Исполкома КИМа (в нее входили и представители Коминтерна) под председательством Рихарда Шюллера проделала поистине громадную работу.

Шюллер — ветеран международного движения молодежи, выдающийся теоретик, человек, обладающий большим политическим опытом, — готовился «пропеть свою лебединую песню», так как уходил на партийную работу.

В работе над созданием программы использованы были не только проекты программ III и IV конгрессов КИМа и историческая речь Владимира Ильича на III съезде РКСМ, но и ряд менее известных работ Маркса, Энгельса, Ленина и Карла Либкнехта, посвященных вопросам молодежи.

Благодаря этому программа приобрела несокрушимую теоретическую основу, о которую ломали свои зубы уклонисты правого и «левого» толка.

Программа ставила все точки над «и». Она не допускала никаких ложных толкований вопроса о взаимоотношениях комсомола с партией, то есть о месте комсомола в революционной борьбе.

Она была принята V конгрессом КИМа единодушно, под бурные аплодисменты и одобрительные возгласы.

Но еще до того, как Рихард Шюллер поднялся на трибуну, чтобы обосновать и защитить проект

программы, шли заседания делегаций и на четвертом этаже дома на Моховой, и в Доме Советов на углу Тверской и Охотного ряда, где до революции находилась гостиница с пышным названием «Большой Париж».

Там размещалось большинство делегатов зарубежных союзов, там происходили скоротечные совещания, незапланированные встречи и вечера интернациональной дружбы, на которых хозяева угощали приглашенных более чем скромными закусками и любимыми песнями своего народа.

Рафаэль бывал в «Большом Париже» ежедневно. Немецкая делегация полагала, что имеет на Хитарова монопольное право — он же оставался для них геноссе Рудольфом. Но монополию справедливо оспаривала делегация Китая — в самые тяжкие месяцы 1927 года Хитаров был их дальновидным и храбрым вожаком. Хотели общаться с Рафиком французы и итальянцы, норвежцы и югославы.

Простой, обаятельный, всегда готовый к серьезному разговору, к разъяснению той или иной сложной проблемы, он отлично понимал хорошую шутку и охотно принимал участие в стихийно возникающих вечерах художественной самодеятельности.

Когда Рафик был в ударе, он, ко всеобщему удовольствию, изображал зазывалу, целыми днями простаивавшего у дверей духанчика «Вера» в Тифлисе и под заунывный аккомпанемент деревянной дудки бесконечно повторявшего им же сочиненную песню.

Рафаэль преображался. Красивое строгое лицо его приобретало плутоватое выражение, он прищуривал один глаз и, схватив карандаш, превращал его в дудочку. Пел нестерпимо душераздирающим голосом, выстукивая такт каблуком. Типичный тифлисский кинто — лентяй и бездельник, для которого даже торговля мацони труд совершенно непосильный.

Слушатели помирали от хохота и требовали повторения.

Иногда по вечерам заглядывал Рафаэль и в бильярдную «Большого Парижа» — сумрачную комнату с низким потолком и двумя зеленопольными столами — аренами ожесточенных, но бескровных сражений.

Бильярдную всерьез и надолго оккупировала делегация ВЛКСМ. И не потому, что наши прославленные бойцы «зеленого поля» побаивались иностранной конкуренции. За границей принят карамболь, а для этой игры требуются иные столы, да и шары другого диаметра. А здесь с грохотом расколачивались «американки» или со скользящих хитроумных ударов начиналась бесконечная «пирамида» с обязательным уводом «своего» куда-нибудь к дальнему борту.

Делегация ВЛКСМ, как на подбор, состояла из заядлых бильярдистов. Ну, во-первых, Амо — Амаяк Вартанян, коренастый крепыш с густыми, сросшимися на переносье бровями, из-под которых посверкивали антрацитовым блеском внимательные веселые глаза. Он играл размашисто, без особых хитростей, полагаясь на точный глазомер и сильную руку. Его «хлоп-штоссы» через все поле наводили трепет на противника... Да, но только не на Иосифа Мазуту! Тоже невысокий, тоже широкий в плечах, с узким лицом, покрытым желтоватым «индийским» загаром, Иосиф делал со своим шаром почти невероятные вещи. Казалось, что шар привязан невидимой бечевой к кончику кия, находящемуся в маленькой, но крепкой ладони Мазуты. Конкуренцию им мог, пожалуй, составить только Иван Борецкий — секретарь делегации, хитрющий украинский парубок с широкой белозубой улыбкой.

Азартно играл и Саша Косарев. Он предпочитал «американку», более соответствующую его темпераменту. «Эх ты, мазила-мученик! — с торжеством

восклидал он, когда его партнер промахивался. — Смотри, как люди добрые поступают!» — И... мазал сам, искренне, как-то по-детски огорчаясь проигрышу.

Играли на бильярде и Миша Абугов — на его большеглазом подвижном лице Пьеро мгновенно отражались все перипетии завязавшегося боя, — и Павлуша Павлов, и Саша Григорьев, почему-то прозванный «насосом».

Не играли или уж очень редко брали в руки кий Саша Мильчаков, Коля Фокин — ну у него было неважно со зрением — носил очки с толстенными линзами, — да и сам Хитаров. Но и они не обходили бильярдную, потому что там, как утверждал Рафаэль, можно застать всю делегацию ВЛКСМ и с ходу начать заседание.

Работать приходилось всем с огромными перегрузками, пренебрегая отдыхом и сном. И эти вечерние часы в бильярдной после заседаний конгресса и многочисленных его комиссий служили не только разрядкой, но и средством дружеского общения, когда оно не регламентируется официальными рамками. Сидя на жестких диванчиках, расставленных по стенам бильярдной, и время от времени поглядывая на игроков, делегаты обменивались впечатлениями о вечернем заседании, перебрасывались короткими репликами, советовались, договаривались о характере и тоне предстоящих выступлений.

Какие это были замечательные, настоящие парни! Цвет Ленинского комсомола. Люди большого практического опыта, владеющие теорией революции не как начетчики, а как мужественные и твердые бойцы идеологического фронта. Щедрые души, отдающие все самое дорогое, чем они владели, людям. Горячие и верные сердца.

Рафаэль с нежностью думал о своих товарищах-побратимах. Кое с кем из них предстояло скоро расстаться. После конгресса уходили на партийную

работу Луиджи Лонго, три Рихарда — Шюллер, Гюптнер и Меринг, Пека Паасонен, несколько русских товарищей. Что ж, они славно поработали, проявив себя непреклонными ленинцами и талантливыми организаторами пролетарской молодежи. Но в действие вступил закон возраста. Они уже «старички» — каждому под тридцать. Наступила пора испытать свои силы на работе в партии. Ведь комсомол — это резерв, пополняющий ряды коммунистов. По правде сказать, Рафаэль и себя считал «стариком». Двадцать семь лет, и из них без малого десятилетие отдано комсомольской работе. Пытался Рафаэль убедить руководителей Исполкома Коминтерна, что он явный переросток, что не имеет систематической теоретической подготовки, что лучше всего было бы отпустить его на учебу. Говорил и с Мануильским, и с Пятницким. Дмитрий Захарович рассказал несколько веселых историй, дружески похлопал по плечу, но от прямого ответа уклонился. Ну а Пятницкий — это Пятницкий! Молча выслушал, согласно покачивая своей круглой лысой головой, и вдруг пронзительно закричал: «Ишь какой ты умник, Хитаров! Образования ему, видишь ли, не хватает. Гимназии мало. А как же я со своими тремя классами? Партия послала тебя на работу в КИМ. Вот и работай. Там у вас в организационных делах сплошной кавардак. Наладишь, тогда и поглядим». И еще долго бурчал что-то нелестное про молодых, которым вынь да положь красную профессию.

Что ж, Рафаэль не настаивал. Если партия считает, что он должен работать в ИК КИМа, он готов отдать все свои силы порученному делу. Ведь в КИМ направляли и партийных работников. Бесо Ломинадзе, например, или того же товарища Луиджи Лонго.

А пока что Хитаров присматривался и устанавливал контакты с теми, кому предстояло заменить «стариков». Впрочем, большинство из них были давними

его друзьями: Конрад Бленкле, Франсуа Бийю, Фридль Фюрнберг, Милан Горкич...

Героический комсомол Италии будет представлять в ИК КИМа компаньеро Ловера, чудом вырвавшийся из фашистских застенков, где его подвергали изощреннейшим пыткам. Истерзанный, с изуродованной ногой, он ухитрился сохранить не только душевную твердость, но и веселый нрав. Эдакий молодчина!

От ВЛКСМ тоже поступило пополнение: уравновешенный, рассудительный уралец Георгий Беспалов и представитель комсомола Грузии, образованный, хорошо владеющий французским языком Владимир Мачавариани.

18 сентября состоялось последнее, заключительное заседание. На нем был избран новый состав Исполкома — 87 человек, представлявших комсомольские организации 28 стран мира.

И хотя структура Исполкома КИМа не предусматривала поста генерального секретаря, фактически им стал Рафаэль Хитаров — первый среди равных.

16

Три года пробыл Рафаэль на посту председателя делегации ВЛКСМ. И кроме того, он возглавлял Исполком КИМа.

То было трудное для международного коммунистического движения время.

Правый уклон в ВКП(б)' вызвал к жизни оппортунистические тенденции в ряде зарубежных партий. В США активизировалась группка Ловстона, противопоставлявшая платформе Коминтерна свою собственную, которая утверждала «исключительность американского империализма». Сомкнулась с социал-

демократизмом группа Илека — Болен в Компартии Чехословакии. Вновь подняли головы Брандлер и Тальгеймер в КПГ; в Компартии Швеции резко вправо повернул Чильбум и его сторонники; а в Италии пессимизм и неверие в возможность победы над чернорубашечниками распространяла группа Таски.

Но существовало и крайне левое крыло антиленинского фронта, продолжавшее отрицать возможность проведения тактики единого фронта с низовыми социал-демократическими организациями.

Особую угрозу представляла левацко-сектантская группа А. Барбе — П. Селора, оказавшаяся у руководства Компартией Франции. Барбе, бывший секретарь Центрального Комитета комсомола, якобы борясь с правым уклоном, дошел до того, что называл всех членов социалистической партии, в том числе и рабочих, «социал-фашистами» и «кровавыми псами буржуазии».

Конечно, расстрел первомайской демонстрации 1929 года в Берлине по приказу полицей-президента социал-демократа Цергибеля, вызвавший гнев и возмущение во всем мире, справедливо квалифицировался как проявление «социал-фашизма», и Цергибель, а вместе с ним и Зеверинг были клеймены ненавистью и презрением. Как и их предтеча Носке, они навсегда останутся в памяти рабочих Германии как «кровавые псы», не за страх, а за совесть служившие буржуазии. Но ставить знак равенства между рабочими, пусть заблуждающимися, но по-своему честными, все еще верными идеалам Бебеля и Жореса, и головорезами из фашистских и профашистских организаций — значило воздвигать искусственную преграду между ними и коммунистическими партиями.

Борьба с уклонами внутри партий не обошла и комсомол. И правые и «ультралевые» заигрывали с

молодежью и всеми способами старались привлечь ее на свою сторону. То была грязная игра с краплеными картами — уклонисты, как заправские шулера, выбрасывали из рукава свои козыри: впечатлительность и нетерпеливость, свойственные молодежи, и ее неукротимую жажду немедленного действия.

Исполкому КИМа пришлось сразу же после конгресса развернуть огромную разъяснительную, воспитательную и организационную работу во многих зарубежных союзах. И прежде всего в комсомоле Германии, который, как и КПГ в Коминтерне, являлся второй после ВЛКСМ по численности секцией КИМа.

ЦК комсомола Германии совершил грубейшую политическую ошибку, осудив позицию Эрнста Тельмана и верных его сподвижников, и тем самым поддержал оппортунистические взгляды Брандлера и Тальгеймера, идущие вразрез с линией Коминтерна.

Но не даром же Хитаров почти четыре года пробыл на руководящей комсомольской работе в Германии, начиная от пропагандиста в Руре и кончая секретарем ЦК!

Так вот, Рафаэль действовал молниеносно. 19 декабря 1928 года состоялось заседание президиума Исполкома КИМа, принявшее специальную резолюцию об ошибочной позиции руководства комсомола Германии. Ее написал Хитаров, еще раз продемонстрировав глубокое понимание германского вопроса.

Эта резолюция широко обсуждалась во всех низовых организациях КСМ Германии. В страну были направлены уполномоченные и инструкторы ИК КИМа. По инициативе Хитарова созданы были «ударные бригады» пропагандистов из числа верных сторонников Коминтерна.

Неоднократно выезжал в Германию и сам Хитаров.

И вот результат: общегерманская конференция КСМ, состоявшаяся 10-11 ноября 1928 года, почти единодушно (1087 «за» и только 57 «против») поддержала линию Коминтерна и КИМа.

20 ноября 1929 года состоялся расширенный пленум Исполкома КИМа, на котором Рафаэль выступил с докладом «Коммунистический интернационал молодежи на историческом повороте».

В своей обычной, прямой манере, со страстной убежденностью Хитаров говорил:

— Нам необходима идеологическая непримиримость. Без непримиримости нет большевизма. Комсомол — организация воспитательная, и руководящими работниками его должны быть люди, способные воспитывать других в революционном духе, а не те, кто сам пропитан оппортунистическими настроениями. Претендовать на звание коммуниста может лишь тот, кто изо дня в день работает в массах, организуя их вокруг лозунгов партии.

Таким коммунистом, массовиком по натуре, беспощадно высмеивавшим зазнайство и «сановность» руководящих товарищей, яростно выступавшим против любого проявления «комсомольского бюрократизма», был и сам Рафаэль. Поэтому установленный им стиль работы Исполкома КИМа и его аппарата можно определить одной фразой: всегда с массами, всегда в самой гуще массы. Как можно меньше бумаг. Возможно чаще — посылка в страны опытных работников, но не для «общего руководства», а для практической помощи!

Именно для этого направлен был в Монголию один из ближайших друзей Рафаэля — Амаяк Вартанян.

Руководство Союза революционной молодежи Монголии под влиянием ЦК партии долгое время проводило правую линию. Вартанян, отправившись в Монголию вместе с представителем Коминтерна

Богумилом Шмералем, сумел убедить съезд комсомола в необходимости пересмотреть свои позиции и решительно осудить старое руководство.

Позже Хитаров писал? «Двинулась вся страна. Монголия радуется большой победой. Мы убеждены, что в Монголии теперь дела пойдут совершенно по другому направлению. Великая победа налицо. В этой победе члены Союза революционной молодежи сыграли первостепенную роль. Многие из них были выдвинуты на партийную и государственную работу. Значительная часть министров республики были членами Союза революционной молодежи».

Постепенно зарубежное КСМ зрели политически и приобретали влияние на пролетарскую молодежь. Наметилась некоторая, хотя еще явно недостаточная, тенденция к их численному росту. Возникла комсомольская организация (при непосредственной помощи КСМ Англии) в Индии. Были созданы также союзы в Исландии, Уругвае, Бразилии, Мексике. И для руководства этими организациями — Южноамериканский и Центральноамериканский секретариаты КИМа.

Состоялось открытие школы по подготовке комсомольских функционеров — сбылась давняя мечта Хитарова. На опыте своей работы в Германии и Китае он убедился, что великолепным, отважным ребятам, возглавляющим местные организации КСМ, больше всего не хватает теоретических знаний. А очевидные пробелы в марксистско-ленинском образовании разоружают в спорах с начетчиками и фальсификаторами. Созданная школа должна была стать подлинной кузницей кадров.

И еще об одной инициативе Рафаэля. Будучи революционером-интернационалистом в самом высоком значении этого слова, он за годы своей работы в ИК КИМа сделал очень много для того, чтобы

интернационализм стал чертой характера и нормой поведения каждого комсомольца.

Получив полную поддержку Александра Мильчакова, а потом и Александра Косарева, Рафаэль неустанно укреплял братские связи между ВЛКСМ и зарубежными союзами.

Шефская интернациональная работа стала органической частью деятельности всех комсомольских организаций. Так, например, бакинские комсомольцы шефствовали и помогали своим опытом юным коммунистам Тюрингии, Нанкина. Комсомольская организация Армении приняла шефство над своими друзьями в Греции.

Не забыть того энтузиазма, которым советские комсомольцы встречали своих зарубежных братьев.

В Ростов-на-Дону приехал представитель итальянского комсомола, носивший подпольную кличку Антонио Мартини. В поездке по городам Северного Кавказа его встречали тысячи наших девушек и парней. Факельные шествия по улицам Краснодара. Встречи с молодыми горняками Шахт и нефтяниками Грозного. Митинги, стихийно возникающие там, где появлялся Антонио. «Да здравствует итальянский комсомол! Гибель Муссолини и его чернорубашечникам!» и в ответ; «Эввива иль коммунизме!» Письма... Охапки писем к итальянским комсомольцам, которыми Антонио набил свой чемодан. Трогательные самодельные подарки. Обещания выучить итальянский язык и тут же создаваемые кружки по изучению этого языка...

А многотысячный митинг ленинградских комсомольцев в Таврическом саду в честь Международного юношеского дня! Приехал Амо Вартанян. Выступления, выступления, выступления... И сколько раз! Пока окончательно не потерял голоса, устав от бесконечных вызовов, показал на горло и прохрипел: «Ребята, не могу больше. Увольте...»

Интернациональная работа была по двум целям одновременно. Оказывала конкретную помощь заграничным союзам, перенимающим опыт ВЛКСМ, и укрепляла в каждом советском комсомольце ощущение сопричастности с борьбой, которую вели их сотоварищи в капиталистических странах.

За три года своей деятельности в качестве руководителя Исполкома КИМа Рафаэль Хитаров стал популярен. Он выступал не только по молодежным проблемам, но и по вопросам внутрипартийной работы. Много писал. Особый интерес представляет его книга «Правая опасность в Коминтерне и задачи КИМа», вышедшая в 1929 году. В ней Рафаэль подвергает глубокому и всестороннему анализу правый уклон в ряде компартий. (Вот названия некоторых ее глав: «Предательство Брандлера», «Ошибки английских коммунистов», «Тяжелое положение Компартии Чехословакии — результат неправильного руководства», «Как ЦК Коммунистической партии США толкует решения VI конгресса», «Опасные тенденции во Французской компартии», «Компартия Китая перед лицом правой опасности» и т. п.) Такую книгу мог написать только стойкий ленинец, хорошо теоретически вооруженный, по-настоящему знающий жизнь и деятельность зарубежных секций Коммунистического Интернационала.

И все же Рафаэль считал, что слабоват в теории. Поэтому накануне IX съезда комсомола он вновь обратился в делегацию ВКП(б), в ИК КИ и в ЦК ВЛКСМ с настойчивой просьбой освободить его от работы в Исполкоме КИМа и направить на учебу. И вновь просьба его была отклонена.

Выступая на IX съезде комсомола с отчетом делегации ВЛКСМ и ИК КИМа, Рафаэль говорил, что поворот к массам стал реальностью. Кимовская зарубежная армия выросла и насчитывала в своих рядах

уже 115 030 человек. «В данный момент, — заявил Хитаров, — мы создали стотысячную армию комсомольцев. Это политически крепкая, сплоченная армия, которая в ряде стран задерживает наступление реакции, армия, столкнувшись с которой наш враг ломает свои зубы».

Вновь избранный членом ЦК ВЛКСМ и его Бюро, Рафаэль опять возглавил русскую делегацию в ИК КИМа. Да еще получил дополнительную нагрузку — его утвердили ответственным редактором журнала «Интернационал молодежи».

Но на этот раз проработал он в Исполкоме КИМа немногим более трех месяцев. В апреле 1931 года по решению ЦК ВКП(б) Рафаэль Хитаров был направлен на ответственную партийную работу в Кузбасс.

17

Еще неполных семь лет жизни отдал Рафаэль Хитаров делу строительства нового, коммунистического мира.

Отдал, как всегда это делал, без остатка, без оглядки на свое «я».

«Я счастлив, что партия оказывает мне такое доверие», — писал он в одном из своих писем отцу.

Первая пятилетка генерировала невиданный энтузиазм всего советского народа. Рафаэль принадлежал к тем людям, кто обеспечивал мощную и бесперебойную работу этого генератора.

Ему посчастливилось увидеть, как, по выражению Маяковского, «солнцем встает бытие иное». Не только увидеть, но и самому созидать это бытие.

Он руководил коммунистами грандиознейших строек первой пятилетки: Кузнецкого металлургического комбината и Магнитогорского

завода. За успехи в строительстве КМК Рафаэль получил высшую награду — орден Ленина. Он снискал любовь и уважение героев-строителей Кузнецка и Магнитки. Как рыцарь партии без страха и упрека.

Владимир Дмитриевский

НИКОЛАЙ ЧАПЛИН

Автор очерка, близкий друг Николая Чаплина, Александр Иванович Мильчаков.

Имя Александра Мильчакова неотделимо от славной истории Ленинского комсомола. Его комсомольский путь начался в Вятке летом 1918 года, когда там родился социалистический союз рабочей молодежи «III Интернационал», созданный большевиками. В 16 лет Александр Мильчаков уже член большевистской партии и секретарь Пермского губкома комсомола. Затем он руководитель Сибирской комсомольской организации, секретарь Юго-Восточного краевого бюро комсомола, объединявшего организации Северного Кавказа, ЦК ЛКСМ Украины, и, наконец, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. Таков путь Александра Мильчакова в комсомоле. Он активный участник международного молодежного коммунистического движения, делегат V

конгресса Коминтерна, III, IV и V конгрессов КИМа. С 1929 года Мильчаков на ответственной партийной и хозяйственной работе.

Добрый и чуткий друг, внимательный и отзывчивый товарищ, принципиальный и стойкий ленинец, человек удивительной чистоты и скромности — таким запомнили Александра Мильчакова его друзья и соратники, все, кому хоть раз довелось встретиться с ним.

Знала его и современная молодежь, комсомольцы, знала по многочисленным встречам, по выступлениям на страницах газет и журналов, по книге «Первое десятилетие».

История первого десятилетия комсомола — яркая страница в жизни самого Мильчакова, поэтому и в очерке центральное место отведено истории комсомола именно тех лет, и пишет о них не сторонний наблюдатель, а современник, активный участник описываемых событий, пишет с присущей ему прямоотой и убежденностью.

1

Чаплин ушел из жизни молодым, тридцатишестилетним. В воспоминаниях о нем я выделил бы слова поэта Александра Безыменского:

«И вот встает в памяти сердца Николай Чаплин, честный и сердечный человек, принципиальный, убежденный коммунист.

На наших глазах он рос как государственный деятель крупного масштаба, партийный во всех делах политики, экономики, культуры.

Для меня Николай Чаплин — великолепный друг и советчик, ласковый человек, любивший друзей, детей,

семью свою, вожак молодежи, вожак взрослых, вожак всюду, куда его только ни посылала партия.

Все это вместе взятое сливается в образ того прекрасного человека, которого мы вместе с вами обозначаем одним словом «большевик», что равнозначно слову «ленинец».

И как истинный ленинец, Николай Чаплин с полным правом мог сказать о себе:

*И строителем
и воином
Назван я моей страной.
То, что в ней
людьми построено,
Все построено
и мной.
В каждом взлете,
в каждом здании
Человек найдет всегда
Каплю
моего дерзания,
Кроху
моего труда.
Из всего,
что мне встречается,
Что в стране произросло,
В мир
незримо излучается
Сердца моего
тепло...*

«Правда» в статье к 60-летию со дня рождения Николая Чаплина назвала его жизнерадостным, неутомимым, самоотверженным, любимым вожаком молодежных масс: «Партия и комсомол чтят память

своего славного сына Николая Чаплина, неутомимого труженика, бесстрашного бойца за дело Ленина».

«Комсомольская правда» статью о нем закончила словами: «Жизнь, труд, самое сердце Чаплина были отданы грядущему коммунизму, борьбе за его светлые идеалы. И в рядах новых борцов он всегда будет идти, работать, звать вперед высоким примером».

2

В небольшом старинном селе Рогнедино Смоленской губернии^[17] родился в начале века, 19 декабря 1902 года, Николай Чаплин.

Отец его, Павел Павлович, был сельским священником, мать, Вера Ивановна, учительствовала в земской школе.

Павел Павлович тяготился своим поповским положением. Он видел тяжкую долю народа и, случалось, не скрывал своих взглядов. Недаром все пятеро детей его стали впоследствии коммунистами. Окрестное духовенство косилось на «крамольника»: в доме у него свободные речи, музыка, народные песни (в семье Чаплиных пели все), домашнюю библиотечку составляли светские книги. Круг общения — сельские интеллигенты, крестьяне, ищущая правды молодежь. И дети растут свободомыслящими — к духовной карьере родители их не готовили, всем дали светское образование.

Если на дружеских вечеринках Павел Павлович вел хор молодых голосов, играя на фисгармонии, то Вера Ивановна увлеченно читала стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Молодежь пела, играла, танцевала.

На попа-«крамольника» шли кляузы и доносы в епархию, самому смоленскому архиерею. И принялись

«начальники» гонять ослушника из села в село, из одного бедного прихода в другой захудалый: из Рогнедина в Мигновичи, из Мигновичей в Семеновское, потом в Сусловичи.

Дети с малых лет росли в труде. Небогатый священник, глава большой семьи, должен был сам при помощи старших ребят обрабатывать участок земли, пахать и сеять, сажать овощи, косить сено, запасаться дровами.

Бедая надвинулась неожиданно.

«Был не по-осеннему теплый день, — вспоминает дочь Мария Павловна, ныне врач одной московской клинической больницы, — когда вдруг появился невесть где пропадавший несколько дней отец. Вошел в дом, торопливо открыл сундук, где у него хранились всякие бумаги и книги, что-то отобрал, а остальное приказал сжечь, а сам снова уехал.

Костер, разложенный в огороде за садом, еще догорал, когда стражники окружили дом и учинили обыск. Шарили всюду — на чердаке и в подполье, перерыли вещи и, ничего не обнаружив, уехали.

Вечером вернулся Павел Павлович, возбужденный, улыбающийся. «Пронесло. Все будет ладно».

Гроза разразилась 9 января 1906 года, в годовщину Кровавого воскресенья. Священник Чаплин в проповеди с церковного амвона осудил зверскую расправу царизма над рабочими.

За неслыханную дерзость духовное начальство наложило на непокорного священника епитимью: он целый год пробыл в Смоленском монастыре. А Вера Ивановна, с трудом удержавшаяся учительницей в местной школе, одна кормила семью.

Николай отличался волевым характером, старался помогать родителям. В школе учился прилежно.

Рослый не по годам, широкоплечий, крепкий парень, Николай ловко управлялся с конем, ходил за плугом,

шел следом за отцом на покосе.

«Правильно, — хвалил отец, — молодец. Человек многое должен уметь, чтобы правильно понимать жизнь».

И Николай любил землю, любил труд, любил жизнь, любил людей. Он подолгу сидел, присмиривший, любуясь сельскими видами, помогал матери ухаживать за цветами. Мог подраться с приятелем из-за подбитой птицы или разоренного гнезда и до пота рубить хворост в пару с сыном бедной вдовы. «Ведь я не белоручка, — писал позднее Николай, — работал не ради развлечения».

Мария Павловна вспоминает: «Я помню его серьезным, вдумчивым, несколько медлительным в движениях. Участниками его детских игр и первыми школьными товарищами были крестьянские дети. Он был пытливым ребенком, любил и понимал красоту природы. В дни каникул Коля днями пропадал в лесу, в поле или в саду, делал зарисовки сельских пейзажей. Мечтал стать художником. Любил книги, особенно Гоголя. Он часто собирал вокруг себя детвору, уводил в сад или в лес и читал нам вслух».

В 1912 году отец отвез Колю в Смоленск в реальное училище.

Учился хорошо. Спокойный и рассудительный реалист быстро завоевал авторитет среди товарищей, стал их вожаком.

Благотворное влияние на формирование мировоззрения Николая оказал его старший брат Александр, занимавшийся в то время в Смоленской классической гимназии, активный участник нелегальных политических кружков учащейся молодежи. Юные подпольщики выпускали журнал «Свободная мысль», печатали на гектографе социал-демократическую газету, создали общеученическую библиотеку нелегальной литературы. Библиотека

пополнялась за счет добровольных взносов самих учащихся.

«В библиотеке были произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Бебеля, В. Либкнехта, Лафарга, Жореса», — рассказывает Александр Чаплин.

Николай любил старшего брата, жадно слушал его рассказы о подпольных кружках, об истории революционных движений, о подготовке революции в России. Близкие вспоминают, как он в ту пору зачитывался революционной литературой.

Когда в 1916 году Александра, студента медицинского факультета Московского университета, арестовали за участие в нелегальной студенческой сходке, исключили из университета и выслали под надзор полиции, четырнадцатилетний Николай словно сразу повзрослел.

Семнадцатый год революционным вихрем ворвался в жизнь города и в стены реального училища.

Полетели прочь двуглавые императорские орлы. Были изорваны и выброшены вон царские портреты.

Революция пришла в стены школы, и молодежь, бурно митингуя, включается в политическую жизнь.

«Долой старые порядки! Долой закон божий! Долой reactionеров-педагогов и ненавистных классных надзирателей!»

Возникают ученические комитеты, советы делегатов, по требованию революционно настроенных учащихся создается школьное самоуправление.

Николай умом и сердцем воспринимает большевистские лозунги, находится в гуще политических споров и жарких дискуссий и Октябрьскую революцию встречает убежденным сторонником большевиков.

Товарищ Чаплина по реальному училищу Ф. А. Столяров вспоминает: «В первом реальном училище был умный, находчивый, отчаянно смелый

Николай Чаплин... Однажды (осенью 1917 года) Николай Чаплин прочитал нам программные требования большевиков. Окончил он чтение под аплодисменты. И тут впервые, охваченные единым порывом, мы запели «Интернационал».

В начале 1918 года в Смоленск приезжает из Москвы Александр Чаплин, назначенный губернским комиссаром просвещения. Приезд брата еще в большей мере способствовал укреплению большевистских убеждений Николая.

Священник Павел Павлович Чаплин оставил церковь, переехал с семьей в Смоленск, стал работать в советских учреждениях — сначала в области внешкольного образования, затем в Доме просвещения Красной Армии.

Вера Ивановна и Мария вступили в союз учителей-интернационалистов и с головой погрузились в дела по перестройке школы и в культурно-просветительную работу среди крестьянства.

3

Шел 1918 год. Ф. А. Столяров вспоминает: «На одном из стихийных митингов учащихся, стараясь отвлечь страсти от мелких стычек с преподавателями, Николай Чаплин изложил заявление VI съезда РСДРП (б) о союзах молодежи, о призыве создавать самостоятельные организации молодежи, связанные с РСДРП (б). Присутствовавший на митинге рабочий-большевик рассказал нам о решениях VI съезда, много говорил о предательстве местных меньшевиков...»

Навсегда запомнились участникам бурных молодежных собраний веселая голодная ребячья суматоха, революционные песни, горячие споры.

Началось создание новой, советской школы. Николай Чаплин энергично включается в эту работу, привлекая к ней передовую учащуюся молодежь. В своей школе (8-й советской) он создает организацию молодых коммунистов. Такие же организации возникают в техническом училище и в типографии газеты «Звезда».

В апреле под руководством городского комитета партии большевиков был основан союз рабочей молодежи «III Интернационал». С этим союзом объединились ученические организации юных коммунистов. В ноябре 1918 года, после I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи, образовалась Смоленская городская организация РКСМ.

Николай Чаплин покидает школу и полностью переходит на комсомольскую работу. В июне 1919 года он участвует в работе первого губернского съезда комсомола. Через несколько дней после съезда его избирают председателем Смоленского уездно-городского комитета союза. На этом посту он работает до весны 1920 года.

Комсомольский журналист Давид Ханин, работавший потом вместе с Чаплиным в Центральном Комитете комсомола, выпустил в 1928 году книгу «Университет моего поколения». В ней он пишет и о «людях, принадлежащих истории комсомола»:

«Николая Чаплина я впервые узнал в 1918 году. Он ходил тогда в длинной форменной шинели реального училища... Шинель скрадывала его фигуру, из нее высывалась только квадратная белобрысая голова, медленно и туго ворочавшаяся.

А потом, когда скинул он шинель, оказалось, что под ней прятался не реалист, а медведь, сказочный русский Михаил Топтыгин. Тело громадное, крепкое... Ходит Чаплин вразвалку, раскачиваясь на ходу, руки

раздвигает широко, не говорит, а гудит, точь-в-точь медведь... У медведя этого чудесная судьба. Этот прекрасный экземпляр комсомольского активиста, человек, воспитанный комсомолом, овладев оружием ленинизма, развернет и на партийной работе свои силы...»

Первые сельские комсомольцы Смоленщины, ставшие друзьями-соратниками Чаплина, тоже рисуют его портрет:

«И сейчас, словно живой, стоит у нас перед глазами Коля Чаплин: юный, рослый, несколько медлительный в движениях, с упрямым, жестким взглядом больших серых глаз. Говорил он медленно, словно подбирая слова, но с подкупающей страстью, убежденностью. Одет он был в поношенный светло-коричневый френч, на голове основательно истрепанная кепка.

Внешне суровый и, казалось, малоразговорчивой, Николай Чаплин оказался исключительно простым парнем. Держался он свободно, как будто всех нас давно знал».

Гремела гражданская война. В. И. Ленин сравнивал тогда положение молодой Советской республики с положением «осажденной крепости».

На комсомольских собраниях и вечерах часто приводились стихи пролетарского поэта Демьяна Бедного: «Еще не все сломали мы преграды, еще гадать нам рано о конце. Со всех сторон теснят нас злые гады. Товарищи! Мы в огненном кольце!»

В тылу поднимала голову контрреволюция. В ряде уездов Смоленщины вспыхнули кулацко-эсеровские мятежи.

Комсомольцы находились в передовых шеренгах борцов за власть Советов. Они уходили добровольцами на фронт, в Отряды ЧОНа (частей особого назначения), дрались с бандитскими шайками, проводили коммунистические субботники, боролись с эпидемиями,

создавали группы по ликвидации неграмотности. Не только чисто комсомольские, но и общехозяйственные поручения Чаплин выполнял добросовестно, увлекая за собой других. М. П. Ремизов, тогда секретарь губернского комитета партии, коммунист с 1914 года, восстанавливает события весны 1919 года, когда губкому партии по прямому проводу из Москвы передали распоряжение Ленина: доставить из Смоленской губернии 200 тысяч пудов сена.

Смоляне выполнили приказ. Пятнадцать тысяч подвод в весеннюю распутицу доставили сено в Москву.

И в этом деле большую помощь оказали комсомольцы Гарабурда и Чаплин, руководившие тогда смоленским комсомолом, подняли на выполнение этого задания тысячи сельских парней и девушек.

Как по всей стране, на Смоленщине в эти годы часто проводили субботники. Николай всегда выбирал для себя самый трудный участок работы. Трудолюбием, шутками, песнями он воодушевлял товарищей.

Характерную картину тех дней рисует поэт М. Исаковский, один из первых комсомольцев в городе Ельне. Он повествует, как маленькая Ельнинская организация, состоявшая из четырех десятков комсомольцев, посылала своих лучших товарищей на фронт:

«К чести ельнинских комсомольцев надо сказать, что «мобилизовать» их не пришлось: четыре человека сами попросились, чтобы их отправили на фронт. В числе четырех добровольцев была и Вера Барцевич — первая и в ту пору пока еще единственная девушка в Ельнинской организации комсомола.

Я помню, как в ранние декабрьские сумерки мы провожали своих добровольцев на станцию.

Стоял легкий морозец, медленно и бесшумно падали срезинки на замерзшую землю. Мы шли строем — вся Ельнинская организация. Шли со знаменем. Четверо

наших добровольцев впереди... Шли молча, без песен, без разговоров. И только наши шаги нарушали тишину безлюдных вечерних ельнинских улиц, на которых не горело ни одного фонаря...»

В 1919 году, в период второй всероссийской мобилизации комсомольцев на фронт, Чаплина назначают председателем военно-мобилизационной тройки. Сам Николай не раз просил послать его на фронт. В комитете партии отвечали: «Ты нужен здесь как организатор молодежи. Твоя работа, комсомольского вожака, разве не вклад в победу над врагом? Не забывай о дисциплине, работай еще энергичней, еще лучше!»

Огромного внимания, умения и сил требовала работа с деревенской молодежью.

Вместе с друзьями-товарищами Е. Гарабурдой, Д. Кобаренковым, Б. Кузнецовым, И. Бобрышевым, Ф. Великановым он по селам и деревням разъясняет декреты Советской власти, несет в массы ленинскую правду, поднимает молодежь против кулаков и создает комсомольские ячейки.

Бандиты особенно бесчинствовали в Духовщинском уезде. Они убили представителя губкома партии В. И. Смирнова и Я. Е. Демидова, председателя укома партии в Поречье (ныне город Демидов), грабили лавки, поджигали амбары с хлебом.

Во время поездки на Духовщину Николай попал в лапы кулацкой банды. Его избили, связали и посадили в клеть, отложив окончательную расправу до утра. А ночью местные комсомольцы освободили его и помогли бежать.

«Николай вернулся избитым, лицо в ссадинах и кровоподтеках, — рассказывает Мария Павловна Чаплина, — но, как всегда, улыбающийся. «Мы им еще покажем себя, посмотрим — кто кого».

Приехав в очередную деревню, Николай созывал молодежь на собрание, а пока собирались, он успевал расспросить уже пришедших о жизни, занятиях, стремлениях. Услышав в одном селе о местном культурно-просветительном кружке, он посетовал:

— Мелковато. Время сейчас такое, когда по всем линиям надо давать бой, наступательный бой. Кружок — это хорошо, но этого очень мало. Время кружков прошло, надо объединяться в Союз молодежи и идти вперед единым фронтом...

Хочется напомнить о такой форме работы в селах, как «красные повозки». Уж очень хорош этот пример, характерен для работы комсомольских уездных комитетов в 20-м году!

«По инициативе секретаря Ельнинского укома В. Кирпичникова, — продолжает рассказ о своей комсомольской юности М. Исаковский, — летом 20-го года было оборудовано несколько «красных повозок». «Повозка» представляла собой обыкновенную телегу, переделанную в фургон и снабженную всевозможной агитационной литературой — брошюрами, газетами, листовками, плакатами. «Красные повозки» сопровождались специальными комсомольцами — агитаторами и пропагандистами. Где достал Кирпичников эти повозки, откуда он взял лошадей — не знаю. Возможно, в какой-либо воинской части выпросил. Но факт тот, что повозки пошли и они побывали во многих деревнях Ельнинского уезда.

В результате похода «красных повозок» Ельнинская организация комсомола выросла еще больше и еще выше поднялся авторитет комсомола как в городе, так и в деревне».

Интересно, что опыт организации «красных повозок» был поддержан Центральным Комитетом РКСМ и рекомендован всем комсомольским организациям.

Комсомольские работники отлично понимали значение периодической печати и стремились к созданию молодежных газет и журналов.

После выпуска в августе 1919 года единственного номера газеты «Авангард коммунизма», а потом ряда «страничек юного коммуниста» в местном партийном органе, в марте 1920 года удалось получить разрешение на издание газеты «Юный товарищ». Утвердили редакционную коллегию: председатель губкома РКСМ Е. Гарабурда, И. Бобрышев, В. Цикото. Активно сотрудничал в газете Н. Чаплин, писавший статьи для раздела «Беседы с рабоче-крестьянской молодежью». Секретарь губкома партии горячо поддержал инициативу комсомольцев, помогая изыскать для молодежного издания средства и крайне дефицитную тогда бумагу.

В октябре 1919 года Николай Чаплин вступает в ряды партии большевиков — ему было всего семнадцать лет. Он переживает неповторимый душевный подъем. Всю свою жизнь Николай стремился следовать ленинским принципам скромности и идейной чистоты, на первый план выдвигал соображения общественного характера, партийной дисциплины, коммунистического долга, никогда не гнался за собственной выгодой. Жена Чаплина Розалия Исааковна вспоминает: «Когда в те светлые, юные годы мы с Колей решили, что судьбы наши связаны навеки, он меня предупредил: «Я коммунист, значит, всегда и во всем буду руководствоваться интересами партии. Сегодня я здесь, завтра могу быть переброшен на самую далекую окраину, сегодня я на одной работе, завтра найдут нужным перевести меня на другую работу, самую маленькую и низовую. Так что будь готова к переездам, трудностям и лишениям».

От нее же я узнал, что Николай издавна любил стихи, запоминал их, читал вслух. А дружба их родилась

еще в школе, когда объединили бывшую женскую гимназию, где училась Роза, и реальное училище, учеником которого был Николай...

В листочке из дневника в начале 20-х годов Николай записал, что безмерно рад всякой встрече с Розой.

«Я взволнован и обрадован, но, как всегда, сдержан. Вероятно, она обиделась, но что поделаешь, такова моя натура. Я всё время думаю о ней, и тут — противоречие! Нужно работать, а личные переживания мешают. Настроение же мое жизнерадостное. Я горы готов свернуть. Это же неизбежные черты юности...»

Дневника нет, листочек с этой записью каким-то чудом сохранился.

В марте 1920 года в губернии прошла «неделя красной молодежи» с целью сделать союз массовой организацией.

В течение «недели» было проведено 68 конференции несоюзной молодежи, десятки коммунистических субботников, митингов, спектаклей, концертов, выпущены тысячи экземпляров различных воззваний и листовок, создали 200 новых комсомольских ячеек. Ряды комсомола в губернии удвоились, а в Смоленском уезде утроились. В деревнях уезда вместо 8 ячеек стало 49, в комсомол вступило 300 новых членов.

Друзья и соратники Чаплина вспоминают, как много приходилось разъезжать по уездам, а с транспортом дело обстояло совсем плохо. В ячейки, находившиеся в 15–20 верстах от города, ходили пешком. На уездные конференции и совещания делегаты также приходили за 20–30 верст пешком.

Весной 1920 года уездно-городскому комитету для разъездов по волостям выделили пару лошадей, телегу, сани и сбрую. Лошади были выбракованы в одной воинской части. Можно представить себе, в каком состоянии они достались комитету! Однако для ребят

это был настоящий праздник. Еще бы: есть свои лошади, садись и поезжай. К лошадям ребята относились трогательно, даже суточные дежурства в конюшне установили. Однако пользоваться лошадьми пришлось недолго. Кони поправились, и комитету предложили передать их в одну вновь созданную коммуну, где не хватало тягла.

И снова шагали ребята по волостным дорогам и в дождь и в пургу. И не унывали.

В конце марта состоялся третий губернский съезд союза. На нем с докладом о воспитании членов РКСМ выступил Н. Чаплин. Съезд избрал его членом губернского комитета.

Друг Чаплина Д. Кобаренков вспоминает, как они начинали совместную работу в уездно-городском комитете. Когда Кобаренкова утвердили заведующим отделом по работе в деревне, отдел состоял... из одного заведующего. Инструкторов дали потом — Ф. Великанова и Е. Вощенко, да и тот вскоре ушел на фронт.

Как работать? С чего начинать?

Новый заведующий умел пахать, косить, ухаживать за скотом. А тут говорят: организуй ячейки, руководи их работой... Растерялся заведующий, загрустил. И сначала все пошло не так, как надо.

Однажды приходит Чаплин:

— Ну как дела идут, Данила? Освоился?

— Плохо, ничего не выходит.

— А ну давай присядем. Расскажи, что и как делаешь.

Рассказал, в каких волостях побывал, сколько ячеек создал, что советовал делать.

— Дела у тебя идут не так уж плохо, — заметил Чаплин. — Только не слишком ли ты размахнулся?

Долго сидели тогда, говорили о работе, о своих думах, мечтах.

Чаплин твердил:

— Надо знать деревню, знать, о чем думают люди, как живут. Иначе какие же из нас руководители?

После этого разговора как-то легче стало работать, словно сил прибавилось. Ясно стало: и Николаю трудно, а он не стесняется, спрашивает. Пропала скованность, робость.

Кобаренков тепло вспоминает дух коллективизма, сердечность товарищей, комсомольскую дружбу.

«Весной 1920 года, заехав к матери в деревню — а жили мы недалеко от железнодорожной станции Кардымово, — заболел я брюшным тифом.

Дней через пять примчался Николай. Поздоровался, вынимает сверток.

— Наш завхоз достал для тебя сыру. Ешь и скорей поправляйся!

А я до той поры сыру-то и не едал.

— Не надо, Коля, оставь себе. В Смоленске с продуктами трудно. Спеси домой, в семье ведь живешь.

А он:

— Брось валять дурака. Тебе поправляться надо, и поскорее. На одной картошке далеко не уедешь. Да и ребятишек вон сколько, полная горница!»

Весь день провел у больного друга Николай, помогая его матери по хозяйству. Вечером уехал, подняв настроение у больного и у матери.

Смолodu рос Николай Чаплин добрым и благожелательным к людям. И они платили ему взаимностью.

К 1920 году Чаплин стал известным комсомольским работником, и Центральный Комитет РКСМ направил его в Тюмень секретарем губернского комитета союза.

Мне в это время пришлось работать в Омске секретарем Сиббюро комсомола. Тюменская организация входила тогда в Сиббюро РКСМ. Мы с председателем Сиббюро Фридрихом Юттом помнили Чаплина по встречам на II Всероссийском съезде РКСМ. Мы радовались его приезду в Тюмень, нуждавшуюся в опытных комсомольских работниках.

Сестра Николая, М. П. Чаплина, одна из тогдашних смоленских комсомолок, так описывала отъезд брата: «Я помню, как мы провожали Николая на Смоленском вокзале. Он был без всякого багажа. На нем были кепка и френч, в руках брезентовый портфель. Как встал из-за рабочего стола, так и поехал».

Одновременно с Чаплиным в Тюмень приехал пермяк Иван Шостин, командированный Сибирским бюро, большой друг автора этих строк, ставший другом и Николая.

Сирота, подмастерье сапожника, Шостин в 1917 году был организатором ячейки союза на Кыновском заводе в Пермской губернии. Самоотверженно сражался Иван в отрядах красногвардейцев с казачьими бандами Дутова, дрался с колчаковцами, был ранен, дважды попадал в плен и оба раза бежал. Его зверски пытали белые, когда он сидел в колчаковской тюрьме в Тюмени. В свободную Тюмень он и захотел вернуться.

В те бурные годы Шостин быстрее других понял, что всем надо учиться марксизму. Он умел находить для этого время, хотя бы ночные часы. А ведь Ваня не знал школьной парты, грамоте он выучился, будучи взрослым.

Бывало, еще в Перми, схватив меня за рукав, он с восторгом говорил: «Чуешь, милоч? Когда теория овладевает массаами, она становится материальной силой. Ты понимаешь? Материальной силой!..»

Мы с ним потом переписывались. Писал он всегда очень интересно, поразительно охватывая широту

жизненных явлений. Начиная письмо, обычно приводил в виде эпиграфа цитату из Маркса, из последней прочитанной книги. Одно из писем начиналось так: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

И дальше: «...Мы, конечно, изменяем мир. И в этом наша сила. Но какие еще мы-то сами, комсомольские активисты, цуцки в теории! Черт побери, как мы еще мало знаем! Учиться надо, учиться!»

С энтузиазмом, не щадя себя, работал Шостин. Он и сгорел на работе — умер в Воронеже от разрыва сердца 24 сентября 1921 года. Шостин работал там в губкоме комсомола...

Вот с каким замечательным парнем, настоящим комсомольским вожаком, поднявшимся из народных низов, встретился и подружился в Тюмени Чаплин. Не раз я слышал от Николая восторженную оценку Шостина. Впрочем, и Шостин отзывался о Николае восторженно.

11 сентября 1920 года Николай Чаплин открывает второй губернский съезд тюменского комсомола, объединяющего около трех тысяч юношей и девушек. Делегаты исполняют «Интернационал». Предлагается почтить память Карла Либкнехта. Все поют «Вы жертвою пали». Председатель губкома партии С. П. Агеев выступает с докладом о текущем моменте. О работе комсомольской организации он говорит, что коммунисты с радостью смотрят на комсомол, свою достойную смену. По призыву партии прямо с уездного съезда группа ишимских комсомольцев ушла добровольцами на Южный фронт. Некоторые ячейки в полном составе вступили в ряды Красной Армии. В помощь западным братьям комсомольцы собрали 145 тысяч рублей.

От имени президиума съезда Николай Чаплин предлагает выделить на продовольственный фронт

двадцать процентов делегатов съезда. Предложение принимается.

А каким молодым был состав комсомольских активистов! Тридцать делегатов — 14 — 16-летние, 53 делегата — 16-18 лет и 47 человек — 19-23 лет.

Провели тогда комсомольцы Сибири «неделю сухаря» в помощь голодавшим детям Москвы и Петрограда.

1 октября 1920 года отправили в центр пять вагонов, погрузив в них 1323 пуда сухарей, 150 пудов муки, 734 пуда зерна. Вагоны были украшены плакатами. Вскоре сформировали второй маршрутный поезд с сухарями. В этих «хлебных подарках» была доля и тюменских комсомольцев.

Газета Сиббюро ЦК РКСМ «Путь молодежи» писала: «Пусть наши юные друзья в России примут наш скромный подарок. Пусть они знают, что молодежь Сибири идет во всем им на помощь, ибо она знает, что только в тесном братском единении мы завоюем светлый мир коммунизма».

С приездом Николая Чаплина и Ивана Шостина работа губкома значительно активизировалась. Это отметил в отчетном докладе Виктор Бобаренко. Чаплин широко развернул политико-просветительную работу. Стала выходить газета «Юный коммунар», в уездах наладили выпуск «страничек юных коммунаров» в местных газетах. Приступили к лекционной работе, к снабжению пособиями кружков политграмоты, школ и курсов комсомольского актива.

В докладе о воспитании членов РКСМ Чаплин изложил программу политико-просветительной работы комсомольской организации. Ведь большинство делегатов имели образование не выше четырех классов, а со средним — насчитывались единицы.

В перерывах делегаты пели революционные песни. А то Шостин выходил на середину круга и звенящим от

волнения голосом читал стихи Блока.

Во главе губкома и после съезда осталась боевая тройка — Чаплин, Шостин и Бобаренко. Их же дружно избрали в числе делегатов на III съезд РКСМ.

5

На III съезд РКСМ Николай Чаплин приехал с сибиряками. Но сразу же, еще в общежитии, он помчался к смоленским делегатам, возглавлял которых его ближайший друг Евгений Гарабурда. Не мог и думать Николай, что в этом же месяце не станет Жени, с детства страдавшего недугом сердца.

К характеристике обстановки на III съезде и до него подходит ленинское определение, сказанное по другому поводу, что это был съезд «кипящей, бурлящей, ищущей молодежи»^[18]. Утром в первый день съезда Центральный Комитет собрал делегатов-коммунистов.

Центральный Комитет партии отметил, что юношеское движение в стране за короткий срок сделало шаг вперед: выросло количество членов РКСМ, широкой и разнообразной стала его работа. Но одновременно ослабла внутрисоюзная деятельность в комсомольских организациях.

«Этот кризис, вызванный самим ходом развития юношеского движения, выражается в несоответствии между количественным ростом членов союза и уровнем сознательности их, в сильном уменьшении и ухудшении кадров активных работников РКСМ и в падении дисциплины в юношеских организациях».

Многочисленные мобилизации и добровольный уход лучших сил РКСМ на военные и трудовые фронты не могли не отразиться на состоянии и работе комсомола.

Все мы осознали: надо кончать с затянувшимися спорами.

А вечером в тот же день пришел на съезд Ленин и произнес свою знаменитую историческую речь «Задачи союзов молодежи».

Осталось навек: фигура говорящего Ленина, его лицо, голос, жесты. И наше жадное внимание и неповторимый восторг: мы слушаем Ленина!

Самую же речь Ленина мы читали в течение нашей жизни много раз, комсомольские работники знают ее, можно сказать, наизусть. К речи Ленина, по выражению Луначарского, бездонно глубокой, мы обращались постоянно, изучали и осмысливали ее, постепенно постигая всеобъемлющий смысл ленинских идей. Связав свою судьбу с партией большевиков в ранние годы революции, первые комсомольцы стремились работать и жить, учиться и бороться как подлинные коммунисты, «чтобы Ленин одобрил»...

Когда в начале своего выступления Ленин сказал: «...задача состоит в том, чтобы учиться»^[19], — делегаты замерли. Как «учиться»? А война с панской Польшей? С бароном Врангелем? Враг еще не добит! В стране разруха, голод, неурожай, тиф! Когда же учиться?

Мы еще не остыли от фронтовой страды и от острых классовых схваток с кулаками и дезертирами в деревнях, с саботажниками на предприятиях.

В первой же резолюции съезда по докладу «О военном и хозяйственном положении Республики» будет сказано:

«Советской Республике угрожает внешняя опасность со стороны руководимых Францией белогвардейской Польши и барона Врангеля... На внутреннем фронте главную опасность представляет тяжелое продовольственное положение... В связи с этим перед РКСМ, точно так же, как и перед всем

пролетариатом, стоит задача напряжения всех сил для помощи фронту и для помощи продработе». Ленин сам, отвечая на одну записку в связи с военным положением республики, заявил, что сейчас дело сводится к задаче военной, чтобы силы все напярчь на борьбу с Врангелем.

Следовало понять, что программный доклад Ленина «Задачи союзов молодежи» вовсе не находится в противоречии с неотложной задачей текущего момента — разбить белогвардейцев.

Ленин обратился к комсомолу с речью, устремленной в будущее: «...союз молодежи и вся молодежь вообще... должна учиться коммунизму»^[20]. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»^[21].

Он осуждал верхоглядов, коммунистических начетчиков и хвастунов, неспособных приложить знания к практической жизни, говорил об участии молодежи в общем труде рабочих и крестьян, о воспитании ее в духе коммунистической нравственности. Он призывал комсомол быть «ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин»^[22].

Советы Ленина легли в основу всей деятельности комсомола и не утратили важнейшего значения и в наши дни.

Вернувшись с заседаний, мы до глубокой ночи продолжали обсуждать вопросы, поставленные на съезде, выступления с его трибуны. В центре внимания находилась речь Владимира Ильича. Постепенно во всем ее величии входила в наше сознание эта речь.

Чаплин был неизменно в гуще бесед и товарищеских споров, деля свое внимание между делегатами — сибиряками и смоленцами.

Делегаты вспоминали одну записку, поданную Ленину: «У нас вызывает принципиальные разногласия вопрос о названии союза: — Союз коммунистической молодежи или Коммунистический союз молодежи? Как Вы смотрите?»

Что сказал Ленин? Он ответил: «Не вижу разницы».

Как мудро Владимир Ильич поворачивал внимание молодых строителей коммунизма к основным проблемам воспитания, жизни и борьбы молодых поколений. Кстати заметим, Владимир Ильич называл в своей речи наш союз и Коммунистическим союзом молодежи и Союзом коммунистической молодежи.

Мы же спорили до хрипоты с теми, кто предлагал превратить союз в узкую организацию, состоящую из вполне сознательной и политически воспитанной коммунистической молодежи, как бы в «юную коммунистическую партию». Это означало ликвидацию РКСМ как массовой организации. Это оторвало бы молодежь от партии.

Предложения «юкапистов» были отвергнуты. Одновременно были отклонены предложения создать на фабриках и заводах коллективы беспартийной молодежи как переходную ступень к комсомолу. И в этом случае комсомол превращался бы в замкнутую касту. Разве смог бы он стать тогда «ударной группой нашей молодежи» и вести за собой молодежь, как требовал этого Ленин!

Ленин призывал комсомольцев «быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка»^[23]. Комсомол должен был все более и более превращаться в подлинно массовую организацию советской молодежи. Только нельзя забывать одного неперемennого условия успешного развития комсомола и

всей его деятельности: молодежь должна действовать под руководством партии, «если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи»^[24], подчеркнул Владимир Ильич, отвечая на записки делегатов.

Под огромным впечатлением ленинской речи закончил работу III съезд комсомола. Утихли страсти и споры. Единодушно было принято обращение ко всем комсомольцам соблюдать выдержку и дисциплину в своих рядах.

Речь Ленина, отредактированная им самим, появилась на страницах «Правды», затем была издана брошюрой. На местах ее часто переписывали от руки.

Не раз думалось: счастливые люди те, кто работал при жизни Ленина, видел и слушал живого Ильича и в сердце своем сохранил навечно образ и слово великого учителя!

6

Вскоре Николай вернулся в Смоленск. Вернулся в знакомую обстановку, к близким товарищам, которые были рады его приезду. Его энергия заражала всех, кто с ним работал. И товарищи заметили: мужает Николай, растет как работник, как руководитель.

А 30 октября этого же, 1920 года умер его любимый друг Женя Гарабурда.

Еще раньше, встречая на съезде земляков, Николай Чаплин слышал от друзей, да и сам видел: плохо с Женей Гарабурдой, тяжело болен... Вспоминалось: и голодал Женя, и ездил в деревенские командировки, и работал на субботниках, и маршировал в ЧОНе — «как все». Больше того, всегда был впереди.

Они были товарищами еще по школе, Николай учился в реальном, а Женя в гимназии, в одно время, в

1919 году, вступили в партию. И. Бейков в газете «Рабочий путь» писал, что имя Евгения Гарабурды было широко известно не только молодежи, а и всему населению города! Длинной чередой, толпами шли люди проститься с комсомольским вожаком, прожившим такую короткую, но поистине пламенную жизнь. Многие плакали. Николай стоял у гроба в почетном карауле. Похоронили Евгения возле памятника героям 1812 года, рядом с могилами старейших смоленских большевиков В. З. Соболева и В. И. Смирнова.

Наступил 1921 год. Еще не смолкли залпы орудий на Дальнем Востоке, не все интервенты были изгнаны с нашей земли, не все белые банды разгромлены. Но уже и друзьям и врагам стало ясно: мы победили! Молодая Республика Советов отстояла свою жизнь, свою свободу.

Предстоял труднейший переход от войны к миру, к восстановлению почти полностью разрушенной промышленности и вконец разоренного сельского хозяйства.

Ленин учил: «...победив на кровавом фронте, победить на фронте бескровном. Это война более трудная. Этот фронт самый тяжелый», «...надо решить деловую задачу быстрее победы над разрухой»^[25].

Партия поставила вопрос о новой экономической политике, осуществление которой было связано с некоторыми уступками буржуазии. Партия решила заменить продразверстку продналогом, который был значительно меньше продразверстки. Сдав налог, крестьянин мог распоряжаться оставшимися продуктами. Разрешили свободную торговлю, что повышало заинтересованность крестьян в развитии своего хозяйства. Поскольку государственная промышленность не могла обеспечить деревню

товарами, было разрешено частным владельцам открывать предприятия, что привело к некоторому оживлению капитализма. Нэп, по словам Ленина, означал упорную борьбу между социализмом и капитализмом. Но он обеспечивал упрочение союза рабочего класса с крестьянством и подготавливал базу для социалистического строительства.

Кое-кто, не поняв сущности новой политики, впал в уныние. Бурные и трудные это были дни. В партии разразилась дискуссия по вопросу о профсоюзах, по сути дела — об основах политики партии, о союзе рабочих и крестьян.

И в среде молодежи оказались растерявшиеся люди, завопившие: «Караул! За что боролись?»

Комсомольский актив выдержал этот политический экзамен. Чаплин проявил себя стойким ленинцем, он убедительно разъяснял комсомольцам сущность и цели ленинской политики.

Д. Ханин в книге «Университет моего поколения» впоследствии напишет:

«С Чаплиным трудно было спорить, его доводы всегда были вески и сокрушительны, от них нельзя было увернуться, увильнуть и спрятаться. Глыба его ума сокрушала противника, разрушала сложное и хитрое здание чужой аргументации. И если в спокойно текущей работе еще трудно было разглядеть Чаплина, то, как только разворачивались идейные бои, когда приходилось драться за интересы союза, он вставал во весь рост. Туговато приходилось его противникам, он преследовал их по пятам, шаг за шагом доказывая ошибочность их рассуждений, он ворочал их взгляды и теории, осматривал их со всех сторон, пока ни у него, ни у его слушателей не оставалось и тени сомнений в том, что противник не прав, взгляды его ложны и вздорны».

У Розалии Исааковны Чаплиной хранится ханинская книжка. На полях странички с этой характеристикой Николай поставил знак вопроса и написал: «Явное художественное оформление». Его коробило всякое проявление нескромности и восхваления личности. Но пусть Ханин написал о друге несколько возвышенно, высказался он искренне и верно.

«Чаплин оставляет впечатление человека стихийной русской силы: он громаден и широк, ходит прямо, подняв кверху голову, голос его громкий и густой...»

Да, таким он был, наш друг Николай Чаплин.

Центральный Комитет РКСМ, видя, что в Смоленске подготовлена хорошая замена в руководстве губкомла, переводит Николая в Екатеринбург (Свердловск) заведующим отделом политпросветработы губкома союза. Новый работник пришелся по душе и уральцам. Качествами истинного товарища, с открытой душой, общительного и трудолюбивого, пленил и их.

Теперешнего комсомольского работника могут удивить частые переезды комсомольских деятелей 20-х годов. Как это так — полгода тут, полгода там? Непонятно. Нет стабильности кадров. И тут надо вникнуть в обстановку первых лет республики. Жизнь летела стремительно, слой опытных работников был еще невелик. Партия черпала новые силы из комсомола. И хорошие работники перебрасывались туда, где были нужнее. Впрочем, ребята с охотой ехали в новые края.

Осенью 1921 года на IV Всероссийский съезд РКСМ Чаплин поехал делегатом Урала. Он был избран членом Центрального Комитета союза и стал заведующим отделом политпросветработы ЦК.

В ноябре 1921 года Центральный Комитет партии обратился с письмом «Ко всем членам РКСМ», Была объявлена «Неделя сближения партии и комсомола». Члены союза должны были подробно познакомиться с историей и задачами партии. Партийным организациям

поручалось основательно узнать, как работает комсомол, и помочь.

Центральный Комитет партии напоминал, что быть сейчас коммунистом труднее, чем когда бы то ни было.

25 ноября 1921 года в «Правде» было напечатано обращение: «От вас, от РКСМ, ждет партия пролетарской революции новых тысяч настоящих, крепких коммунистов. И каждый из вас должен готовиться серьезно, всем своим существом к тому, чтобы быть таким коммунистом...Лишь под руководством партии вы сумеете коммунистически воспитаться и переустроить жизнь, труд и образование рабочей и крестьянской молодежи на новых началах. Партия понимает значение вашей организации. Партия ждет от вас больших дел».

Шел второй год нэпа. Ошалевшие от возможности свободной торговли и легкой наживы. нэпманы, спекулянты спешили лихорадочно насладиться «благами» переходного периода. А в городах на биржах труда толпились безработные, где попало ютились беспризорники. Ряд областей вследствие неурожая поразил голод.

В Пермском архиве сохранился волнующий документ — письмо секретаря сельской ячейки в Оханский уездный комитет РКСМ:

«Я не могу выполнить указание укома избрать делегата на уездный съезд на общем собрании членов союза, так как все они лежат по избам опухшие от голода и на собрание явиться не могут...»

Весной 1922 года Ленин на XI съезде партии сказал: «Бедствия, которые обрушились на нас в этом году, были едва ли еще не более тяжелыми, чем в предыдущие годы»^[26].

Закрывая съезд, он провозгласил: «...за истекший год мы отступали... Теперь мы постановили признать

отступление законченным»^[27].

Съезд партии определил основные задачи комсомола: усилить пролетарскую часть союза за счет более взрослого рабочего юношества; развивать классовое самосознание комсомольцев на основе участия в хозяйственной и культурной работе; пропитать воспитательную работу элементами марксизма; развернуть культурно-просветительную деятельность с учетом возраста, запросов и психологии отдельных групп молодежи.

Из этих установок и исходил V съезд РКСМ, собравшийся в октябре 1922 года.

Трудное время переживал комсомол. В промышленности количество работающих подростков в возрасте до восемнадцати лет резко сократилось.

Остатки меньшевиков и эсеров пытались воспользоваться трудностями и выступали с демагогическими речами на собраниях и конференциях несоюзной молодежи.

А. В. Луначарский с присущим ему красноречием охарактеризовал напор мелкобуржуазной стихии на молодежь: «Есть и другое порождение гнилого мещанского духа, гораздо более грязное, — это тот кабак, который теперь вышел на улицу, это яд мещанского веселья, мещанского разгула, мещанской наживы, мещанского эгоизма. Пьяные сирены нэпа поют молодому коммунисту свои заманчивые песни, чтобы его душою овладело желание отдохнуть и погрузиться в теплую лужу мещанского веселья». На поводу у «пьяных сирен нэпа» оказались морально неустойчивые комсомольцы. В деревнях беспартийные интеллигенты стали создавать «чисто культурно-просветительные кружки», отвлекая молодежь от комсомола и политики. Зашевелились попы и сектанты...

Нужно было в первую очередь отразить опасность идейной деморализации подрастающего поколения.

Этой цели была подчинена работа V съезда РКСМ. Об этом говорили и отчет Цекамола, сделанный Петром Смородиным, и доклад Николая Чаплина о работе комсомола в деревне.

Чаплин отмечал, что в деревенских ячейках не хватает опытных руководителей. Деревенские парни еще недостаточно сознательны и плохо подготовлены к работе.

В крупных организациях — в Москве, Петрограде, Донбассе — начался приток в комсомол рабочего юношества, активных же комсомольцев из рабочих в деревне мало.

Величайшее воодушевление вызвало приветствие В. И. Ленина V съезду РКСМ.

«Дорогие друзья! Очень жалею, что не могу лично приветствовать вас. Желаю работам вашего V съезда всякого успеха. Уверен, что молодежь сумеет развиваться так успешно, чтобы ко времени назревания следующего момента мировой революции оказаться вполне на высоте задачи.

С горячим коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)

11/X. 1922»^[28]

Взволнованно отвечал съезд Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич! С чувством величайшего радостного волнения V Всероссийский съезд РКСМ выслушал Ваше дружеское приветствие. От имени нашего союза съезд горячо поздравляет Вас с выздоровлением. В течение последних месяцев, омраченных Вашей болезнью, работа нашей организации прошла под знаком подъема. Мы не преувеличиваем наших успехов, мы сознаем все трудности, стоящие на пути рабочего класса и его

молодежи. Мы уверены, что сумеем эти трудности преодолеть и в нужный момент оказаться на своем посту».

Съезд обратился к Ленину с просьбой — следить за работой союза и помогать ему советами в деле коммунистического воспитания широчайших масс молодежи.

«Привет славному вождю международного пролетариата. Комсомольская Россия будет всегда готова по Вашему призыву «штурмовать небо»!»

Призывая молодежь к активному участию в социалистическом строительстве, к борьбе с врагами республики, съезд в резолюции «О международном и внутреннем положении РСФСР» назвал первой обязанностью каждого комсомольца учение: «Через науку и общественную работу — к победе социализма».

Об учебе и воспитании говорили все, и с большим жаром. Молодежь эмоциональнее, чем пожилые люди. Поэтому комсомол должен не только преподносить пищу для ума, но и воздействовать на чувства. Пичкая молодежь одними сухими циркулярами, длинными, скучными докладами — одним словом, «умственной пищей», не давая ровно ничего чувствам, мы тем самым толкаем молодежь в объятия противника с его буржуазными кинофильмами, пошлыми развлечениями, бульварными романами, пинкертоновщиной.

Чаплин и другие товарищи, ссылаясь на свой опыт, рекомендовали воспитывать молодежь на революционной романтике эпохи большевистского подполья и гражданской войны, на подвигах рабочих, партизан, чекистов, первых комсомольцев. Тогда мы предъявили большой счет литературе, театру, кинематографу. Много говорили о нормах поведения молодежи, о комсомольской нравственности.

Вместе с комсомольским активом в обсуждении вопросов воспитания молодежи участвовали

М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, Н. И. Подвойский.

16 октября 1922 года в Большом театре проходило заседание V съезда, посвященное принятию шефства комсомола над Военно-Морским Флотом республики. Это было большое торжество. Настроение у всех приподнятое. Много слышалось шуток и острот по поводу того, что члены президиума съезда и члены ЦК РКСМ приказом по морским силам республики были произведены в почетные моряки и явились на заседание в матросской форме.

«Матрос» Чаплин выглядел внушительно. Ребята шутили: «Коля, до чего же ты силен в этой форме, прямо морской волк! Бравый боцман!»

Николай добродушно усмехался. Потом он будет посещать военные корабли и Каспийского и Балтийского флотов как желанный гость моряков, среди которых все больше становилось посланцев комсомола.

Военно-Морской Флот страны возрождался при активной помощи комсомола.

На нашей IV Всесоюзной конференции в июне 1925 года председатель Реввоенсовета М. В. Фрунзе признал, что возрождением флота страна в значительной степени обязана комсомолу, обязана тем десяткам тысяч членов союза, которые были влиты в состав военных моряков и сумели создать там и моральный и численный перелом.

Чаплин, пригласивший Фрунзе на конференцию, был очень доволен:

«Шефство комсомола над флотом — одна из красивейших страниц героической истории юношеского движения».

На пленуме Цекамола первым секретарем ЦК был избран Петр Смородин, с которым Чаплин близко

сошелся, они и оставались друзьями до конца своих дней.

Чаплина Центральный Комитет партии направил в Закавказье, рекомендовав секретарем краевого комитета комсомола.

7

Чаплин всегда тепло отзывался о закавказском периоде своей комсомольской работы. Там он близко знакомится с С. М. Кировым и Г. К. Орджоникидзе, которые оценили и полюбили жизнерадостного, вдумчивого, неутомимого вожака комсомольцев и постоянно помогали ему — в условиях многонационального Закавказья работа была особенно сложной и трудной.

Иван Курников, работавший с Чаплиным в Закавказье, вспоминает: «Прекрасно относились к Николаю и другие руководящие старейшие большевики, как Мамия Орахелашвили и Александр Мясникян, помогая молодому талантливому цекамольтцу разобраться в местных условиях. При таком отношении к нашему комсомольскому вожаку и всем нам радостнее и легче работалось».

Не раз слышал я от А. И. Микояна теплые слова по адресу Николая. Анастас Иванович передавал отзывы Кирова и Орджоникидзе о Чаплине: «Настоящий коммунист, превосходный работник, отличный товарищ!»

Чаплин участвует в работе первой Закавказской партийной конференции, его избирают членом Закавказского ЦИК, в апреле 1923 года он едет делегатом на XII съезд партии.

На XII съезде РКП (б) делегаты ознакомились с содержанием писем Ленина в ЦК по национальному

вопросу и о принципах построения союзного государства. Указания Владимира Ильича легли в основу резолюции съезда.

Делясь с друзьями огромным впечатлением, произведенным последними письмами Ленина, Чаплин говорил о том, какие серьезнейшие выводы из ленинских указаний должны мы сделать во всей нашей работе по интернациональному воспитанию молодых кадров.

Петр Смородин огласил резолюцию. Она ясно и четко определила, что за истекший год РКСМ пережил тяжелый кризис, в результате которого в первой половине года значительно сократилось количество членов союза. Однако в течение второй половины года благодаря широко проведенной экономической и политико-просветительной работе союз оправился, втянул в свои ряды десятки тысяч новых рабочих, укрепил пролетарское ядро своей организации и повысил ее возрастной состав. В комсомол пришла новая молодежь, лишенная революционного опыта.

В период нэпа юношеское движение испытывало много трудностей. В национальных республиках эти трудности усугублялись культурной отсталостью населения, буржуазными, а подчас и феодальными пережитками. Плохо обстояло дело с выдвижением кадров из прежде угнетенных национальностей. Мало было девушек в комсомоле.

Со всем этим Чаплин столкнулся, работая в Закавказье. Я работал тогда на Северном Кавказе, поэтому при встречах мы делились своими общими бедами.

Чаплин находил сходные черты состояния комсомольских организаций, рассказывал о республиках и областях Закавказья: в комсомоле слабое партийное ядро, молодежь неграмотна, необходимо

вовлекать девушек в общественную жизнь, бороться со старым бытом.

Не случайно Чаплин был в числе инициаторов обсуждения национального вопроса на III Всесоюзной конференции РКСМ. Чаплин писал в одной из своих книжек; «Конференция поставила задачу воспитания молодежи в интернациональном ленинском духе и решительной борьбы со всеми шовинистическими пережитками, в первую очередь с великорусским шовинизмом».

В закавказском комсомольском руководстве сплотились вокруг него прекрасные работники, имена которых вошли в историю комсомола Закавказских республик: грузины Г. Девдариани и В. Дарахвелидзе, армяне С. Аматуни и А. Вартанян, азербайджанцы У. Рахманов и Ахунд-заде, бакинцы М. Сорокин и И. Курников и ленинградские активисты С. Соболев и Д. Матвеев. Из них избирались потом секретарями ЦК комсомола Соболев, Рахманов и Матвеев, заведовали отделами ЦК Сорокин и Курников, представляли наш союз в Исполкоме Коминтерна молодежи Вартанян и Ахунд-заде.

В ходе упорной работы партии, поднявшей трудящихся на восстановление разрушенного хозяйства, становилось ясно всем, кто не хотел закрывать глаза на действительность: новая экономическая политика, провозглашенная Лениным и принятая партией, полностью себя оправдывала. Оставались позади тяжелые времена, когда, по выражению Ленина, Россия вышла из войны похожая на человека, избитого до полусмерти.

Чтобы повысить активность и боеспособность партии и укрепить ее связь с массами, Центральный Комитет партии наметил курс на внутрипартийную демократию и усиление борьбы с разлагающим влиянием нэпа.

5 декабря 1923 года Политбюро ЦК и Президиум ЦКК опубликовали резолюцию о партийном строительстве и внутрипартийной демократии. Спустя два дня Троцкий выступил с фракционным манифестом против ЦК, озаглавленным «Новый курс». В день открытия январской Всесоюзной партконференции Троцкий выпустил сборник своих антипартийных документов под тем же названием «Новый курс».

Троцкий обвинял старые большевистские кадры в «буржуазном перерождении», выбросил лозунг борьбы с «аппаратчиками», ратовал за свободу фракций и группировок, противопоставлял молодежь старой партийной гвардии, демагогически утверждая, что «барометром» партии является учащаяся молодежь.

Троцкисты отправились к студенческой молодежи и здесь нашли некоторое количество сторонников. Среди коммунистов-рабочих они поддержки не встретили.

Как реагировал комсомол на внутрипартийную дискуссию?

Еще тогда комсомольские вожаки-ленинцы дали ответ на раздутую оппозиционерами проблему «отцов и детей».

Небольшая группа бывших комсомольских работников выступила в «Правде» с защитой взглядов Троцкого, но не встретила поддержки в комсомоле. Да и сами эти товарищи вскоре поняли свои заблуждения.

Девять членов ЦК комсомола — Смородин, Леонов, Петровский, Тарханов и другие опубликовали в «Правде» статью «К вопросу о двух поколениях» с партийной точки зрения.

Чаплин тогда повторял не раз: «Когда речь идет о судьбе партии, комсомол не может занимать гнилую позицию невмешательства».

Партия решением своего ближайшего XIII съезда подтвердит, что комсомол должен систематически вовлекать своих членов в обсуждение всех основных

вопросов жизни СССР и РКП (б), наладить изучение истории партии, ее программы и тактики, ее организационных принципов, всего идейного ленинского наследства.

8

В январе 1924 года Чаплин приехал в Москву на Всесоюзную партконференцию и на II съезд Советов СССР.

Большая группа делегатов Северного Кавказа помещалась в общежитии Дома ВЦИК (теперь гостиница «Националь»).

Никогда не забудется хмурое, холодное утро 22 января, когда в большой комнате, где мы жили, появились руководители северокавказской делегации — товарищи Микоян и Ворошилов. Нас поразили их скорбные, окаменевшие лица. Микоян прошел на середину комнаты и сдавленным голосом тихо произнес: «Товарищи, Ленин умер... вчера вечером...»

Наступила тишина.

Мы стояли в оцепенении, страшась поверить в то, что только что услышали.

Молча вышли на улицу. Казалось, что москвичи тоже знают страшную весть. Знают и молчат, как и мы. И так же, как и мы, с тяжелой болью в сердце шагают по осиротевшей Москве, не находя себе места...

Невыносимо тяжкие, горестные, траурные дни...

Сознание подавлено одной мыслью: «Ленин умер...»...Почетный караул у гроба, установленного в Доме Союзов. Члены ЦК РКСМ пришли с венком от комсомола и советской молодежи.

На траурном заседании Всесоюзного съезда Советов и представителей трудящихся Москвы клятву

комсомола следовать заветам Ленина произнес Смородин.

В почетный караул у гроба Ленина в день похорон выделили Смородина и Чаплина.

25 января собрался экстренный пленум ЦК РКСМ и принял решение рекомендовать предстоящему съезду комсомола присвоить РКСМ имя В. И. Ленина. Решено было также пионерскую организацию назвать детской коммунистической организацией имени В. И. Ленина. Центральный Комитет комсомола объявил ленинский призыв в комсомол: в ряды союза пришли 150 тысяч молодых передовых рабочих и крестьян.

Николаю Чаплину было двадцать два года, когда по инициативе Серго Орджоникидзе и С. М. Кирова Центральный Комитет партии рекомендовал апрельскому пленуму Цекамола избрать его секретарем ЦК РКСМ.

В мае того же года с трибуны XIII партийного съезда выступил вновь избранный комсомольский вожак:

«Комсомол рука об руку со старыми бойцами-большевиками будет бороться за единство партии на основе учения, которое нам оставил Владимир Ильич Ленин».

В своей речи он полемизировал с Троцким, противопоставлявшим молодежь старшему поколению, внушавшим молодежи недоверие к партийным традициям:

«Разве вы объясните случайностью, что 700-тысячная организация комсомола, которая имеет в своих рядах 60 тысяч членов партии послеоктябрьского поколения, что она высказывается за линию ЦК партии, встала на правильную точку зрения? Это не случайность».

Ложное утверждение Троцкого о «трещине между поколениями» Чаплин убедительно опровергал

фактами. Комсомол непрерывно растет. В нем преобладает политически активное рабочее юношество в возрасте от 17 лет и выше. Комсомол охватил уже более трети рабочей молодежи. Из рядов комсомола в дни ленинского призыва в партию вступило 25 тысяч комсомольцев. Молодежь получила большой урок, выдержала серьезный экзамен на политическую зрелость во время партийной дискуссии. Комсомольские организации отвергли «теорию нейтральности», которой придерживались некоторые товарищи.

Чаплин заявил, что позицию ЦК РКП (б) поддержали Исполком Коммунистического интернационала молодежи и основные его секции.

На XIII съезде партии, на объединенном собрании делегаций Закавказья и Северного Кавказа, мы вместе с Николаем слушали последние письма Владимира Ильича Ленина, адресованные съезду партии и известные как «завещание Ленина».

На июль 1924 года был назначен созыв VI съезда комсомола. Подготовкой к съезду руководил Чаплин. Готовясь к докладу, я не раз и подолгу беседовал с Чаплиным. Мы обсуждали, как лучше сформулировать те или иные положения, как более четко поставить задачи. Комсомол, следуя указаниям партии, осуществлял поворот «лицом к деревне». Работа в деревне не могла быть делом только деревенских организаций. Ею должен был заниматься весь комсомол.

Так начался четырехлетний: период нашей совместной работы с Чаплиным, оставивший яркие воспоминания. Секретарь Центрального Комитета партии Андрей Андреевич Андреев, который был в те годы «партприкрепленным к комсомолу», в своей книжке «О незабываемом. Очерки революционера-большевика», посвященной советской молодежи, впоследствии напишет:

«Мне также поручили наблюдение за работой органов кооперации всех видов, помощь ЦК комсомола и Отделу печати ЦК. Особенно приятно было иметь дело с Центральным Комитетом комсомола, где работала дружная тройка секретарей: Чаплин, Соболев и Мильчаков».

VI съезд РЛКСМ еще раз подтвердил верность комсомола заветам Ленина.

На первом торжественном заседании 12 июля 1924 года съезд с огромным энтузиазмом принял предложение январского пленума ЦК комсомола о переименовании союза в Ленинский Коммунистический Союз Молодежи и обратился с манифестом ко всем комсомольцам, ко всей рабочей и крестьянской молодежи Советской страны.

«Не для красного словца, не из желания носить лучшее из всех имен... приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи, прониклись единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам *Лениным*».

На этом торжественном заседании выступила Надежда Константиновна Крупская (она дважды выступала на съезде). При опубликовании свою речь она назвала: «Подготовка ленинца».

«Вы, товарищи, хотите стать ленинцами, для этого вам надо научиться служить делу освобождения трудящихся, служить делу коммунизма».

Она напомнила, что мы живем в такую эпоху, в таких условиях, когда уже ясно понимаем, что личная жизнь не может отделяться от общественной жизни. Это, конечно, не означает отказа от личной жизни. Партия коммунистов — не секта, и поэтому нельзя

проповедовать какой-то аскетизм. Но надо помнить об общественном долге и уметь сливать личную жизнь с общественной. От этого жизнь только обогащается.

Говорила Надежда Константиновна о необходимости изучать ленинизм. Владимир Ильич Ленин писал, что не может быть революционного движения без революционной теории, а теория дает руководство к действию.

Крупская напомнила, что Владимир Ильич хотел, «чтобы нас меньше прославляли и чтобы нас больше читали». Поэтому она советовала комсомольцам: «Ленина не надо превращать в икону. Надо, чтобы его идеи служили бы руководством к действию. Эта мысль, мне кажется, должна быть руководящей идеей у тех комсомольцев, которые хотят стать ленинцами».

Чаплин выступил на съезде с отчетом Центрального Комитета. Он заявил, что комсомол успешно выдержал проверку на стойкость, на верность партии в тяжелую минуту, когда пролетариат потерял своего вождя — Владимира Ильича Ленина. Наша задача на будущее — учиться жить по Ленину.

Огромную работу предстояло развернуть по политической подготовке новых членов союза, так как две трети комсомольцев политически неграмотны.

Именно VI съезд выдвинул лозунг: «Вся рабочая молодежь должна быть в рядах комсомола». Это диктовалось насущной необходимостью как можно больше охватить коммунистическим влиянием рабочую молодежь и необходимостью усилить пролетарское руководство деревней, где наступила полоса возрастающего притока в комсомол деревенской бедноты, батрачества и лучшей части середняцкой молодежи.

При этом ЦК комсомола исходил из установки XIII съезда партии, указавшего, что чем ниже возрастной

состав организации, тем шире должен быть ее социальный базис.

Детское коммунистическое движение к VI съезду объединяло всего 200 тысяч юных пионеров. Поэтому съезд выдвинул лозунг: «На каждого комсомольца — пионер!»

Чаплин говорил: «Как же это так? Комсомол имеет 42 тысячи ячеек, а пионерских отрядов насчитывается только 26 тысяч! Напрашивается такая задача: на каждую ячейку комсомола — отряд пионеров».

Закрывая съезд, Чаплин подвел главные итоги:

«В рядах комсомола изо дня в день куется новое поколение большевиков, которое не испугается никаких трудностей и с честью выполнит роль передового отряда рабочего класса».

9

К началу 1925 года внутри ЦК партии определилось оппозиционное меньшинство с Зиновьевым во главе. Демагогически ратуя якобы за самые суровые меры в отношении Троцкого, снова выступившего против большевизма, зиновьевцы по существу в непродолжительном времени целиком блокировались с ним на антиленинской платформе. Выступление новой оппозиции было отражением классовой борьбы в стране, реакцией мелкобуржуазных элементов на твердый курс партии в строительстве социализма.

В борьбе против ЦК партии Зиновьев и Каменев, как и Троцкий, решили опереться на молодежь.

Зиновьев разглагольствовал всюду, будто молодежь идет за ним на том основании, что кое-кто из членов ЦК комсомола стоит на его платформе. Действительно, несколько членов бюро ЦК комсомола попали в сети фракционеров, поддержали Зиновьева и Каменева.

Ленинское ядро ЦК РЛКСМ — Чаплин, Матвеев, Сорокин, Соболев, Пакулин, Мильчаков — временно оказалось в тяжелой обстановке.

Комсомольские руководители жили в ту пору в скромной двухэтажной гостинице «Париж» в Охотном ряду, ставшей «27-м Домом Советов» — общежитием партийных и комсомольских работников. Каждый занимал маленький номер. (Здание это давно снесено, и на его месте высится многоэтажный Дом Совета Министров.)

Регулярно мы собирались в комнате Чаплина. Пришедшие раньше других занимали удобные места на большом диване. Позже А. А. Андреев шутил по этому поводу: «Эта та самая руководящая группа Цекамола, которая помещалась на одном чаплинском диване?»

Потом генсеку комсомола предоставили еще одну комнату на другом этаже. Вторая комната стала «семейной», тем более тогда, когда у Чаплиных родился ребенок. А первая комната оставалась рабочим кабинетом — в ней почти всегда, как ни зайдешь, шумно, накурено... Роза носилась с этажа на этаж, юная, красивая, улыбающаяся, устраивая на письменном столе чаепитие для товарищей.

Чаплин, шагая по комнате от дивана к двери, говорил: «А вы знаете, Зиновьев и Каменев, преждевременно торжествуя, заявили в Политбюро и на Пленуме ЦК и ЦКК партии, что молодежь идет за ними? Нам же прекрасно известно, что комсомол идет за Центральным Комитетом ленинской партии! Давайте обратимся с заявлением в Центральный Комитет партии...»

До глубокой ночи составляли мы письмо в ЦК партии. Оно было оглашено на январском Пленуме ЦК и ЦКК РКП (б) и встречено дружными аплодисментами.

В письме говорилось, что путь, на который Зиновьев и Каменев толкают ЦК комсомола, «чреват опасностями

серьезных осложнений внутри РЛКСМ, о чем считаем нужным предупредить ЦК партии».

Отметив, что наш союз и его ЦК высказались с полным единодушием и определенностью по вопросу об антиленинской позиции Троцкого, мы подчеркнули, что отвергаем саму постановку вопроса о «нейтральности».

Зиновьев и его сторонники в Цекамоле дезорганизовали всякую работу. Они пытались привлечь на свою сторону и руководителей крупнейших комсомольских организаций. В Ленинграде им удалось этого добиться. Используя свой временный успех, зиновьевцы стремились создать второй руководящий центр в комсомоле.

Посоветовавшись с товарищами, Чаплин подал в ЦК партии заявление об отставке с поста генерального секретаря ЦК комсомола, обстоятельно и аргументированно мотивировав его раскольническими действиями зиновьевцев, поминутно бегавших «за инструкциями» к своему шефу и срывавших всякую положительную работу.

ЦК партии предложил не допускать дискуссии в комсомоле о разногласиях в ЦК РЛКСМ и возложил на членов бюро и на весь ЦК ответственность за проведение в жизнь этой партийной директивы. Просьбу Чаплина об отставке отклонили.

Однако оппозиционеры не вняли этому строгому предупреждению Центрального Комитета партии.

Меньше чем через две недели Ленинградский губком комсомола пригласил на губернскую конференцию без санкции бюро Цекамола представителей ряда губкомов, в том числе Воронежского, Курского, Нижегородского, Ярославского, Владимирского, Тульского, Ивановского, Тверского, Царицынского, Орловского, Донецкого, пяти губкомов Северо-Западной области и двух

национальных областей — Киргизской и Узбекской. Таким образом, фактически созывалась общероссийская конференция.

25 февраля 1925 года Политбюро ЦК РКП (б) рассмотрело этот вопрос.

Политбюро решительно осудило дезорганизаторские действия Ленинградского губкомола и поручило комиссии под руководством Е. Ярославского, в состав которой включили Чаплина и представителя Ленинградского губкома партии, расследовать названные дезорганизаторские действия зиновьевцев.

Решение ЦК партии было разослано всем губкомам РКП (б) и РЛКСМ.

5 марта 1925 года Политбюро ЦК РКП (б) по докладу комиссии во главе с Е. Ярославским утвердило постановление об ошибочных и опасных дезорганизаторских действиях оппозиционеров в комсомоле.

Экстренный пленум ЦК РЛКСМ состоялся 10 марта 1925 года. С докладом от Политбюро выступил А. А. Андреев.

Пленум большинством голосов осудил фракционную политику членов бюро ЦК и принял решение о необходимости укрепить партийное руководство союзом.

«Комсомол должен и обязан давать решительный отпор всяким посягательствам на партийное руководство, откуда бы они ни исходили».

Много забот легло тогда на плечи нашего генсека. Местным работникам и членам Цекамола приходилось терпеливо и убедительно разъяснять партийную линию. Раскольники стали кричать «о нарушении комсомольской демократии», забывая, что по Уставу ЦК союза подчинен Центральному Комитету партии.

Споры с оппозицией становились предметом обсуждения на собраниях и в печати.

Зиновьевцы обвиняли нас в недооценке роли рабочей молодежи и пролетарского руководства в комсомоле, но при этом затушевывали решающее значение партийного руководства. У них получалось, что только рабочие-коммунисты осуществляют пролетарское руководство в союзе. А остальные члены — комсомольцы, — значит, не принимают в нем участие? В комсомоле было тогда 45 процентов рабочих и только 9 процентов партийцев, да и не все партийцы являлись рабочими.

Оппозиционеры считали, что комсомольский актив для деревни должен готовиться исключительно промышленными центрами, они отрицали возможность воспитания актива из среды самих сельских комсомольцев — вы, мол, деревенские, еще не доросли.

Конечно, нужно было укреплять деревню работниками из промышленных центров.

В декабре 1924 года ЦК РЛКСМ перебросил 600 городских работников в деревню — волостными организаторами, секретарями ячеек, избачами. Летом 1925 года в деревню направили 1387 комсомольских активистов.

IV Всесоюзная конференция РЛКСМ (июнь 1925 года) приняла решение о посылке в крестьянские районы двух тысяч комсомольцев из пролетарских центров.

Важнейшей задачей комсомола стало выдвижение и воспитание актива из батрацкой и бедняцкой молодежи прежде всего.

Зиновьевцы запутались в вопросе о крестьянской молодежи. Зиновьев выпустил книгу «Ленинизм», в которой предложил создавать в деревне делегатские совещания середняцкой молодежи по примеру женских делегатских собраний. Встать на такой путь — значило

изолировать комсомол в деревне от масс середняцкой молодежи и от части сельской интеллигенции.

Мы с Чаплиным решили немедленно выступить в печати против предложения о делегатских совещаниях крестьянской молодежи. В один и тот же день были напечатаны статьи: Чаплина — в «Правде», Мильчакова — в «Комсомольской правде». В Центральном Комитете партии одобрили эти выступления.

Чаплин встретил полную поддержку членов бюро ЦК комсомола, когда составил книжку «Ленинский путь комсомола», включив в нее свой доклад на пленуме Московского комитета комсомола совместно с партийным активом Московской организации и речь А. А. Андреева на IV Всесоюзной конференции РЛКСМ «О трудностях и задачах в работе РЛКСМ».

Точно так же бюро целиком согласилось с изданием книжки Чаплина «К истории наших разногласий», в которой были изложены решения и меры, принятые Центральным Комитетом партии по усилению партийного руководства комсомолом, сохранению единства в союзе и пресечению вредной фракционной деятельности оппозиции.

Комсомол между тем умножал свои ряды: на 1 мая 1925 года в его рядах стало полтора миллиона членов. Пионерская организация уже охватывала 1300 тысяч юных пионеров и 100 тысяч октябрят. Пионерское движение с юных лет активизировало девочек. В комсомоле девушки составляли только 16 процентов, тогда как девочек в пионерских отрядах насчитывалось 40 процентов.

Чаплин писал, анализируя эти цифры: «Очевидно, пионерское движение дает нам ключ к решению «девичьей проблемы». И в этом, по-моему, величайшая ценность пионерского движения».

Вся многообразная деятельность комсомола и пионерской организации требовала пристального

внимания к жизни, проникновения в процессы, происходящие в среде молодежи, изучения ее нужд и интересов. Политическая зрелость Чаплина, его основательность, накопленный опыт помогли ему справиться со сложными обязанностями генерального секретаря. Он оказался достойным руководителем, настоящим вожаком. А. А. Андреев на IV Всесоюзной конференции РЛКСМ 23 июня 1925 года сказал:

«...Я лично, следя за работой ЦК РЛКСМ по поручению ЦК РКП (б), могу только сказать, что в течение этих трех месяцев работа сделана огромнейшая, работа сделана колоссальная. Это я с полной объективностью, без всяких прикрас мог бы сказать вашей конференции. Я думаю, что этот мой вывод целиком и полностью подтверждает работа настоящей конференции, ее подготовленность...»

Чаплин часто посещал комсомольские ячейки заводов, фабрик, учебных заведений. Свежими интересными впечатлениями он делился с членами бюро Цекамола.

В. Полетаев, работавший секретарем Зареченского райкома комсомола в Туле, рассказывает о приезде Чаплина в Тулу.

«Чаплин побывал в губкомле, у секретаря губернского комитета партии И. Д. Кабакова и захотел пойти на оружейный завод. Цолетаев вызвался его проводить.

— А завод-то ты знаешь? — спросил Чаплин.

— Я работал на заводе шесть лет, с 1918 года.

— Ну, тогда провожатых не нужно, — заметил Чаплин.

И вот запомнилась, я бы сказал, могучая фигура, неторопливая походка, крупная голова с буйной шевелюрой, такое спокойное, уверенное поведение комсомольского генсека.

Поднялись в инструментальную мастерскую. Чаплин обстоятельно познакомился с молодым изобретателем Михаилом Дигерном, первым молодым лекальщиком седьмого разряда.

— Как работают остальные ребята?

— Да ведь у нас «короли» — высококвалифицированные мастера-лекальщики — держатся особняком, оберегают свои производственные секреты... Но мы достигнем мастерства. Третья часть ребят учится в вечерней школе и техникуме.

— Вот хорошо! Нам нужны свои красные специалисты. Ленин призвал молодежь учиться, — порадовался Чаплин.

В механической мастерской его интересовали связи заводских комсомольцев с деревней. В охотничьей мастерской он попал в круг дружной комсомольской бригады, работавшей над новой моделью охотничьего ружья. Ласково поглаживал он отлаженную двустволку, похвалил ребят:

— Какие вы молодцы!

В обеденный перерыв сгрудились молодые рабочие вокруг секретаря Цекамола, и пошел душевный разговор и о производстве, и о быте, и об учебе. Очень оживился Чаплин, узнав, что комсомольцы-оружейники по собственному почину повысили норму выработки.

— Вот это хозяйский, социалистический подход к делу.

На вечер был назначен пленум губкома, а Чаплин явно не торопился уходить с завода и непременно хотел посетить молодежь самоварной фабрики.

Я колебался, ячейка на самоварной фабрике была беспокойная, «бузливая», собрания проходили бурно. Раз выгнали с собрания инструктора райкома. У райкомовских работников укоренилось мнение, что в ячейке орудуют троцкисты...

Чаплин приветливо поздоровался и обратился к ребятам:

— Давайте поговорим без повестки дня о том, что волнует и интересует вас. Что неясно, что болит?

И посыпались вопросы...

— С безработицей когда разделаемся?

— Директор возит свою жену на базар в казенной пролетке, а мы-то топаем пешком! (Трамваев в Туле еще не было.) Нету равенства в жизни! Он небось двести целковых получает!

— Нэпманы развращают наших девчонок, в рестораны зазывают... Когда это кончится?

— Опять же мастера тормозят перевод молодежи из разряда в разряд...

Чаплин спокойно, уверенно, а то и с шуткой отвечал на все вопросы, разъясняя курс партии на строительство новых предприятий, на подъем сельского хозяйства, на улучшение быта рабочих.

— Пройдет несколько лет, и мы будем страдать не от безработицы, а от нехватки рабочих рук.

— Вот хорошо бы! — выдохнул кто-то.

— А что касается нэпманов, то мы их скоро прогоним. Сами справимся с восстановлением и реконструкцией хозяйства.

Разъяснил Чаплин и постановку вопроса о равенстве, о социалистическом принципе «от каждого по способностям, каждому по труду».

— Учиться надо, квалификацию повышать. А хныкать, падать духом ни к чему. Какая у вас заработная плата?

— На сборке самоваров, — ответил секретарь ячейки, — по семьдесят пять — восемьдесят рублей зарабатывают.

— А ты, Егор, сколько получаешь, — обратился он к угрюмому, много кричавшему пареньку.

— Прошлый месяц — тридцать два рубля, — нехотя ответил Егор.

— Ну давай мы тебя выдвинем директором, — пошутил Чаплин.

— Егорку в директора! — прыснули девчата.

Разговор закончился, и ребята проводили полюбившегося им гостя.

Чаплин задумался.

— Никакие они не троцкисты. Ребята как ребята. Подход нужен, деловой, конкретный. И еще терпение. Работать с ними надо, товарищ секретарь райкома. Ну пойдем в губком...»

10

XIV съезд вошел в историю как съезд индустриализации. Партия осуществляла ленинский план построения социализма. Тогда, в далеком 1925 году, партия брала перспективный курс на подъем всего народного хозяйства страны, на создание изобилия продуктов, на повышение материального и культурного уровня народа.

Для успешного достижения этой цели необходимо было развенчать оппозицию, пытавшуюся помешать партии вести страну по ленинскому пути.

На съезде присутствовала большая группа комсомольских работников. С особым вниманием слушали мы все выступления по вопросу о комсомоле.

Идет отчетный доклад Центрального Комитета партии... Отмечаются некоторые достижения в экономической и образовательной работе комсомола, повышение политической активности молодежи, в том числе и в деревне. Комсомол в результате борьбы с антиленинскими уклонами, в ходе дискуссии с оппозицией теснее сплотился вокруг партии. И тем не

менее партия предъявляет серьезные требования комсомолу. Упала дисциплина, есть случаи, когда молодые люди выходят из комсомола. Значит, союз еще не удовлетворяет запросы всех слоев молодежи. Есть разрыв между огромным ростом рядов союза и качественным руководством комсомола.

Нужна решительная перестройка форм, методов деятельности комсомола. А что этому мешает?

Слово предоставляется Чаплину.

Он четко формулирует мысли, много раз продуманные:

«Вся борьба, которая была в комсомоле, является отражением борьбы внутри ЦК партии. Кто виновен в том, что комсомольская организация пережила в лице своего ЦК жесточайший кризис, подорвавший нормальное развитие юношеского движения? Кто виноват в перенесении внутренних разногласий из Политбюро ЦК в комсомольскую организацию?»

С мест подают реплики, спрашивают:

«Кто?»

Чаплин отвечает:

«Зиновьев — вот мой ответ. Наше участие во внутрипартийной дискуссии может иметь только одну цель — ленинское воспитание молодежи, но не цель давления на политику партии со стороны молодежи».

В зале раздаются аплодисменты.

А Чаплин, повысив голос, продолжает, что никогда в истории нашего движения мы не привыкли рассматривать ЦК в виде лишь отдельных лидеров, мы всегда работали под руководством ЦК в целом. Мы стояли и стоим на той точке зрения, что комсомольское движение должно развиваться под руководством всей партии, под руководством ее ЦК, а не являться монополией отдельных вождей, которые используют комсомол в интересах своей внутренней борьбы в ЦК.

Чаплин напомнил, что комсомольский актив в 1923 году выступил единым фронтом против попытки Троцкого противопоставить молодежь старым кадрам партии, он и в этом году даст отпор подобным попыткам Зиновьева.

В заключение Чаплин заявил, что комсомольский актив закалился в этих дискуссиях.

Льстивыми, звонкими фразами нас не проведут. Мы сумеем вести нашу работу так, чтобы комсомол всегда и везде шел нога в ногу со своей ленинской партией, работая под руководством партии и ее Центрального Комитета.

Делегаты проводили комсомольского оратора аплодисментами.

В комиссию для редактирования решения съезда о комсомоле наряду с партийными работниками были включены и 30 членов ЦК РЛКСМ — делегатов съезда.

От имени съезда в решении подчеркивался вред фракционности в комсомоле, необходимость дружной работы, неуклонного проведения общесоюзной дисциплины и признания полного и безусловного авторитета партии и ее ЦК в деле руководства союзом.

Сразу после съезда группу членов ЦК комсомола — Соболева, Косарева, Сорокина, Жолдака, Ханина, Каплана, Лебедева, Мильчакова и других — послали в Ленинград: мы должны были раъяснить комсомольцам славного города Ленина, куда их тянут оппозиционеры из губкома, отказавшиеся признать правильными решения XIV съезда партии.

Чаплин напутствовал нас:

«Вам там, конечно, трудно будет на первых порах. Зиновьевцы основательно затуманили головы ленинградских коммунистов и комсомольцев. Но туда же выезжает Киров. Он вам поможет...»

С большой любовью говорил Чаплин о Кирове, называя его Мироничем.

11

Николай Чаплин оставил большое литературное наследие. В свое время хорошо были известны его яркие выступления: «Об оппозиционной клевете на комсомол», «О комсомоле и партийной оппозиции», «Против троцкистской теории «барометра», «Против зиновьевского союза крестьянской молодежи», «Против правооппортунистической опасности в комсомоле», «Против теории «нейтральности» комсомола во внутрипартийной борьбе».

Он был автором книг: «Комсомол в полосе социалистического строительства», «О культурничестве и политике в деятельности ВЛКСМ», «Ленинский путь комсомола», обобщавших богатый опыт деятельности союза.

Он живо откликался на злобу дня и выступил инициатором издания и автором брошюр и сборников: «К истории наших разногласий», «Кому доверить руководство?», «Активист, каким он должен быть?», «Комсомол на переломе», «Комсомол на пути к новым успехам»^ «Военная опасность и комсомол».

Печатались его речи на трех съездах партии и доклады на четырех съездах комсомола и на двух Всесоюзных конференциях. В серии «История комсомола в съездах» Чаплин написал две статьи — о пятом и о шестом съездах ВЛКСМ.

В своих работах он исходил из необходимости сделать участие в социалистическом строительстве понятным для каждого молодого рабочего и крестьянина. Это участие не должно быть отвлеченной фразой, а живым и конкретным делом. Поменьше

политической трескотни! Добиться, чтобы молодежь осмысливала свою повседневную работу как участие в общем труде рабочих и крестьян.

И еще он ратовал за популяризацию ценного местного опыта, за развитие творческой инициативы молодежи.

На IV Всесоюзной конференции РЛКСМ в июне 1925 года Чаплин с гордостью докладывал, что мы имеем достижение, которым можно похвастаться, — это «Комсомольская правда».

«Комсомольская правда» знаменует рост союза. Дожить до ежедневной руководящей комсомольской газеты — это большой шаг вперед... Наладить комсомольскую ежедневную газету — трудное дело... При поддержке всего союза «Комсомольская правда» станет боевым руководящим революционным органом».

Если на старой «Правде» в дореволюционное время воспитывалось целое поколение рабочих-большевиков, то на «Комсомольской правде» должно воспитываться новое поколение.

Чаплин много сил отдал «Комсомолке». И он сам в ней часто печатался, начиная с первого номера. Он радовался участию в газете выдающегося поэта эпохи — Маяковского, певцов комсомола — Безыменского, Жарова, Светлова, Шведова.

«...Каждый комсомолец, стань подписчиком «Комсомольской правды»!» — призывал со страниц газеты Маяковский.

В «Комсомолке» тогда работали талантливые журналисты: Тарас Костров, Яков Ильин, смоленский друг Чаплина Иван Бобрышев. Школа «Комсомолки» дала вереницу писателей и журналистов, начинавших свой путь ее авторами и спецкорами.

На VIII съезде ВЛКСМ Михаил Иванович Калинин признался, что следит за «Комсомольской правдой» и

считает ее «великолепной газетой». Он показал, в чем же должна быть разница между комсомольской и рабочей газетой в подходе к одному и тому же событию. «Комсомольская правда» — это орган не только критикующий, а и орган воспитания комсомола. «Я смело скажу, что нет ни одного органа, который бы, как «Комсомольская правда», имел такое влияние на рост и формирование комсомольского характера...»

М. И. Калинин продолжал развивать свою мысль:

«Газеты говорят, «мы выметаем нечистоты, мы боремся с конкретными носителями зла». Если бы «Комсомольская правда» только так же повторяла — я выметаю нечистоты, — она не все бы выполнила. А ей надо сказать: «На выметании этих нечистот я стараюсь формировать, развивать, растить характер комсомольца».

Каждое утро у нас начиналось с просмотра свежего номера «Комсомольской правды». Впрочем, тогда кто-то из секретарей Центрального Комитета партии, наверно А. А. Андреев, сказал, что и наркомы начинали служебный день, развертывая «Комсомолку». Не досталось ли там «на орехи» их ведомству?

Газета — источник информации о жизни молодежи, о деятельности комсомола внизу, в ячейках. Встречи с молодежью дополняли представление о ее нуждах и запросах. Чаплин подавал пример, отправляясь каждую неделю на комсомольское собрание, диспут или вечер — тогда еженедельно проводился «день хождения в ячейку», установленный для комсомольских работников.

Он непрестанно учился, много писал. Товарищи и друзья чувствовали его духовное богатство, его влюбленность в комсомольскую работу, его партийную принципиальность. Внимательно относились к Николаю Чаплину старшие друзья комсомольцев: Орджоникидзе, Киров, Крупская, Калинин, Ярославский...

«Огромная школа, огромное счастье для нас расти и воспитываться на примерах жизни истинно ленинских соратников и учеников!» — в свою очередь, говорил Чаплин.

12

Слова Большой театр во власти юности. Шумят, перекликаются песнями партер, ложи и балконы. Торжественно открывается VII съезд ВЛКСМ.

Чаплин подводит итоги о развитии комсомольского движения.

Он говорит о попытке Троцкого, выпустившего антиленинскую книжку «Уроки Октября», оторвать молодежь от партии. Молодежь осталась верна знамени Ленина. Он говорит также о разгроме зиновьевской оппозиции.

Чаплин касается вопроса о том, что мы имеем дело с молодым поколением, выросшим в советских условиях и не имеющим опыта революционной, пролетарской борьбы с капитализмом. В воспитании этой молодежи важно сохранить преемственность революционного опыта и улучшить руководство со стороны партии.

Основной недостаток в развитии союза — это несоответствие между содержанием, формами, методами работы комсомола и растущими на основе бурного хозяйственного подъема запросами молодежи. Эти «ножницы» надо ликвидировать. Из этой задачи исходил Цекамол в подготовке к съезду.

В отчете ЦК ВЛКСМ Чаплин сказал, что самые трудные годы уже позади. Хозяйство Страны Советов перешагнуло довоенный уровень. Но не нужно забывать о том, что у нас еще большая нищета, немало безработных, огромные массы молодежи не охвачены образованием и профессиональной подготовкой, и эти

трудности и недостатки отражаются на идеологических настроениях рабочей и крестьянской молодежи.

Свои щупальца к душам молодежи протягивали все антисоветские силы.

К десятилетию Октябрьской революции эмигранты-меньшевики выпустили несколько грязных книжонок, полных всяких инсинуаций: коммунистические кадры, сколотившие крепкую централизованную организацию, постепенно перемрут, а на смену им придет молодежь, отходящая от ленинской политики.

Как напоминает эта вражеская пропаганда те же «надежды», которые высказывают антисоветчики теперь!

Сектанты старались завлечь молодежь, в частности девушек, выступая «трезвенниками», противниками вина, курения и ругани, организуя трудовые артели под религиозной вывеской.

В Грузии появились так называемые «молодые марксисты», на деле меньшевики и шовинисты, в Армении всплыл «троцкистский союз молодежи».

И в литературе, и среди студенчества наблюдались случаи протаскивания идей буржуазной идеалистической философии, чрезмерного, необузданного преклонения перед старыми обрядами, колокольными звонами, блеском богослужений церковников.

В среде молодых людей просачивался мещанский индивидуализм. Некоторые, получив квалификацию и завоевав твердое положение на производстве, отходили от общественной жизни. Им «наскучила политграмота». Они погружались в болото тихого обывательского житья. Бытовое разложение часто влекло за собой и политическое перерождение. Выражалось это в анархических настроениях, в отдельных фактах выхода из комсомола. Что это — кризис в деятельности комсомола? — спрашивал

докладчик. Да, но это кризис роста. Мы его должны преодолеть. Кроме отчета ЦК и доклада о Коминтерне молодежи, сделанного Б. Ломинадзе, в повестке дня съезда стояли вопросы: об очередных задачах союзного строительства, о труде и образовании рабочей молодежи, о работе комсомола в деревне, о детском коммунистическом движении. И в обсуждении вопросов союзной работы приняли участие более сотни ораторов.

Веселое оживление вызвало выступление делегата комсомола Узбекистана Ишан-Ходжаева, надевшего на Чаплина национальный узбекский костюм. Ишан-Ходжаев высказал пожелание об усилении внимания Центрального Комитета к комсомолу Узбекистана.

Чаплин смущенно улыбался. Улыбались и переглядывались делегаты. Улыбались пришедшие приветствовать съезд «всесоюзный староста» М. И. Калинин, представитель Коминтерна Эрнст Тельман, герой гражданской войны, кавалер четырех орденов Красного Знамени Я. Фабрициус.

Чаплин в заключительном слове, после очень интересных прений, высказал недовольство: «Что недостатки у нас были, и их немало, — это факт. Всякая критика недостатков ЦК должна поощряться, и с этой точки зрения я недоволен многими выступавшими здесь товарищами: они больше хвалили, чем отмечали недостатки».

Нечего греха таить. В среде молодежи немало легкомыслия и беззаботности насчет политучебы наблюдалось и прежде.

Троцкий еще в 1923 году «фыркал», когда речь шла о ленинской политучебе. По Троцкому получалось, что старшее поколение (партия) выдвигает перед молодняком чисто школьные методы приобщения к политической жизни.

С какой возмутительной легкостью, с каким аристократическим пренебрежением подходил Троцкий

к политучебке молодежи, поощряя наплевательское отношение к теории и истории партии!

Чаплин возражал такой точке зрения: «Гвоздь политического воспитания масс состоит в том, чтобы всякие разговоры из пивных и уборных вытащить на свет божий, чтобы каждый комсомолец говорил на своем собрании то, что он думает, чтобы он спорил против того, против чего он возражает, чтобы не высказывал свои мысли после собрания, не занимался «шепотками», а высказывал их на комсомольских собраниях. Тогда действительно наши собрания, клубы, съезды превратятся в школу политического воспитания молодежи, где будут выковываться люди с большевистской закалкой».

Но учиться надо было прежде всего активному слою союза, комсомольским вожакам.

«Комсомольская правда» развернула тогда широкое обсуждение вопросов о стиле работы и принципах подбора кадров и актива в комсомоле. Какой тип активиста необходим комсомолу? И какой тип союзного работника надо постепенно изживать?

13

Чаплин писал в журнале «Юный коммунист».

«Развертывание социалистической промышленности на высшей технической базе требует подготовки новых кадров квалифицированных, культурно развитых и политически сознательных рабочих. И здесь комсомол должен помочь социалистическому строительству прежде всего на фронте подготовки нового человеческого материала, воспитания нового пролетарского поколения, способного завершить победу социализма в СССР».

К своему XV съезду (декабрь 1927 года) партия пришла уже с большим опытом социалистического творчества. Трудящиеся всего земного шара широко отметили десятилетие первой в мире Страны Советов.

Однако троцкистско-зиновьевская оппозиция в яростной борьбе против партии перешла к таким раскольническим действиям, которыми фактически поставила себя вне партии.

На первом заседании съезда председатель ЦКК Серго Орджоникидзе выступил с заявлением о фракционных действиях оппозиции и сообщил о решении Президиума ЦКК — исключить из состава ЦК и ЦКК лидеров оппозиции.

Выступление Чаплина на съезде было встречено продолжительными аплодисментами.

Оратор отметил успехи комсомола, охватившего своим влиянием не только широкие массы рабочей молодежи, но также и массы трудящейся молодежи деревни. Он указал, что за годы своего существования комсомол, будучи резервом партии, передал в партию 300 тысяч человек.

Как ответил комсомол на антипартийную и антисоветскую деятельность оппозиции?

«В результате прошедшей перед партийным съездом широкой дискуссии в комсомоле по всем спорным вопросам 99 процентов Ленинского комсомола голосовало за партию против оппозиции. (Аплодисменты.) Это показывает, что оппозиция потерпела полное банкротство не только в рядах старшего революционного поколения нашей партии, но она потерпела также поражение и в рядах подрастающего коммунистического поколения пролетариата».

В отчете ЦКК и РКК Серго Орджоникидзе показал большую работу по перестройке советского аппарата и особенно сосредоточился на борьбе с бюрократизмом.

Мне поручили выступить по докладу Орджоникидзе. О характере выступления посоветовался с Чаплиным. У Чаплина была ясная голова и широкий политический кругозор. Он был патриот комсомола в настоящем смысле слова. Ему были чужды мелочность, зависть, ревность по отношению к товарищу, с которым вместе и дружно работал. Он принимал разумные предложения, а в свои советы вкладывал всю душу. Говорил так, как если бы сам выступал. В речах комсомольских работников на партийном съезде должно звучать нечто молодежное, дерзновенное, задорное. Мне думается, он всегда помнил ленинское определение «кипящей, бурлящей, ищущей молодежи» и хотел, чтобы голос молодежи о наболевших вопросах прозвучал с трибуны съезда партии.

Охотно помогая товарищам, Николай Чаплин также прислушивался к советам старших. Еще только начиная работу в ЦК комсомола, он часто встречался с Анатолием Васильевичем Луначарским и особенно с Надеждой Константиновной Крупской.

Позднее, когда Чаплин стал секретарем Центрального Комитета комсомола, Цекамол выпустил в издательстве «Молодая гвардия» статьи Крупской о молодежи.

Это было первое собрание ее трудов о молодежи. Она сама назвала книгу — «Воспитание молодежи в ленинском духе». В маленьком предисловии сказала о своих особо крепких связях с рабочей молодежью начиная с 1917 года, что заставило ее «принимать близко к сердцу все вопросы, касающиеся молодежи».

Во вступлении к сборнику «От ЦК РЛКСМ» говорилось: «То, что союз больше всего ценит в т. Крупской, это умение ее критически, без лести, без лишних похвал подойти и правильно оценить нашу работу. Союз очень многие хвалят, и очень немногие умеют внимательно к нему присматриваться, видеть

хорошие и дурные стороны, когда нужно резко сказать правду. Таким лучшим советником и другом является для нас Надежда Константиновна».

14

Старые комсомольцы бережно хранят в памяти тепло встреч с Николаем Чаплиным и колорит эпохи 20-х годов. Более четверти века работает директором орденоносного Кокинского совхоза-техникума Брянской области Петр Рылько. Мне остается привести написанные им странички, повествующие о комсомольцах 20-х годов и их генсеке, боевом комсомольском вожаке. Вернемся в 1927 год.

«К этому времени экономически страна окрепла. Задымили трубы фабрик и заводов, вволю стало хлеба. Зажглись керосиновые лампы в ликбезах. На девчатах появился цветастый ситчик. В Брянске построили новый драмтеатр. В нем собралась губернская комсомольская конференция. Был объявлен конкурс сельских гармонистов, и делегаты привезли с собой гармоники. Все перерывы конференции заполнялись песнями. Увлекались песней из только что вышедшей поэмы комсомольца А. Жарова «Гармонь»: «Гармонь, гармонь, родимая сторонка — поэзия российских деревень».

Юные ораторы на заседаниях выступали страстно, горячо. Звали на борьбу против старья, плесени и предрассудков. За всеобщую грамотность и культуру, за товарищеское отношение к девушке и братское отношение друг к другу. За жизнь яркую и светлую, за радостный коммунистический быт.

Председательствующий предоставил слово делегации Мякишевской школы крестьянской молодежи. Кстати, инициатором создания таких школ в стране был Чаплин. Ученик школы Коля Грибачев, ныне

известный писатель, читает приветствие в стихах: «Слово ШКМ партии и комсомолу». А я, тогда комсомолец, заведовавший этой школой, в дар конференции выношу из-за кулис на сцену... живого теленка.

Зал загрохотал, забушевал, заиграли все гармоники. «Конференция смеялась, конференция неистовствовала и впала в телячий восторг», — писала назавтра об этом «Комсомольская правда».

Через месяц в Москве была созвана V Всесоюзная конференция ВЛКСМ. Ликующая юность собралась на большой разговор. Начался он с доклада генерального секретаря Н. Чаплина. Вчерашний паренек из нашего Рогнедина, коренастый, богатырский, сильный, с большой белобрысой головой, обрушил на нас с трибуны конференции всю глубину своего ума, логику и неукротимость революционного духа. Он звал комсомолию полнее включиться в хозяйственную жизнь страны, в борьбу за социалистическую рационализацию производства и овладение новой техникой, призывал воспитывать у молодежи идейную устремленность, смелость, жизнерадостность и глубокую веру в победу нашего исторического дела.

В перерыве одного из заседаний он долго беседовал с брянской делегацией. Тут вспомнили о теленке. Он (т. е. Чаплин. — *Ред.*) засмеялся, подал мне руку и попросил после конференции зайти к нему в ЦК. И вот я, польщенный этим вниманием, сижу против него. Он — в косоворотке, я — в овчинном полушубке. На душе тревожно. О чем он спросит меня? Может, отчитает за выходку с теленком? А он: «Вы вот живете в селе, и чем вы лично можете объяснить, что на Брянщине процент девочек, обучающихся в сельских школах, ниже, чем в других губерниях. Интересовался досугом парней и девушек в селе. Спрашивал: «Не наблюдается ли «крестьянобоязнь» в городских ячейках комсомола?»

Просил передать привет учащимся нашей школы и в подарок от ЦК большую библиотеку.

Еще одна встреча с ним произошла вскоре после этой конференции, в том же 1927 году. Усилиями ЦК комсомола и лично Н. Чаплина сеть школ крестьянской молодежи в стране тогда расширилась до восьмисот. Для обобщения их работы и повышения квалификации руководителей в Москве были созданы педагогические курсы. И снова я встречался и беседовал с Н. Чаплиным. Приезжал он дважды с Н. К. Крупской и А. В. Луначарским.

Чаплин полностью отвечал нашему представлению о политическом руководителе ленинского типа. Он всегда был предан безгранично делу революции, принципиален и в то же время очень чуток. Он не только не мог и не умел заботиться о себе, но решительно отвергал попытки товарищей сделать что-то для него лично. «Чем я лучше других?» — эту фразу часто слышали работавшие с ним комсомольцы.

Давно отшумела юность поколения, к которому я принадлежу. И теперь, с высоты преклонного возраста, мы по-особенному начинаем постигать, ценить прошлое и понимать, какую гигантскую энергию и революционную страсть нес в себе и излучал наш юный Коля Чаплин, уже в двадцатидвухлетнем возрасте избранный на пост генерального секретаря ЦК ВЛКСМ. Человек, с которым я встречался в мои комсомольские годы и с семьей которого поддерживаю дружеские связи до сих пор: с сестрой Марией, братом Александром, женой Розой...»

С подъемом готовили мы VIII съезд комсомола. Он собирался в юбилейный год первого десятилетия ВЛКСМ, к которому Ленинский комсомол пришел двухмиллионной организацией.

Была еще причина радостного настроения: по представлению Реввоенсовета СССР правительство наградило ВЛКСМ за заслуги в вооруженной борьбе рабочих и крестьян с их классовыми врагами высшей боевой наградой — орденом Красного Знамени.

Накануне открытия съезда ВЛКСМ Чаплин обрадованно сообщил: «Проведем в Большом театре торжественное заседание съезда совместно с обществом «Долой неграмотность» и коллегией Наркомпроса, посвященное культурной революции. Говорил с М. И. Калининым, он будет председательствовать и скажет вступительное слово. Выступит Луначарский, обещал приехать Серго Орджоникидзе...»

5 мая 1928 года в Большом театре на первом торжественном заседании съезда И. С. Уншлихт приветствует комсомол от имени Реввоенсовета и оглашает грамоту.

Грамоту и орден принимает Чаплин. С волнением говорит он о высокой правительственной награде и прежде всего воздает должное светлой памяти тех, кто отдал свои молодые жизни во имя торжества революции. Полученная награда обязывает нас еще лучше работать и быть всегда готовыми к грядущим битвам за нашу социалистическую Родину, за мировую революцию».

Единодушно принял съезд обращение к комсомольцам:

«Пусть крепко запомнит каждый: орден не только награда, орден — большое обязательство...

Борьба между миром злобы и насилия, миром хищников и страной строящегося социализма не кончена... Готовься, комсомолец, готовься, молодой рабочий и крестьянин, снова взять в руки винтовку, снова сесть на боевого коня! Учись обороняться! Учись побеждать!

...Социалистическое общество куется уже сегодня на наших фабриках и заводах, на необъятных просторах наших полей. Помогай рационализировать социалистическую промышленность! Бери в крепкие руки руль трактора, стирай межи нищенских полосок, борись за коллективное хозяйство в деревне!

Каждый новый клуб, изба-читальня, ясли, каждый новый культурный очаг — значительные шаги по пути культурной революции.

Комсомольцы!

На баррикады быта, против старья, плесени, предрассудков, за всеобщую грамотность и культурность, за братское, товарищеское отношение к женщине и друг к другу, за жизнь яркую и светлую, за радостный коммунистический быт!

Солнечное и суровое звание ленинца ставить выше всего! Выше личных привязанностей и удобств, выше своего «я». Помни, что ты борец за коммунизм, комсомолец, красноармеец! На первый план — интересы класса, интересы общества!

Мы никогда не опозорим орден Красного Знамени, мы клянемся оправдать его, покрыть новой славой багровые стяги Красной Армии и алые вымпелы Красного Флота...»

В отчете Центрального Комитета Чаплин привел интересные цифры. В городских Советах работают 6 тысяч депутатов-комсомольцев, в сельских Советах — 69 тысяч. Молодой рабочий актив во всех звеньях профсоюзов составил 128 тысяч. В армии и флоте количество комсомольцев достигло 130 тысяч. Все это характеризовало возросшую роль комсомола в обществе. Но еще две цифры подчеркивали ответственность комсомола за проведение партийной политики: партия имела 18 тысяч деревенских ячеек, а комсомол в деревне — 49 тысяч ячеек.

Чаплин правильно выдвигал на первый план руководство массами молодежи, видя «гвоздь перестройки аппарата в укреплении связей актива с массами союза, в первую очередь пролетарскими массами, в перенесении центра тяжести работы активиста из комитета в низы, в массы».

Генсек комсомола с трибуны съезда много говорил о профессионально-техническом образовании молодежи. Он блестяще провел дискуссию с директором Центрального института труда А. Гастевым о принципах подготовки молодых рабочих кадров для страны.

В работе съезда участвовала Надежда Константиновна Крупская, она всегда была союзником комсомола в борьбе за школы фабзавуча. Еще в 1922 году она писала в «Правде», что занятия в школах рабочих-подростков надо построить так, чтобы школы готовили не только квалифицированных рабочих, но также и рабочих сознательных; эти две задачи должны слиться воедино. «Без революционного энтузиазма нельзя победить разруху даже силами квалифицированных рабочих. Необходимо, чтобы над школами подростков веял дух революции».

VIII съезд ВЛКСМ был последним, на котором работал Николай Чаплин.

Доклад на VIII съезде стал не только «лебединой песней» Чаплина, но и, пожалуй, вершиной его комсомольского творчества. Обобщив опыт местных комсомольских организаций, он выдвинул ряд теоретических проблем, практически остро поставил задачи. Весь доклад был пронизан духом подлинной большевистской самокритики. Докладчик положил на кафедру книги классиков марксизма, много цифровых данных, примеров.

С докладами Чаплина, особенно на VIII съезде ВЛКСМ, полезно познакомиться комсомольским

работникам и сейчас. Многое, очень многое звучит актуально.

Мне довелось председательствовать на заключительном заседании съезда, когда мы сердечно прощались с покидавшими комсомольскую работу Чаплиным, Шацкиным и Соболевым. Съезд избрал их почетными комсомольцами.

Александру Косареву президиум поручил обратиться к уходящим. О Чаплине он сказал:

«Союзный работник типа Чаплина характеризуется тем, что многие из коммунистической интеллигенции, которых наш союз выдвигает к руководству, должны будут поучиться у тов. Чаплина, как нужно вместе работать с коллективом, как нужно угадывать, ценить, подхватывать мысли коллектива, как преодолевать трудности вместе с коллективом, как не допускать никогда противопоставления свой личной амбиции, своего «я» целеустремленному коллективу.

Тов. Чаплин в движении вырос... и с ним вместе союз двигался вперед.

Мы желаем от имени съезда самого лучшего в его дальнейшей работе и выражаем полную уверенность в том, что в будущем в предстоящих работах и политических боях мы вместе с Чаплиным будем стоять на линии нашей партии. (Бурные аплодисменты.)»

Поднявшегося на трибуну Чаплина съезд встретил овацией, все встали.

Чаплин был очень взволнован. Завершалась, и прекрасно завершалась, целая полоса в его жизни и деятельности — светлая комсомольская юность.

Те, кто юность свою провел в комсомоле, знают, что уход с комсомольской работы — это не простая смена служебного кресла. И хотя было так, что наступала пора оставлять комсомольскую работу, расставаться с товарищами, с молодостью, с какой-то романтически молодой струей в жизни все-таки жаль и немного

грустно... Чаплин тем и хорош, что всегда оставался типичным ярким представителем первых комсомольцев, комсомольским вожаком 20-х годов.

В своем слове он, собственно, об этом и говорил.

Комсомольские работники, выросшие в годы Октября, получили первую большевистскую закалку в рядах комсомола, в нем они и стали коммунистами.

Это поколение получило широчайшие возможности для своего революционного воспитания в массовой самостоятельной коммунистической молодежной организации.

«В этом смысле Коммунистический Союз Молодежи для каждого из нас является. Родиной, нашим Отечеством, где мы воспитывались и закалялись в практической борьбе и работе, приобретали опыт для будущей жизни. Комсомол ценен именно тем, что он дает богатейший опыт борьбы и строительства для революционного жизненного пути в будущем».

Чаплин призвал комсомольских работников беречь революционные традиции комсомола. «Каждый из нас, пройдя комсомол, пойдет на другую революционную работу, хотя бы на самую черную работу. На этой работе мы с вами встретимся... будем с вами едины не только в политической борьбе, но и... на боевых постах, когда нужно будет бороться с оружием в руках».

Чаплин пошел учиться на курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). Вместе с ним ушел и Александр Шерудилло. В анкетах делегата VI, VII и VIII съездов ВЛКСМ о своем образовании он писал: низшее. Было в Сашке Шерудилло, если взглядеться, что-то располагающее, наверное, прежде всего — его прямота, понимание психологии рабочей молодежи. Бывал

Шерудилло резок до грубости; фальши, вранья не терпел, и парень — истый пролетарский самородок, способный и работающий, потому Чаплин и привлек его к работе в Цекамоле. Сейчас он живет в Славуте, пенсионер, надевает свои солдатские ордена и медали в День Победы или когда идет на торжественное собрание к местным комсомольцам.

Шерудилло вспоминает:

«В работе Чаплина чувствовалось стремление следовать ленинскому стилю. Мы никогда не величали своего генсека Николаем Павловичем. Для нас он был просто Николай. Тут и не пахло фамильярностью, панибратством. Наши взаимоотношения строились на глубоком чувстве осознанного уважения к нему.

Перед взором памяти возникал Ленин, который никогда не подавлял в человеке чувства собственного достоинства, а, напротив, побуждал его к действиям и находил в человеке что-нибудь заслуживающее похвалы. Чаплин любил говорить о Ленине, о ленинских нормах жизни, о том, как слушали его комсомольцы на III съезде РКСМ. Тепло, любовно говорил Чаплин и о ленинских соратниках, с которыми сам общался, — о Калининe, Кирове, Орджоникидзе, о первом друге и единомышленнике Ильича — Надежде Константиновне Крупской. Он законно считал счастьем встречи с такими людьми и возможность пользоваться их советами». Так характеризует Чаплина Александр Шерудилло, друг и соратник по Цекамолу, рабочий парень из Донбасса, комсомолец с 1918 года.

До начала занятий на курсах у Чаплина и Шерудилло оставалось еще много дней. Кому-то из них пришла мысль: поехать бы за границу, посмотреть, «как живет мировая буржуазия».

Николай горячо воспринял эту идею и сразу принялся за дело. Обратились куда надо, похлопотали и

нанялись моряками в торговый флот. Судно посетило Гамбург, порты Англии, Бельгии, Португалии и Турции.

И здесь Николай остался верен себе. Ему мало было небольших штормов и хлопотливой службы (ребята все-таки несли вахту как матросы), он еще договорился с парторгом судна и вел беседы с командой о политике партии и международном положении. Простотой в обращении и умелым подходом к ребятам он завоевал симпатии команды. Вспоминаю, как еще в 1924 году холодным осенним вечером он провожал меня в Берлин и Париж. Поездка была нелегальной, ехал я в качестве представителя Исполкома КИМа. Тогда Николай сказал:

«Завидую тебе, Саша! Так хочется повидать зарубежные города и страны, встретиться с комсомольцами Запада!..»

Этой матросской поездкой он хоть в малой доле осуществил свое давнишнее желание. А ведь его поездка тоже была немножко «нелегальной». Ехал он под чужой фамилией. Не мог же матросом на судно явиться член ЦИК СССР и кандидат в члены ЦК ВКП(б)!

Учеба на курсах шла хорошо. Занимались исключительно усердно. Шерудилло вспоминает: Николай любил стихи. И однажды подарил ему книжку стихов Гейне с надписью: «Саше Шерудилло. Я предпочитаю бурю свободы покою рабства (Робеспьер)».

Слушатель курсов, еще смоленский друг Николая, Давид Ханин, оставил такие строчки:

«Вперевалку, раскачивая большое угловатое тело, с томиком истории французской революции в руках, проходил Николай Чаплин, человек с первородным диалектическим умом, разбиравшийся в сложных противоречиях жизни еще задолго до того, как им были прочитаны книги мудрецов».

Брат Николая Виктор отмечает, что Николай учился с необыкновенным жаром, не отличая ночи от дня. Его особенно увлекала история Великой французской революции, работы Маркса, посвященные ей. Он запоем читал Милля, Тьера, Гизо, основательно штудировал Зомбарта. И постоянно обращался к Ленину.

«Был он большим книголюбом с самой ранней юности. До 1937 года я бережно хранил «Робинзона Крузо» с его юношеской дарственной надписью, призывавшей младшего брата «всегда горячо любить хорошие книги».

Ушли тогда на учебу и другие славные товарищи, соратники Чаплина, члены бюро ЦК: уралец Михаил Ерогов, бакинцы Иван Курников и Максим Сорокин, украинец Иван Жолдак, ленинградцы — секретари Цекамола Сергей Соболев и Дмитрий Матвеев. Оставались в Исполкоме Коминтерна молодежи Рафаэль Хитаров, Амо Вартанян, Павел Павлов, а в «Комсомолке» — Тарас Костров.

У каждого из них — своя интересная судьба.

Николай Чаплин за десятилетие своей комсомольской деятельности встречался с сотнями, тысячами активных работников, со многими подолгу работая рядом. Его брат Виктор Павлович, ныне кандидат философских наук и доцент одного смоленского вуза, пишет: «Никогда не вспоминается мне брат в одиночку. Он предстает передо мной неотделимым от незабываемой комсомольской плеяды первого десятилетия. Он органически врос в стан молодой ленинской гвардии, и оторвать его от людей невозможно. И обязательно, при любом своем и других положении, он равный среди равных, не допускающий даже намека на какое-либо преднамеренное превосходство. Это было боевое, партийное товарищество.

Ко всему на свете он относился со страстью и эмоциональностью своей горячей и вместе с тем глубоко выдержанной натуры. Изумляло меня в нем умение подчинять свое личное мнению мнению коллектива, мнению партии. Только ему было известно, как нелегко при этом властвовать собой.

Недаром брат Сергей называл его «железным братом».

Четырежды Чаплин избирался в Цекамол, на четырех съездах партии его выбирали в состав ЦК партии, на съездах Советов — в ЦИК СССР.

На XII, XIII, XIV и XV съездах партии Николай Чаплин представлял комсомол. На XVI съезде он был делегатом Грузинской партийной организации, работая в Тбилиси секретарем Закавказского краевого комитета партии.

На XVII съезде, последнем партсъезде, на котором мы с ним были вместе, он входил в число делегатов Ленинградской партийной организации, будучи начальником политотдела Мурманской железной дороги.

Так скольких же людей он знал и сколько товарищей знали Николая Чаплина!..

16

Незабываемы дни XVII съезда партии, съезда «победителей», как его назвали.

Превосходно выразил чувства всех незабываемый трибун Сергей Миронович Киров:

«Успехи действительно у нас громадны. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить (смех), на самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт! (Шумные аплодисменты.)

Но есть опасность: можно так увлечься всякими песнопениями, что перестанешь понимать, что кругом

творится. (Смех.) А без самокритики предупредить себя от головокружения никоим образом нельзя».

В годы первой пятилетки в СССР была построена крупная технически передовая промышленность. Особенно значительные успехи были достигнуты в деле создания современной тяжелой индустрии — материальной базы социализма. Эти успехи позволили выступить с таким планом на вторую пятилетку, которым предусматривалось удвоение размеров промышленной продукции, что означало рост в сравнении с довоенным уровнем в восемь раз.

Настроение превосходное, боевое. Ветераны комсомола, хотя им минуло всего лет по тридцать пять, приехали из разных областей страны уже в качестве парработников и хозяйственников. Чаплин, Соболев, Смородин — из Ленинграда, Хитаров — из Кузнецка, Курников — из Киргизии, Ханин — из Свердловска, Вартанян — из Горького, Шаровьев — из Сибири, я — из Забайкалья.

Многие бывшие соратники по комсомолу работали в Москве на партийной и хозяйственной работе — члены ЦК ВКП(б) Рывкин, Фейгин. Всего бывших и настоящих комсомольских работников было в составе делегатов съезда более ста человек. И судьбы людей сложились так, что для большинства, почти для всех, эта встреча была последней...

Чаплин успел поработать секретарем Закавказского краевого комитета партии и затем членом президиума Центросоюза.

В 1931 году во время летнего отпуска я поехал на Северный Кавказ повидаться с друзьями. В Тбилиси пошел в Закавказский краевой комитет партии к Чаплину. Побеседовали тепло и откровенно.

Николай говорил о трудных условиях, о том, что с утра до позднего вечера работает, выезжает в Организации, сколачивает работоспособный

партаппарат, могущий неуклонно следовать принципам Пролетарского интернационализма.

Подошел к сейфу, достал письма: «Вот неоценимая моральная поддержка!»

Это были письма Орджоникидзе, адресованные «дорогому Чаплину» и подписанные «твой Серго».

«Когда встречаюсь в Москве с Миронычем и Серго, отвожу душу, рассказываю о трудностях. Но ведь и им нелегко...»

Что касается перевода его в Центросоюз начальником Управления общественного питания, то попал он на этот пост в трудное время — страна переживала неурожай. И Чаплин ездит по стране, проводит заготовки мяса, хлеба, организует отправку продовольствия в центр, налаживая общественное питание в городах. Объехал он, в частности, весь Казахстан, добрался верхом до границы с Китаем. И писал жене: «Казахстан поражает своими необъятными просторами. Только здесь я ощутил нашу колоссальную победу — постройку Турксиба. Пройдет два-три года, и этот богатейший, а пока еще дикий край будет преобразован...»

В другом письме Розе он сообщал, что часть пути в Казахстане проделал с Анастасом Ивановичем Микояном в его вагоне.

«Я приобретаю некий хозяйственный опыт, что для меня как будущего кооператора весьма полезно». Из этой фразы видно, что хотя и тянулся Чаплин к партийной работе, но на назначение «кооператором» смотрел со всей серьезностью.

Николай увлекался всякой работой, которую ему поручали, и отдавался делу без остатка. Однако он тосковал по партийно-политической работе и вскоре ее получил.

В последние шесть лет своей жизни он был на партийной работе среди железнодорожников.

Николай сам вспоминал о первых своих шагах на новом поприще. Киров встретил очень тепло нового начальника политотдела Мурманской железной дороги.

— Здравствуй, Чаплин! Приехал? Ну как, выйдет у тебя?

— Приехал, но не знаю, как у меня выйдет. Это дело для меня новое.

— Ну брось! Должно выйти, — сказал Мироныч и тут же стал давать такие практические советы, будто он всю жизнь провел на железнодорожном транспорте.

И ведь вышло у Чаплина! В 1936 году правительство наградило его орденом Ленина за работу на транспорте.

...Нашел я недавно письмо десятилетней давности. Писал его А. Голдовский, комсомолец с 1919 года, делегат VI съезда РЛКСМ, работавший с Чаплиным в политотделе Мурманской дороги: «С неослабевающим упорством боролся Чаплин за улучшение работы транспорта. Работникам политотдела он часто твердил:

«Надо учиться. Раньше у нас не было для этого времени, воевали. Теперь надо наверстывать упущенное».

По его инициативе создали специальный факультет («Фон») для руководящих работников политотдела и дороги. Подобрали преподавателей из Транспортной академии. Чаплин внимательно следил за ходом занятий и успехами слушателей. Бывало, придешь к нему по делу, а он сперва спросит:

«Почему пропустили занятие? Нет времени? Ответ считаю неубедительным...»

И мы подтягивались, многим он сам помогал».

Чаплин объединил вокруг себя большой, хороший актив работников. «У нас часто после работы собирались железнодорожники — начальники служб, инженеры, инструкторы политотдела, — вспоминает жена Чаплина Роза. — Разговор всегда шел о

положении дел на дороге: строительство жилищ, безопасность движения, охрана труда, аварии, неисправности... Эти встречи помогали Николаю устранять неполадки. Он интересовался жизнью и бытом каждого работника, заботился об их лечении и отдыхе».

В числе добровольных помощников Чаплина была и его жена, заместитель председателя общественного совета жен инженерно-технических работников.

«Моя общественная и комсомольская работа проходила в детском секторе дороги. Вместе с руководителем женсовета Долгополовой мы часто выезжали на места, подталкивали ремонт школ, помогали строительству детских садов и яслей, устраивали субботники, особенно во время снежных заносов, проводили собрания жен железнодорожников. Николай поощрял нашу работу».

Чаплин постоянно бывал на линии, оперативно помогая местным работникам. Но мыслил он широко, по-государственному, круг интересов выходил далеко за рамки служебных дел.

Вот отрывок из одного письма жене:

«Был в Мурманске, Хибиногорске, городе, созданном сказочно быстро. Ознакомился с добычей и обогащением апатитовой руды... Поражает горячка строительства, захватившая Кольский полуостров. Заезжал в Медвежью гору. Был в Повенце на Беломорском канале. Проехал семь шлюзов. Исключительно интересное сооружение! И вообще — край неисчерпаемых возможностей, которые нужно поднять, реализовать».

Дальше он упоминает о встречах с работниками-железнодорожниками, о том, что на самой дороге работы непочатый край и работать приходится днями и ночами.

Когда Чаплина наградили орденом Ленина за успехи на транспорте, домой к нему пришло много железнодорожников. Они отмечали:

«Успехи нашей дороги мы связываем с вашим приходом на дорогу. Несмотря на большие трудности (безлюдные места, малочисленность постоянных кадров, текучесть состава и засоренность случайными и чужими людьми), вы с первых шагов вашей деятельности с большевистским подходом и комсомольским пылом взялись за дело и увлекли за собой политотдельцев, коммунистов и непартийных большевиков...»

Чаплин остался верен себе — его скромность и такт хорошо знали все, — он ответил, что хорошие результаты — успех коллектива.

Роза Чаплина вспоминает, что Николай был очень скромным в быту, не гнался за личными удобствами. Какие-либо личные обиды и личные неприятности он старался отметать. Интересы дела выше мелочного самолюбия.

Отвечая на письма ребят из смоленской школы, где теперь пионерская дружина носит имя Николая Чаплина, Роза пишет, как в часы досуга Николай уделял внимание своим детям и их маленьким друзьям. «Он, как хороший педагог, умел разговаривать с детьми товарищески. И дети доверяли ему свои мечты. Когда он приходил домой, они спешили поделиться своими ребячьими новостями. Зимой он поощрял их катанье с крутых горок на санках, всегда помогал украшать новогоднюю елку. Летом, во время отпуска или в дни отдыха, ходил с детьми в лес, на берег реки, к морю. Он помогал им увидеть, попятть красоту природы. Любил вместе с детьми собирать грибы, ягоды, учил, как отличать съедобные от несъедобных. Дети и их друзья с раннего утра ждали, чтобы пойти с ним в лес или

купаться. Хорошо плавая, он и малышей учил держаться на воде...

В своих письмах домой он не забывал посылать привет детям от их «бродячего отца», который превратился в настоящего кочевника».

В письме из Хибиногорска он просит жену передать Кларочке и Борису, что он им привезет «по коллекции разных минералов, красивых камней».

Л. С. Шаумян, работавший с Чаплиным в Закавказье, позднее говорил: «Мне не раз приходилось встречаться с Серго Орджоникидзе и Кировым, и я помню, с какой любовью они говорили о Чаплине. Он прекрасно стал работать на транспорте, и Киров был очень им доволен, и это была не только их любовь к Николаю, но и паша общая любовь к нему».

17

В 1972 году Чаплину исполнилось бы семьдесят лет. Уйдя с комсомольской работы в 1928 году, он присутствовал на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном десятилетнему юбилею комсомола, уже в качестве ветерана, вместе с другими виднейшими деятелями юношеского движения.

Каждое новое поколение решает новые исторические задачи в новых условиях и ищет для этого свои методы, свой стиль жизни и деятельности. Воспринимая опыт, традиции и достижения предшественников, отцов и дедов, наследники призваны революцией идти вперед, делать больше и лучше.

Жизнь и деятельность Николая Чаплина, верного сына ленинской партии, боевого комсомольского вожака, служит примером для комсомольских работников. Он отвечал нашему представлению о

политическом руководстве ленинского типа. Он был безгранично предан делу революции, высокопринципиален и в то же время чуток, скромн, тактичен, дружелюбен к товарищам. Его дом всегда был местом дружеских встреч, горячих споров, веселых, товарищеских шуток и необидного «розыгрыша».

Запросто приходили к нему и москвичи, и приезжавшие в центр работники. Я видел у него и представителя комсомола Казахстана Чакпака Артыкбаева, и секретаря Крымского областного комитета Бекира Умерова, секретаря Уральского обкома Игната Шаровьева и вожака ленинградских комсомольцев Георгия Иванова, секретаря ЦК комсомола Украины Семена Высочиненко и цекамольца-сибиряка Николая Кудрявцева.

Сколько новых мыслей и приятельских шуток рождалось здесь в шумных беседах! Помню, как удивило меня однажды, когда Чаплин по какому-то поводу в ходе беседы вдруг остановил свое несколько медвежье разгуливание в небольшой комнате, распрямил грудь и продекламировал строки из поэмы Блока «Двенадцать». И особенно громко подчеркнул: «Революционный держите шаг, неугомонный не дремлет враг!»

Чаплин остался молодым в нашей памяти, как и многие паши сверстники, которых нет среди живых.

Когда я совершаю увлекательные романтические путешествия к комсомольцам разных городов нашей страны, городов моей светлой комсомольской юности, я отбрасываю мысли о своей старости, о тяжелых переживаниях в прошлом.

И я ощущаю рядом Николая Чаплина, слышу громкий голос замечательного вожака советской молодежи, образ и дела которого живут в нашей памяти, в истории Ленинского комсомола.

Революционный держите шаг! Неугомонный не
дремлет враг!

Александр Мильчаков

ГАНИ МУРАТБАЕВ

«Гани Муратбаев принадлежал к новому поколению Востока, рожденному в огне пролетарской борьбы, не знающему национальной ограниченности, свободному от проклятых националистических пережитков прошлого... Всегда и везде в трудной и сложной обстановке Туркестана он проводил в жизнь выдержанную пролетарскую линию, укрепляя союз трудящихся Туркестана с российским пролетариатом».

«Правда», 1925, 17 апреля

Если посмотреть отвесно вверх, туда, где распластались во все свинцовое небо ветви старого карагача, тогда можно представить, что вместе с деревом отделяешься от земли, от пожухлой холодной травы, отделяешься медленно, исподволь, и столь же медленно поднимаешься над вечеряющим Ташкентом. И вот уже летишь ты вместе с деревом по воле ветров, среди туч, рассеивающих на земные нивы дождь.

Зимой здешние ветры стремятся обычно на запад. Значит, вместе с ветрами, тучами и старым карагачем можно достичь Аральского моря. А там родная сторона — рукой подать...

При мысли о родине Гани опустил голову и плотнее запахнулся в намокшую шинельку. Смеркалось. Из соседнего сада тянуло дымом кизяка. Напротив, в двухэтажном доме, скрипнула дверь, и на пороге показался грузный человек в сером. Он посмотрел на небо, постоял, поднял воротник плаща. Еще мгновение — и он растворится в сумерках. Нужно было действовать незамедлительно. Гани отошел от дерева, перешагнул канаву, заполненную мутной водой, и спросил по-казахски:

— Скажите, пожалуйста, где находится директор педагогического училища?

Тот, в сером, молчал, по всей вероятности, разглядывал Гани. Может быть, он не понимал казахского?

— Мне бы директора, — неуверенно проговорил Гани на этот раз по-русски.

— Подойди-ка поближе, парень, — наконец услышал Гани казахскую речь. — Э-э, да ты промок до нитки. Давно здесь стоишь?

— Приехал утром часа в четыре. И прямо с вокзала сюда.

— Что же не зашел в училище? Так под карагачем и околачивался?

— Директора бы мне увидеть, — неуверенно повторил Гани.

— Дире-е-ектора, — протянул нараспев тот, в плаще. — А вот прошлую неделю в школе на Чиланзаре так и убили одного директора. И между прочим, тоже вечером. Вызвали на улицу по какому-то делу да из нагана всю обойму и всадили. Басмачи треклятые!

— А у нас комиссара зарезали. Бандиты. Прошлой весной, — тихо сказал Гани.

Грузный развел руками, потом отворил двери и произнес оттаявшим голосом:

— Заходи. Надо бы тебе обсушиться. Заодно потолкуем.

Они поднялись по лестнице на второй этаж, миновали несколько дверей с белевшими во мраке табличками и наконец оказались в просторной комнате. Спутник Гани засветил лампу с зеленым абажуром и указал глазами на вешалку:

— Раздевайся, парень. С тебя течет как из дырявого казана.

Снимая длинную, до пят, шинель, Гани разглядывал диковинное убранство комнаты. В углу возвышался большой глобус. В шкафах покоились какие-то склянки причудливых форм, банки с заспиртованными змеями, ящерицами, лягушками. На стене висела географическая карта Российской империи, вся испещренная красными флажками. Возле стола, на деревянных полках поблескивали золотым тиснением корешки книг. Гани подошел поближе и с радостью прочел знакомые имена: Пушкин, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Толстой.

— Читал кого-нибудь из них?

— И Толстого читал, и Лермонтова, и других. Все книги перечел, которые были у нас в библиотеке.

— Где у нас?

— У нас в Казалинске, в высшем начальном училище, затем в городской библиотеке. Я русский язык сызмальства знаю, еще с русско-туземной школы.

— Молодец. Теперь садись поближе к столу. Давай знакомиться, книжник. Я и есть директор этого училища, Тохтыбаев моя фамилия. А ты кто?

— Муратбаев я. Гани Муратбаев. Хочу здесь учиться. Директор достал из стола желтую тетрадь, раскрыл, сделал карандашом какую-то пометку. Затем спросил:

— Сколько тебе лет, Гани?

— Полных шестнадцать.

— Стало быть, так и запишем: «Рожден в году одна тысяча девятьсот втором».

— Третьего июня, — добавил Гани.

— И это запишем... Далее. Что ты, Гани Муратбаев, мог бы рассказать о себе?

...Многое мог бы рассказать о себе Гани. Но, как большинство из тех, кто пережил тяжелое детство, он не любил вслух вспоминать прошлое.

Он родился среди песков пустыни Каракумы, за сотни верст от Казалинска. Отца своего он почти не помнил: тот умер, когда Гани едва исполнилось 4 года. Честным, справедливым, готовым помочь соседу-бедняку, защитить слабого от самоуправства сильных мира сего — таким остался в памяти народной Муратбай. О любви и уважении к нему свидетельствовал такой факт: когда в 1897 году проводились пере выборы скомпрометировавшего себя управителя Калыкбасской волости, выборщики, несмотря на запугивания местных феодалов и царских чиновников, проголосовали за Муратбая. Однако новый волостной управитель недолго пробыл на своем посту: будучи бедняком, он, естественно, старался как-то облегчить простым людям их трудную судьбу, прекословил местному начальству, так что в конце

концов за свою неподкупность и непокорность угодил в тюрьму. Выйдя из тюрьмы, он ни в чем не изменился: любой обездоленный, гонимый судьбою мог найти у него приют и защиту. Об одном до конца своей долгой жизни горевал Муратбай: он так и не сумел выучить русский язык. Умирая, он завещал жене непременно определить Гани в русско-туземную школу.

Мать Гали, Батима, исполнила последнее желание Муратбая. Эта маленькая, хрупкая женщина нашла в себе силы решительно восстать против вековых законов шариата и амангерства. Ни увещевания сородичей, ни заклинания муллы — ничто не смогло заставить ее выйти замуж за кого-либо из родственников мужа. Вопреки родовым запретам она покидает аул и перебирается с нищенским скарбом в Казалинск. Чтобы не умереть с голоду, ей приходится идти в услужение к одной из жен местного купца Хусаинова. От зари до зари склонялась она над чаном с чужим бельем, выбивала чужие ковры. А ночами, при тусклом свете сального огарка, Батима занималась рукоделием, шила платья, шаровары, камзолы — была мать Гани на все руки мастерицей...

Жизнь уездного городка была полна социальных контрастов. Одни утопали в роскоши, другие — их было подавляющее большинство — прозябали в ужасающей нищете. Голод, дикость, невежество, родовая месть, болезни царили в городе и окрест. С самого детства Гани проникся заботами и чаяниями простого трудового люда, его опасениями, тревогами, надеждами на лучшую долю. Особенно ужасало положение кочевников-скотоводов. Любой купец-богачей, любой чиновник мог избить несчастного степняка, ограбить, замордовать, даже убить, и все это без каких-либо последствий. Жаловаться в этих краях было некому — сильный вершил суд и расправу над слабым как заглагорассудится. О состоянии дел по части

просвещения можно судить по такому факту: первым председателем совета единственной в уезде библиотеки был сам начальник уезда, его высокоблагородие полковник Арзамаев, а членом совета — начальник городской тюрьмы! Одна библиотека, свыше ста мечетей, около трехсот торговых лавок — таковы были плоды просвещения, возросшие на казалинской ветви того чахлого дерева, которое именовалось когда-то Киргиз-кайсацкой ордой.

Четыре года в высшем начальном училище многое дали любознательному Гани. Он, быстро выучив русский язык, знал наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тараса Шевченко. Кое-кто из казалинских старожиллов еще помнил великого Кобзаря, побывавшего здесь вместе с экспедицией А. И. Бутакова.

Год 1916-й врезался в память Гани Муратбаева страшной метой. Правительство объявило среди населения мобилизацию на фронт, и в ответ на это вся степь восстала. Казахи не хотели участвовать в империалистической бойне. Гани видел своими глазами, как пылали аулы, как длинные вереницы беженцев потянулись на юг, в Бухару. Над разоренными селеньями кружило воронье, шакалы оглашали ночь протяжным воем. Поползли болезни: черная оспа, холера, тиф. Холера и унесла мать Гани. В четырнадцать лет он остался круглым сиротой и теперь мог рассчитывать лишь на самого себя. Многие советовали ему бросить училище, заняться каким-нибудь «мужским» делом — пойти приказчиком в лавку, или рабочим на маслобойню, или грузчиком на мельницу того же купца Хусаинова. Но он не внял ничьим советам. Сказалось упорство в характере, унаследованное от родителей. Он продолжал учиться — в чужих обносках, впроголодь, с вечной думой о хлебе.

Науки ему давались легко, и к третьему классу он заметно обогнал сверстников.

События, последовавшие после Февральской революции, разделили Казалинск на два враждующих лагеря. Гани был в рядах тех, кто разносил по домам большевистские листовки, кто разъяснял людям смысл происходящих перемен. А перемены были немалые: 4-й Сибирский стрелковый полк, квартировавший в Казалинске, в полном составе перешел на сторону революции. Отряды рабочих и солдат захватили жандармское отделение, разоружили полицию. На митингах распевали «Марсельезу», «Отречемся от старого мира», кричали «ура!».

Гани Муратбаев всей душой отдался делу революции. Давно уже подмечено, что революция во сто крат быстрее формирует характеры людей: история задевает их своим крылом, жизнь обнажается в невиданно резких изломах, заставляет о многом думать, многое понимать заново, и понимать не одним умом, а как бы всем опытом личной судьбы. Недолгий, но многотрудный жизненный опыт подсказал Гани безошибочное: правда за большевиками.

...Обо всем этом и о многом другом мог бы рассказать Гани Муратбаев директору ташкентского педагогического училища, который сидел напротив, возле лампы с зеленым абажуром. Но Гани смущала непривычная обстановка, и потому он ограничился коротким пересказом биографии. Он закончил свое повествование так:

— Я не один приехал сюда учиться, товарищ директор, а вместе с друзьями. Они на вокзале остались.

Директор улыбнулся и сказал устало:

— Между прочим, что вас понесло среди зимы за столько верст в Ташкент? Ты же сам говоришь: учился в третьем классе.

— Какая там учеба, — загорячился Гани. — Мы зашли в уездно-городской Совет, а там людей раз-два, и обчелся. Все ушли на борьбу с атаманом Дутовым. А те, кто остался, большей частью скрытые, а то и явные враги мировой революции. Вполне могли пристукнуть нас за иконы.

— Какие такие иконы? — удивился директор.

— Мы ночью с друзьями залезли в школу, все иконы снимали со стен и во дворе сожгли. А заодно и книги поповские, библию, псалтырь. Много их было разных. На другую ночь в училище наши нагрянули. И опять все в костер.

Директор укоризненно посмотрел на Гани.

— Это вы напрасно куролесили. Революция провозгласила свободу вероисповедания.

— А декрет Советского правительства об отделении церкви от государства, а школы от церкви?! — воскликнул Гани. — Когда он вышел? Еще в январе прошлого года. У нас же до сих пор бубнят закон божий. Что пи утро, тащат на молебен. А потом начинается: «Ирод родил Михиаеля; Михиаель родил Мафусаила; Мафусаил родил Ламеха...» Чепуха все это, дурман для народа. Мы так и потребовали в училище: пора покончить с преподаванием закона божьего, а попов выгнать в шею!

— Ты не горячись, не горячись! — осадил Гани директор. — У нас, в Туркестанской республике, декрет об отделении церкви издан когда? Не знаешь? Совсем недавно, месяца два назад. Вы же когда начали войну с попами?

— Весной, — сознался Гани.

— Вот и выходит: действовали самочинно, как разбойники или анархисты. — Директор посмотрел на виноватое лицо Гани и вдруг, хотя и понимая, что это в высшей степени непедагогично, проговорился: — Впрочем, правильно действовали, хватит народу мозги

забивать религиозной отравой. Только о подвигах своих особенно не распространяйся. — Он поднялся, снял с вешалки плащ. — Идем на вокзал за твоими друзьями. Ночевать нынче будете в пансионате. Завтра утром шинель свою сдашь, а вместо нее получишь все, что нужно. И учись себе на здоровье. А об анархизме и разных там кострах из икон забудь на веки вечные. Революция — это твердый порядок, железная дисциплина. Ты в этом сможешь еще не раз убедиться... Ну двинулись на вокзал.

Гани Муратбаев начал занятия в педагогическом училище. И одновременно работал: заведовал цейхгаузом. До глубокой ночи просиживал он над книгами, делал выписки из них, составлял конспекты. Он и здесь удивил своих новых наставников начитанностью, смекалкой, умом, тонкостью и глубиной суждений буквально во всем, что волновало его воображение. Сокурсники встретили его поначалу настороженно, но вскоре новичок многим приглянулся. Был он весел, незлобив, знаниями своими перед однокашниками не кичился. Не раз он начинал спор об особенностях книг Достоевского или каверзным вопросом ставил в тупик преподавателя биологии. Все удивлялись его политической зрелости. Однажды на перемене родственник какого-то муллы завел провокационную речь о том, что теперь, мол, после победы революции, неплохо бы очистить Туркестан от русских, поскольку ничего, кроме насилия, они-де в здешние края не принесли, что еще неизвестно, чем кончится революция, поскольку кольцо блокады вокруг Туркестанской республики сжимается все теснее, и т. д. Все слушали, переминались, прятали глаза. И тут заговорил? Гани. Он сжато и внятно объяснил: без русского народа Средняя Азия еще века прозябала бы в рабстве, в дикости и нищете. Ханы, эмиры, мюриды, баи

никогда не расстались бы добровольно ни с властью, ни с богатством. «Если вы бесплатно учитесь, если бесплатно лечитесь в больнице, если вас теперь уже не убивают, как собак, без следствия и суда, скажите спасибо России, революции, — продолжал Гани. — Русский народ делает все, чтобы дать свободу своим братьям на Востоке. И пусть вас не обманут листовки с призывами точить длинные ножи на русских, эти подлые бумажки, которые по ночам разбрасывают по городу предатели и убийцы — они еще получают по заслугам».

Правоту слов Гани подтвердило время. В январе 1919 года в Ташкенте назрел контрреволюционный заговор. Возглавлял его изменник, платный агент английского империализма Осипов. Предатель самолично расстрелял 14 красных комиссаров. Днем и ночью не смолкали выстрелы на улицах города. Однако усилиями красногвардейцев восстание вскоре было подавлено. Похороны убитых революционеров — Вотинцева, Першина, Шумилова и других — превратились в грандиозную демонстрацию пролетарского единства.

Январские события в Ташкенте послужили тяжелым уроком для всех, кому были дороги судьбы республики. Стало ясно, что, только объединившись, можно было противостоять внутреннему и внешнему врагу. К весне 1919 года Ташкентский союз социалистической молодежи уже очищен от мелкобуржуазных, колеблющихся элементов, примыкавших к заговору, и переименован в коммунистический союз. «Создание мощной комсомольской организации в Средней Азии является лучшим памятником верным сынам рабочего класса — 14 ташкентским комиссарам» — такой призыв был брошен в массы, и вскоре на него откликнулись тысячи. Среди них был Гани Муратбаев.

Гани не только сам вступил в комсомол, но и организовал в училище ячейку. Вместе с друзьями он участвует в коммунистических субботниках, разъясняет политику Советской власти молодым рабочим Красновосточных железнодорожных мастерских, рассказывает о положении, сложившемся на фронтах.

А положение на фронтах было не из легких — молодая Россия отражала объединенный поход Антанты. Едва оттеснили Колчака на Восточном фронте, как тут же приходится думать о наступлении Деникина. В августе 1919 года был создан Туркестанский фронт, которым командовал М. В. Фрунзе. Не прошло и месяца, и вот в районе станции Мугоджарской кольцо блокады вокруг Туркестана уже разорвано! 4 ноября в Ташкент прибывает созданная по инициативе Ленина Туркестанская комиссия, на которую возлагалось представлять ВЦИК и Совет Народных Комиссаров и действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств. Посланцы великого вождя привезли его знаменитое письмо «Товарищам коммунистам Туркестана», в котором Ленин писал: «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам»^[29].

Не сразу и далеко не везде дошли слова Ильича до сознания безграмотных, забитых кочевников. Их рабская психология складывалась столетиями, тысячелетиями. Они привыкли к надменности, коварству, бездушию и жестокости как своих

правителей, так и царских чиновников. Первые грабили беззастенчиво, ссылаясь на родовые права и привилегии; вторые — прикрываясь монархическими лозунгами, непонятными кочевым племенам. Но затрубили, запели трубы революции, и «туземцы» услышали другие слова: «свобода», «равенство», «братство». Оказывается, все люди равны между собой. Оказывается, муллы вовсе не живые наместники аллаха на многогрешной земле, а угнетатели, кровопийцы. Оказывается, все не только могут, но и должны учиться.

И люди начинали верить большевикам. Большевики дали беднякам землю и скот, заботились о беспризорных детях, открывали новые школы. Гани Муратбаев был одним из тех, кто помогал партии в переустройстве старого общества.

В начале 1920 года Гани познакомился с Валерианом Владимировичем Куйбышевым, который будучи начальником политуправления Реввоенсовета Туркестанского фронта, в то же время возглавлял борьбу с голодом и детской беспризорностью. Впоследствии ветеран комсомола Алимгерей Ершин вспоминал: «...После приезда в Ташкент Валериан Владимирович большое внимание уделял работе Центральной комиссии по оказанию помощи голодающим (ЦК Помгол) и комиссии по борьбе с детской беспризорностью. Его указания выполнялись всеми безоговорочно и немедленно:

- передать все свободные и не занятые другими учреждениями в Ташкенте, национализированные и конфискованные губернаторские, княжеские и купеческие дома и дачи создаваемым детдомам и интернатам для беспризорных детей;

- передать частично, а впоследствии полностью весь продовольственный и промышленный товарный фонд ЦК Помгол ТуркЦИК на содержание и обмундирование обездоленных детей.

А фонды эти были довольно большие: нам, например, было отпущено только одной кустарной узбекской маты, фабричного коленкора, сукна и других материалов до двух миллионов метров и десятки тысяч тонн риса, сахара, фруктов, не говоря уже о скоропортящихся продуктах — мясе, рыбе и т. д.

В. В. Куйбышев строго контролировал нашу работу, часто приглашал к себе представителей органов просвещения, соцобеспечения, воспитателей детских домов и интернатов. Он сам лично занимался мобилизацией коммунистов, комсомольцев, членов профсоюзов на борьбу с детской беспризорностью. Валериан Владимирович постоянно с любовью говорил о работе комсомольцев... Гани Муратбаев не раз вместе со мной бывал на таких совещаниях и на приеме у В. В. Куйбышева».

Позднее, весной 1920 года, Гани едет читать лекции в Джетысайскую область — вопросы просвещения стояли не менее остро, чем проблема детской беспризорности. В первую очередь это касалось окраин Туркестана, таких, например, как глухое Семиречье. Уполномоченный Реввоенсовета Дмитрий Фурманов неоднократно телеграфировал из Верного (Алма-Аты) на имя Фрунзе и Куйбышева: «Семиречью следует дать просвещение в срочном порядке и преимущественно перед другими областями, так как события здесь будут будоражить мусульман всего Востока». «Просвещение мусульман стоит впереди всех вопросов, кроме вопросов экономического благополучия...» Фурманов настойчиво просил: ускорьте присылку учителей, лекторов, агитаторов, тех, кому надлежало вести пропаганду среди казахов, киргизов, уйгуров.

Шариф Забиров, один из организаторов комсомола Семиречья и близкий друг Гани, вспоминает: «...В первые дни мая 1920 года Николай Фокин и я были

вызваны в ЦК Компартии Туркестана. Когда пришли туда, там уже оказались многие ответственные работники партийно-советских, профсоюзных органов, Народного комиссариата просвещения республики. Мы были коротко проинформированы о сложной обстановке в Семиречье, о том, что там уже находится бывший начальник политотдела РВС Туркфронта Д. Фурманов и что нам, представителям различных ведомств и общественных организаций, следует подобрать к отправке для работы в Семиречье лучших коммунистов и комсомольцев. Когда мы вернулись в ЦК комсомола и собрали членов исполнительного бюро, Первым назвали имя Гани, ибо были уверены, что он всегда готов идти в огонь и в воду ради защиты интересов Советской власти. И он оправдал наше доверие. В Семиречье Гани не только читал лекции, но и непосредственно принимал участие в развитии и укреплении только что зародившейся там областной комсомольской организации, помогал Д. Фурманову в проведении агитационно-массовой работы среди местного населения и в воинских подразделениях, состоящих из казахов, киргизов, уйгуров, дунган. Вместе с организаторами семиреченского комсомола Ш. Ярмухамедовым, Д. Бендюковым он принял участие в подавлении известного кулацко-контрреволюционного мятежа, возникшего в Верном в июле 1920 года».

В книге «Мятеж», написанной по горячим следам событий в Верном, Дмитрий Фурманов во всех подробностях описал свое путешествие по Ташкентскому тракту в Семиречье, в «дыру», в «глухую трущобу», «чертово пекло». Спустя два месяца вслед за отрядом Фурманова отправился Гани Муратбаев. В ту пору поезда шли лишь до станции Бурной. Остальные шестьсот верст предстояло одолеть на перекладных, по рытвинам и ухабам, через горы, ущелья, камнепады, бурные реки. За год, проведенный в пыльном Ташкенте,

год, наполненный до отказа выступлениями перед рабочими, встречами в горкоме комсомола, бессонными бдениями над учебниками, Гани отвык от красоты природы. Теперь он с наслаждением вдыхал целительный воздух тянь-шаньских предгорий, подолгу засматривался на снежные пики вдали, вознесенные к ультрамариновому небу. Много он увидел на томительном пути к Верному, о многом передумал. Как и в родном Казалинском уезде, здесь на первый взгляд пока еще мало что изменилось после революции. Запуганный баями, басмачами, народ молчал, затаился, как бы чего-то выжидая. Все так же выкупали невест за калым, пасли господские отары, все так же умирали от голода, болезней, нищеты. Но зорким глазом потомственного кочевника замечал Гани и другое: в одном селении провожают в Красную Армию сыновей, в другом косят сено в угодьях сбежавшего в Китай атамана, в третьем однорукий солдат-красногвардеец учит односельчан штыковому бою, в четвертом бедняки поголовно вступили в партию.

Мысленно Гани поднимался над этими взгорьями, озерами, падами и созерцал всю свою многострадальную, прекрасную родину. Плескался Балхаш на севере; на востоке, в выжженных песках, лежала, как ветвь саксаула, река Или; Тянь-Шань на юге слепил белизною вечных снегов; самумы на западе клубились. Гани пытался представить, как изменится лик этой земли, какие города и дворцы возникнут в диких степях.

Он приехал в Верный и угодил в пекло — надвигался мятеж семиреченского кулачества и бывших белогвардейцев, проникших в части Красной Армии.

«Я до сих пор отчетливо вижу, как Гани впервые пришел к Дмитрию Андреевичу, — рассказывает Лидия Августовна Отмар-Штейн, в свое время личный секретарь Фурмапова. — Совершенно неожиданно в

конце рабочего дня появился в приемной, где я сидела, незнакомый мне молодой человек и, вежливо поздоровавшись, назвал себя Муратбаевым. Он сказал, что приехал из Ташкента, комсомолец и что обязательно должен поговорить с Фурмановым. Я пошла к Дмитрию Андреевичу и доложила его просьбу. Фурманов распорядился: «Немедленно води его ко мне».

Я должна сказать, что этот незнакомый молодой человек на меня произвел впечатление: у него были очень яркие, умные, вдумчивые глаза, какой-то он был весь напряженный, целеустремленный и в то же время твердый. Первое впечатление о нем не обмануло меня. В этом я убедилась в дни июньского мятежа верненских контрреволюционеров. Он длился семь дней и семь ночей. В день начала мятежа в городском сквере состоялся митинг молодежи, где выступали Фурманов, Муратбаев, Шегабутдинов. Между прочим, Дмитрий Андреевич очень серьезно относился к выбору ораторов, которые могли бы заразить массу и объяснить ей, кто и почему поднял руку на Советскую власть. Муратбаев и Шегабутдинов были Фурмановым привлечены к выступлению, как люди, которым он доверял и которые стояли на правильных партийных позициях. Муратбаев выступал страстно, и, мне кажется, он убедил собравшихся с оружием в руках защищать завоевания трудящихся от врагов, так как, за исключением отдельных отщепенцев, почти все комсомольцы города встали на сторону горстки большевиков во главе с Фурмановым...»

Участник этого митинга Шаяхмет Ярмухамедов писал: «...В начале 20-х годов на формирование нашего мировоззрения огромное влияние оказывал Д. А. Фурманов... Работа Фурманова и армейских большевиков среди молодежи сыграла решающую роль

в определении отношения комсомольской организации к мятежу.

Дни мятежа были критическими. Как известно, часть городской парторганизации оказалась на стороне мятежников, и только ее лучшая часть (Розыбакиев, Джандосов и другие) пошла с Фурмановым. Перед комсомольцами встал вопрос: как быть, с кем идти? Для обсуждения этого вопроса было созвано городское собрание молодежи. На этом собрании после горячих выступлений Гапи Муратбаева, Даниила Бендюкова, Бари Шегабутдинова договорились: к мятежникам не пойдем, будем поддерживать Фурманова...»

В дни мятежа выявились лучшие качества Гани: смелость, находчивость, способность мгновенно принимать верное решение. Поддерживая Фурманова, и он, и его друзья рисковали, по существу, своей жизнью: гарнизон взбунтовался, город был наводнен уголовниками, кулаками, мародерами. Скорой помощи ждать было неоткуда. Вот тогда, постоянно находясь рядом с Фурмановым, убедился Гани в том, как важно руководителю народных масс быть разносторонне образованным, политически зрелым. Соверши Дмитрий Андреевич малейшую ошибку в единоборстве с клокочущей страстями наэлектризованной провокаторами толпой — и все было бы кончено. Волны мятежа далеко раскатились бы по Семиречью, стихия разрушения разгулялась бы вовсю.

И другое понял Гани: ему следовало не только просвещать других, но и самому продолжать учебу. Вернувшись через три месяца в Ташкент, он с радостью узнал об открытии здесь Среднеазиатского университета. Советская власть начала войну, рассчитанную на долгие годы вперед, — войну за народное образование.

В конце сентября 1920 года Гани Муратбаев расклеивает на столбах и заборах декрет о ликвидации неграмотности среди населения. Пока он обмакивает кисть в ведро с клеем, пока расправляет лист серой бумаги, за его спиной неизменно останавливаются прохожие. Среди них и степенные аксакалы, убеленные сединами, и дехкане окрестных кишлаков, приехавшие на базар, и беспризорники, и даже покрытые чадрой женщины. Люди недоверчиво выпытывают у Гани:

— Эй, бала^[30], говорят, там написано, что в школу будут водить под конвоем?..

— А вот мой дед совсем не знал грамоты и прожил сто семь лет. Зачем же мне идти в школу?..

— Говорят, не станешь учить русский язык, в Сибирь отправят на поселение...

Гани зачитывает вслух декрет, потом терпеливо разъясняет каждому, что к чему. Одни ему верят, другие уходят в сомнения: шутка ли дело, дожив до седых волос, садиться за букварь...

Как ни сожалел Гани, с мечтой о поступлении в университет в этом году пришлось распрощаться. Сначала надо было завершить среднее образование. Сразу же Гани поступил в школу. Там среди прочих преподавали и общественные науки — историю социализма, политэкономию.

Каждый день, закончив занятия, он спешил в горком узнать, не возвратились ли из Москвы его друзья: Шаяхмет Ярмухамедов, Даниил Бендюков, Юсуп Абдурахманов, уехавшие на третий съезд комсомола. Наконец они вернулись в начале ноября, и Гани забросал их вопросами: что происходило на съезде? О чем говорил Ильич? Как выглядит Москва?

Прочитав речь Ленина, он надолго задумался, а потом сказал:

— Ребята, многие ли в Средней Азии знают русский язык? Немногие. Считанные единицы. Значит, бесценный ленинский документ надо перевести, притом незамедлительно, и на казахский, и на узбекский, и на киргизский, и на туркменский. Я за перевод на казахский примусь сегодня же. Если что будет непонятно, посоветуюсь с вами.

Заповеди Ильича молодежи Гани переводил, вникая в каждое слово, подолгу выверяя смысл каждой фразы, каждого абзаца. Медленно, строка за строкой, ложилась на бумагу арабская вязь. Порой он зачеркивал только что написанную страницу и начинал все заново. Он хотел, чтобы живое ленинское слово пришло к народным массам во всем его своеобразии, точности, политической страстности.

Поначалу он рассчитывал управиться с переводом за две-три недели. Но вот миновал месяц, потом другой, а работа едва-едва близилась к концу. И тут новое важное событие нарушило все планы Гани.

Стояла ранняя весна. Уже набирали силу южные ветры. В оврагах, на косогорах мальчишки поджигали прошлогоднюю траву — она сгорала мгновенно, как порох. Гани смотрел из окна школы на ажурную вязь карагачей с распускающимися почками, на ручьи, где отражались облака, белые, как коробочки хлопка.

— Муратбаев, Муратбаев! — вывел его из задумчивости голос учителя. — Ты что, не слышишь? Тебя в ЦК комсомола вызывают. Как когда? Прямо сейчас и вызывают. Ступай. А портфель можешь пока оставить в школе.

Перепрыгивая лужи, единоборствуя с непролазной грязью, заполнившей даже центральные улицы, Гани недоумевал, зачем и кому он мог так скороспешно понадобиться. Тем более был он удивлен, когда машинистка — быстрая, подвижная, с венцом русских

волос — раскрыла перед ним двери кабинета ответственного секретаря.

— А он один там? — успел шепнуть Гани девушке, заговорщицки кивнув на дверь.

— Один, один. И давно уж тебя ждет. Приготовься к повышению.

Последних слов Гани не разобрал, поскольку дверь за ним уже закрылась.

Он давно знал Николая Фокина, не раз встречался с ним по самым разным делам и потому, войдя, поздоровался и тут же спросил, слегка улыбаясь:

— В чем дело, Коля? Опять ехать в Верный или разгонять басмачей?

— Мятежи, басмачи — это одно, — в тон ему ответил Фокин. — Тебе же, друг, пришла пора заняться... — Он порылся в бумагах на столе и раскрыл голубую папку. — Прочти, пожалуйста, подчеркнутое.

— Да это же резолюции третьего съезда комсомола. Я их и без того знаю почти наизусть.

— Читай, читай. Теперь тебе частенько придется туда заглядывать.

— «Комсомол... — медленно начал Гани, — в своей работе среди национальных меньшинств стремится прежде всего к поднятию общего культурного и политического уровня молодежи и к самому тесному сближению между собой молодежи различных национальностей. Исходя из этого, формы нашей работы среди национальных меньшинств должны, с одной стороны, дать полную возможность молодежи различных национальностей развиваться в политическом и культурном отношении, с другой — не носить характера национальной замкнутости и обособленности, а, наоборот, способствовать единению в Союзе молодежи различных национальностей... В целях выполнения этих задач при местных комсомольских органах создавать комиссии, секции по

работе среди молодежи той или другой национальности...»

— Дальше можешь пока не читать, — сказал Фокин. — Так вот, с сегодняшнего дня бюро по работе с киргизской и казахской молодежью надлежит возглавить тебе. Комната здесь, в ЦК, тебе уже выделена, завтра и приступай к работе.

— А как быть с занятиями в школе, с переводом речи Ильича? — запротестовал было Гани, но секретарь нетерпеливым жестом остановил его.

— Учиться будешь по вечерам, как и все мы учимся. Что же касается ленинского выступления на съезде, тебе пора уже заканчивать перевод. Давно пора. И сразу в печать. Кстати, сегодня же наметь программу действий на ближайшие два-три месяца. Как по-твоему, что сейчас важно для нашей работы не только в городах, но и в глубинке, в дальних аулах, кишлаках?

Гани помолчал, а потом, все более увлекаясь, заговорил:

— Главное — создать на местах крепкую комсомольскую ячейку. Ведь что теперь творится — голова идет кругом. Басмачи, вредители, агенты контрреволюции, а с другой стороны — остатки разных организаций, кружков и кружочков с буржуазно-националистским уклоном. Ты думаешь, недобитые националисты на своих сходках только тем и занимаются, что поют народные песни да говорят о культурной революции? Э-э, не только об этом. Песенки их совсем о другом. Норовят не только духовно, но и территориально отгородиться от России. Вековой гнет, мол, господство тиранов. А того не понимают, что без России, без Советской власти были бы они все жалкими рабами до скончания веков. Об этом следует говорить в народе. Для этого нам нужна повсеместно крепкая комсомольская ячейка.

Пока Гани говорил, Николай Фокин внимательно к нему приглядывался. Он и раньше неоднократно удивлялся, какой силой убеждения обладает этот внешне неказистый, щуплый паренек. Теперь же секретарь ЦК понял окончательно: комсомол не ошибся в выборе, новый председатель бюро неплохо разбирается в национальных проблемах.

— И вот еще что, — сказал Фокин, прощаясь с Гани. — Скоро в Туркестане начнут выходить молодежные газеты. Казахскую будешь редактировать ты. Если встретятся в чем-либо трудности, обязательно заходи ко мне. Днем, вечером, ночью — все равно заглядывай. А теперь иди бери ключ от своего нового кабинета, начинай действовать.

Дел на новой должности оказалось невпроворот. Из разных мест приходили вести одна тревожней другой. То вдруг возникнет в районе кружок мусульманской молодежи, а ежели копнуть, то никакой это вовсе не кружок, а антисоветское сборище. То жалуются на муллу, который под угрозой проклятия запретил сдавать излишки хлеба безбожникам-большевикам. То не хотят без калыма отдавать замуж девушку. То, не желая учить детей в школе, насильно увозят их в горы, в глухие медвежьи углы. Гани приходилось уговаривать, приказывать, кричать, порою даже угрожать. Напряженно, день за днем, в недосыпании и недоедании текла жизнь Гани.

Но он горячо верил в силу комсомола, высоко оценивал ответственную роль каждого комсомольца.

Вот один из таких документов, в составлении которого, возможно, принимал участие и Гани Муратбаев.

«Наказ

Центрального Комитета комсомола Туркестана
студенту института просвещения комсомольцу Marry

Масанчину, отъезжающему в Семиречье на летние каникулы:

1. Где бы ни находились, Вы должны установить тесную связь с местной организацией Союза и оказывать ей деловую помощь.

2. Вы, как комсомолец, не имеете права возвратиться в свое учебное заведение после каникул, не сделав что-либо на местах пребывания для поднятия культурного уровня... молодежи.

3. После Вашего пребывания в аулах и кишлаках должна остаться память в виде школы грамоты, красной чайханы с газетой и литературой. Вы должны пробудить у местной молодежи желание познать окружающий мир и стать сознательным строителем нового общества.

4. То, что Вы сумеете выполнить во время каникул, будет служить мерилom Вашей способности быть в будущем сознательным борцом с темнотой и настоящим работником по поднятию культурного уровня трудящихся Туркестана».

Так на заре нового мира начиналась борьба за будущее, за переустройство общественных отношений. Она начиналась в ту пору, когда, казалось бы, нельзя было помышлять ни о чем другом, кроме удовлетворения самых простых нужд. Империалистическая и гражданская война оставила после себя голод, запустение, разруху, безнадзорных стариков и детей. «Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве»^[31] — наставлял Ильич молодых строителей социализма. Великий вождь прозорливо понимал, что такую задачу можно решить только одним

путем: нести в парод свет знаний. И Гани Муратбаев был одним из тех, кто считал своим гражданским долгом объяснить величие ленинских идей многим миллионам простых тружеников Востока.

По воспоминаниям и ныне здравствующего Жумагали Есеусизова, обстоятельства появления на свет исторической речи вождя в казахском переводе были таковы.:

«Стояла весна 1921 года. Не было ни бумаги, ни средств. Но Гани все это сумел достать. Теперь нужно было найти человека, который умел бы писать грамотно и красиво. Гани из числа немногих грамотных казахских комсомольцев избрал Рахата Тулешова. Писал Тулешов тушью на камне, с которого потом с большим трудом делал оттиски. Гани не знал покоя сам и постоянно подгонял нас, пока не были сброшюрованы первые экземпляры, которые Муратбаев вручил всем, кто принимал участие в издании...»

Другому ветерану комсомола, Оспану Кашкынбаеву, тоже довелось работать с Гани Муратбаевым. В его воспоминаниях есть интересный эпизод:

«В 1920-1921 годах я учился в Ташкентском казахско-киргизском институте просвещения. В начале апреля 1921 года я и мой сокурсник Рустембек Кыстауов были приглашены в ЦК комсомола Туркестана к Муратбаеву. Когда мы явились к нему, то увидели, что в его кабинете находится много других студентов — казахов, киргизов, которые учились в других учебных заведениях Ташкента. Гани был немногословным. Он прямо начал с того, что в кочевых аулах Сырдарьинской и Семиреченской областей, по существу, нет ни одной постоянно действующей комсомольской ячейки и некому заниматься политико-просветительной работой среди молодежи. ЦК комсомола предлагает нам в период летних каникул выехать в Верный, Аулие-Ату (Джамбул), Перовск (Кзыл-Орду), Казалинск, Чимкент и

оказать помощь уездно-городским комитетам комсомола в создании комсомольских ячеек в кочевых аулах, проведении агитационно-массовой работы. Перед нами была поставлена еще одна важная задача: принять активное участие в сборе продовольствия для голодающих. Дело в том, что 1920-1921 годы были неурожайными, в стране, особенно в Центральной России, Поволжье, западных областях Казахстана, царил голод, и партия поставила перед Туркестанской республикой задачу снабдить их продовольствием.

15 апреля 1921 года мы выехали на место. Перед отправкой сфотографировались вместе с Муратбаевым. Этот снимок до сих пор бережно хранится у меня. Я с Рустем-беком Кыстауовым был направлен в распоряжение Казалинского уездно-городского комитета комсомола. Нам в основном пришлось работать среди молодых аральских рыбаков. Мы создали несколько комсомольских ячеек и снарядили эшелон с рыбой, который в 1921 году был отправлен в Москву.

Я часто перечитываю знаменитую телеграмму В. И. Ленина аральским рыбакам, в которой он благодарит их за помощь голодающим, и вспоминаю боевые комсомольские будни тех лет».

На борьбу с голодом, который распространился по всему Казахстану и по низовым губерниям Поволжья, были мобилизованы все делегаты первого съезда комсомола Казахстана (съезд состоялся в Оренбурге в июле 1921 года). Естественно, прежде всего надлежало позаботиться о детях. Положение было катастрофическим. Грязные, оборванные подростки, тысячами толпами стремившиеся добраться в Ташкент — город хлебный, нигде не могли найти пристанища и пропитания. Приходилось скороспешно организовывать детские дома, коммуны, интернаты, открывать биржи труда, ячейки содействия, заботиться о 6-часовом

рабочем дне для несовершеннолетних и т. д. Теперь-то Гани Муратбаеву и его сподвижникам пригодился опыт подобной работы под руководством В. В. Куйбышева!

«Мы еще не успели ликвидировать последствия голода в Туркестане, как эта беда нагрянула в северо-западные районы Казахстана, — делился воспоминаниями Алимгерей Ершнп, бывший в те времена членом правительственной комиссии по оказанию помощи голодающим детям. — Комсомольцы Туркестана сразу откликнулись на просьбу своих сверстников помочь им в борьбе с голодом детей. Опираясь на помощь компартии и правительства края, изъявивших готовность принять на попечение Туркестанской республики не менее 100 тысяч человек голодающих из Казахстана, мы наряду со сбором от населения продуктов питания, одежды организовали новые детские дома и интернаты. Если в Ташкенте до начала 1921 года было всего 4 интерната, то в течение года стало 14, где воспитывались около 9 — 10 тысяч ребят.

Комсомольцы Казахстана и Туркестана совместно организовывали рейды по железной дороге от Чимкента до Оренбурга, собирали беспризорных, умирающих на дорогах детей, подростков и доставляли их в Ташкент и другие районы Средней Азии.

В течение 1921–1922 годов нами было вывезено из Казахстана на 24 санитарных поездах около 17 тысяч детей».

Прошло полгода с тех пор, как Гани Муратбаев возглавил бюро по работе с казахской и киргизской молодежью. В отчетном докладе III съезду комсомола Туркестана ответственный секретарь Николай Фокин, рассказав о плодотворной деятельности бюро, особо отметил самого Гани, его умение сплотить молодежь, его авторитет среди товарищей. Несколько позднее делегат съезда Мария Потрепалова писала в

казахстанской газете «Комсомолец»: «Собрались мы на съезд еще неопытные, еще неумело нащупывающие формы работы комсомола в условиях начавшейся новой экономической политики.

Помню, как оживилось и закипело все с появлением Гани. Будучи сильной натурой, он внес много нового в работу комсомола Туркестана.

Где бы ни появлялся тов. Гани, там сразу оживлялась и поднималась работа. Вся его сила воли была отдана организации...»

На своем заключительном заседании съезд единодушно проголосовал за избрание Муратбаева членом Центрального Комитета КСМ Туркестана.

Вскоре только что избранный секретарь уезжает на IV съезд комсомола в Москву. Красная столица оставила в душе Гани впечатление неизгладимое, восторженное.

Гани сожалел, как коротко, мимолетно это свидание с Москвой — время на съезде было расписано буквально по минутам. На съезде он познакомился с Петром Смородиным, Николаем Чаплиным, Александром Мильчаковым. Гани рассказывал им о положении дел в Средней Азии, интересовался, какие изменения внесет в деятельность молодежных организаций новая экономическая политика. После нескольких таких встреч его новые друзья сразу же отметили в нем все то, что обычно выделяло Гани: его недюжинный ум и начитанность.

Когда съезд закрылся, Гани отыскал в президиуме Петра Смородина, поздравил его с избранием генеральным секретарем и начал торопливо прощаться.

— Постой, как так уезжаешь? — удивился Петр. — Да ты же собирався денька три-четыре побродить по Москве, в библиотеках посидеть. Оставайся. Гостиница за тобою забронирована. Расскажешь поподробнее о туркестанских делах.

Гани достал из кармана вчетверо сложенную телеграмму, помахал ею в воздухе.

— Не могу, друг. Вот известие пришло: басмачи оживились, сволочи. В Самаркандской области банды настолько осмелели, что многие комсомольские ячейки либо самораспустились, либо ушли в подполье. Так что басмачам надо дать по зубам, да основательно. Потому сегодня и уезжаю.

Сморозин помрачнел и сказал:

— В подполье, говоришь, силятся загнать комсомолию? Кукиш с маслом, ничего у них не выйдет. Езжай, Гани. Со своей стороны, мы кое в чем тебе поможем. О том, как развернутся события, докладывай регулярно, притом лично мне. Ну прощай. Мы с тобой не раз еще свидимся, помяни мое слово.

Возвратившись в Ташкент, Гани узнает, что басмачество разгулялось вовсю. А в Ура-Тюбинском районе шла настоящая война между ними и отрядами ЧОНа. Гани тут же принимает решение: немедленно ехать в Самарканд. В мандате, выданном ЦК Компартии Туркестана, Муратбаев наделялся чрезвычайными полномочиями.

«Муратбаев Гани командирится в Самарканд как представитель Центрального Комитета КСМТ при Самаркандском областном комитете КСМТ.

Тов. Муратбаев имеет право приостанавливать постановления обкома, распускать и создавать организации, делать переброску работников как в Самаркандской области, а также и в распоряжение ЦК...»

Он приехал в древний город поздно вечером. На фоне звездного неба чернели купола, минареты. Улицы были безлюдными, ничто не нарушало глухой, давящей тишины. Казалось, город вымер. Однако в горькоме несколько окон светились, там мелькали какие-то тени. Гани легко взбежал по ступеням. Навстречу ему уже

спешил здешний секретарь, распахнув как для объятий короткие руки.

— Не обессудь, Гани, что не встретили, мы ждали тебя завтра утром, — начал было он, но осекся под пристальным взглядом Муратбаева.

— Значит, в подполье уходят ячейки? Стало быть, как мыши будем прятаться от басмачей, разбежимся по норам, да? На нелегальное перейдем положение, да? В колодцах высохших, в пещерах, в шалашах укроемся? — Вопросы, задаваемые Гани, падали жестко и резко.

Секретарь начал оправдываться, ссылаясь на нехватку людей, оружия, продовольствия, на коварство подлых врагов.

— Лошади к утру найдутся? — спросил Гани. — Свежие, заседланные, и не клячи какие-нибудь, а настоящие скакуны?

— Сколько лошадей?

— Чтобы хватило на всех, кто завтра ровно в пять ноль-ноль поскачет вместе со мною в Ура-Тюбе. В том числе и о себе позаботься — поедешь моим заместителем.

Секретарь побледнел, нагнулся к Гани и зашептал на ухо:

— Вчера там опять двух учителей убили. А на прошлой неделе шестерых красноармейцев. Поймали их у реки и... — Он оттопырил указательный палец и провел им по горлу.

Гани сощурил глаза и отрезал:

— Значит, договорились. Выступаем в пять ноль-ноль. А ты уж сам реши, какой компанией нам ехать — вдвоем, впятером, вдесятером. Тебе виднее. И не забудь — по приезде в район сразу же, в тот же день организуем боевой отряд.

Вскоре главари басмаческих банд почувствовали, что обстановка складывается далеко не в их пользу. Бывший командир красных конников, сражавшихся

тогда в Ура-Тюбинском районе, а ныне старейший художник, заслуженный деятель искусств Валентин Антощенко-Оленов во всех подробностях помнит, как с появлением отряда, возглавляемого Гани Муратбаевым, наметился перелом в безуспешной дотоле борьбе с контрреволюционерами. Перелом произошел прежде всего потому, что ряды красноармейцев начали пополняться местной молодежью, которая хорошо знала все уловки басмачей.

«Комсомольцы-добровольцы воевали с врагами отчаянно. Мне особенно запомнился случай, когда один из них с юной супругой, тоже комсомолкой, до последнего патрона отстреливались от озверелых басмачей и погибли. Жаль, что тогда я не записал их имена в свой неизменный спутник — дневник. Наконец Ура-Тюбинский район был очищен от басмачей, и по всей Самаркандской области установилось относительное спокойствие, люди вновь приступили к мирному труду».

...Однако и мирный труд в условиях нэпа давался нелегко, особенно для батрацкой, дехканской молодежи, которая снова попала в зависимость от своих прежних хозяев. 17 марта 1922 года, выступая на I конференции КСМТ, Гани Муратбаев говорил: «Задача комсомола — объяснить молодым дехканам, что нэп — это временное явление. Надо во что бы то ни стало восстановить народное хозяйство. Для этого требуется от них терпение и организованность». Развивая эту мысль, Гани отметил, что нэп отразился не только на экономическом положении молодежи, но и привел к ряду идеологических, духовных сдвигов, к оживлению внутренней контрреволюции. Следовательно, комсомольским организациям надлежало решительно вести борьбу с нездоровыми настроениями, усилить разъяснительную работу среди широкой массы трудящейся молодежи, принять меры к укреплению

рядов комсомола, направить все силы на восстановление народного хозяйства республики. В заключение Гани предложил почтить вставанием память комсомольцев, погибших в борьбе с басмачами.

Гани недаром призывал к укреплению рядов комсомола. Часто в Союз молодежи старались пролезть сынки феодалов, крупных промышленников — для них это было удобным поводом «деклассироваться», «смешаться с народом». С другой стороны, порою в комсомол принимали тех, кто даже отдаленно не представлял себе его целей и задач.

«У нашей трудящейся молодежи еще недостаточно развито классовое самосознание, — писал Гани Муратбаев в одной из своих статей. — Она в большинстве инстинктивно стремится в комсомол. В этом отношении более революционным элементом является рабочая, батрацкая и дехканская молодежь. Трудящаяся молодежь видит в комсомоле не только своих защитников в экономическом отношении, но и в духовном. Она знает, что комсомол дает ей знания, общественное развитие и политическое воспитание... Быть членом комсомола для них — великая честь».

В мае 1922 года, незадолго до открытия II Всероссийской конференции комсомола, в кабинете Куйбышева (он был в то время секретарем ЦК партии) обсуждалось предложение о необходимости создать Среднеазиатское бюро ЦК РКСМ.

— Кого предлагаете ввести в состав нового бюро? — спросил Валериан Владимирович у Петра Смородина. Тот отвечал не раздумывая:

— Прежде всего Муратбаева Гани. Он в прошлый приезд в Москву рассказывал мне о борьбе с басмачами, об особенностях нашего движения в Туркестане. Так я его, Валериан Владимирович, слушал часа полтора не

перебивая. Светлейшая голова. У нас на окраинах подобных вожаков раз-два, и обчелся.

— Я хорошо знаю Гани еще по Ташкенту, — улыбнулся Куйбышев. — Да и Фурманов не раз его вспоминал: оказывается, однажды в Верном Гани прочитал красноармейцам целую лекцию об исторической миссии русского народа в деле революционного освобождения Востока. Да, оратор он первостатейный — и звонкоголос, и остроумен. К тому же и работник отменный. — Куйбышев быстро записал что-то в календаре. — Кстати, пригласите его завтра утром ко мне. Нужно будет привлечь Гани к разработке положения о Среднеазиатском бюро. Теперь переходим к следующим кандидатурам...

В постановлении ЦК РКСМ о создании Среднеазиатского бюро, в частности, говорилось:

«Среднеазиатское бюро объединяет союзные организации Туркестана, Хивы, Бухары и имеет свои задачи:

а) руководит работой этих организаций, как полномочное представительство ЦК РКСМ в Средней Азии, ответственное за постановку союзной работы в них, на основе постановления конгрессов КИМа, Всероссийских съездов и конференций РКСМ, применяя их к местным социально-бытовым и культурно-политическим условиям;

б) направляет практическую деятельность центральных комитетов Туркестана, Бухары, Хивы, концентрирует опыт их деятельности, поддерживает тесную связь этих организаций с ЦК РКСМ...»

Создание Среднеазиатского бюро было ответом партии и комсомола национал-уклонистам всех мастей, которые настойчиво проповедовали теорию пантюркизма. По их взглядам, среди местного коренного населения в Средней Азии не было классовых противоречий, точно так же как не существовало

национальностей, а был единый тюркский народ. Некоторые горе-теоретики договорились до того, что потребовали официально назвать коммунистическую партию «тюркской». Оппозиционеры пытались подорвать в глазах трудящихся освободительный характер Великой Октябрьской социалистической революции, опорочить ленинскую национальную политику. И порою им это удавалось. Сказывалась отсталость широких народных масс (в Туркестане, например, было всего 3 процента грамотных). Важно было противопоставить мелкобуржуазной идеологии политику равенства и дружбы всех без исключения народов, наций, племен. Этой задаче была подчинена деятельность всех комсомольских организаций.

В документе, вошедшем в историю туркестанского комсомола под названием «Тезисы тов. Муратбаева», есть замечательные строки, не утратившие своей актуальности и по сей день:

«а) считать главной задачей КСМТ скорейшее оформление Союза, как организации трудовых слоев молодежи, прилагая усиленные меры к внедрению в ее сознание общности интересов трудящихся, что может обеспечить интернациональное воспитание;

б) ознакомить массы членов КСМТ с революционными движениями российского и международного пролетариата, с историей и программой РКП (б), юношеского движения в различных странах, Октябрьской революцией по отношению к ранее угнетенным нациям, систематически ставя эти вопросы на собраниях ячеек, секретарей, организаторов кружков и т. д.».

За год, прошедший после организации Среднеазиатского бюро, Гани исколесил буквально всю Среднюю Азию. В Киргизии, Казахстане, Туркмении, Таджикистане, не говоря уже об Узбекистане, — везде он оставил о себе добрую память. Он поднимался на

джайляу — высокогорные пастбища, пересекал пустыни, переправлялся через бурные, стремительные реки.

После того как Гани побывал в Пишпекском уезде, в семиреченскую областную газету «Тилши» прислал письмо батрак Тастанбек Сулейменов: «Вот уже три-четыре года, как организация коммунистической молодежи расправила свои крылья в Семиречье. Раньше мы знали только название этой организации, но не знали, что она из себя представляет, потому что в нее влезли байские сынки, и в организации молодежи до осени текущего года не чувствовалась ее классовая сущность.

Мы и раньше слышали, что у нас есть руководители, которые заботятся о нуждах и интересах батрацкой молодежи и что они организуют бедняцко-батрацкую молодежь вокруг комсомола. Мы же, все еще находясь в бесправном состоянии, думали идти к ним с жалобой на нашу горькую долю.

В начале августа 1923 года в Пишпекском уезде побывали прибывшие из Ташкента товарищи Муратбаев и Амиров. Они проверили социальный состав ячеек. Они подолгу беседовали с членами союза, разъясняли нам необходимость сплочения бедняцкой молодежи вокруг комсомола.

Бедняцко-батрацкая молодежь становится сознательной, она войдет в союз и будет стремиться к утверждению классового сознания. Принимается за дело батрацкая молодежь и других местностей».

Гани был деятелен, неутомим, пренебрегал отдыхом, покоем, вдохновлял своим примером и других. Все удивлялись его железному здоровью, и только один Гани знал, чего стоит казаться на людях богатырем, а по ночам сдерживать кашель, рвущийся из груди. Эти хрипы и свисты в легких он заметил уже давно, но поначалу не придавал им никакого значения: обычная

простуда, думал он, выпить горячего чая с медом, отоспаться — и как рукой все снимет. Но боль в груди все чаще напоминала о себе, и однажды, отирая платком рот, он заметил на платке кровь. Взял ненадолго отпуск (стояла весна 1923 года), съездил в родной Казалинск, повидал друзей детства, отдохнул от забот. Кашель вроде бы прошел. А потом Гани опять забыл о себе в сумятице бесчисленных выступлений, переездов, заседаний.

«...Шаг за шагом мы упорно двигаемся вперед к той цели, которая всегда стоит перед нами. Пять лет борьбы и работы дали нам многое, мы многому научились, многое получили и многое получим в будущем. Мы прекрасно знаем, что все, что мы получили и получаем, добыто передовой группой, отдавшей все, что можно дать, в первые дни борьбы и работы славного комсомола. В этой группе состоишь и ты. Первые дни работы, первые тяжести легли на твои плечи; ты с честью их вынес и смело несешь вперед славное знамя комсомола...»

Эти строки взяты из поздравительного адреса руководителей Туркменской областной организации, посланного Гани Муратбаеву 29 октября 1923 года, в день пятилетнего юбилея комсомола.

Тогда же вожак туркестанского комсомола в статье «На грядущие победы», которая была опубликована в газете «Юный Восток», писал: «...Задачи привлечения молодежи в ряды комсомола, участие ее в гражданской войне, организация революционного молодняка являлись задачами громаднейшей сложности и трудности. Территориальная распыленность, национальная разнородность, экономическая и культурная отсталость Туркестана, влияние байских элементов и духовенства тормозили работу комсомола. В институтах просвещения, в интернатах, среди детей

улиц стали появляться первые комсомольские ячейки. Теперь это область воспоминания. Теперь мы имеем определенные задачи, оформленные организации, мы крепким фронтом двинулись на борьбу за знания, и это захватило всю молодежь... В этом многим помог РКСМ.

Если мы сейчас имеем крепкий комсомол, если движение молодежи докатилось до Памира, захватило высокие горы и широкие степи Туркестана, если мы стали действительным авангардом на Востоке, то в этом еще раз сказалась победа и мощность Российского Союза Молодежи...

В дружном единении мы вместе закрепляем позиции Октября и поднимаем факел пролетарской революции в угнетенных восточных окраинах.

Вместе идем мы на грядущие победы — в этом наша сила и крепость...»

Беда нагрянула поздней осенью 1923 года. Ветреным, пасмурным днем у Гани пошла горлом кровь. Врачи были единодушны в диагнозе: туберкулез. Сказалось нечеловеческое напряжение последних лет, бесконечные командировки, хроническая бессонница. В санаторий Гани отказался поначалу ехать наотрез, слишком много было дел. И все же ему пришлось в конце концов уступить. Но и оказавшись на лечении в Сухуми, он постоянно держал связь с Ташкентом и Москвой.

Из Москвы шли тревожные вести.

5 декабря 1923 года Лев Троцкий вкупе со своими единомышленниками выступил с фракционным манифестом против генеральной линии ЦК, озаглавленным «Новый курс». 9 членов ЦК РКСМ — Смородин, Леонов и другие — немедленно опубликовали в «Правде» письмо «О двух поколениях», где дали достойную отповедь политическим отступникам в комсомоле, которые пытались обвинить

старые большевистские кадры в буржуазном перерождении, противопоставить молодежь испытанной в боях партийной гвардии, утверждая, что «барометром» партии является учащаяся молодежь, и т. д.

Когда в Сухуми пришла печальная весть о смерти Ильича, Гани пытался самовольно покинуть санаторий и немедленно ехать в Москву. Однако врачи и друзья решительно этому воспрепятствовали: здоровье вожака туркестанского комсомола внушало серьезные опасения.

В январе 1924 года в связи с непрекращавшимися вылазками троцкистов состоялся пленум ЦК РКСМ. В его постановлении, в частности, говорилось:

«Признавая правильной политическую линию Центрального Комитета партии во всех вопросах политической и хозяйственной жизни республики и организационного строительства партии, пленум ЦК РКСМ высказывается... решительно против всяких попыток противопоставить молодежь старшему поколению, партии, ее большевистскому костяку, ее испытанному руководящему штабу. Пленум считает, что лишь под руководством старой гвардии партии, окрепшей и выросшей в боях не только против буржуазии и царизма, но и против оппортунизма, придет вся партия, а с ней и ее молодежь к закреплению политического могущества и 'хозяйственной' мощи нашей первой в мире пролетарской республики, придет к победе революции. Комсомол с каждым годом все более становится основным источником, из которого партия, находящаяся на пути к победе, но стоящая еще перед суровыми боями, будет черпать свежие рабочие силы для пополнения своих рядов. Выдвижение этих новых сил, дальнейший рост и воспитание молодежи мы не мыслим

себе иначе, как на основе ленинизма — испытанной теории и практики революционного пролетариата».

Гани казалось, что здесь, вблизи неприветливого, штормящего моря, он оторван от жизни, что главные события обходят его стороной. А тут еще в Сухуми пожаловал сам Троцкий. Видимо, он решил набраться сил и энергии для дальнейших своих политических вылазок. «В нашем санатории появился «Арыстан»^[32] \ сказывается больным и утверждает: «выздоровею». Едва ли», — с иронией сообщал Гани одному из своих друзей в письме от 5 февраля 1924 года. Гани не раз возмущался, какие почести воздают Троцкому его прихлебатели и изустно и в печати. «Вы поглядите, поглядите, — говорил Гани товарищам по палате, потрясая каким-то журналом. — Надо же додуматься, стихи хвалебные о Троцком пропечатали, целую оду какой-то щелкопер излил в рифмах. Уста его лирического героя хотят произнести слово «любимая», а вместо этого, видите ли, слышится: «Лев Троцкий». Да я за такие вирши к стенке бы ставил продажных писак! Потомки прочтут когда-нибудь — краснеть за нас им придется! Нет, такое терпеть неумоготу. Сегодня же напишу письмо Петру Смородину! Может, разрешит бросить этот проклятый санаторий!»

В конце концов он не выдержал и сбежал в Москву. «Гани, несмотря на наше запрещение о досрочном выезде из Сухуми, неожиданно появился в Москве во второй половине февраля 1924 года, — вспоминал член тогдашнего бюро ЦК РКСМ Сергей Николаевич Белоусов. — Я с большим удовлетворением могу сказать, что при первой же встрече Гани выразил свою радость по поводу разгрома последователей Троцкого в нашем союзе и решения Пленума ЦК о присвоении имени Ленина РКСМ и Всесоюзной пионерской организации. Особенно запомнилась мне беседа с Гани

о том, как нужно организовать на месте, в Туркестане, борьбу с вылазками троцкистов, как нам лучше выполнить заветы Ильича и провести ленинский призыв в комсомол... Пробыв в Москве день-два, Муратбаев выехал в Ташкент...»

В Ташкенте уже цвел дикий миндаль и продавали букеты первых цветов. Азиатская весна вдохнула в Гани свежие силы. Как и прежде, он работал с упоением, просиживая до глубокой ночи. В скором времени предстояло создание национальных республик, суверенных государств, состоящих в братском союзе с другими советскими народами. Надо было заботиться о подборе комсомольских кадров, об издании новых газет и журналов, о строительстве новых клубов, театров, Дворцов культуры. Среди всех этих поистине необозримых дел и обязанностей Гани выкраивал время поработать над докладом на предстоящем V съезде комсомола Туркестана — следовало отчитаться за три года бессменной работы на посту ответственного секретаря.

Однако сам Гани на съезде доклад прочесть не смог. К середине июня болезнь настолько обострилась, что по настоянию Центрального Комитета партии Туркестана и Средазбюро ЦК РКСМ он вынужден был лечь в больницу. Здесь к Гани пришла радостная весть: правительство Хорезмской республики наградило его Красным Орденом Труда ХССР. В мандате значилось: «Дан тов. Муратбаеву, вождю трудящейся молодежи в Средней Азии, в том, что он согласно постановлению третьего Всехорезмского курултая комсомола Центральным Исполнительным Комитетом награждается Красным Орденом Труда ХССР за проявленную им энергию в руководстве работой комсомольских организаций в Средней Азии, в частности Хорезма, что удостоверяется подписями и приложением печати».

Приходили друзья, делегаты Всетуркестанского съезда, поздравляли своего вожака с наградой, желали как можно скорее выздороветь. Превозмогая боль в груди, Гани грустно улыбался, задавая вопросы, шутил.

Болезнь не отступала. Все же он нашел в себе силы, несмотря на категорические запреты, уехать через полмесяца в Москву, к началу VI съезда комсомола. На этом съезде он был единогласно избран членом ЦК РЛКСМ, а вскоре стал членом Исполнительного Комитета Коммунистического интернационала молодежи. Его сподвижник по этой работе Александр Мильчаков спустя полвека вспоминал:

«Мы вместе учили иностранные языки: Муратбаев — английский, я — немецкий и французский. Муратбаеву в Исполкоме КИМа поручили заведовать восточным отделом, я был включен в работу отдела романских стран и отдела по работе среди крестьянской молодежи.

Собираясь втроем, Гани, Чаплин и я по-товарищески делились раздумьями, предложениями, беседовали о кимовских делах и о всесоюзных. Так продолжалась наша дружба, которую прервала только смерть Гани...»

Он умер 15 апреля 1925 года после тяжелой болезни, не дожив даже до двадцати трех лет. Никто не знает, о чем он думал в последние мгновенья своей короткой, неистовой жизни, безраздельно отданной революции. Быть может, он вспоминал детство, Казалинск, первые дни революции. Или, как тогда, на пути в Верный, он мысленно поднимался над прекрасной, многострадальной родиной. И плескался Балхаш на севере, и на востоке, в выжженных песках, лежала, как ветвь саксаула, река Или, и Тянь-Шань на юге слепил белизною вечных снегов, и самумы на западе клубились.

Его провожали в последний путь, на Ваганьковское кладбище, тысячи и тысячи комсомольцев, и двести

моряков Балтийского флота стояли в почетном карауле у его гроба. А когда начался траурный митинг, ученик и соратник Ленина Николай Ильич Подвойский сказал: «Смерть не щадит и тех, кто должен идти на смену старшим. Мы лишились крупной фигуры Советского Востока, лучшего побега большевизма, умеющего не только умереть, но и победить. Товарищ Муратбаев сгорел от непосильного труда, от которого он не мог и не хотел отказаться».

Сейлхан Аскаров

АЛЕКСАНДР КОСАРЕВ

1

Немного можно рассказать о детстве, которое кончилось в десять лет, которое прошло на рабочей окраине дореволюционной Москвы. Даже сам Косарев с трудом отыскивал в памяти ранние впечатления.

Помнил он скудный семейный стол, за который садилось девять человек. И хоть мать пыталась в первую очередь накормить детей, они редко ели досыта — было их семеро. Деньги же в семью приносили двое: мать и отец — оба трудились на трикотажной фабрике «Рихард, Симон и К°» (сейчас фабрика «Красная заря»). Скопив немного, родители покупали пару ботинок или пальто — это была выходная одежда для всех ребят.

Мало радостей и много забот знал Саша, да и все его маленькие братья и сестры. Только два года ходил он в школу. Ему нравилось учиться, каждый день приносил столько нового. Мальчик затаив дыхание слушал старого учителя и сам всегда толково отвечал на его вопросы. Тот внимательно смотрел на глазастого, мелковатого для своих лет мальчонку, кивал: «Молодец, Косарев!»

Поэтому особенно горьким был для Саши последний школьный день. Да, этот майский погожий день 1913 года врезался ему в память навсегда. Синее чистое небо и яркая зелень даже мрачным приземистым домам Благуши и грязной речке Хапиловке придавали праздничный вид. Но Саша ничего не замечал, шел, понутив голову, отдавшись невеселым мыслям. Что ж, ничего не поделаешь, надо идти работать. Отец с матерью из сил выбиваются, чтобы прокормить детей. Мишка, старший брат, уже нанялся на завод. Теперь очередь второго по старшинству начинать зарабатывать на хлеб.

...До ворот завода мать вела Сашу за руку. Здесь разыскала мастера. Александра Александровна поклонилась ему в пояс. Попросила взять на работу сына. Тот, узнав, что мальчику исполнилось уже десять лет, пробурчал, что, мол, пора за дело приниматься, пусть завтра выходит на работу. Так на цинковальном заводе началась трудовая биография Саши Косарева, а детство безвозвратно миновало. Много лет спустя он рассказывал об этом времени: «Привел меня мастер в темный сарай. Потолки низкие, пол земляной, на окнах решетки, словно в тюрьме. В земляной пол врыты травильно-промывочные ванны, в которых мы, стоя на коленях (а земля всегда была сырой), промывали посуду перед тем, как ее цинковали. Если возле завода было трудно дышать, то каково же было нам, рабочим,

двенадцать-четырнадцать часов дышать кислотными испарениями и газом...»

У Анисимова проработал три года, стал подручным слесаря. Потом перешел на «фамильное предприятие» — на трикотажную фабрику «Рихард-Симона». Здесь Сашу определили слесарем в рашелевый цех — на трикотажные машины. Новая работа ему нравилась: на ткацком производстве куда легче и интересней, чем на цинковальном. Но и у «Рихарда, Симона и К°» подростки работали по десять-двенадцать часов, а получали за одну и ту же операцию меньше, чем взрослые.

Классовое сознание юного Косарева формировалось в условиях изнурительного труда, ущемленной гордости, голодного и тесного быта. Помогала сыну понять, почему мир устроен так несправедливо, Александра Александровна, на которую Саша был похож напористым, решительным характером. Она работала на «Рихард-Симоне» с 1905 года и хорошо знала фабричных большевиков. Познакомился с ними и сын. Заводила благушинских ребят, Саша втягивался в это время в революционную борьбу и события 1917 года встретил с восторгом.

28 февраля на московских заводах началась всеобщая забастовка. Саша вместе с большевиками одним из первых бросил работу: «Кончай, выходи во двор, хватит работать на буржуев, хватит набивать им карманы», — раздался в цехе звонкий мальчишеский голос. Рабочие повалили на фабричный двор, и с ними Саша Косарев.

Из всех цехов уже выходили ткачи, тяжелые резные ворота фабрики были распахнуты, по улицам рабочие с соседних заводов и фабрик несли красные флаги, плакаты.

Саша шагал впереди колонны, махал шапкой и кричал что есть силы: «Вставайте в наши ряды! Революция!...»

Три дня рабочая Москва бастовала. По улицам шли нескончаемые демонстрации с красными знаменами. Саша забегал домой только поесть...

Этой осенью во многих городах организовывались социалистические союзы рабочей молодежи. Возник такой союз и в Москве. Одним из первых вступил в него Саша Косарев. Веселый шустрый паренек бывал на всех собраниях союза, в перерывах вокруг Саши сразу собирался кружок, сверстники — четырнадцатипятинадцатилетние ребята — с уважением слушали его:

— Надо нам требовать от хозяина завода улучшения условий труда, сокращения рабочего дня и повышения зарплаты. Правильно здесь говорят руководители союза — за свои права надо самим бороться и всем вместе. Вот вы и должны своего фабриканта взять за жабры.

Однажды Косарев рассказал обступившим его ребятам и девочкам о том, как ему самому доставалось на цинковом заводе. И вдруг вытянул вперед руки ладонями вверх: «Посмотрите!» Татьяна Васильева — тогда работница табачной фабрики — спустя много лет говорила: «Я никогда не забуду эти мальчишеские руки, изъеденные кислотой».

А потом наступили огневые дни социалистической революции. Четырнадцатилетний слесарь фабрики «Рихард-Симона» вел агитацию за власть Советов, участвовал в Октябрьских боях.

Трудно сказать, на каких улицах бывал в те дни Саша Косарев, с каких импровизированных трибун призывал таких же подростков, как он, бороться за власть Советов. Время было такое, что дни летели как минуты, а недели по историческому значению равнялись десятилетиям. Дневников рабочие парни не вели, письменных указаний не получали. Они вставали в боевые отряды по зову сердца, по чувству пролетарской солидарности, их всех объединяла ненависть к

капиталистам и их полицейским защитникам, их объединяло щемящее предвкушение новой, свободной жизни.

Косарев — рядовой из рядовых пролетариев — пока еще почти стихийно присоединился к революционным отрядам. Но он горел желанием выполнить любое поручение командиров-большевиков. Сашу можно было встретить в дни революции и в шеренгах демонстрантов, и на баррикадах, и в революционном комитете Благушинского района. Он участвовал в молодежной демонстрации 15 октября 1917 года, когда юные пролетарии собрались на Красной площади. «Требуем прекращения империалистической войны и немедленного перехода власти к Советам!» — этот лозунг был близок каждому из четырех тысяч членов Московского союза рабочей молодежи.

Свершилась революция, новые задачи встали перед партией большевиков. Верным ее помощником в строительстве первого в мире государства рабочих и крестьян был созданный по инициативе В. И. Ленина Российский Коммунистический Союз Молодежи. Александра Косарева выбрали кустовым организатором Благуше-Лефортовского «куста», объединявшего три десятка мелких первичных организаций комсомола — ячеек.

Началась гражданская война. Осенью 1919 года огненное кольцо сжалось вокруг Петрограда, в конце сентября белые прорвали фронт: Деникин подходил к Туле, Юденич — к Петрограду. ЦК партии призвал трудящихся собрать все силы для разгрома врага. В ответ на этот призыв II съезд комсомола объявил вторую всероссийскую мобилизацию. Десять тысяч комсомольцев отправились на фронт. На защиту колыбели революции шли отряды из Новгорода,

Вологды, Витебска, Костромы, из Москвы и других городов.

В октябре, как только началась мобилизация комсомольцев на Петроградский фронт, на борьбу с Юденичем, Саша пришел в клуб Басманного (Бауманского) райкома комсомола, где производилась запись. Однако ему отказали — слишком молод еще.

Тогда Саша отправился домой; решение у него уже созрело. Дома была только мать, она мыла пол.

— Мам, подруби шинель, на фронт ухожу, — окликнул он ее.

— Чего еще выдумал! — сердито сказала мать и в сердцаххватила мокрой тряпкой по полу. — Не отрывай от дела.

Получив такой ответ, Саша взял топор, в буквальном смысле «подрубил» свою невероятной длины шинель и вышел из дому.

Два дня мать тщетно ждала сына, вся изволновавшись, вдруг вспомнила о том их последнем разговоре. «Батюшки, да он, видно, всерьез о фронте-то говорил...»

А Саша в это время ехал уже с эшелоном в Петроград. В очерках по истории ВЛКСМ можно найти такие строки: «На защиту Петрограда отправился отряд активистов московской организации комсомола. В дороге обнаружили, что вместо 20 бойцов едут 22: двоих, не зачисленных в отряд по возрасту, извлекли из-под лавки вагона. Одним из них был рабочий паренек Саша Косарев...»

Так он оказался вопреки всему на фронте. Вот его собственные слова из автобиографии: «Вступил в сводно-боевой отряд. Отряд состоял главным образом из молодежи».

Здесь, на фронте, Косарев стал членом партии. Сашу назначили политруком. Жизнерадостный, общительный паренек сразу оказывался в центре

событий, он сам тянулся к людям, внимательно слушал их, набирался ума от старших, спорил, соглашался, расспрашивал.

Саша уже тогда стремился анализировать обстановку, стараясь действовать в любых обстоятельствах наиболее рационально. Казалось бы, в боях с Юденичем, в голодном и холодном Питере вихрастому мальчишке в наспех подрубленной, с чужого плеча шинели было не до обобщений. Но пройдут годы, и в 1931 году с трибуны IX Всесоюзного съезда ВЛКСМ генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев, говоря о сложности международной обстановки, об угрозе войны, о подготовке к ней молодежи, использует свои юношеские наблюдения: «Мне вспоминается такая картина. В 1919 году, «когда наступал Юденич на Ленинград, был такой случай: Юденич находился в шести верстах от Ленинграда. Ставился вопрос: сдавать город или не сдавать? Партия и Совет постановили — не сдавать. Взяли нас, — а нам было тогда по 13-14 лет, — дали нам в руки по гранате: кидать нужно так, ложиться нужно так, завтра Юденич будет в город входить, там такие-то укрепления, там вот дома, где окна завалены мешками с песком, чтобы пули не пробивали, и вот вам туда надо залезть, и когда он начнет наступать с Балтийского вокзала, вы давай его гранатами забрасывать. Нас учили тогда, когда враг наступал. Нас тренировали к уличному бою».

Надо заранее готовиться к боям, изучать военное дело, получать военную квалификацию — вот какую мысль подтверждал Косарев своим рассказом. Но тогда, в гражданскую, острота обстановки не оставляла времени на обучение. Шли жаркие бои. В одном из них Саша был ранен, его отправили в госпиталь, а потом демобилизовали.

Оправившись после ранения, Косарев пришел в Петроградский горком комсомола и получил

направление на учебу. Через три месяца кончил курсы при политшколе и возвратился в Москву. Здесь он несколько месяцев проработал в агитотделе ЦК РКСМ, а затем его избрали секретарем Бауманского райкома комсомола. Косареву было восемнадцать лет.

2

Бауманский район Москвы в начале двадцатых годов считался одним из наиболее развитых промышленных районов столицы. Основу составляли ткацко-прядаильные фабрики — Измайловская ткацко-прядаильная, трикотажная имени Баумана, бумаготкацкая имени Героя Труда Осипа Звонкова, текстильная имени Кутузова и много других. Заводы «Манометр», «Мастяжарт», «Освобожденный труд», типографии, Московский телеграф и различные мастерские также формировали рабочий класс района.

Во время гражданской войны многие предприятия закрылись, комсомольцы ушли на фронт, распались ячейки, созданные в 1918–1919 годах. В 1922 году промышленность Москвы только-только начинала оживать. К этому времени относится и воссоздание комсомольских первичных организаций на большинстве предприятий Бауманского района. Поначалу набиралось пять-десять комсомольцев: ячейки были слишком малы. Поэтому на самых крупных фабриках и заводах возникали базовые ячейки, которые объединяли комсомольцев нескольких мелких предприятий. К примеру, в «базу» ткацкой фабрики имени Героя Труда Осипа Звонкова входили трикотажная фабрика имени Баумана, типография Центросоюза, учебно-ремесленные мастерские, текстильная фабрика имени Кутузова. В базовые предприятия комсомола превратились фабрики — Семеновская мануфактура,

«Красная заря», Измайловская ткацко-прядельная, заводы — «Манометр», «Гноми-Ром» (ныне «Салют»), «Мастяжарт» (Мастерские тяжелой артиллерии). Таким крупным организациям становились по плечу молодежные проблемы, и в первую очередь рост рядов комсомола.

Вовлечь как можно больше рабочей молодежи в комсомол, сделать эту организацию массовой и авторитетной — к решению этой главной задачи приступил новый секретарь Бауманского райкома комсомола. Много позже он расскажет об этом периоде так:

— Вот кто-то мне кинул реплику: «Миллион — это мало!» Да, конечно. Но мне вспоминаются такие годы, когда мы имели в комсомоле только десятки тысяч и когда, захватив под мышку несколько брошюр «Все под красное знамя союза», бегали по заводам вербовать в комсомол, причем хвалились, завербовав пять человек.

Саша Косарев каждый день бывал на предприятиях, выступал перед молодежью, расспрашивал о самых «больных» сторонах жизни, приглядывался к наиболее инициативным и смелым ребятам. Он никого не забывал. Через некоторое время удивленный хлопец приходил в райком по вызову секретаря, и Саша предлагал ему или возглавить базовую ячейку, или перейти работать в аппарат райкома, или направлял на учебу.

В Бауманском райкоме еще совсем молодой Косарев проявил свои способности в подборе комсомольского актива. Этот его талант отмечают все знавшие Сашу, все, в чьей судьбе решающую роль сыграл его зоркий глаз.

Так он заметил Семена Федорова, который работал на фабрике «Красная заря», хорошо знакомой Косареву. Семен вел большую общественную работу, был избран от фабрики членом Моссовета.

Однажды Саша вызвал Федорова в райком:

— Принимай, друг, от Лисовского, он в армию уходит, Благуше-Лефортовский «куст».

А вскоре перетащил Семена в райком — заведовать организационным отделом.

Василий Чемоданов, Василий Прохоров, Алексей Шахурин, Татьяна Васильева, Семен Федоров, начав работать в комсомоле с легкой руки Косарева, потом долгие годы чувствовали еще его внимание и поддержку.

В райкоме комсомола, одноэтажном особнячке, работали семь человек в возрасте от восемнадцати до двадцати лет.

Трое из них жили вместе недалеко от райкома — Саша Косарев, Сеня Федоров и Коля Кормилицын. Жили неприхотливо и, конечно, коммуной. После зарплаты неделю шиковали, колбаса не сходила со стола, а потом перебивались чем бог пошлет и частенько навещали к матери Косарева, «бабе Саше», как ее все называли, благо что семья Александра обитала в доме, который выходил во двор райкома: баба Саша всегда напоит чаем, а то и щами накормит.

Правда, «нахлебничали» они относительно. С тех пор как в девятнадцатом году умер от сыпняка отец, Александр постоянно помогал матери — надо было поднимать на ноги младших сестреночек.

Семен Федоров был самый грамотный из ребят: окончил четыре класса реального училища. Им не хватало знаний, культуры, но ночами они пытались наверстать то, что не смогли узнать вовремя. Восемнадцати-двадцати-летние парни не раз глядели в глаза смерти, а вот грамотно говорить, писать не умели.

Прошел через гражданскую войну секретарь райкома Косарев. Заведующий политпросветом райкома Вася Прохоров подростком вступил в партизанский

отряд легендарного Камо, был ранен, после госпиталя снова пошел на фронт. Многие секретари ячеек только что вернулись с Украины, Дона, Кубани, где добивали белые банды. Конечно, такое прошлое поднимало авторитет активиста в глазах молодежи, облегчало работу. Но знаний не хватало. Косарев требовал, чтобы комсомольский актив учился, рассылал всех по организациям, заставлял выступать, выступать, выступать. Не признавал никаких доводов: «Стесняюсь, не умею, боюсь».

— Ты коммунист, значит, должен уметь то, что нужно партии, комсомолу.

Так было с райкомовцем Мишей Комиссаровым, который до дрожи боялся аудитории. Но Косарев настоял на своем, и через полгода Миша уже как ни в чем не бывало сам напрашивался:

— Давай я съезжу, проведу собрание.

Политическая обстановка была сложной — в условиях новой экономической политики идейное воспитание молодежи приобрело особую остроту. Уберечь юношей и девушек от мелкобуржуазного влияния было не так-то просто. Тем более что причины для недовольства они имели вполне реальные: многие остались без работы, не могли приобрести специальность. В этих условиях непосредственный контакт с молодежью, толковое разъяснение политики партии играли особо важную роль.

Члены Бауманского райкома выступали перед самым разным народом. Чаще — на фабриках и заводах, там было проще, там были такие же рабочие ребята. Но комсомольские ячейки создавались в учреждениях, в школах, в техникумах и институтах. Здесь приходилось держать ухо востро, осторожно подбирать слова, отвечать на любые, порой далеко не доброжелательные вопросы. Не получившие образования комсомольские вожаки тем не менее обязаны были все знать, не имели

права выглядеть смешными. Уйти учиться удавалось единицам. Выход оставался один: книги по ночам. Читали классиков, историю французской революции, штудировали «Капитал», работы Ленина, даже книжки по искусству попадали под подушки райкомовцев.

Требовательнее всех был к себе Саша Косарев. «Он рос намного быстрее нас, — говорит о нем Семен Семенович Федоров. — Тогда мы не очень вдавались в анализ, почему у Саши всегда можно узнать то, о чем никто не имеет представления. Но сейчас, спустя полвека, просто поражаюсь — откуда у Косарева было это — широта взглядов, интересов и знаний.

Вроде и жил он у всех на виду, так же мотался по предприятиям, по собраниям. В комнате райкома, где он работал, кабинетов-то как таковых тогда не было, вечно толкался народ, сидели и на столах, и на полу, дымили, обсуждали новости. Правда, иногда Сашка исчезал куда-то на целый день, так, что его никто не видел, а вечером, лежа на койках, мы слушали его рассуждения о том, что он успел прочитать. Это была или работа Ленина, или брошюра по истории партии, которые в это время начали выходить.

Но, думаю, Косарева все-таки сама природа наделила не только любознательностью, но и особой способностью все схватывать на лету, легко усваивать даже понятия, чрезвычайно далекие от его образа жизни.

Случилось тогда у нас большое несчастье. Наш сосед и большой Сашин друг Коля Кормилицын чистил ружье, оно выстрелило, и Коля погиб. Саша плакал, очень горевал, сам организовал похороны, а меня попросил — достань оркестр да скажи, чтоб траурный марш Шопена играли. Удивился я тогда, откуда ему знать про Шопена».

Однажды Семен Федоров попал в Большой театр, да не зрителем, а участником представления. Отряд ЧОНа,

в котором состоял Федоров, как-то послали в театр — не хватало статистов. Сене повезло: в этот вечер в «Борисе Годунове» пел Шаляпин. Игра великого артиста произвела на юношу огромное впечатление, хоть следил он за спектаклем из-за кулис, да еще отвлекался, когда выходил на сцену, изображая «народ».

На следующий день в райкоме он захлеб рассказывал о «Борисе Годунове». Но многие стали смеяться: вот, мол, артистом Сенька заделался.

Один только Косарев расспрашивал подробно о спектакле, о Шаляпине.

Саша тонко чувствовал красоту. Натура артистическая, он хорошо пел, мог и сплясать, и стихотворение прочесть. Первый раз в театре, первая картина, первое знакомство с музыкой — все совпало с бауманским периодом в жизни Косарева. Свои впечатления, свои открытия в искусстве Саша в себе не держал, он щедро выплескивал их перед друзьями, расписывал виденное в красках, в тонкостях и всегда приговаривал: «Сходи посмотри, не пожалеешь». И ребята шли в театр, в картинную галерею, на концерт, в библиотеку, чтобы узнать то, что так поразило их секретаря.

Они все любили петь, и пели много и самозабвенно, как поется только в юности. Да и вся атмосфера 20-х годов, ломка вековых обычаев и устройство жизни на новых началах равноправия и братства людей требовали новых радостных песен.

Саша впервые распространил тогда по району отпечатанные в виде листовок комсомольские песни. Правда, большинство из них представляли новые стихи на старые мотивы. Но что делать? Время было такое. Поэтов у новой жизни хватало, а вот композиторами она еще не обзавелась. Но комсомолию устраивали и песни-самоделки.

Косарев никогда не резонерствовал, он действовал. Однажды в райкоме подошел к Кучинскому — члену бюро ячейки Московского телеграфа:

— Никанор, давно был в театре?

— Никогда не был, — ответил тот.

— А знаешь, где Художественный находится?

— Вроде примерно знаю.

— Ну так держи билет, пойдешь вечером на «Синюю птицу».

Никанор Лукич Кучинский вспоминает сейчас: «Пришел я в театр, там полно, все места заняты, я сел на ступеньку в амфитеатре, да так и просидел до конца представления. «Синяя птица» меня ошеломила. Сколько лет прошло, сколько перевидел я на своем веку, а вот врезался мне тот первый спектакль в память, помню многие сцены, помню актеров и даже, в каких костюмах они были. И так уж получилось, что «Синяя птица», эта сказка о поисках счастья, о прекрасной мечте, о добрых людях, их борьбе и победе над злом, связана для меня неразрывно с далеким образом юного Саши Косарева, нашего комсомольского вожака, образом светлым и чистым. Он любил людей, и они отвечали ему верной дружбой, искренней привязанностью, светлой памятью и, наконец, большевистской преданностью тому делу, которому сам Саша отдал всю жизнь без остатка».

Комсомолу предстояло решать важные для молодой республики задачи, решать быстро и смело. Борьба с безграмотностью — только один фронт, на котором сражались тогда комсомольцы по приказу партии. Но их энтузиазма хватало на все, а сил они не жалели.

Бауманский район и в 20-е годы считался студенческим. Здесь работали семнадцать вузов и техникумов. Как не упустить из-под своего влияния студенческую молодежь, как приобщить ее к

строительству новой жизни — над этим много думал райком комсомола.

В начале 1922 года секретарь ячейки Московского высшего технического училища пришел к Косареву с предложением. Что, если часть комсомольцев-студентов, человек двести, использовать для налаживания политического просвещения и ликвидации безграмотности в заводских и фабричных ячейках комсомола?

Саша встретил идею с восторгом и сразу заставил весь актив развить бешеную деятельность. Он послал райкомовцев в другие вузы — вербовать учителей-добровольцев среди студентов и преподавателей медицинского и индустриально-педагогического института имени Карла Либкнехта, который называли тогда Комсомольским институтом. Другая группа активистов «пробивала» помещения для школ в клубах, у фабзавместкомов, у директоров предприятий. Когда попадались несговорчивые, Саша занимался трудным участком сам, и перед его натиском и обезоруживающими доводами сдавались самые закоренелые бюрократы.

В том же году на предприятиях района открылись общеобразовательные школы рабочей молодежи с обязательными предметами: политграмота, чтение, грамматика, арифметика, география и естествознание. Занятия проводились два-три раза в неделю.

Требовались специальные программы. Косарев обратился к ученым, методистам педагогического института имени Карла Либкнехта.

На следующий год в районе работали уже тридцать восемь таких школ, а в них триста-четыреста учителей и директоров, не получавших за свои труды никакого вознаграждения, кроме благодарности учеников. Этим замечательным делом жил весь райком. Оно было поставлено так хорошо, что общеобразовательные и

политические школы просуществовали не один год. С двадцать второго по двадцать пятый год их закончило около трех тысяч рабочих парней и девчат. И на все это не ушло ни копейки государственных средств.

В жизнь комсомолии входили тогда субботники. После трудового дня, положив на плечи лопаты, шагали с песнями на станцию — на разгрузку угля или расчистку путей.

В Москве не хватало топлива, с перебоями работали из-за этого многие фабрики и заводы. В это время на Казанский вокзал прибыли эшелоны с углем, с дровами. Но их некому было разгружать. На помощь пришли комсомольцы. По призыву городского комитета партии они вышли на субботник.

В воскресенье день выдался морозный, снежный. Колонны юношей и девушек направлялись к вокзалу. Во главе секретари райкомов и заводских ячеек комсомола несли красные знамена. Все пели.

Настроение было праздничное. Работали рьяно, не чувствуя усталости. Саша Косарев так орудовал лопатой, что за ним не поспевали более сильные. Он появлялся там, где спадал рабочий темп, и шутками, собственным примером вызывал у уставших ребят второе дыхание.

— А ну запевай, — раздавался голос секретаря райкома, — братья-бауманцы, покажем Хамовникам, как надо работать.

Устраивались субботники общегородские, районные, но чаще — в своей ячейке. Одна ячейка отремонтировала во внерабочее время два разбитых станка, в другой — сшили белье для детского дома.

Даже районная комсомольская газета выпускалась на субботниках — первое время она была стенной. Ночами самодеятельные редакторы переписывали заметки и рассылали их по ячейкам. Затем за дело взялись типографские комсомольцы и тоже после

работы стали набирать и печатать газету Бауманского РК РКСМ «Путь молодежи».

Именно эта газета стала посредником в короткой переписке бауманцев с В. И. Лениным.

В номере от 3 октября 1922 года было напечатано приветствие бауманских комсомольцев Владимиру Ильичу по поводу его выздоровления.

Вот что было написано в письме:

«Ильичу — привет!

РКСМ Бауманского района шлет свой горячий привет Вождю мировой революционной армии, дорогому товарищу, Владимиру Ильичу Ленину. Дорогой учитель, во время твоего отдыха каждый день, приносивший весточку о твоём здоровье, вносил радость и энергию в наши юные сердца.

Твое возвращение мы встречаем с радостью, как и весь мировой пролетариат. Мелкие и крупные сплетни, газетные утки и все грязные желания и намеки, распространяемые болтунами всех цветов, повисли в воздухе.

Ты отдохнул и снова сильный, бодрый вернулся к рулевому колесу и взял в твердые руки управление величайшим кораблем — коммуной. Мы от лица рабочей молодежи даем тебе наказ: беречь себя во имя счастья рабочих всего мира».

Приветствие В. И. Ленину обсуждалось на бюро райкома. Поступило предложение: немедленно, сегодня же послать Ленину газету «Путь молодежи» и короткую сопроводительную записку, в которой попросить ответа. Записку тоже набрали в типографии.

«Дорогой учитель

шлем Привет

и ждем Ответное словечко.

Редакция 3 октября 1922 года».

Они еще не умели складно писать, гладко излагать свои мысли, но слова шли от души и были искренними,

честными, теплыми.

Василий Васильевич Прохоров, который тогда работал в райкоме, спустя много лет вспоминал: «Одни твердили, что не может нам Ленин ответить — у него за время отдыха накопилось дел, наверное, десять тысяч, и теперь новых дел подоспело еще десять тысяч, а приветствия ему пишут со всего мира — разве это мыслимо всем отвечать. Другие убеждали, что если посмотрит Ленин наши заметки и согласится с текущим моментом в РКСМ Бауманского района, то обязательно даст ответ. Косарев выслушал все доводы, согласился с большинством и продиктовал постановление: «Срочно отправить В. И. Ленину сегодняшнюю газету «Путь молодежи» с приветствием. Поручить Шуре Линкинд (это была наша активистка) передать газету Марии Ильиничне». Шура поехала в «Правду», отдала М. И. Ульяновой пакет, а в субботу, 7 октября, примчалась из редакции «Правды» сияющая, вручила Косареву конверт и торжественно объявила: «Товарищи! Мария Ильинична просила передать, что Ленину наша газета понравилась!..» В конверте был ответ:

«Дорогие друзья! Горячо благодарю вас за привет. Шлю вам, с своей стороны, лучшие приветы и пожелания. Ваш В. Ульянов (Ленин)»^[33].

В ячейках моментально узнали, что Ленин прислал бауманцам письмо, что ему понравилась газета. В ее очередном номере, который вышел 30 октября, в день бес-партийной конференции молодежи, была напечатана записка В. И. Ленина. Много юных бауманцев подали в эти дни заявления в комсомол.

Стараясь пробудить в комсомольцах-активистах революционный пыл, вдохновить их силой примера, Косарев довольно часто устраивал встречи со старыми партийцами, прошедшими суровую школу революции.

Ему помогало то, что коммунисты Москвы уделяли комсомолу много внимания, руководили его культурно-воспитательной работой, нацеливали на борьбу с послевоенной разрухой.

В октябре 1921 года была проведена «Неделя сближения партии с комсомолом». В эти дни на открытых собраниях предприятий и учреждений Москвы обсуждались задачи Союза молодежи. Для работы с комсомольскими ячейками были выделены лучшие рабочие-коммунисты.

Партийных шефов, так называемых партприкрепленных, получила и каждая районная комсомольская организация.

У бауманской комсомолии тоже был свой партприкрепленный. Им оказался на зависть всех районов Семен Михайлович Буденный. Он и тогда уже был легендарной личностью. Косарев старался использовать такую удачу сполна. Буденный выступал на всех районных конференциях, которые проводились раз в полгода, его часто приглашали на собрания фабричных и заводских ячеек.

Буденный и Косарев встретятся в жизни еще много раз, но всегда они будут относиться друг к другу как земляки-бауманцы.

Саша уже тогда понимал, что в идейной работе с молодежью мелочей нет, и поэтому стремился рационально употребить для этой цели все ресурсы, которыми располагал район.

Забываясь о политическом и культурном росте молодежи, забываясь, чтобы учились его друзья по райкому, Косарев сам всегда мечтал о систематическом образовании, но так и не смог мечту осуществить.

В 1924 году на вопрос анкеты, которая проводилась среди активных работников РКСМ, «Есть ли желание учиться?», он ответил: «Хотел бы заниматься в Свердловском университете и изучать языки». Но время

стояло такое, что комсомольским вожакам нельзя было выйти из боевого строя, чтобы посидеть за партией...

В то время как Коммунистическая партия предпринимала решительные меры, чтобы наладить хозяйство, разрушенное войной, оппозиционно настроенные элементы во главе с Троцким навязали партии дискуссию. В октябре 1923 года, воспользовавшись отсутствием В. И. Ленина, который был тяжело болен, Троцкий начал новую атаку на Центральный Комитет, сваливая на него вину за создавшиеся в стране хозяйственные трудности. Оппозиционеры пророчили гибель Советской власти. Троцкий клеветал на старую большевистскую гвардию, обвинял ее в окостенении и перерождении, заигрывал с учащейся молодежью, называя ее «барометром партии».

Вопреки решению ЦК, осудившему выступление Троцкого как фракционно-раскольническое, оппозиционеры выступали с демагогическими речами, навязывали партийным и комсомольским массам троцкистскую платформу, рассылали клеветнические письма.

В ноябре 1923 года ЦК РКП (б) принял решение открыть дискуссию, которая сразу же охватила все организации. Наиболее остро и напряженно борьба протекала в Москве. Здесь оппозиция сосредоточила свои главные силы. Прежде всего она пыталась взять с бою районные партийные организации столицы. Дискуссионные собрания проходили в чрезвычайно острой обстановке.

Однажды осенью 1923 года Косарева и Сеню Федорова пригласили на собрание в Хлебную биржу. «Мы пришли туда как на обычное собрание, — рассказывает Федоров, — и вдруг началось такое, что мы сначала только изумленно переглядывались, а к концу совсем растерялись.

Один выступающий за другим, а в этот вечер в Хлебной бирже собрались все, кроме Троцкого, лидеры будущей оппозиции бросали страшные обвинения в адрес ЦК партии. Мдивани, например, заявил: ничто уже не поможет, только хирургический путь, ножом надо резать.

Мы были ошеломлены. Что в партии? Что делать?

— Идем к Николаю Николаевичу, — сказал Сашка». Было уже совсем поздно, но в райкоме партии еще светились огоньки. Ребята зашли к заведующему орготделом Мандельштаму, с которым были дружны.

— Николай Николаевич, мы с биржи, пожалуйста, объясни, что происходит в партии?

Два часа просидели они, вникая в слова опытного большевика, который рассказывал им об истории борьбы Ленина с Троцким.

— Организуйте кампанию, идите разъяснять большевистскую линию партии на заводы, на фабрики. Надо увлечь молодежь за собой. Помните, на многих предприятиях района троцкисты очень сильны. Готовьтесь к боям, — с этими словами Мандельштам проводил Сашу с Семеном до дверей.

В эту ночь они плохо спали. Угрозу, нависшую над партией, они восприняли как личную. Решили на следующий день собрать пленум райкома комсомола.

Вскоре в Введенском народном доме состоялась районная партийная конференция. На ней присутствовали представители ЦК партии. Обстановка была накалена до предела. За одних только счетчиков для избрания президиума голосовали полтора часа. За линию партии на этой конференции было подано только на несколько голосов больше. Здесь Саша и Семен окончательно поняли, как опасно положение и какая неусыпная война предстоит с троцкистским блоком. Но ни секунды не сомневались они в том, что ленинская линия партии победит.

Особенно серьезным было положение в вузах района. Здесь имелась благодатная среда для распространения троцкистских идей. Рабочая молодежь еще не пошла в институты, учась пока на рабфаках. Студенты же были в основном выходцами из мелкобуржуазной среды и легко попадали под влияние оппозиционеров. В это время комсомольская организация Московского высшего технического училища имени Баумана почти целиком оказалась на стороне троцкистов.

Саше Косареву пришлось бросить основные силы райкомовского актива в вузы. Сам он взял шефство над МВТУ. Большую помощь оказывал ему в борьбе за молодежь вузов ЦК РКСМ.

Огромная работа по идейному и общеобразовательному воспитанию молодежи, которую к тому времени осуществил Бауманский райком комсомола, принесла свои плоды. Районная комсомолия, а она насчитывала к тому времени около шестнадцати тысяч членов, поддержала большевистскую линию партии, линию райкома комсомола.

Разгром троцкистской оппозиции в Москве, завершившийся к середине января 1924 года, имел важное политическое значение для укрепления единства ленинской партии, ее связи с массами. Московские коммунисты твердо стояли на ленинских позициях. Участие в борьбе с троцкистами закалило Косарева как бойца партии.

3

Рано утром 22 января в общежитие прибежал парнишка: «Где Косарев? Ленин умер».

Нашли Александра, он побелел как полотно:

— Пошли в райком. Зовите всех.

«Не было у нас тогда ни машины, ни какого другого транспорта, — вспоминает С. С. Федоров, — но в тот же день мы собрали пленум комсомольского актива». А потом все активисты пошли на фабрики и заводы: начались траурные митинги, посвященные памяти вождя.

На другой день на пленуме ЦК РКСМ приняли решение назвать комсомол имени Ленина — Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. В июле 1924 года VI съезд комсомола утвердил это решение и обратился к молодежи со специальным манифестом — клятвой верности ленинским заветам.

Ленинский призыв привлек в партию и комсомол сотни тысяч новых бойцов.

В эти дни вступила в партию и мать Косарева, Александра Александровна — это была большая радость для Саши.

Ленинский призыв был последним комсомольским делом, которым руководил в Бауманском районе Александр Косарев...

В ноябре 1924 года по рекомендации ЦК РЛКСМ Косарева избрали секретарем Пензенского губкома комсомола. Вместо него Бауманский райком возглавил Семен Федоров. Но связь с районом, с его активом, с аппаратом райкома Саша не потерял, он как бы шефствовал над ними. Приезжая в Москву по делам, он жил у матери, то есть почти в райкоме.

В Пензе Александра увлек широкий круг совсем новых для него вопросов. В поле зрения Косарева попала целая губерния — с запущенным сельским хозяйством, с проблемами раскулачивания и создания коллективных хозяйств, с огромной невозделанной целиной — малограмотной, отсталой и в культурном, и в политическом смысле сельской молодежью. И Саша восторженно берется за эту целину: ездит по деревням без устали, выступает перед юношами и девушками,

убеждает их в том, что сейчас только от их энергии, сознательности и трудолюбия зависит, станет ли деревенская жизнь красивой и сытой для всех.

В Пензенском губкоме Косарев пробыл совсем недолго. Но за два неполных года успел войти в жизнь города и области. Не случайно несколько лет спустя Косарев — уже генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ — продолжал получать письма, которые начинались словами: «Поскольку Вы наш пензяк, обращаюсь к Вам с просьбой...»

На любой должности Саша сохранял широкий взгляд на жизнь, проявлял многосторонность интересов. В Пензе он занимался в основном деревенскими проблемами, а на IV Всесоюзной конференции комсомола в 1925 году выступал по докладу «Деятельность Коммунистического интернационала молодежи».

Энергичный секретарь Пензенского губкома комсомола говорил о том, что нельзя так часто менять членов делегации комсомола в Исполкоме КИМа, это мешает им вникнуть в суть дела. Косарев предлагал шире отражать жизнь и борьбу зарубежной молодежи в газетах и журналах, вести повсеместную интернациональную пропаганду. «Если в Москве и Ленинграде мы мало знаем о КИМе и его работе, то, могу вас уверить, товарищи, в провинциальных и деревенских организациях о нем ничего не знают». Речь Косарева понравилась тогдашним руководителям ЦК комсомола — Чаплину, Соболеву, Мильчакову. «Боевой парень!» — была единодушная оценка. Вскоре Косарев был избран членом ЦК комсомола.

В начале января 1926 года Косарев забежал на минутку к Федорову:

— Сеня, благослови, еду в Ленинград.

После XIV съезда партии, который в декабре 1925 года разоблачил «новую оппозицию», выступавшую

против курса на индустриализацию страны, то есть против генеральной линии партии, зиновьевцы отхлынули в Ленинград. Там они еще сохраняли значительное влияние и в партийной, и в комсомольской среде. Время было очень трудное. Еще задолго до съезда зиновьевцы вели фракционную, по сути подпольную, работу в Ленинградской партийной организации. Они двурушничали, заявляя, что они за ЦК, чтобы обмануть коммунистов города и провести делегатами на съезд своих сторонников. А теперь они грубо нарушали внутривнутрипартийную демократию, пытались установить режим организационного зажима и репрессий. Зиновьевцы срывали распространение «Правды» и других центральных газет; преследовали коммунистов и комсомольцев, высказывавшихся в поддержку решений съезда.

Но преданные партии коммунисты оказывали оппозиционерам мощное противодействие. В большинстве районов города и на крупных предприятиях были созданы инициативные группы для пропаганды решений съезда.

Тогда зиновьевцы запретили приносить в партийные коллективы съездовскую литературу, раздавать ее товарищам по работе. Сторонники оппозиции не останавливались даже перед тем, что силой отбирали книги; мешали обсуждать решения съезда не только на партийных собраниях, но и в неофициальной обстановке — во время обеденных перерывов, после работы, дома.

Оппозиционеры в буквальном смысле слова выслеживали сторонников линии съезда, особенно членов инициативных групп. Их не допускали на предприятия и в учреждения, обвиняли в раскольничестве, запугивали всевозможными карами, подвергали необоснованным партийным взысканиям, отстраняли от партийной и основной работы.

Особенно обострилась борьба в первых числах января. Достаточно было оппозиционерам узнать, что на квартире рабочего П. А. Ипатова собралась большая группа краснопутиловцев, как туда был немедленно послан грузовик с активистами из оппозиции, которые стали силой разгонять партийное собрание. Еще более неприглядная история произошла на 3-й табачной фабрике. Здесь, в одной из мастерских, инициативная группа созвала 4 января собрание коммунистов, на которое пришел представитель районной инициативной группы С. А. Туровский. Взломав дверь мастерской, сюда ворвались зиновьевцы. Они разогнали коммунистов, а Туровского, избив рукояткой револьвера, выбросили за фабричные ворота.

Не менее ожесточенно проходила борьба и в городской комсомольской организации. Ее руководители, поощряемые оппозиционерами из партийного аппарата, встали на путь явного неподчинения партии. Они использовали неопытность и политическую незрелость комсомольцев, чтобы настроить их в пользу оппозиции и превратить в свою главную опору в Ленинграде.

Бюро Ленинградского губкома комсомола пошло на неслыханный шаг, отказавшись признать правильными решения XIV съезда партии. Зиновьевцы пытались любыми путями вырвать молодежь из-под влияния партии.

Для прекращения фракционной борьбы и стабилизации политического положения в городе 5 и 6 января 1926 года в Ленинград прибыла группа членов Центрального Комитета ВКП(б) — видных деятелей партии, стойких ленинцев. А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, С. М. Киров, Г. И. Петровский возглавили идейный и организационный разгром ленинградской оппозиции.

Вслед за ними в Ленинград выехала группа членов ЦК комсомола: А. В. Косарев, А. И. Мильчаков, С. Л. Соболев и другие. Перед отъездом секретарь ЦК РЛКСМ Николай Чаплин предупредил их, что на первых порах им будет нелегко: оппозиционеры сумели перетянуть на свою сторону многих ленинградских комсомольцев. Но в Ленинград уже выехал Киров. Он поможет сориентироваться.

Почти месяц работали члены Цекамола под непосредственным руководством Сергея Мироновича. Каждый день Киров расспрашивал их, в каких ячейках, в каких районах члены бригады были, кто выступал на собраниях, чувствуется ли перемена в настроении комсомольцев, стоящих на стороне оппозиционеров. Ленинградская поездка стала для членов бригады великолепной партийной школой, проверкой их политического и чисто человеческого мужества.

Времени на ознакомление с обстановкой не было. В первый же день Косарева направили в крупнейший промышленный район города — Московско-Нарвский (теперь — Московский и Кировский районы). В нем была сосредоточена значительная часть оппозиционного актива, и поэтому борьба с зиновьевцами с самого начала проходила очень остро. Здесь оппозиционеры вели среди комсомольцев особенно яростную антипартийную агитацию. Поэтому сюда и в Василеостровский район с приездом бригад ЦК партии и комсомола переместился центр борьбы против фракционеров.

Косарев, как и другие члены бригады, за день успевал выступить на нескольких собраниях. С утра до полуночи Саша был на ногах: во многих комсомольских организациях преимущество сохраняли оппозиционные настроения. Он мог бы сказать о своих январских днях в Ленинграде словами С. М. Кирова, который 7 января писал жене: «Не обижайся, что пишу мало, очень я

занят, работаю, ни минуты свободной. Положение здесь отчаянное, такого я не видел никогда... Кроме того, что много работы, работа очень сложная и ответственная».

Чрезвычайно пригодился в эти дни Саше бауманский опыт. Сумев быстро разобраться в сложной обстановке района, Косарев смелыми действиями и самоотверженностью завоевал доверие комсомольских масс: его избрали секретарем Московско-Нарвского райкома комсомола.

Сколотив группы из районных активистов — сторонников партии, Александр снабдил каждого бюллетенями с материалами съезда. Это была первая задача — дать правдивую информацию о решениях XIV съезда партии, показать истинную расстановку сил на съезде и поражение на нем ленинградской делегации.

Вторая задача касалась чисто молодежных вопросов. Предстояло убедить запутавшихся комсомольцев в том, что партия не только не преуменьшает роль рабочей и крестьянской молодежи в социалистическом строительстве, как толковали зиновьевцы, но, наоборот, видит в ней передовую ударную силу.

Косарев держал постоянную связь с инициативной партийной группой района, которую возглавлял начальник Высшей кавалерийской военной школы С. А. Туровский. Почти каждый день бывал Александр на Лермонтовском проспекте в кавалерийской школе, где расположился центр группы.

Помогали работе комсомольские инициативные группы, созданные по примеру партийных на крупнейших предприятиях района: на заводах «Красный путиловец», «Электросила», фабриках «Красный треугольник», «Скороход», на Северо-Западной железной дороге.

Этим предприятиям придавалось особое значение, надо было вырвать огромные партийные и

комсомольские организации из-под влияния оппозиционеров. Первое публичное выступление Сергея Мироновича Кирова состоялось, кстати, на «Электросиле».

Работать приходилось как в боевых условиях, и день и ночь. Члены комсомольской инициативной группы «Красного путиловца» проникали на завод, проносили под одеждой съездовские материалы и до начала смены раскладывали их на рабочих местах.

Однако именно на «Красном путиловце» очень многие комсомольцы шли на поводу у фракционеров. Когда началось общезаводское партийное собрание, оппозиционеры проломили тараном заводскую стену и запустили на завод две или три сотни обманутых комсомольцев, надеясь с их помощью сорвать собрание. И действительно, оно проходило в чрезвычайно напряженной обстановке. Зиновьевцы, главным образом из числа тогдашних комсомольских руководителей, вели себя по-хулигански, криками и топотом пытались сорвать выступления против оппозиции.

Переубедить разгулявшихся молодчиков было делом непростым. И все-таки в течение нескольких дней с помощью инициативных групп были проведены комсомольские собрания на основных предприятиях и в вузах района. Каждому из них предшествовала серьезная подготовительная работа, состоявшая главным образом в ознакомлении комсомольцев с решениями съезда. Только после этого назначалось собрание. Почти везде позиция Ленинградского губкома комсомола была осуждена. Выступая на собраниях, Косарев вкладывал в слова всю свою убежденность в правоте ленинской линии партии. Здесь, в Ленинграде, впервые в полной мере проявился его блестящий ораторский талант.

Несмотря на умение говорить перед большой аудиторией, а следовательно, несмотря на «охват», Косарев никогда не забывал «спускаться с трибуны». С таким же пылом он излагал свои взгляды какому-нибудь парню, спорил с ним подолгу, настойчиво, горячо, до тех пор, пока тот не становился наконец на правильную позицию, а Саша удовлетворенно говорил: «Хороший парень, этот пойдет с нами».

В сложной политической обстановке города Косарев старался использовать максимально комсомольскую организацию Балтийского флота, куда, он знал, пришло много зрелых комсомольцев. Он часто бывал в Кронштадте, на кораблях, в частях береговой обороны. Косарев вошел в тесный дружеский контакт с комсомольскими работниками флота, убедил их в необходимости участвовать в жизни комсомольских организаций Ленинграда, в частности Московско-Нарвского района. Поэтому моряки часто приезжали на предприятия района, выступали на комсомольских собраниях «Красного треугольника», «Скорохода», вузов.

Военно-морское училище имени Фрунзе, которое находилось на Васильевском острове, обратило на себя внимание Александра совсем с другой точки зрения. Он знал, что сюда пытались проникнуть сторонники оппозиции, чтобы завоевать на свою сторону будущих красных командиров. Здесь Саша выступал в самые горячие дни, рассказывал об итогах XIV съезда партии. Многие из тогдашних курсантов училища говорили потом, что именно речь Косарева помогла им разобраться в той сложной обстановке.

Когда стали готовить комсомольскую конференцию Московско-Нарвского района, Александр привлек к этому комсомольский актив подшефной военно-морской части. На открытии конференции представитель флота отдал рапорт делегатам — это был первый случай в

истории ленинградских районных комсомольских организаций. Присутствие военных моряков произвело большое впечатление на комсомольцев, особенно, видимо, на оппозиционеров.

Несмотря на то, что значительная часть бывшего районного актива находилась под влиянием оппозиции, комсомольская конференция Московско-Нарвского района прошла под знаком единства комсомола с партией и горячей поддержки решений XIV съезда.

Разгромить оппозицию удалось в Ленинграде очень скоро — к 21 января отчетно-съездовская кампания была в основном завершена. Объяснялся быстрый успех тем, что для большинства ленинградских коммунистов и комсомольцев, прежде всего рабочих, было характерно отрицательное отношение к политической платформе оппозиции: они одобряли курс на строительство социализма, на социалистическую индустриализацию страны.

В марте 1926 года на VII Всесоюзном съезде РЛКСМ Косарев докладывал по поручению нового комсомольского руководства Ленинграда: «Товарищи! Ленинградская организация считает своим долгом сказать делегатам съезда следующее: без кичливости, без чванства мы желаем заниматься практической работой... Ленинград хочет большевистского единства».

Зал ответил дружными аплодисментами, поднялся и запел «Молодую гвардию».

Косарев вернулся в Ленинград. Предстояло возродить практическую деятельность комсомольских организаций, научить работать новый актив.

Пришла пора поднимать молодежь на социалистическую индустриализацию. За то короткое время, которое провел еще Косарев в Ленинграде, он много сделал для того, чтобы на крупных и мелких предприятиях района молодежь начала бороться за

режим экономии и рационализацию производства, за увеличение выпуска продукции.

Работа в Ленинграде стала для Саши Косарева суровым испытанием его политической закалки, его организаторских способностей, стала для него школой партийной зрелости. К юношескому задору прибавилась твердость, умение защищать линию партии при самых тяжелых обстоятельствах, природные задатки руководителя получили шлифовку от общения с такими великолепными людьми и страстными большевиками, как Киров, Калинин, Андреев, Петровский.

Неустанный последовательный борец за осуществление ленинских заветов, Косарев имел право написать в автобиографии такие строки: «Всегда защищал линию партии и ее ЦК. Приходилось активно участвовать в борьбе с центристами, рабочей оппозицией и троцкистами, с ленинградской оппозицией, с углановщиной в Москве, с правыми и различными оппозициями, в том числе и левыми, в комсомоле».

В апреле 1926 года Косарева отозвали из Ленинграда и назначили заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК ВЛКСМ.

На этой работе Косарев пробыл около года. Орготдел дал ему возможность узнать в деталях структуру комсомольских органов в стране, познакомиться со сферами деятельности Центрального Комитета комсомола. Очень скоро эти знания пригодились ему.

Косарев принес с собой из районов и заводских ячеек Ленинграда ясное сознание того, как важно комсомолу учитывать интересы молодежи, как важно улавливать самые незначительные изменения в ее настроении. Тогда она станет тем, чем должна быть — опорой и надеждой Советской власти.

Для этого в первую очередь нужен был хорошо подготовленный, так сказать, активный актив, говорил Александр в марте 1927 года на V Всесоюзной конференции комсомола. Тесный контакт с молодежью — вот главное для комсомольских руководителей. Аристократическому отношению к массам, чванству, высокомерию призывал он объявить войну. Делегаты одобряли оратора возгласами: «Правильно! Согласны!»

Так получалось в два-три последние года, что Косарева бросали на самые трудные участки, ему все время приходилось не только переезжать с места на место — в двадцать три года это не слишком обременяет человека, — но каждый раз изменялись масштабы его деятельности. Московский район и Пензенская губерния, район в Ленинграде и вся страна... Нужна была недюжинная хватка, чтобы быстро примениться к новой обстановке, новым проблемам, новым людям.

В феврале 1927 года Косарева избрали секретарем Московского комитета комсомола.

Саша вновь оказался в гуще столичной молодежной жизни. С его приходом в Московском комитете комсомола стали постоянными совещания с представителями заводских и фабричных ячеек, с молодыми рабочими. Здесь обменивались опытом, новыми идеями, обсуждали намеченные горкомом планы. Саша очень любил такие встречи — они давали массу сведений о жизни молодежи столицы. Он остро приглядывался к участникам, особенно к тем, кто выступал с предложениями: так обнаруживался тот самый «активный актив».

На одном из заседаний бюро заведующий отделом МК выступил с каким-то предложением, но говорил он, то и дело спотыкаясь, никак не мог добраться до сути. Выяснилось, что не он его автор. Косарев настоял, чтобы вопрос сняли с обсуждения, а на следующий день

вызвали работника райкома, который предложение внес.

— Кто же лучше его, — возмущался Саша, — изложит сущность дела. Да и бюро полезно познакомиться с живым, думающим человеком, а не с бумажкой.

Зная работников низовых комсомольских организаций, Косарев постоянно привлекал наиболее способных к самостоятельной работе.

Но найти инициативных ребят — еще не все. Нужно научить их работать. При горкоме был создан университет комсомольского актива. Саша сам подбирал лекторов, помогал разработать программу, а потом часто выступал перед слушателями. Особенно интересный доклад сделал он о задачах комсомола в связи с культурной революцией.

Косарев постоянно искал новые формы работы с молодежью, часто бывал не только на фабриках и заводах, но и в техникумах и вузах, в комсомольских клубах, молодежных общежитиях.

Вечером после трудового дня нередко звал своих горкомовцев: «Поедем в какой-нибудь клуб, посмотрим, чем молодежь занята». А на следующий день увлеченно рассказывал о том, что увидел и услышал, тут же давал поручения: он не забывал ни одной просьбы или жалобы, которую услышал от комсомольцев.

Везде, где Саша бывал, оставались люди, которых друзьями, может быть, и не назовешь, потому что встреча их часто была единственной, но которые безоговорочно принимали Косарева в число своих близких, тех, кому сам рад помочь и на помощь кого можешь рассчитывать. Великий дар — искренностью, вниманием и простотой завоевать сердца людей, с которыми свел тебя только долг службы. Именно этому таланту обязан был Саша тем, что популярность его среди молодежи росла день от дня. Его любили

приглашать в организации, от его посещений всегда многого ждали.

Как-то он был в гостях в Павлово-Посадском районе. Около двухсот комсомольцев собрались в клубе Старо-Павловской фабрики. Не было ни президиума, ни трибуны. Говорили, собравшись в тесный крут. Бывший секретарь Павлово-Посадского райкома комсомола А. Кузнецов вспоминал, какое большое впечатление произвела эта встреча на них, как зажглись ребята идеей борьбы за культурного, гармонически развитого рабочего человека. Косарев горячо поддержал новую форму комсомольской работы, о которой ему рассказывали павловопосадцы, — культпоходы. Райком комсомола планировал как раз организовать для ячеек поездки в театры Москвы. Забронировать билеты помог им секретарь Московского комитета комсомола.

В общих задачах страны, переживавшей культурную революцию, Александр находил ту задачу, которая требовала первоочередной комсомольской заботы, и не останавливался, пока проблема не исчезала совсем. Как говорят люди, знавшие Косарева, у него была удивительная способность направлять силы комсомола на осуществление линии партии. Всесоюзный поход против неграмотности, шефство над всеобщим начальным обучением и субботники в помощь школе — эти общесоюзного значения вопросы не выходили из поля зрения московской комсомолии.

Но были и такие, где столичный комитет комсомола выступал инициатором. Об этом вспоминает один из комсомольцев той поры, Л. Гурвич. Родилась мысль использовать в массовой работе комсомола гармонь, которая в деревне была почти единственным развлечением. Но владели этим «богатством», как правило, кулацкие сынки, они и устраивали посиделки, на которые собирались парни и девчата со всей деревни. В городах гармонь непременно сопровождала

пьяные гулянки. В общем, слыла она синонимом бескультурья и в быту и в музыке. Не существовало ни государственного выпуска гармоней, ни нот, ни школ для гармонистов.

И вот Московский комитет комсомола выдвинул лозунг: «Гармонь на службу комсомола!» Немало издевок и насмешек встретил призыв на первых порах.

Косарев рьяно защищал новую идею. И конечно, не ограничивался словами. Он провел целую кампанию в поддержку лозунга. К такому, казалось бы, неглавному направлению комсомольской работы он подошел со свойственной ему широтой и размахом. Нужно популяризировать гармонию — и он подымает на ноги все относящиеся к этому сферы, от музыкальных учебных заведений до фабрик и типографии.

При горкоме была создана специальная комиссия по работе с гармонистами. Бюро регулярно обсуждало ее деятельность. А результаты появились очень скоро.

При Московской консерватории удалось открыть класс гармоники. Такие же классы были созданы при двух музыкальных техникумах. Комиссия добилась государственного производства инструментов и выпуска нот.

Тысячи конкурсов на лучшего гармониста провел комсомол сначала в Москве, а потом по всему Союзу. Инициативу молодежи поддержал нарком просвещения СССР Анатолий Васильевич Луначарский.

Председателем жюри общемосковского конкурса Косарев уговорил стать композитора М. М. Ипполитова-Иванова — ректора консерватории. В состав жюри вошли видные деятели культуры.

Открывая в Колонном зале Дома Союзов конкурс, Косарев говорил о том, что на призыв комсомола откликнулись миллионы молодых людей, что уже заметны сдвиги в распространении гармонии.

Закончился конкурс в Большом театре праздником советской гармоники. И тут оказалось, что непризнанный, «некультурный» инструмент обладает богатейшими возможностями. Лучшие певцы столицы — А. В. Нежданова, И. С. Козловский, М. П. Максакова — пели под гармонь. Оркестр гармонистов под управлением дирижера ГАБТа Ю. Ф. Файера аккомпанировал танцу Е. В. Гельцер. Солисты-гармонисты исполняли классическую музыку. Праздник удался на славу.

С тех пор гармонь стала спутником молодежи на демонстрациях и вечерах, на концертах и в походах. А борьба за ее признание превратилась в первый шаг комсомола по развитию художественной самодеятельности.

Сейчас даже странно думать, что когда-то приходилось доказывать, что туризм нужен и полезен. Однако было именно так. В середине 20-х годов этот вид спорта и отдыха в стране практически не существовал. Инициатором развития туризма стал комсомол, в частности Московский комитет. Созданное при нем бюро, собственно, превратилось в первый центр туристской работы в стране. Потом появилась идея создать массовое добровольное туристское общество. Это предложение комсомола было вынесено на широкое совещание при ЦК партии. Защищал его от лица молодежи А. Косарев. Он же был одним из докладчиков, когда вопрос решался окончательно на Оргбюро ЦК партии. Здесь было принято решение создать Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий.

С того момента началось быстрое развитие массового туризма в стране.

Одно из важных начинаний Косарева на посту секретаря Московского комитета комсомола — пропаганда физкультурного движения молодежи. В

кружках физкультуры в начале 20-х годов мало кто занимался. Секретарь МК обратил внимание общественности на казенный стиль работы, художочный социальный состав и мизерную численность профсоюзных кружков физкультуры. Саша встал на защиту предложения комсомола создать спортивные кружки при школах, на заводах и фабриках, в частях Красной Армии. Пришлось основательно повоевать с бюрократами, которые встретили это предложение в штыки. Но и здесь победа досталась комсомолу.

Можно подумать, конечно, что все эти дела диктовались временем, что от решения этих вопросов уже нельзя было уйти, что Косарев занимался ими «по должности». Но так же хорошо известно, что самые насущные проблемы ждут своего решения подчас годами, ждут до тех пор, пока не найдет проблема энтузиаста — живого человека, который будет «пробивать» ее решение вопреки тяжелым условиям, вопреки равнодушию и существованию других, куда более срочных задач. А уж постановка вопроса, стиль организации того или иного дела почти целиком зависят от его вершителя.

Влияние эмоционального, боевого Косарева всегда сказывалось на всех начинаниях, которые он отстаивал. Он боролся за гармонь как за средство массовой музыкальной культуры, потому что сам любил песни, потому что испытывал на себе силу эмоционального воздействия музыки.

То же самое с туризмом, физкультурой и спортом, Александр страстно любил путешествия, знал, как они украшают жизнь, обогащают человека, расширяют его представления о мире и о себе.

Саша прекрасно плавал, ездил верхом, водил мотоцикл, играл в волейбол. Очень любил лыжи, предпочитая недалекие походы. У него было много друзей из института физкультуры, и по воскресеньям

человек десять-пятнадцать отправлялись за город. Намечали на карте какую-нибудь деревню километрах в двадцати от станции, шли к ней, пили там молоко и только к вечеру выходили снова к железной дороге.

На себе — лучший критерий — проверил Саша, что физические упражнения — это не только здоровье, но и душевная уравновешенность, жизнерадостность, работоспособность наконец.

Все это были грани его богатой натуры. Но он хотел, чтобы каждый юноша и каждая девушка Страны Советов имели возможность получить гармоническое развитие.

Многое из того, за что ратовал Косарев, наталкивалось на яростное сопротивление людей инертных, которым не хотелось ломать давно установленный порядок, по хотелось наживать себе липшие труды и хлопоты. Но Саша чувствовал бюрократов за версту и обрушивался на них со всей своей нетерпимостью, страстностью, бесповоротным стремлением к цели. Он ненавидел бюрократизм и боролся с ним всю жизнь: «Там, где на сцене должна появиться масса, там бюрократическая регламентация — злейший шаг», — писал он в брошюре «Весь Союз — одна ударная бригада».

Время военного коммунизма, время лишений и чрезвычайного положения миновало. Для страны, для партии, а значит — что всегда с особой силой подчеркивал Косарев, — и для комсомола наступила пора строить, строить и строить, поднимать народную промышленность и сельское хозяйство. Это было весьма сложно — переключить сознание людей, особенно молодежи, выросшей уже после революции, с решения задач чисто политических на проблемы хозяйственные, которые многим казались далекими от революции.

Косарев писал в это время в брошюре «Рапорт комсомола»: «Мы воспитываем большевиков...

...Путь этот лежит через непосредственное и активное участие на любом участке социалистического строительства. Только став в ряды бойцов и строителей, только объявив непримиримую, не на живот, а на смерть борьбу с недостатками и промахами строительства, с бюрократами и чиновниками в мундирах и без оных, с подхалимами и молчаливыми, может оформиться в нынешних условиях молодой большевик».

В Москве комсомольцы создавали отряды «легкой кавалерии», чтобы выискивать тех, кто мешает явно или косвенно новой жизни. Программа отрядов совпадала целиком со словами Косарева — секретарь МК делал все, чтобы это комсомольское движение стало массовым. В конце 1928 года в Москве уже было три тысячи «кавалеристов», объединенных в четыреста отрядов. Секретаря Московского комитета Сашу Косарева называли «главным кавалеристом».

В это время в Москве, как и в других городах страны, возникали первые ударные молодежные бригады, начиналось движение за повышение производительности труда, за ударные темпы работы, за социалистическое отношение к труду.

Не сходили с повестки дня и вопросы военной подготовки молодежи.

В октябре 1927 года праздновалось пятилетие шефства комсомола над Военно-Морским Флотом, Косарев в составе делегации ЦК ВЛКСМ снова оказался в городе на Неве, снова побывал на боевых кораблях и в частях Балтийского флота. Он встретился с товарищами по тяжелым временам борьбы с ленинградской оппозицией, его прекрасно помнили и принимали как старого друга.

В эту поездку Александр сделал все, чтобы установить постоянную, непосредственную связь московские комсомольцев с их подшефным кораблем —

линкором «Марат». Он считал такие контакты очень важными для молодежи: «Шефство комсомола над флотом — это один из каналов, через который комсомол конкретно участвует в государственной деятельности».

Военный моряк, соратник Косарева по ленинградскому идейным боям М. Волков, рассказывает о дружбе с секретарем Московского комитета:

«На VIII съезде мы снова встретились с Косаревым. Он, если можно так выразиться, был активным запевалой съезда. Он участвовал в различных комиссиях и работе президиума, выступал с речами по отчету ЦК ВЛКСМ и в связи с переходом на другую работу старейших деятелей комсомола. По его предложению съезд за большие заслуги перед комсомолом избрал почетными комсомольцами Николая Чаплина, Сергея Соболева и других.

Не забыл он в эти дни и о Военно-Морском Флоте, Свои добрые отношения к флоту А. В. Косарев выразил на первом же заседании при открытии съезда. После рапорта начальника Военно-Морских Сил съезду, а это стало теперь традицией, с речью выступил Косарев в форме военного моряка. От имени Московской комсомольской организации он обратился к съезду с ходатайством об избрании начальника Военно-Морских Сил республики Р. А. Муклевича почетным комсомольцем. Съезд единодушно принял это предложение.

Мы, представители комсомола Балтфлота, все время чувствовали внимание и заботу Косарева. Он использовал наше пребывание в Москве для встреч с рабочей молодежью города. Мы побывали на заводе «Динамо», на кондитерской фабрике «Красный Октябрь» и некоторых других...»

Но заниматься практическими делами не всегда удавалось. Идейная борьба в партии и комсомоле еще не закончилась, и «правые» и «левые» еще держались,

на противодействие им приходилось тратить много сил. В 1927 году произошла новая вспышка открытых выступлений объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции в Москве. Эти выступления были разгромлены, главарей исключили из партии, а вслед за ними XV съезд партии исключил из партии еще 75 активных оппозиционеров.

В этой борьбе Косарев как секретарь Московского горкома комсомола играл видную роль.

Профессор В. В. Кованов, в те годы студент Московского государственного университета, так пишет об идейных баталиях в студенческой среде:

«На комсомольских собраниях, проходивших обычно в Коммунистической аудитории — одной из самых больших в университете, часто выступал в те дни секретарь Московского городского комитета комсомола Александр Косарев. Помню его — простого, оживленного, в клетчатой рубашке с засученными рукавами. Говорил, слегка картавя, очень темпераментно, с воодушевлением подчеркивая наиболее важные места взмахом руки.

Выступления вожака московского комсомола вызывали бурную реакцию в зале. Случалось, его пытались прервать подголоски троцкистов: они выкрикивали свои лозунги, принимались стучать ногами. Но их быстро приводили в чувство сами студенты, а если крикуны упорствовали — выводили вон».

Идейная борьба в партии и комсомоле в 1928 году обострилась в связи с наступлением Советской власти на кулачество.

Против политики партии, направленной на социалистическую реконструкцию народного хозяйства, выступили правые оппозиционеры во главе с Бухариным, Рыковым, Томским. Особенно остро борьба с правыми проходила в Московской партпийпой

организации, здесь они захватили руководство в Московском комитете и в некоторых райкомах партии. Секретарь МК партии Угланов и некоторые другие партийные работники пытались перетянуть на свою сторону комсомольский актив города. Снова Косареву пришлось отстаивать линию партии, снова от него потребовалось незаурядное мужество и решительность. Столкновение с правыми стало одним из самых тяжких испытаний для принципиальности Косарева.

Московский комитет ВЛКСМ поддержал позицию ЦК ВКП(б). На пленуме МК комсомола в октябре 1928 года было принято решение, нацелившее первичные организации на борьбу с правым уклоном.

Среди рассказов о важных и серьезных делах, которыми занимался Саша Косарев, будучи секретарем московской комсомолки, нужно вспомнить и о том, что был он молод, в двадцать восьмом году ему исполнилось двадцать пять. В этом году он женился на студентке Института народного хозяйства имени Плеханова Марусе Нанейшвили.

Когда Саша вернулся из Ленинграда в Москву, его поселили в гостинице «Париж» (на ее месте построено здание нынешнего Госплана СССР) вместе с другим комсомольским работником, Гошей Беспаловым из Перми.

В длинный коридор этой полугостиницы — полужилого дома выходило множество дверей. За одной из них жила девушка, которая с первого взгляда поразила Сашу. Но он долго не решался заговорить с ней и знал только, что ее отец — старый большевик Виктор Нанейшвили и что они не так давно переехали в Москву из Перми.

Но судьба сама пришла к влюбленному на помощь. Эта девушка позвонила к ним в номер и спросила Гошу Беспалова. Ей очень хотелось попасть на праздничный

ноябрьский парад, а билета не было. Гошу же она хорошо знала по Перми. Может, он поможет?

Но Беспалова в тот момент дома не оказалось. Зато был Саша. Он быстро разузнал, в чем вопрос, и, конечно, предложил свою помощь. Но пропуск на Красную площадь удалось достать один, правда, на два лица. Так что им пришлось идти на парад вместе...

После первой же встречи Саша точно знал, что с этой девушкой он не расстанется ни за что. Через два месяца он сказал Марусе: «Давай поженимся». В новом, 1928 году они зажили вместе. Они поселились в Сокольниках, на Русаковском шоссе, в небольшой квартирке.

Летом Косареву удалось вырваться на недельку в Абастуман, где отдыхала у знакомых Маруся. Саша любил Грузию, несколько раз был там, но в этот год она открылась ему в новой красоте: прогулки по горам он совершал теперь вместе с Марусей.

Счастье давало новые силы для работы над собой. Пойти куда-то учиться по-прежнему не удавалось. По-прежнему Александр восполнял нехватку образования самостоятельно. Он часто повторял: «За знания нужно бороться, их нужно брать с бою, упорством и трудом». Комсомольский работник тех лет и друг Косаревых Елена Джапаридзе вспоминает: «Жадный до знаний, Саша много времени уделял учебе, и я с радостью несколько раз выступала в роли консультанта по математике и физике и всегда удивлялась его способностям и умению схватить главное».

На комсомольских активистов тех лет приходилась огромная физическая и психическая нагрузка. Человек такого склада, как Косарев, выдерживал и колоссальное умственное напряжение. Он глубоко изучал каждый вопрос, с которым сталкивала его жизнь, — по книгам, документам, по рассказам специалистов. Начав разрабатывать тему, Саша

окружал себя знающими людьми, расспрашивал их дотошно, не стесняясь показаться туповатым. Но зато всегда выжимал из человека главное, докапывался до сути, а через некоторое время мог беседовать со знатоками по самому специфическому вопросу на равных. Косарев был твердо убежден, что, если он хочет толкового подхода к тому или иному вопросу от своего актива, он сам должен знать этот вопрос лучше исполнителей.

Саша всегда очень много читал, внимательно следил за новой художественной литературой, особенно за творчеством молодых, начинающих писателей. Знал их и лично, приглашал в Московский комитет комсомола. И писатели приходили в МК запросто — секретарь создавал там удивительно приятную, непринужденную обстановку. Атмосфера искренней молодой дружбы всем очень нравилась.

«Было в Косареве что-то юношеское, озорное, какая-то открытая простота, постоянная готовность вмешаться в ход жизни, круто ее замесить...

И даже звонкая фамилия — Косарев, ладная, веселая, с каким-то солнечным звучанием очень шла к его тонкой, гибкой фигуре, узким, смеющимся, с хитринкой глазам», — вспоминал писатель Марк Колосов.

А самому Косареву, что говорить, нагрузка порой казалась невыносимой. Но минутная слабость проходила: Косарев по-прежнему оставался тем, кем был, — человеком удивительной работоспособности и энергии.

4

Он никогда не относился к тому, что делал, как к службе. Комсомол был его жизнью, его увлечением, его

призванием. Тратя себя без остатка, он осуществлял самые смелые замыслы, успех сопутствовал ему.

Он был членом ЦК комсомола с 1926 года. В 1927 году участвовал в работе XV съезда партии, его ввели в состав Центральной контрольной комиссии. И вот в 1929 году мартовский пленум избрал Александра Косарева генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. Началось его десятилетнее пребывание у руля комсомольской жизни страны.

Высокий пост ничего не изменил в доброжелательном, искреннем отношении Косарева к людям, в его живом, некабинетном стиле руководства — Сашу по-прежнему любили все, кто знал.

Работники ЦК быстро стали его друзьями. После работы, не остыв от бурного дня, ехали, как правило, к нему, в Сокольники, и здесь заканчивали рабочие споры или мирно беседовали о новых театральные постановках, о новых книжках до той поры, пока не расходились в оценках — и тогда снова спорили до хрипоты. А то устраивали хоровое пение — в доме Косаревых любили песню.

Жена Александра разделяла с ними все их заботы. Маруся сама много занималась общественной работой и в комсомоле — с пятнадцати лет, и в партии — она стала членом ВКП (б) в 1929 году.

Этим летом в косаревском доме началась подготовка к «великому путешествию». Шестеро ребят во главе с Косаревым и Чаплиным решили спуститься на лодках по Волге. Летом странники отбыли из Москвы. На лодки погрузились на маленькой пристани еще до Нижнего Новгорода. Около месяца спускались по великой реке до Сталинграда. Саша вернулся домой черный от солнца, довольный, отдохнувший, до краев переполненный впечатлениями. Шквал рассказов о невероятных приключениях обрушился на Марусю.

А спустя пару лет было предпринято новое странствие мужчин — на этот раз на озеро Селигер. Первозданная красота озерного края, щедрость его и раздолье потрясли Александра. Он подумал о том, как обидно, что такое великолепие видят лишь случайные заезжие рыбаки да вот такие «первопроходцы», как он с друзьями. Вот где идеальное место для организованного молодежного туризма — эта мысль принадлежала Косареву.

Не забывал он и своих старых друзей, помогал им и сам в трудную минуту шел к ним за помощью. Семена Федорова, который был в это время секретарем комсомола Татарии, Косарев предложил послать секретарем краевого Дальневосточного комитета комсомола. Положение там было чрезвычайно сложное, и Саша хотел, чтобы местным комсомолом руководил проверенный человек. Провожая друга на Дальний Восток, сказал: «Смелый ты парень, Сенька!»

А потом в каждый приезд Федорова в Москву затаскивал его к себе домой и подолгу расспрашивал обо всем. Особенно внимательно слушал рассказы Семена о подвигах комсомольцев во время вооруженных конфликтов, случавшихся там еще часто. Вскоре на Дальний Восток пришло радостное известие — отличившихся матросов и офицеров Амурской флотилии ЦК комсомола награждает за героизм именными часами.

Шел второй год первой пятилетки — началась индустриализация Советской республики. Строились мощные электростанции, в том числе Днепровская и Свирская. Закладывались огромные металлургические заводы — Магнитогорский, Днепропетровский, Криворожский. Страна приступила к строительству Сталинградского тракторного, Горьковского автомобильного, Ростовского завода

сельскохозяйственного машиностроения.
Закладывались предприятия Комсомольска-на-Амуре.

Надо было мобилизовать комсомол на выполнение этих грандиозных задач. Косарев обратился к Всесоюзной комсомольской конференции 1929 года с неожиданным предложением — устроить пятилетке мощную рекламу. Он предложил «в десятках и сотнях тысяч красочных оттисков, используя всю типографскую технику и досужих на выдумку поэтов, писателей, частушечников, рассказать трудящимся массам о пятилетке и протереть глаза слепым, не верующим в нашу пятилетку. Не зная пятилетки, не сумеешь организовать комсомольскую общественность на ее выполнение».

Через несколько дней в «Комсомольской правде» была напечатана огромная карта страны со всеми новостройками, с цифрами их мощности и сроками пуска. С этой картой комсомольские активисты могли смело отправляться в массы для пропаганды пятилетнего плана.

В 1929 году комсомол провел первую мобилизацию на новостройки. В Сибирь и на Урал уехали 66 тысяч комсомольцев. Всего на важнейших стройках пятилетки работало свыше 350 тысяч комсомольцев. Из них 200 тысяч приехали туда по путевкам своих организаций.

Состав пролетариата значительно увеличился, страна нуждалась в рабочих различных специальностей. В этих условиях особое значение приобретало обучение молодежи, распространение технической грамотности.

Еще выступая на VIII съезде комсомола в 1928 году, Александр Косарев дал глубокий анализ того, что должен делать Союз молодежи на этапе социальной, экономической и культурной перепашки страны. Он говорил о том, что в период превращения России нэповской в Россию социалистическую одним из

стержневых вопросов является вопрос о квалифицированных, преданных делу пролетариата кадрах.

В конце 1929 года Косарев получил письмо от начальника строительства крупнейшего тракторного завода на Волге. В. М. Иванов с тревогой писал, что до пуска завода осталось меньше года, но пока неясно, кто на нем будет работать — малограмотные, не получившие специальной подготовки люди не смогут встать к сложным станкам.

Это письмо стало толчком к серьезной и длительной борьбе комсомола за кадры. На бюро ЦК ВЛКСМ был поставлен вопрос «О подготовке рабочих для новых заводов». Решили обратиться с конкретным предложением в Совет Народных Комиссаров СССР — создать на новостройках школы фабрично-заводского ученичества и учебные комбинаты, чтобы ко времени сдачи в действие производственных цехов подготовить для них рабочие кадры. Цель была ясна и сомнений не вызывала ни у кого.

В июле 1930 года XVI партсъезд отметил в решениях необходимость расширить сеть и контингенты школ ФЗУ — основной формы подготовки квалифицированных рабочих кадров из подростков. Правительство дало указание — строительство школ ФЗУ обеспечивать всем необходимым. За пятилетку на их нужды государство отпустило 200 миллионов рублей.

Строительство школ ФЗУ было организовано как настоящее наступление. «ЦК комсомола в этот момент превратился в боевой штаб строительства», — вспоминает бывший заведующий сектором образования рабочей молодежи В. Захаров.

ЦК ВЛКСМ послал на пятьдесят строек своих уполномоченных, которые следили за ходом работ.

В ЦК ежедневно приходили десятки писем и телеграмм, многие — на имя Косарева. Каждый сигнал

немедленно получал отклик. «Комсомольская правда» регулярно публиковала сводки о ходе строительства школ. Большую работу вели комсомольские организации Москвы и Ленинграда, Украины и Урала, Сибири, Кузнецк-строя, Магнитогорска и Челябинского.

И все-таки положение исправлялось медленно. ЦК комсомола обращался за содействием в Госплан и ВСНХ, Косарев говорил с их руководителями — В. В. Куйбышевым и Г. К. Орджоникидзе.

В чрезвычайно сложной обстановке ЦК ВЛКСМ добился завершения строительства нескольких сотен школ. На этих объектах не было водопроводных труб и радиаторов отопления. Стоили они очень дорого, и, чтобы их получить, требовалось специальное разрешение председателя ВСНХ Г. К. Орджоникидзе. Хозяйственники существенно урезали заявку школ на трубы.

Тогда Косарев дал комсомольцам задание: устроить в приемной Орджоникидзе дежурство и добиться необходимого оборудования для строек. Саша регулярно узнавал, как идут дела. И все-таки в конце недели виза была получена! А Орджоникидзе даже похвалил комсомольцев за находчивость и упорство.

Длительная и настойчивая борьба комсомола за признание школ ФЗУ завершилась успешно: если в 1929 году в них учились 73 тысячи человек, то в 1930-м — 473 тысячи, в 1931-м — 585 тысяч, в 1933 году — 1200 тысяч подростков.

Это было одно из тех комсомольских начинаний, слава осуществления которых по праву связана с именем Александра Косарева.

В канун нового, 1931 года у Косаревых родилась дочь Лена. Новые заботы появились у комсомольского секретаря. Жизнь звенела теперь в нем новой, сладкой струной: дочка, его дочка. Он без конца снимал

телефонную трубку — как там у вас? А когда поздно вечером приезжал домой усталый и брал на руки девочку, лицо его разглаживалось, светлело, он прятал сиявшие счастьем глаза.

Он, конечно, баловал дочку, но ни у кого не поворачивался язык сделать ему замечание: девочка отвечала отцу такой же любовью. Отъезд в командировку превращался теперь для Александра в проблему: как бы чего не случилось с маленькой Леной. Обстоятельства же сложились так, что ему пришлось почти на месяц переселиться в Сталинград.

Весной 1931 года со Сталинградского тракторного завода вернулся Серго Орджоникидзе. На май намечался пуск пятитысячного трактора, но положение на главном конвейере было неблагополучное, задание выполнялось наполовину. А поскольку работала на Тракторном в основном — восемьдесят процентов — молодежь, Серго предложил Косареву послать туда бригаду ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской правды» — оживить комсомольскую и производственную деятельность молодежи.

В мае пять человек во главе с секретарем ЦК комсомола выехали в Сталинград. В поезде обсуждали план работы на Тракторном. Косарев предупредил, что едут они туда не обследовать, а помогать комсомольской организации завода.

Прямо с вокзала пятерка отправилась на завод. Разместились в доме для приезжих, который заменял гостиницу. По соседству в комнате жила уже бригада «Правды». Началась напряженная борьба за полнокровную деятельность заводского комсомола.

На следующий же день после приезда бригады состоялось заседание заводского комитета комсомола и комсомольского актива цехов, а через несколько дней — общезаводское комсомольское собрание.

Решено было обеспечить выпуск пятитысячного трактора к 27 мая: комсомольцы наметили меры для мобилизации всей молодежи на борьбу за пятитысячный.

Секретарь заводского комитета плохо разбирался в сложностях производственной и политической жизни завода, «не тянул» комсомольские дела. Надо было найти опытного, сильного руководителя. Косарев перебрал в памяти секретарей райкомов комсомола в Москве, Ленинграде, на Украине, секретарей крупных заводских комитетов. Кто сможет быстро расшевелить комсомол и молодежь Тракторного, умело расставить силы для ликвидации прорыва? Ночью Саша позвонил секретарю ЦК ВЛКСМ Сергею Салтанову:

— Будь добр, проведи быстренько на бюро ЦК вопрос о посылке секретаря Фрунзенского райкома Москвы в Сталинград.

Но пока приходилось членам бригады самим искать выходы из самых неожиданных ситуаций.

— Саша, не можем никак поговорить с молодежью, которая живет не на заводе, а в городе, — жаловались комсомольские активисты, — после работы все сразу бегут на поезд, им не до собраний.

Косарев задумался:

— А что, комитетчики, если сделать собрание в пути, в самом поезде, он ведь идет больше часа?

Предложение понравилось. Косарев поручил члену бригады Петру Листовскому вместе с комсомольским активом механосборочного цеха подготовить такое собрание.

Они наметили повестку дня, один вагон рабочего поезда украсили лозунгами, а снаружи сделали надпись: «В этом вагоне по дороге из завода в город состоится собрание беспартийной молодежи механосборочного цеха».

Импровизированный «зал» располагал к хорошему разговору, все прошло удачно. С тех пор такие собрания стали проводить регулярно, они полюбились молодежи.

Другая проблема, которой пришлось сразу заняться бригаде, — организация массовой технической учебы. Но не было технической литературы. Правда, вместе с американским оборудованием на завод прибыли инструкции, но все на английском языке. Надо было срочно перевести их и издать. Косарев договорился по телефону с руководством издательства, и завод вскоре получил из Москвы необходимую литературу и инструкции на русском языке.

Только такой стиль командировок Косарев признавал, конкретная помощь — вот их цель и результат.

Положение на заводе оставалось напряженным, работали сверхурочно — по семнадцать-восемнадцать часов. Члены бригад ЦК ВЛКСМ и «Правды» не уходили с завода до глубокой ночи. Некоторые журналисты потом много писали о тех горячих днях. Есть в этих заметках и строки об Александре Косареве.

Вот отрывок из книги Бориса Галина «Время далекое, товарищи близкие», посвященной журналисту Якову Ильину — близкому другу Косарева.

«Косарев, Саша Косарев, вошел, вернее, влетел в комнату Ильина с ватагой комсомольцев, все расшвырял на столе — книги, тетради, карандаши, и потребовал, чтобы Яшка немедленно оторвался от своей писанины — и айда на Волгу!

Он был в синей спецовке, руки, лицо почернели от формовочной земли: всю смену Косарев с ребятами штурмовал в литейном, работал на субботнике.

Косарев ловким и сильным движением оторвал Ильина вместе со стулом от пола и закричал:

— Давай, Яшок, на Волгу!

Ильин с грустью посмотрел на стол — заведенный порядок был сломан, бумаги раскиданы. Косарев стоял у него за спиной, торопил.

— Дай допишу, — попросил Ильин, показывая на начатое письмо.

Лукавые, брызжащие весельем косаревские глаза задержались на большом листе бумаги:

— Это кому такое длинное? Личное? Общественное?

— Есть в Иванове в обкоме один товарищ...

— Северьянова? — быстро спросил Косарев. — Это же мой кадр!

— Саша, — звенящим от напряжения голосом сказал Ильин. — Друг мой, Саша! Ты нас с Нюрой разлучил, и ты же еще спрашиваешь, почему я пишу такие длинные письма. Совесть у тебя как у секретаря ЦК есть?

— Имеется, — сказал Косарев, перегнулся через плечо Ильина и карандашом приписал с краю на листе письма: «Иваново-Вознесенск. Секретарю обкома. Северьянова, вопрос о личном счастье не прост!»

Накупавшись до озноба, дружная компания отправилась в дом, где рабочие жили производственно-бытовой коммуной. Косарева она очень интересовала. Здесь разгорелась жаркая дискуссия о том, правильно ли ребята живут, не входит ли в противоречие их несомненный трудовой энтузиазм с неустроенным, заброшенным бытом.

— А прозрачные человеческие отношения, с ними как быть? — выкрикнул восторженный защитник коммуны.

И тут Косарева будто пронзило — он вскочил на ноги и, сжав худые плечи кудрявого Оськи, в свою очередь, шепотом стал выговаривать ему:

— Ах ты, пламенный Титан! Ясные прозрачные человеческие отношения, а?

И, крепко взяв хлопца за руку, быстрым шагом повел по дому-коммуне. И все коммунары пронеслись за

ними бурей — из комнаты в комнату, с этажа на этаж... Всюду было грязно, неубрано, неприглядно выглядели туалетные и ваннные комнаты.

— Хлопцы вы хорошие, — Косарев хитро подмигнул, — ребята — огонь! Но гляньте, поглядите внимательно на свой быт: боже, какую грязь вы развели! Ведь каждый из вас, наверное, думает: «Э, пусть мой сосед наводит чистоту и порядок...»

По правде сказать, эти огневые ребята из производственно-бытовых коммун «Искра», «Мотор» были по душе Саше Косареву. Их жаркие лозунги, их готовность к штурмам, к тому, что можно было назвать строительным пафосом, бросались в глаза.

— Но что же делать, ребята, если время этих яростных штурмов отходит в прошлое, если новые времена требуют от нас решения новых, качественно более высоких задач по освоению той самой техники, которую мы с вами монтировали в корпусах завода? И тут, ребята, штурмом ничего не добьешься!

Перед уходом еще долго митинговали на крыльце дома под майским звездным небом».

Особенно трудно стало на заводе перед самым пуском пятитысячного. Старались успеть к объявленному сроку — двадцать седьмому мая. Молодые парни по сорок восемь часов не отходили от станков. Целая смена отказалась уйти с конвейера и работала лишние сутки, чтобы выпустить юбилейный трактор.

В последнюю ночь на сборку моторов вышли бригады «Правды» и ЦК комсомола.

И вот наступил торжественный момент, ради которого было предпринято столько героических усилий.

27 мая в 23 часа 15 минут трактор № 5000, окрашенный в красный цвет, с надписью на радиаторе «Пятитысячный — комсомолу» был готов к спуску. Честь

свести его с большого конвейера была доверена генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Косареву.

В книге «Большой конвейер» правдиста Якова Ильина — очевидца событий — есть этот эпизод.

«На спуске Ларичев влезал на трактор вместе с секретарем ЦК комсомола. Учил его, как сводить трактор с конвейера, тот умел рулить, но скорость трактора туго поддавалась, и он сидел на пружинящем сиденье напряженно, насупленно. На него смотрели тысячи глаз.

— Понимаю, понимаю, — говорил он Ларичеву и дергал рычаг к себе.

Ларичев стоял за его спиной, поправляя его движения, тот уже действительно понял, в чем дело, и, дернув неожиданно резко рычагом, рванул трактор с конвейера.

...Трактор уже был в последнем гнезде. Секретарь комсомола стоял сбоку взволнованный; у него сразу появился вид азартного, задетого за живое мастерового; проходившие мимо него девушки шепотом спрашивали у соседей: «Это который же секретарь, вот этот маленький?» И, оглядывая его — в спецовке и голубой майке, они не то разочарованно, не то одобрительно говорили: «Этот наш».

Да, он действительно был «наш»... Вот он стоял такой, как он есть, — невысокий и плотный, взволнованный только одним — как бы свести трактор, ни на кого не наехав, как бы правильно «включить скоростя»?

Ларичев стоял рядом с ним, и это успокаивало.

— Пора? — спросил он, когда трактор поравнялся с ним.

— Да, — отвечал Ларичев, — лезь. — И подал ему руку, чтобы удобней было вскарабкаться.

Секретарь легко вспрыгнул и сел сразу на сиденье. Правой рукой он взялся за руль, левую положил на головку рычага первой скорости.

— Так, — в спину ему дохнул Ларичев, — не бойся, дергай.

Секретарь с силой потянул рычаг к себе, и трактор, уже вступив передними колесами на площадку, вздрогнул и сошел с ленты.

Когда секретарь сел к рулю, по толпе прошел шорох — его узнали комсомольцы.

Неожиданно цех смолк — ощущение внезапно наступившей тишины, в которой явственно слышался треск мотора, как бы сковало толпу. Стало тихо, как в непогоду, перед грозой, все притаилось — и тут упал возглас, упал, как первая капля, упал, и за ним последовали тысячи других возгласов. Секретарь комсомола слышал их отдаленно, вернее — видел их по движениям губ. Мотор шумел, и он все силы, все напряжение мускулов вложил в то, чтобы, проведя трактор по настилу пола четыре-пять шагов, сразу остановить его. Он дернул другой рычаг, и трактор остановился. Обтирая лоб, секретарь размазал на нем пыль и пот. Утираясь платком, поданным; кем-то из толпы, он оглянулся и увидел сотни голов, сотни глаз, радостных и возбужденных, сотни улыбок...»

На торжественном митинге 28 мая выступил Косарев. Он поставил перед комсомольцами новые задачи:

— Сегодня вы одержали первую крупную победу. Было бы ошибкой успокаиваться на этом. Вы должны, вы обязаны освоить технику дела, стать носителями планового режима, четкой организации труда...

Вперед от пятитысячного к пятидесятитысячному!

Его слова были встречены шквалом рукоплесканий.

В приветствии участников митинга Центральному Комитету ВЛКСМ говорилось: «Передавая ЦК ВЛКСМ в

лице его генерального секретаря тов. Косарева пятитысячный трактор, просим Центральный Комитет по его усмотрению присудить этот трактор лучшей комсомольской машинно-тракторной станции».

5

В стране ширилась, разрасталась, обретала плоть идея социалистического соревнования трудящихся. Запевалами и здесь были комсомольцы.

Косарев часто ездил выступать в Бауманский район. 4 марта 1930 года Александр участвовал в собрании беспартийных рабочих в клубе имени Кухмистерова. Говорил он здесь о новом движении ударничества: «Рабочая молодежь проявляет трудовой героизм, ею восхищаются даже враги. Она организует ударные бригады на шахтах, лесозаготовках, в тракторостроении. Вступая в Союз, вы берете на себя обязательство стать ударниками пятилетки и отдать свои силы на пользу рабочего класса».

После его выступления участники конференции коллективно вступили в комсомол, объявили себя ударной бригадой и обратились ко всей молодежи Бауманского района с призывом последовать их примеру.

Весь союз — одна ударная бригада — вот какую перспективу видел генеральный секретарь.

«Уже к моменту XV съезда ВКП(б), — писал он, — мы имели широкую волну производственных конкурсов, переключек и смотров в среде пролетарской организации комсомола. Это массовое самостоятельное движение... имело исключительно важное значение.

Отсюда, из горячего стремления рабочей молодежи Москвы и Ленинграда, Урала и Украины во что бы то ни стало преодолеть технико-экономическую отсталость

своих фабрик и заводов, родилось социалистическое соревнование, идея которого принадлежит Ленину, а инициатива претворения в жизнь — Ленинскому комсомолу».

Но социалистическое соревнование только тогда станет не самоцелью, а средством для создания высочайшей производительности труда, когда его участники превратятся в подлинных революционеров производства. Пока же «комсомол совершенно еще не сунулся в рационализаторское движение».

Начало рационализаторства среди молодых рабочих непосредственно связано с именем Косарева. Он упорно настаивал на технической учебе молодежи, на создании краткосрочных курсов — без знаний вмешательство в дела производства невозможно. «Нам нужны бойцы, а не автоматы». К этой проблеме обращался Александр не раз в своих устных выступлениях и в многочисленных статьях.

На октябрьском пленуме ЦК ЛКСМ Украины в тридцатом году Косарев говорил о том, что нужно создать широкую сеть технических кружков и курсов, наладить совместную работу со специалистами, чтобы все виды технической учебы имели квалифицированных педагогов, составить хороший учебник для молодого ударника. Надо привлечь в качестве руководителей кружков студентов-комсомольцев. Организация технической учебы для молодежи — кровное дело комсомольских комитетов, но они пока толком за это дело не взялись. Все «признают необходимость изучения техники, а вот как достать преподавателя-инженера, где купить литературу, где достать помещение для технического кружка, над этим мало работали».

Ударничество представлялось Косареву слишком важным для государства делом, чтобы можно было пустить его на самотек. Поэтому ЦК комсомола

старался привлечь к участию в новом движении все слои населения, в частности — научно-техническую общественность. В начале 1930 года на совместном заседании ЦК и представителей ВАРНИТСО — Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству — были составлены программы по проведению техпоходов и агропоходов, по выпуску научно-технической литературы, по организации заводов-втузов. Две бригады ВАРНИТСО, созданные при ЦК ВЛКСМ, в течение нескольких лет работали в этих направлениях.

Сильную поддержку со стороны Косарева встретило соревнование молодых ученых. Его ход неоднократно обсуждался на заседаниях бюро. Александр требовал, чтобы комсомольские организации возглавили на местах рассмотрение научных тем, поданных участниками соревнования.

Когда все предложения, а их оказалось около восьми тысяч, были собраны и утверждены, Косарев проследил, чтобы все принятые темы нашли практическое применение в промышленности и других отраслях народного хозяйства.

Давая оценку соревнованию молодых ученых, Александр говорил: «Это громадный успех в деле воспитания интеллигенции из народа, преданной делу построения коммунизма».

Чем больше узнаешь жизнь Александра Косарева, тем сильнее поражаешься силе его мысли, и широте познаний, и, конечно, огромному, титаническому труду, который затрачивал этот человек, чтобы не только не отставать от новой плеяды юношей и девушек, выросших после революции, в новых условиях, получивших возможность учиться — было бы только желание, но идти впереди молодежи, знать больше, видеть дальше, как и положено вожаку, глубоко осознавать интересы партии, государства. В 1930 году

на XVI съезде партии А. Косарева избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

В летопись комсомола первых пятилеток по праву вошла комсомольская эпопея по участию в строительстве Урало-Кузбасса. Туда были направлены десятки тысяч комсомольцев. Над стройками шефствовали буквально все организации комсомола. Сквозной комсомольский контроль следил за всем, что связано с Урало-Кузбассом: от выполнения заказов строек и продвижения грузов на железнодорожных станциях, в портах до прохождения в учреждениях урало-кузбасских бумаг.

По договоренности между председателем Госплана СССР В. В. Куйбышевым и А. Косаревым был создан Центральный штаб помощи комсомола Урало-Кузбассу во главе с Куйбышевым, Косарев постоянно участвовал в его работе.

Летом 1933 года произошло событие, которое имело огромное значение для дальнейшего хозяйственного развития страны. На предприятиях Урала был проведен так называемый общественно-технический экзамен — своеобразное соревнование за то, кто лучше знает свой станок, кто производительнее работает. Инициатива уральцев получила массовое продолжение. 530 юношей и девушек сдали в следующем году общественно-технический экзамен. Это молодежное мероприятие вылилось в особую форму социалистического соревнования — стахановское движение. Имена его зачинателей-комсомольцев — Алексея Стаханова и Дмитрия Концадалова с шахты «Центральная — Ирмино» в Донбассе, Макара Мазая — сталевара Мариупольского завода имени Ильича, Евдокии Виноградовой — ткачихи Вычугской фабрики в Иванове — скоро стали известны всей стране. Ведущую роль в пропаганде стахановского движения играл Центральный Комитет комсомола.

В 1934 году состоялся XVII съезд ВКП(б). На этом съезде генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ заговорил о новой задаче, которую ставит время перед авангардом советской молодежи.

Четыре с половиной миллиона комсомольцев призваны показывать образцы коммунистического отношения к делу, социалистическую дисциплину труда, поднимать его производительность. Новая форма социалистического соревнования — общественно-технический экзамен — поможет юношам и девушкам овладеть образцовой культурой производительного труда, стать технически грамотными, передовыми рабочими. Все комсомольцы должны получить среднее образование без отрыва от производства.

Надо было немедленно приступить к осуществлению огромной программы.

Вскоре после съезда партии Косарев приехал в Нижний Новгород на завод в составе правительственной комиссии. Сроки у нее были очень жесткими, работали день и ночь. Однако Косарев успел внимательно познакомиться с комсомольскими делами. Особенно с ходом общественно-технического экзамена. Он интересовался, сколько комсомольцев и молодых рабочих не сдали его, как часто ломают они оборудование. Проверив состав комсомольской организации, Косарев выяснил, что подавляющее большинство комсомольцев имеют начальное образование, и предложил создать на будущий год вечерние школы рабочей молодежи на автозаводе.

Школы были организованы, но им пришлось ютиться поначалу в непригодных холодных помещениях. Не хватало преподавателей. Мало было карандашей и тетрадей. Заводской комитет комсомола обратился за помощью к Косареву. После энергичного вмешательства ЦК комсомола положение в корне изменилось — школы

были укреплены материально и быстро завоевали авторитет и популярность у молодых рабочих.

6

Каждый год приносил принципиально новые задачи, требовал перестройки работы на новый курс. Только-только решили вопросы по подготовке рабочей смены, только-только отошли от волнующих событий, связанных с пуском новостроек первой пятилетки, как на повестку дня остро встали колхозные проблемы.

Сложная обстановка в деревне требовала постоянного внимания ЦК ВЛКСМ. В июне 1929 года VI Всесоюзная конференция определила задачи комсомола в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. В этом же году прошел первомайский поход за урожай и коллективизацию. Более пяти тысяч колхозов было организовано по инициативе комсомольцев.

Осенью в ЦК ВЛКСМ стали поступать сигналы о слабом участии комсомольских организаций в хлебозаготовках. Косарев разослал срочную телеграмму комсомольским организациям с указаниями, что нужно предпринять: придать боевой темп хлебозаготовкам, привлечь к этой работе массы молодежи, организовав социалистическое соревнование, сломить сопротивление кулаков, создавать красные обозы, комсомольцев — злостных неплательщиков хлеба — немедленно исключать из союза, отчеты о мероприятиях по усилению хлебозаготовок срочно посылать в ЦК. Деревенским комсомольцам стали помогать рабочие фабрик, ученики и преподаватели техникумов, фабзав-ученики. Они создавали бригады и отправлялись на заготовку хлеба.

Летом 1931 года Александр побывал в районах Воронежской области. Без предупреждения — без

звонков и телеграмм — приезжал он в очередную деревню, знакомился с жизнью ячейки, с каждым комсомольцем. Расспрашивал, как тот живет, что делает, о чем думает. А сельские парни и девчата, боясь проронить слово, слушали приехавшего из Москвы к ним в глухомань самого генерального секретаря — на вид обычного парня в юнг-штурмовке, в гимнастерке, подпоясанной широким ремнем с портупеей через плечо.

Косарев и секретарь обкома, переезжая из деревни в деревню, ели, что бог пошлет, то есть чем люди покормят: столовых в сельских краях не было в помине. Спать Косарев предпочитал не в избах, где кишели мухи и блохи, а в копне сена под звездами. Правда, ночевки под открытым небом были не столько необходимостью, сколько удовольствием для городского жителя, дорвавшегося до природы.

В документальной повести Филиппа Наседкина «Красный чернозем» есть эпизод этой командировки, рассказанный от лица секретаря райкома комсомола:

«На встречу с Косаревым пришли члены бюро райкома комсомола, работающие в районных учреждениях комсомольцы, члены бюро хавской комсомольской ячейки.

Собрались в районном клубе. На сцене поставили длинный стол, застлали его красной материей. Левка открыл собрание и предоставил слово мне.

Это был отчет райкома комсомола. Не официальный, какие делают на пленумах и конференциях, а рабочий, будничный. Я говорил без тезисов и подготовленных данных и старался говорить о самом главном. Казалось, чем меньше буду стоять на трибуне я, тем больше на ней задержится Косарев. А ведь мы собрались из-за него. Но старания мои оказались напрасными. Мне долго не давали сойти с трибуны. Из зала один за другим летели вопросы. На этот раз их было почему-то

намного больше, чем когда-либо. Да и сам Косарев никак не хотел отпускать меня. Он интересовался всем. И часто спрашивал о том, что не имело отношения к комсомолу. Один раз, когда Косарев спросил, а кто работает в инвалидной артели заготовщиком сырья, я не выдержал и ответил:

— Не знаю. Да это и не наше дело.

На это Косарев, нахмурившись, заметил:

— Нет, наше. Все наше. У нас нет таких дел, которые не касались бы комсомола...

И тут же пояснил, почему задал такой вопрос. В соседнем районе, где они только что побывали, в подобной организации агентами по заготовке работали классово чуждые люди. С документами этой организации они разъезжали по селам и агитировали против Советской власти.

— А кроме того, — сказал Косарев, глядя в зал, — если бы на этой работе были наши активисты, сколько было бы у райкома инструкторов. С таким постоянно передвигающимся активом можно оперативно помогать ячейкам вовремя исправлять упущения и недостатки...

Ребята захлопали в ладоши. А Левка громко объявил:

— Слово имеет товарищ Косарев!

Мы все дружно зааплодировали. А Косарев, остановившись возле трибуны, поднял руку и сказал:

— Товарищи, зачем эти хлопушки? Мы же не на торжественном вечере. Давайте-ка поменьше шуметь и получше работать...

Я слушал его с затаенным дыханием. Комсомольский секретарь! Не каждому дается видеть его. А мы сидели рядом. И различали на его простом лице мелкие оспинки. И слушали его так же, как слушали друг друга.

А Косарев говорил об очередных задачах. В руках у него тоже не было тезисов.

— Плохо еще в деревне с колхозами. И комсомол тут пока что не проявляет себя. А пятилетку надо выполнять. И не только в срок, но и досрочно. Так чего же вы ждете? Почему не боретесь и не деретесь? Может, кто думает, что все само собой придет? Если есть такие, то они ошибаются. Само собой ничего не приходит. А новое и совсем не дружит с самотеком. Оно завоевывается трудом и борьбой...

Когда Косарев кончил речь и сел на место, в зале стояла тишина. Ребята продолжали молча смотреть на него. Я тоже молчал, не зная, что делать дальше. Внезапно Левка захлопал в ладоши. Ребята ответили бурными хлопками. Это была благодарность за деловые советы. И Косарев теперь не пожурил нас. Он только недоуменно пожал плечами, как бы говоря: «Ну что с вами поделаешь!»

В те годы, когда боролись за колхозы, Косарев часто ездил в деревни, поэтому близко знал жизнь колхозной молодежи. В своих выступлениях он всегда оперировал собственными наблюдениями, почерпнутыми во время командировок. Сельские встречи, беседы с деревенскими ребятами в поле и на току, ночевки на сеновале волновали Александра, давали ему, горожанину, массу впечатлений. Он любил природу, чистый воздух, необъятные русские просторы, ощущение воли и счастья, которые рождают они. Поездки в деревню для Саши всегда были радостью. Из каждой он увозил новые знакомства, новую дружбу. Деревенские комсомольцы, с которыми он встречался, потом, не стесняясь, приезжали в Москву, в ЦК комсомола, кто просто за советом, кто за помощью. И они не зря совершали дальний и утомительный путь — секретарь никогда не отказывал во внимании и поддержке.

Для укрепления коллективных хозяйств Косарев использовал разные пути.

На собрании актива ленинградской организации 5 декабря 1932 года Косарев, рассказывая об итогах ноябрьского пленума ЦК ВЛКСМ, поставил перед комсомольцами основную задачу — укрепить хозяйственно-политическое положение колхозов.

Борьба за крестьянина не закончена. Комсомолу деревни рано почивать на лаврах, хоть идея коллективного хозяйства и победила. И пролетариат города не должен оставаться в стороне от этой борьбы.

Косарев требовал от комсомольцев активности, страстности, критиковал руководителей за самонадеянность и зазнайство. «Становись во главе масс, будь на тех участках, где угрожает наибольшая опасность, тогда массы будут тебе верить и тогда массы за тобой пойдут... А писать резолюции, созывать комиссии, говорить речи — этим никого не удивишь. Большевик познается в работе, в борьбе, а не в заседаниях, в речах.

Посмотрите на некоторых наших активных работников: речь произнести — пожалуйста, на любую тему; комиссию создать, резолюцию написать — тоже мастер, а вот пойти в колхоз, по-большевистски драться — этого они не желают, не умеют».

Митинг прошел бурно. Горячие, хлесткие слова генсека взволновали молодежь, им захотелось доказать, что они-то трудностей не боятся, не прячутся в кусты от насущной задачи страны — борьбы за полноценные колхозы.

После совещания Ленинградский горком послал двести лучших активистов, коренных пролетариев, на работу в МТС.

В феврале 1933 года в Москве собрался первый съезд ударников-колхозников. На нем Косарев сделал доклад «Об укреплении колхозов, весеннем севе и задачах комсомола». Большевистская принципиальность и политическая острота в постановке

вопросов — отличительные особенности публичных выступлений Косарева — проявились в освещении такого очень важного в те годы вопроса, как переход к коллективному труду. В докладе на съезде ударников генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ буквально раскладывает по полочкам объекты для деятельности деревенского комсомола. Первое — нужно работать лучше всех, показывать пример отстающим. Второе — комсомолец — хозяин, а не гость в своем колхозе. Ударник-колхозник, и в первую голову молодой, должен не только лучше всех работать, но и учиться организации работы колхоза в целом. А для этого нужно знать свой колхоз, что за люди в нем; нужно знать свой колхоз так же, как когда-то знал свое личное хозяйство.

В задачи комсомольцев входит быть зоркими часовыми колхоза, обнаруживать расхитителей общественной собственности. Молодежь колхозов должна овладеть сельскохозяйственной техникой, любить машины и всячески их оберегать. Комсомольские организации обязаны наладить в колхозах подлинное ударничество, перенести опыт соревнования с заводов и фабрик на социалистические поля.

Выступление Косарева сыграло значительную роль в улучшении деятельности комсомола деревни. Это был четкий план — только работай. После съезда колхозное ударничество приобрело широкий размах.

Однажды в ЦК комсомола зашел командир-моряк Душенов. Он возвращался из отпуска, который провел в родных местах, в Северном крае. Душенов рассказал, что там, в колхозе «Передовик», вовсе непередовые комсомольцы. Они не только плохо работают, но и пьянствуют, хулиганят.

— А что, если обратиться к этим комсомольцам с открытым письмом? — предложил Косарев.

Так в марте 1934 года появилось специальное письмо секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева к комсомольцам и молодежи колхоза «Передовик». Письмо размножили и разослали по сельским организациям. Текст был резким, нелицеприятным. «Оказывается, вы, комсомольцы и молодежь, — говорилось в письме, — не только не боретесь за укрепление своего колхоза, но, наоборот, подрываете ваше же общее хозяйство... Молодежь часто идет на те посиделки, где орудуют хулиганы, потому что вы, комсомольцы, не умеете ее организовать, потому что там весело, а у вас скучно... У всех ваших комсомольцев низкая квалификация. Видимо, вы решили по-прежнему быть на побегушках. А у вас много молодых сил, их надо направлять на полезные дела, тогда вас начнут уважать. Добейтесь, чтобы все лучшее, что есть в колхозе, было создано руками комсомольцев и молодежи. Лучшие сеялки — комсомольские. Лучшие конюшни на селе — комсомольские. Лучшие тракторы — комсомольские. Изгоняйте из своей среды лодырей и разгильдяев. Добейтесь того, чтобы имя комсомольца стало почетным и уважаемым во всем колхозе и в каждой колхозной семье».

После этого письма оживилась культурная и производственная работа не только в этой ячейке, но и во многих других.

В январе 1936 года Косарев выступал на совещании в Кремле перед передовиками урожайности по зерну, трактористами и машинистами молотилок. Он говорил о том, что в колхозах и совхозах нужно наладить подлинное социалистическое ударничество: «Если не будет ударничества — не будет настоящих колхозов».

На помощь комсомольцам села шли по призыву ЦК ВЛКСМ ученые и специалисты. В письме к А. В. Косареву академики К. И. Скрябин, Д. Н. Прянишников, И. В. Якушин и другие предложили помощь для

повышения культурно-технического уровня деревенской молодежи. «Стахановское движение, превратившись во всенародное движение нашей страны, требует еще большей связи науки с практикой, т. к. без знания науки бороться за производство 7–8 миллиардов пудов зерна и подъем животноводства нельзя». Ученые предлагали начать с повышения агротехнических знаний актива комсомола, с проведения специальных семинаров и лекций.

ЦК ВЛКСМ откликнулся на это письмо, и с 15 августа начались занятия молодых председателей колхозов и бригадиров.

Комсомол стал инициатором организации школ и кружков по подготовке квалифицированных кадров для совхозов, МТС, колхозов, инициатором издания для этих школ учебников, проведения агротехэкзаменов. В это время было подготовлено пятьдесят тысяч молодых трактористов и двадцать тысяч комбайнеров-бригадиров.

Под руководством ЦК ВЛКСМ развернулось соревнование между женскими тракторными бригадами, проводилась специальная работа с молодыми коневодами и конюхами.

Сотни лучших комсомольцев были направлены в деревню для пропагандистской работы.

Стахановское движение стало особенно мощным и в промышленности, и на селе во время подготовки к X съезду комсомола — центральному событию 1936 года для молодежи.

Косарев был доволен. Побеждала его давняя идея. Союз молодежи становился пятимиллионной ударной бригадой страны.

Вопросы общей культуры, ее влияния на молодежь, в особенности на сельскую, Косарев никогда не отрывал от задач производственных. Все это взаимосвязано, общий тонус молодежной жизни влияет и на трудовые успехи.

В 1932 году Косарев специально изучал вопрос об удовлетворении спроса молодежи на культтовары. А потом докладывал на VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ: «Комсомолу нужно вплотную подойти к вопросам расширения нашей киносети, радиоточек, выработки музыкальных инструментов, фотоаппаратов, патефонов, пластинок и т. д. В том очень большая потребность не только у рабочей, но и крестьянской молодежи. Ни один из комитетов не обсуждал вопроса о фотоаппаратах или о музыкальных инструментах, а ведь живет он рядом с рабочей молодежью. Рабочие ребята рыскают по магазинам, ищут гитару, скрипку, гармошку — не находят, а если и находят, то в пять раз дороже себестоимости. Бегают за фотоаппаратами, за пластинками — не находят. Или патефоны. Видели вы патефоны нашего производства? Задумали сделать хорошую вещь, а сделали чепуху: патефоны, которые с первого завода портятся. И еще имеют наглость выпускать их на рынок. А ведь каждый из вас охотно послушает патефон.

Или вот пластинки. Я ознакомился с нашей пластиночной фабрикой в Апрелевке. Кстати, она единственная в СССР. Годовая мощность фабрики — 2 млн. пластинок. Я не говорю уже о дороговизне пластинок, о плохом качестве — вы все это знаете. Я хочу сказать о тематике пластинок. Я пробовал закупить пластинки для Дальнего Востока. Буквально нечего выбрать.

Дайте хорошую музыку послушать, хорошую классическую музыку, хорошие старые песни, хорошие песни различных национальностей! Старые — я говорю

в том смысле, чтобы дали песню звучную, музыкальную, красивую. Этого-то нет или очень мало. А вот как закалять металл, такие пластинки есть. О производственно-технических процессах есть... Надо установить наш жесткий контроль (но одновременно помощь) над этим производством и рынком».

Благодаря вмешательству комсомола в работе музыкальной промышленности уже в тридцать втором году наметился перелом. Если в 1933 году выпускалось 4 тысячи- роялей, то к 1937 году планировалось увеличить их выпуск до 60 тысяч. Намечалась реконструкция фабрики «Красный Октябрь» и строительство шести фабрик в Тбилиси, Ростове, Москве, Новосибирске, на Урале и Украине. В 1933 году должны были начать строить фабрику смычковых инструментов. Завод в Апрелевке подлежал коренной перестройке, годовая мощность его доводилась до 30 миллионов пластинок. Такая же фабрика строилась на Украине. В 1933 году в Москве открылся Дом граммофонной записи.

8

Александр Косарев постоянно боролся за верность ленинским принципам руководства. Его приводило в ярость равнодушие к жизни простых рабочих парней и девчат, которое позволяли себе некоторые деятели в комсомоле. К ним Косарев был безжалостен. Бюрократизму, чиновничеству, безразличию к судьбам людским и недобросовестности в делах объявил он вечный бой. И со времен Бауманского райкома до конца жизни ни на день не складывал оружия.

ЦК ВЛКСМ было разработано Всесоюзное положение о группах «легкой кавалерии». Их деятельность приобрела характер целого движения. На «легкую

кавалерию» Косарев смотрел как на систему контроля, в которой участвуют широкие массы: «Народ все отважный, горячий и преданный своему делу. «Легкая кавалерия» без мандатов рыскает по всем нашим учреждениям, выявляет бюрократов и бесхозяйственников, головотяпов и лодырей, приносит большую помощь РКИ».

В отделах ЦК ВЛКСМ были созданы отраслевые бригады «легкой кавалерии». Несколько раз в год созывались областные, краевые и всесоюзные слеты «кавалеристов», чтобы подвести итоги проверок и наметить новые объекты для «атак».

Всесоюзные рейды «легкой кавалерии» превратились в большую силу, из года в год расширяли сферу влияния. Они проводились в помощь стахановскому движению, они проверяли работу школ, детских садов, яслей, заводских медпунктов, общежитий молодежи, работу транспорта, состояние рабочего снабжения, подготовку к весеннему севу и уборочной страде в колхозах. На бюро или секретариате систематически обсуждались результаты проверок. Особую неприязнь вызывали в Александре бюрократические замашки некоторых комсомольских деятелей, чиновничий стиль в работе комсомольских органов.

23 июля 1933 года Косарев выступал на объединенном пленуме Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ. В Ленинграде он бывал часто, как бы шефствовал над комсомолом города, где пережил трудные и важные для себя дни. Тема его доклада на этот раз звучала так: «Ленинскому комсомолу — большевистский стиль работы». Досталось же его «подшефным»!

Генсек говорил о том, что районные комитеты часто прибегают к администрированию вместо того, чтобы учить людей работать. В качестве примера того, как

формализм губит самое хорошее начинание, он привел случай из ленинградской практики. Горком комсомола должен был провести союзный день, посвященный сбору членских взносов, 17 июля. А постановление о порядке его проведения было отпечатано 16 июля в шесть часов вечера. Естественно, до ячеек оно не дошло. Важное мероприятие сорвалось только из-за того, что горком не удосужился принять решение заранее.

«Если бы чувствовалось беспокойство за членские взносы, то проследили бы, когда это решение в типографии отпечатано, кто его понес в районы, в какой день, в какой час, когда его привезли, кому передали, дошло ли оно до ячейки, читал ли это решение секретарь цеховой ячейки и доведет ли он его до комсомольцев? Вот как хороший организатор-большевик должен поступать».

Ленинградский горком «отличился» еще раз — по его сводке о состоянии производственной работы Володарский район должен был дать 780 цифр. Косарев объяснил происхождение столь абсурдных указаний. «Областной и городской комитеты комсомола слишком много пишут, причем интересно то, что всякий имеет право писать и диктовать районам. В результате несчастные районы находятся в таком положении, что на их голову сыплются со всех сторон бумаги; и заведующий пишет, и замзав пишет, и инструктор пишет, и секретарь пишет, и в конце концов трудно найти того, кто же не пишет, кто не дает директив?»

Болтать поменьше, работать побольше — с таким призывом-требованием обращался генеральный секретарь к комсомольскому активу.

Косарев обрушивался на механическое насаждение сверху форм комсомольской работы и тупое их копирование. «Осмысли и делай» — вот принцип, который необходим комсомолу, а не тот, что изобрели в

одном из районов Средне-Волжской области. Циркулярному указанию райкома о системе работы по-новому был предпослан лозунг: «Не думай, а делай!» «Этим лозунгом, — говорил Косарев, — можно создать только рай глупцов, хотя бы и энергично работающих». В комсомоле же должна постоянно биться критическая мысль, критическая оценка жизненных явлений и опыта. Нельзя допускать разделения организации на руководителей и исполнителей, «то есть на людей, удел которых думать, писать директивы, и на людей, думать которым не дано и с которых спрашивается одно лишь выполнение того, что надумали другие.

Такое «разделение труда» приводит к расцвету махрового бюрократизма, когда сильных, смелых, живых парней не выдвигают на руководящую работу — слишком беспокоило, они ведь не уважают эполет и мундиров. Зато с готовностью выдвигают «Шуткиных», которые блещу! фразой, которые всегда при любых обстоятельствах поддерживают секретарскую линию и будут поддерживать до тех пор, пока большинство с секретарем».

В брошюре «Комсомол на арене классовых боев» Косарев писал: «Посмотрите фабрично-заводскую ячейку. Разве она свободна от этих явлений? На нем рабочая кепка, засаленная кожаная тужурка, он энергичен, на словах он прямо герой, а бороться с мастером-бюрократом..., бороться с ним у себя на заводе, вышибить его с завода он не смеет, потому что мастер играет значительную роль в вопросах повышения разряда. Разве таких конкретных типов оппортунизма нет?

Он и в МК каждый день заглянет, дабы осведомиться — нет ли какой-нибудь директивы новенькой, что, мол, думаете делать, поклясться всего себя отдать за революцию. Он прикидывается революционером, а на деле он — штамповщик, он —

аллилуйщик. И вот с этими явлениями в нашем активе, в Ленинском комсомоле должна быть открыта священная борьба, ибо это есть борьба за большевистское воспитание нашей молодежи».

Под руководством Александра Косарева сотрудники аппарата ЦК комсомола проходили прекрасную школу живой, конкретной работы с людьми. Александр всегда критиковал комсомольских руководителей, в действиях которых нет огонька, у которых все регламентировано, все засушено: «Эти люди, завернутые в резолюции, как в пуховые одеяла, мирно, спокойно почивают и думают, что они руководят организацией... Нужно, чтобы молодые люди двигались быстрее, жили боем, борьбой, дрались, как истинные большевики».

Сам Косарев постоянно искал интересный опыт, легко схватывал суть нового предложения и, если чувствовал, что оно дельное, становился энтузиастом начинания, делал все, что мог, для того, чтобы дать хорошей идее жизнь. Настоящий руководитель должен всегда опираться на массу, в ней черпать мудрость свою и силу. Александр так организовал работу Центрального Комитета, что вместе с ним постоянно работало множество людей, и не только комсомольцы-активисты, но и инженеры, ученые, писатели.

Ему чуждо было высокомерие, приказной тон, а тем более окрик, грубость. Начальник отдела или секретарь, инструктор или референт, машинистка или курьер — никто из работавших под его началом никогда не заметил по отношению к себе генерального секретаря, какой высокий пост он занимает. Со всеми Косарев был одинаково приветлив, внимателен и прост в обращении. Его почти все звали Сашей. Это не было фамильярностью, но, наоборот, свидетельствовало о доверии к нему и любви, о дружеском расположении и самом искреннем уважении.

Косарев оказывал всегда большое доверие аппарату ЦК. Но в то же время контроль за исполнением заданий, за осуществлением принятых решений являлся главным моментом в деятельности Косарева. Контроль, контроль и еще раз контроль — без него все резолюции и замыслы становятся пустым звуком. У Александра была прекрасная память, и часто, не дожидаясь, когда к нему придут с докладом, он приглашал работника к себе и спрашивал, как движется выполнение того или иного решения. Ото всех он требовал ответственности за порученное дело, правдивости. Не терпел разболтанности, волокиты, ругал за проявление формализма и перестраховки в комсомольской работе.

О контроле за исполнением принятых решений в комсомольской работе он писал: «Надо сказать, что у нас есть особые специалисты, которых не столько интересует процесс исполнения, сколько создание и оформление соответствующего решения. Они не могут представить себе работу своей организации без обширной канцелярии. В итоге постановлений буквально появляются груды, и низовой комсомолец зубами скрежещет, потому что все постановления — а им нет конца — ложатся на его хребет. Он не знает, за что ему браться. Разрывается на части, разбрасывается».

Душевная простота, практическая сметка, живой интерес к судьбам людей делали Косарева притягательной фигурой для молодежи, а острая реакция на происходящее, богатый опыт помогали ему побеждать в спорах и дискуссиях.

На бюро ЦК ВЛКСМ однажды Косарев поставил вопрос о технической пропаганде среди молодежи и вовлечении передовых комсомольцев в науку. У него нашелся оппонент. Бухарин возразил генсеку: мол, комсомольцев до этого нужно научить чистить зубы. Косарев возмущенно осадил новоявленного барина:

«Нам нужны свои коммунистические деятели науки и профессура, способная воздвигать здание коммунизма и вести молодежь к вершинам коммунистического общества. Если мы воспитаем такую молодежь, то она будет способна научить и вас, Бухарин, чистить зубы».

Косарев никогда не позволял себе того, чего не терпел в других — насмешливой фамильярности, пренебрежительного отношения к собеседнику, какое бы положение он ни занимал. Всегда первым побуждением Александра было внимательно выслушать человека, понять его заботы, не отгораживаясь непосильностью своих.

Писатель Марк Колосов вспоминал: «Сначала Косарев прилежно вслушивается в речь оратора, стараясь постичь, что это за человек и что хочет сказать? Но вот он убедился, что нет в этом человеке живинки. Тогда-то и появляется на лице его недобрая усмешка. Зато уж, если порадует оратор крупницей живой мысли, живого жизненного опыта, доброй шуткой, Косарев весь преображается, сияет, светится ласкающим глаз внутренним светом, щедро излучающим признательность и одобрение».

Особое значение Косарев придавал работе с письмами комсомольцев и несоюзной молодежи. «Я убежден, что письма — это политика», — часто повторял он.

Несмотря на чрезвычайную загруженность, Александр каждый день находил время для просмотра писем комсомольцев, присланных на его имя. Он требовал, чтобы каждые пять дней ему докладывали о судьбе писем, которые он прочел. К этому же он приучал секретарей обкомов и райкомов.

Вот что рассказывает работник ЦК ВЛКСМ тех лет Александра Гавриловна Навроцкая: «За формальные и казенные ответы Косарев ругал, а иногда и наказывал.

В таких случаях он никогда не щадил ничего самолюбия, не считался ни с каким чином.

Помню, как однажды, узнав, что на письмо пионер-работника Пахомовой был дан очень сухой, казенный ответ, который даже нельзя было назвать ответом, а просто отпиской, вроде «...Вашей просьбы удовлетворить не можем... мы даже не знаем, куда вам посоветовать обратиться» и т. д. — Александр Васильевич поручил предварительно узнать, кто Пахомовой не ответил на второе письмо, присланное в ЦК, разыскать это письмо и после этого поставил вопрос на обсуждение бюро. В решении было записано — «ответ, данный т. Пахомовой, считать неправильным».

Особенно чутко относился Александр к письмам колхозной молодежи. Его одинаково волновало и то, на что жаловались комсомольцы-лесорубы Красноярской МТС, которым задерживали выдачу зарплаты и спецодежды, и то, что в деревенских избах-читальнях нет избачей, и то, что в колхозных клубах не организованы хоровые кружки, и то, что задерживается сбор подарков для ребят.

Когда ему жаловались комсомольцы или он сам замечал недостатки при выездах в сельскую местность, он быстро реагировал: писал письма в соответствующие организации, ставил некоторые вопросы на бюро или обязывал аппарат заниматься теми или другими вопросами и обязательно сообщать ему о результатах.

Из писем рядовых комсомольцев Косарев часто черпал материал для своих выступлений и на больших совещаниях поражал руководителей областных и городских комсомольских организаций знанием таких фактов из жизни «глубинки», о которых местные руководители и не подозревали.

Год от года Александр совершенствовал свое ораторское мастерство: отточеннее становилась мысль,

каждое слово, каждая фраза. Характерно для его выступлений свободное владение фактами, непринужденные переходы от обобщений к конкретным примерам и, наоборот, отсутствие трафаретных мыслей. И при всей глубине, остроте и актуальности раскрываемых тем — эмоциональность, живой контакт с аудиторией. Нередко ему бросали реплики с мест: он легко, всегда остроумно их парировал.

Ясное! в мысли, глубинный анализ происходящих в стране событий, удивительно точное угадывание перспектив самых разных сторон жизни делают статьи и речи Косарева чрезвычайно интересными и сейчас. Злободневность многих его высказываний для сегодняшней комсомольской практики не вызывает сомнений.

9

Природные способности и годами отшлифованное трудолюбие обеспечивали Косареву успех в самых разных областях деятельности. Он научился писать статьи доходчиво, сжато, не уходя от основного. Это умение пришло не сразу, потребовало кропотливой и упорной работы над рукописями, но оно; это умение, пришло. Ясное, четкое изложение конкретных фактов, четкость выводов, образный живой язык — отличительные особенности косаревских статей. За десять лет он выпустил около сорока брошюр — совсем немало, если учесть чрезвычайную загруженность комсомольского секретаря. К частым выступлениям в молодежной печати Косарев призывал всех комсомольских руководителей. И смеялся над теми, которые «дают беседы корреспонденту»:

— А почему он сам не снизошел до того, чтобы написать в газету? Ведь чем больше комсомольский

работник будет писать, тем организованней и лучше он привыкнет мыслить.

На Всесоюзном совещании редакторов комсомольских газет 7 октября 1934 года Косарев подверг суровой и обоснованной критике работу многих комсомольских органов печати. Он говорил о том, что в редакциях нет перспективного плана работы, журналисты не всегда знают, что, в каких пропорциях преподать и что нужно освещать сегодня, что завтра, а что послезавтра. Он требовал вырваться из плена казенного лексикона, писать грамотным, чистым русским языком. «Если посмотреть статьи, которые помещаются в комсомольской печати, нетрудно заметить, что язык, которым они написаны, выдернут из плохого циркуляра плохого комитета. И еще вы хотите, чтобы, читая их, молодежь расчувствовалась, вы хотите вызвать в читателе какие-то волнующие эмоции. Чепуха! Циркуляр эмоций не дает».

Косарев имел право на такие поучения, потому что сам не поленился пройти нелегкую школу словесного мастерства, сам подолгу работал над языком своих статей, старался, чтобы каждая фраза звучала убедительно и была на месте.

В доме Косаревых была великолепная библиотека. По каталогам издательств заказывали все более или менее интересные издания. Александр старался, если не прочесть, то хотя бы просмотреть все новые произведения советской литературы. И это была для него своеобразная школа. Особенно внимательно читал произведения классиков, пытаясь уловить секреты их вечного мастерства.

Работал Александр вполне профессионально: умел собирать материал, постоянно накапливал факты, примеры, фиксировал собственные наблюдения и сведения, которые где-то слышал. А потом использовал этот богатый материал и в устных выступлениях, и при

работе над рукописями. Многие навыки почерпнул он и в непосредственном общении с работниками пера.

У Косаревых дома часто собирались комсомольские журналисты, писатели. Саша любил эти «сходки». Разговоры затягивались до ночи, по несколько раз принимались пить чай, гости все не расходились, а хозяин в пылу споров забывал, что громкие голоса могут разбудить маленькую дочку и что жене, наверное, хочется спать. Проблем же было так много, что всех все равно не обсудишь. В начале 30-х годов внутри Российской ассоциации пролетарских писателей шла отчаянная борьба с политиканством и администрированием в литературе. Передовые писатели отстаивали свое право на творческую работу, на тесную связь с современностью.

Обстановка внутри писательской организации очень волновала Косарева, особенно в связи с воспитанием молодых поэтов и прозаиков. Методы администрирования в литературе были решительно осуждены Центральным Комитетом комсомола, «Комсомольской правдой». Генеральный секретарь приветствовал лозунг «прощупать жизнь своими руками», выдвинутый молодыми литераторами. На заседании секретариата ЦК партии, где обсуждались вопросы дальнейшего развития литературы, он убедительно защищал позицию комсомольских писателей, желающих идти в ногу со временем, участвовать своим писательским трудом в строительстве социализма. 23 апреля 1932 года ЦК партии принял решение «О перестройке литературно-художественных организаций». В нем шла речь о необходимости объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти, в единый Союз советских писателей.

На следующий день, когда решение появилось в газетах, у Александра Серафимовича на квартире

собралась группа писателей — Ф. Гладков, Ф. Панферов, Б. Горбатов, Я. Ильин, В. Билль-Белоцерковский и другие» Пришел и Косарев, который жил теперь в том же доме, что и Серафимович. В тот вечер Саша говорил о том, что считал самым главным для молодой советской литературы. Он говорил о герое-современнике, которого ждет молодежь. Образ борца, строителя, человека чистой души ждет своего воплощения. А примеров в окружающей жизни сколько угодно. Он рассказывал о своих встречах с прекрасными людьми, самоотверженными, бескорыстными, и пожилыми, и совсем юными, каждый из которых достоин стать прообразом литературного героя.

Но литературный труд — дело небыстрое, а пока Косарев поддержал новую идею — выехать на самые горячие участки новостроек, выпустить сборники очерков о нефтяниках Баку, о Кузбассе, о Сталинградском тракторном. В Кузбасс поехали Ф. Панферов и В. Ильенков. О Тракторном написал книгу Я. Ильин. В Баку собиралась отбыть целая бригада — Александр Исбах, Михаил Юрин и молодые рабочие-писатели Володя Резчиков и Сережа Тарасевич.

«Перед выездом мы зашли к Косареву, — вспоминал один из членов бригады, А. Исбах. — Он готовился к важному докладу. Но помощник его, тоже молодой литкружковец, Коля Ислентьев пропустил нас «вне очереди».

— Ну чего же я могу вам, ребята, сказать? — задумался Александр Васильевич. — Я ведь не писатель и не нефтяник. Главное — зоркий глаз. Поживите там подольше. Меньше заседайте, больше бывайте на промыслах, на заводах, в Черном городе. Покажите, как новое борется со старым в технике, в быту. Покажите, как рядом, плечом к плечу трудятся отцы и дети. Главное, чтобы все это было правдиво, без сюсюкания, без такой слащавости и иконописности... Да,

кстати... — оживился он и, открыв ящик своего стола, вынул оттуда толстую тетрадь в черном коленкоровом переплете, полистал ее. — Неплохо бы рассказать о новом турбобуре инженера Капелюшникова. Как мешают ему бюрократы. И... — он хитро подмигнул, — помогают комсомольцы. А потом... — Косарев снова полистал тетрадку, — есть там в поселке Эрзерум Новомасляный комсомольский завод... Понимаете, комсомольский. От директора до кочегара все: инженеры, сгонщики, приемщики — комсомольцы. И техника там — на уровне фантастики.

И потом еще, — снова клеенчатая тетрадь, — в Суруханах интересный бурильщик — бригадир, комсомолец Салим Салаев. Хорошо бы с ним познакомиться. Да поглубже... Ну, да вы сами увидите, что к чему. Я же не писатель и не бакинец...

И опять хитроватая улыбка скользнула по его губам.

— Ну, желаю успеха, — тепло сказал Саша, прощаясь. — Жду вас с новыми стихами, очерками, рассказами. О романах я уже не говорю. Вернетесь — первым делом ко мне. Коля, — крикнул он Ислентьеву, — дай им письмо в Баку насчет всякой помощи в работе. Ну, еще раз... Ни пера ни пуха...

Все «рекомендации» Косарева оказались очень точными. И о Капелюшникове, и о комсомольцах Новомасляного завода, и о Салиме Салаева я опубликовал потом очерки в «Правде», в «Комсомолке» и издал книгу «Борьба за промысел», которую преподнес, конечно, в первую очередь Косареву».

Александру Косареву довелось общаться со многими писателями. Он был знаком с Горьким и Роменом Ролланом, с Маяковским, Серафимовичем, Островским.

Однажды Косарев помог устроить встречу только что вернувшегося из-за границы А. М. Горького с молодежью Бауманского района. Александр заехал за

писателем, чтобы вместе отправиться в клуб имени Кухмистерова. Горький засыпал Косарева вопросами, ему явно нравилась живая непосредственность комсомольского секретаря. Александр свободно обсуждал с писателем не только молодежные проблемы, но и сложные процессы, происходившие в советской литературе и искусстве.

— А как теперь с кулачными боями, со «стенками», — неожиданно спросил Алексей Максимович. — Есть еще? В молодости я их нагладелся. Жестокая штука!

— Теперь уже мало, — ответил Саша. — А еще несколько лет назад на московских окраинах случались. Я сам с Благуши и помню, что драки были почти единственным развлечением.

Горький внимательно смотрел на сидящего перед ним простого рабочего парня. Как, должно быть, сложен и в то же время благодаря завоеваниям революции прост был его путь к вершинам государственной деятельности...

Летом 1933 года вышла книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Косарев ей очень обрадовался: «Вот о чем я говорил, вот то, что нужно молодежи». Он принял горячее участие в судьбе больного писателя, помог устроить его переезд в Сочи.

Писатель Марк Колосов писал: «Я припоминаю, как радовался Косарев нашему открытию этого произведения, как был признателен за то, что мы помогли автору отредактировать роман и опубликовали, не откладывая до той поры, когда его труд будет окончательно отшлифован, предоставив тем самым возможность автору оттачивать свое произведение в последующих изданиях».

Николай Островский, отчитываясь на бюро Сочинского горкома ВКП(б) в 1935 году, начал так: «Товарищи, роман «Как закалялась сталь» — это мой

ответ на призыв секретаря ЦК ВЛКСМ товарища Косарева к советским писателям создать образ молодого революционера нашей эпохи».

Вскоре писатель получил от Косарева письмо:

«Дорогой товарищ Островский!

Костя Ерофицкий обратился ко мне по поводу переиздания Вашей книги «Как закалялась сталь» в Ростовском издательстве.

Два раза читал эту книгу я. Нахожу, что для воспитания нашей молодежи, чем больше тиража эта книга будет иметь, тем лучше будет для нас...

Эта книга есть жизнь многих молодых, проверенных и закаленных кадров нашей великой революции.

Сердечно жму Вашу руку в надежде на скорое личное свидание с Вами.

Ваш Саша Косарев».

Осенью 1936 года эта встреча состоялась. Косарев с семьей отдыхал в поселке Магри на Кавказе, где по его инициативе был открыт дом отдыха ЦК ВЛКСМ. Здесь проводили отпуск руководящие работники комсомола и комсомольцы-передовики: шахтеры, машинисты-железнодорожники, колхозники, парашютисты, пограничники.

Отсюда, из Магри, Косарев несколько раз ездил в Сочи к Островскому. Обнаружив, что писатель живет в неважных условиях, добился для него места в санатории. Александр очень старался, чтобы Николаю Островскому создали условия, в которых больной писатель смог бы плодотворно работать.

Заботу о молодых литераторах Косарев сочетал с высокой требовательностью к ним, к их профессиональному долгу. На X съезде ВЛКСМ он подчеркнул это особенно:

«Унаследовать лучшее в культуре — это не значит «проработать» две-три книжки или приобрести

собственную библиотеку, которая служила бы украшением жилья.

Несколько лет тому назад Шекспир, Бальзак, Гёте, Пушкин, Горький, Ромен Роллан и другие классики литературы были знакомы только узкому кругу нашего актива. Сейчас положение коренным образом изменилось, выросли художественные вкусы нашей молодежи. Некоторые современные писатели и поэты никак не хотят понять такой простой истины, что мы не можем согласиться с тем, чтобы наша великая советская литература была менее значимой, чем та, которая создана всей предшествующей историей человечества. Наше настоящее так красочно, наше будущее так величественно, что мы, несомненно, имеем все основания создать такую литературу, какую человечество никогда еще не имело».

Эту свою твердую уверенность и сознание грандиозной ответственности перед историей Косарев старался передать писателям и поэтам.

10

16 августа 1929 года Косарев открыл первый слет четырехмиллионной пионерии страны. Подготовка к нему была проведена так, что всколыхнула не только комсомол и пионерские организации, но и всю общественность страны.

А спустя девять лет в октябре 1938 года на торжественном пленуме в честь 20-летия Ленинского комсомола Косарев говорил уже о девятимиллионной организации советских детей, объединенных в триста тысяч пионерских отрядов.

Косарев считал коммунистическое воспитание детей делом чрезвычайной государственной важности. Работа пионерских отрядов и ликвидация детской

беспризорности, производство игрушек и художественное оформление детских книг, снабжение школ учебниками и репертуары детских театров — все это обсуждалось на многих бюро ЦК.

Для работы в Центральном бюро юных пионеров отбирались самые талантливые и энергичные сотрудники ЦК. Александр внес много интересного в жизнь пионерских отрядов, например, по его предложению костры стали постоянной формой пионерской работы.

Косарев ревностно относился к случавшимся тогда попыткам принизить роль пионерской организации, свести ее деятельность к внешкольной работе: «Мы никогда не согласимся на ликвидацию пионерской организации. Созданная комсомолом, она... провела огромную воспитательную работу среди детей, подготовила многих из них в комсомол. Пионерорганизация должна жить», — говорил он.

Ни на один год не ослаблял генсек внимания к работе с детьми, с пионерами и школьниками, он требовал совершенствовать пионерскую работу, искать новые ее формы.

На XI пленуме ЦК ВЛКСМ в 1935 году он говорил о том, что на пионерскую работу с детворой следует выделить лучшие силы Ленинского комсомола. По предложению ЦК партии во все школы Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова были назначены комсорги ЦК ВЛКСМ.

Брали на эту роль, как правило, работников райкомов, обязательно с высшим образованием.

— Это был наш костяк, — вспоминает бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Валентина Федоровна Пикина, — мы много занимались с ними. Через комсоргов происходил обмен опытом между школами, с их помощью внедрялось в пионерскую и комсомольскую работу все новое, передовое.

Особо беспокоил ЦК комсомола подбор вожатых в пионерские отряды. На эту работу следовало посылать комсомольцев не моложе двадцати лет, политически грамотных и культурных людей, которые могли бы явиться для пионеров примером хорошего поведения, образованности.

В октябре 1935 года из Харькова поступило тревожное сообщение: в области не хватает полутора тысяч вожатых. В Харьковский обком комсомола пошла срочная телеграмма Косарева. Она же была напечатана на первой полосе «Комсомольской правды» 9 октября 1935 года:

«ЦК обязывал вас к 15 сентября закончить пересмотр и комплектование пионеротрядов вожатыми.

Несмотря на то, что прошло уже полтора месяца учебного года, полторы тысячи пионеротрядов области остаются до сих пор без вожатых.

— Это свидетельствует о неслыханном игнорировании со стороны Харьковского обкома решений XI пленума ЦК, о продолжающемся нетерпимом отношении к делу подбора кадров пионерработников.

Предлагаем вопрос о комплектовании пионеротрядов вожатыми обсудить на специальном бюро.

Двадцатого октября ЦК заслушает ваш ответ».

В подобных случаях от добродушия и сердечности Косарева не оставалось следа. Его решения были жесткими, безапелляционными, быстрыми, причем захватывали они не только непосредственных виновников. На таких ошибках генсек учил всех. После случая на Харьковщине 16 октября у Косарева состоялось совещание шестидесяти комсоров ЦК и старших вожатых школ Москвы.

Как, по какому пути развиваться советской школе — эта проблема волновала Косарева постоянно и часто

обсуждалась на Бюро ЦК ВЛКСМ. И каждый раз, прежде чем решать тот или иной вопрос, Александр по нескольку раз собирал работников аппарата, советовался с Надеждой Константиновной Крупской и Анатолием Васильевичем Луначарским, с наркомом просвещения РСФСР Андреем Сергеевичем Бубновым.

По инициативе Александра Васильевича на Бюро ЦК был поставлен вопрос о введении в школах уроков труда как специальной дисциплины. Косарев предложил обследовать десять-пятнадцать школ Москвы и Ленинграда, на их базе убедиться в целесообразности введения такого новшества.

Только после тщательного изучения вопрос об уроках труда был вынесен на обсуждение Министерства просвещения.

Одним из важнейших вопросов, которые поднял Косарев в январе 1931 года на IX съезде ВЛКСМ, был вопрос о политехнизации средней школы. Этой идее В. И. Ленина уделяли большое внимание в 20-е годы Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, ЦК РКСМ. Но дело продвигалось туго, и вот Косарев снова в свойственной ему острой и конкретной форме нацеливает комсомолию на решение этой проблемы.

Без политехнизации системы народного образования, без политехнического воспитания подрастающего поколения не удастся «создать рабочего, который стоял бы на уровне все возрастающей техники».

Косарев говорил о том, что нужно техническую культуру внедрить в быт, в семью:

«Здесь непочатый край работы для пионерской организации. Почему ребенок должен возиться с допотопной куклой, побрякушками или солдатиком? Почему мы нашему ребенку не можем дать техническую игрушку? Говорят, что это дорого стоит. Верно. Но было бы желание заняться этим, и то, что было дорогим,

будет дешевым. Это не пустяковый вопрос. Речь идет о направлении ребенка в сторону техники, ее познания, о развитии в нем соответствующих наклонностей. Чем черт не шутит, — в будущем это, может быть, вознаградит нас тысячами пролетарских Эдисонов. Например, в Америке существует специальный институт, который научным образом разрешает эту проблему и который дает ребенку дешевую занятную и техническую игрушку».

Интересные и полезные дела — вот основа трудового воспитания советских ребят. В этом Косарев был твердо убежден, этого упорно добивался. К решению проблемы трудовой и политехнической подготовки школьников он подходил с разных сторон. Выставки детского творчества, детские фильмы, книги и журналы — все должно было служить, по мнению генсека, единой цели. По его инициативе начали издаваться многие журналы для пионеров и комсомольцев, в частности, журнал «Техника — молодежи».

Когда в январе 1931 года в Кремлевском дворце открылась первая выставка пионерских работ, Косарев, посмотрев ее с А. А. Андреевым, устроил ей широкую рекламу. Все экспонаты выставки были перенесены сначала в залы Политехнического музея, а потом демонстрировались в павильонах Парка культуры и отдыха имени А. М. Горького. Эту выставку посетили многие старейшие члены партии — Н. К. Крупская, М. И. Калинин, М. И. Ульянова, Е. Д. Стасова. Всех восхитили умелые работы школьников. Когда в ЦК обсуждался вопрос о любительских кружках в колхозах, Косарев выступил сторонником сохранения и развития кружков детского технического любительства и сельскохозяйственного опытничества. Александр Васильевич считал, что именно этим кружкам нужно создать хорошие условия для работы. Они должны

действовать в школах, в Домах пионеров, в Домах колхозных ребят. Но кардинальное решение вопроса Косарев видел в другом. Центрами практической и методической работы с детьми по технике должны стать детские технические станции. Такие станции были созданы и получили в 30-е годы широкое распространение в стране.

Так, по крупицам, из различных мероприятий комсомола складывалась система трудового воспитания детей.

Александр Косарев придерживался твердого убеждения, что нельзя засушивать работу с детьми, нельзя приучать их к рапортам, к делам «по бумажкам», сковывать их инициативу, гасить жизнерадостность. И в то же время нужно учить их скромности, критическому отношению к своим поступкам.

Волновали генсека все стороны воспитательной работы. Например, на одном из заседаний Бюро ЦК ВЛКСМ Александр выступил с резкой критикой Наркомпроса по поводу эстетического воспитания в школе:

«Вместо того, чтобы организовать в школах обучение детей музыке, пению, рисованию, танцам и другим видам искусства, создать стабильные программы и учебники, организовать подготовку необходимых кадров, Наркомпросы и органы на местах передоверили это важное дело так называемым домам художественного воспитания детей...»

Косарев не ограничился критикой Наркомпроса, он поставил перед ЦК ВКП(б) вопрос о введении во всех школах преподавания музыки, пения и рисования, об издании учебников по этим предметам.

ЦК комсомола и сам Александр Косарев сделали очень много для того, чтобы Дворцы и Дома пионеров сделались центрами работы самодеятельных хоровых, музыкальных, драматических кружков.

«Он не просто ставил на бюро вопросы для обсуждения, — вспоминает А. Г. Навроцкая, — после бюро эти вопросы переносились на фабрику детской игрушки, комбинаты, типографии детской книги, фабрику «Союздетфильма» и т. д.». Это был стиль деятельности Косарева, стиль настоящей большевистской работы.

Большую роль в воспитании детей отводил Александр Косарев детской литературе, кино, театру. Ничто, начиная от художественного оформления тематических планов «Детиздата», издательства «Молодая гвардия», журналов «Мурзилка» и «Вожатый» и кончая строительством комбината детской книги, не проходило мимо его внимания. Он деятельно во всем участвовал, именно к его помощи прибегали в трудные моменты. Вокруг генсека постоянно был круг детских писателей, сценаристов, драматургов.

В январе 1936 года в Москве состоялось первое совещание по детской литературе. Косарев говорил на нем заключительное слово. Растить добрых, честных, трудолюбивых людей — вот к чему должна стремиться детская литература. Не поучать ребят должна книжка, а вдохновлять на благородные поступки и мысли. Это выступление Косарева запомнилось слушавшим его надолго.

Косарев пользовался большим авторитетом. Он был очень популярный человек. Самые неожиданные вопросы поэтому приходилось подчас решать Александру Косареву.

Однажды к нему на прием пришел вор. Четырнадцатилетний Володя Кирик — беспризорник начал воровать только, чтобы как-то прокормиться, а потом уж — по привычке. Но бесприютность, постоянный страх «провалиться» и полная безнадежность впереди все больше тяготили его. И тогда подросток решился на отчаянный шаг.

В кабинет Косарева вошел щуплый паренек, замялся у порога.

— Проходи, садись, — сказал генсек.

Мальчик, не подымая глаз, прошел к письменному столу, оставив у дверей чемодан, присел на краешек стула.

— Как тебя зовут?

— Володя Кирик.

— Ну, что скажешь, Володя?

Паренек по-прежнему не глядел на секретаря, только мял в руках засаленную кепку да старался спрятать под стул свои выдавшие виды башмаки.

— Да ты не бойся, Володя, я ж тебя не съем, видишь же сам, я не страшный вовсе. А раз пришел ко мне за советом, так давай говорить по душам. Чем смогу — помогу.

Тут посетитель впервые взглянул на Косарева. А увидев смуглое улыбающееся лицо, приветливые, чуть раскосые глаза и непослушный темный вихор на макушке генерального секретаря, заговорил торопливо, сбивчиво, но искренне.

Его будто прорвало. Подросток рассказывал про свою голодную и холодную жизнь, про то, что родителей потерял в десять лет, что попал в компанию беспризорников чуть постарше, которые уже вовсю промышляли воровством, что и сам быстро втянулся в бродячую жизнь.

— Но теперь я не ребенок, — Володя встал, — и не хочу больше быть не как все люди, хочу работать, а не воровать.

Кирик подошел к двери, взял чемоданчик, поставил на стол и раскрыл. Там были деньги.

— Вот вчера обокрал актрису цирка. Верните ей деньги. Больше чужого не возьму.

Парнишка на этот раз смело встретился глазами с Косаревым:

— Хочу быть честным человеком.

Косарев поднялся из-за стола, подошел к Володе, положил ему руку на плечо:

— Я тебе верю, Кирик, и помогу. А теперь ступай, да захвати чемодан — отдашь его в приемной моему помощнику. Через три дня приходи — решим, чем тебе заняться.

В тот же день Александр рассказал о мальчике Калинину и Крупской, вместе думали, как с ним быть.

Через три дня Кирик снова сидел в кабинете генерального секретаря:

— Ну что, Володя, как ты смотришь на то, чтобы стать водолазом. Парень ты смелый, думаю, не побоишься?

Кирик вскочил, глаза у него сияли:

— Спасибо, спасибо, Александр Васильевич, я постараюсь, я вас не подведу.

Так бывший вор Владимир Кирик оказался в школе водолазов. Он окончил ее с отличием и стал прекрасным специалистом. Впоследствии Кирик участвовал в операции по поднятию затонувшего корабля «Сибиряков» и был награжден за это орденом Красного Знамени. Он стал, как и обещал Косареву, честным тружеником. А когда пришла Великая Отечественная война, Кирик был отважным бойцом и геройски погиб в одном из боев.

11

Еще задолго до того, как стать генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ, Косарев интересовался работой комсомола за рубежом. В 1924 году он был введен в состав русской делегации на IV конгресс Коммунистического интернационала молодежи. В 1928 году участвовал в работе V конгресса КИМа и стал

членом Исполкома Коммунистического интернационала молодежи. А когда оказался во главе комсомола страны, вопросы международного молодежного коммунистического движения превратились в часть его постоянной работы. Поэтому история развития этого движения тесно связана с именем Косарева. Он участвовал как руководитель советской делегации в первом Международном антиимпериалистическом конгрессе молодежи во Франкфурте-на-Майне летом 1929 года. В 1927 и 1930 годах Косарев ездил в Берлин нелегально. Работники Исполкома Коммунистического интернационала молодежи вспоминают, что не было ни одного секретаря легального или нелегального Союз?. Коммунистической Молодежи, с которым не поговорил бы Косарев. Его знал, уважал и любил самый широкий актив КИМа. У Александра появилось много настоящих друзей среди видных деятелей международного коммунистического движения. Особенно близок он был с Раймоном Гюйо, Артуром Беккером, Фрицем Гроссе, Ольгой Бенарио.

Когда же кто-то из кимовцев отправлялся за границу нелегально, обязательно заходил к Саше посоветоваться. Он рассказывал, как лучше конспирироваться, особенно — чтобы не обнаружить незнание языка. В руководстве КИМа были его земляки — в Исполкоме с 1930 по 1934 год работал Семен Федоров, а председателем его до 1937 года был Василий Чемоданов.

Среди эпизодов деятельности Александра Косарева за рубежом есть несколько особенно ярких.

В сентябре 1933 года Косарев впервые оказался в Париже. Здесь был созван Всемирный конгресс молодежи против империалистической войны и фашизма. Около тысячи юношей и девушек собрались в столице Франции.

Организовал конгресс Всемирный комитет борьбы против империалистической войны и фашизма, во главе которого стоял Анри Барбюс. В повестку конгресса был включен доклад Александра Косарева о советской молодежи. Он же возглавлял маленькую делегацию Советского Союза из пяти человек. В нее вошли передовой рабочий с московского завода АМО Константин Тимофеев, незадолго до этого награжденный орденом Ленина, модельщица одного из ленинградских заводов Мария Зайцева, украинская колхозница Наталья Будниченко, рабочий и студент-заочник из Казани Хабибула Загидулин.

Члены делегации давно, как говорится, «сидели на чемоданах», а французских виз все не было. Только за три дня до начала работы конгресса в ЦК ВЛКСМ пришла долгожданная телеграмма: «После многократных просьб министерство согласилось дать визы, запросите их в посольстве и известите нас. Анри Барбюс». Поэтому в Париж они приехали за час до открытия конгресса, а во дворец Мютюалите, где он проходил, явились, когда вся тысяча участников была в сборе. Советскую делегацию сразу обступили, засыпали вопросами, тянулись пожать руки друзьям из новой России.

Косарев делал доклад на следующий день. Текст в переводе на три языка — французский, английский и немецкий — роздали делегатам. Но они все равно внимательно вслушивались в незнакомую русскую речь, следили за жестами и лицом Косарева. Многие делегаты впервые видели советского человека. Когда Александр закончил доклад, делегаты поднялись с мест и запели «Интернационал». Представитель Саарской области вручил советской делегации красное знамя — символ борьбы против фашизма.

Среди участников конгресса было более ста молодых социалистов. Буржуазные же газеты, в

частности орган социалистов «Попюлер», обрушились на конгресс молодежи, именуя его «коммунистическим маневром», а участников — марионетками в руках русских коммунистов.

В ответ на эти враждебные выступления самые передовые из молодых социалистов решили устроить свое собрание и пригласили туда Александра Косарева — изложить точку зрения советской молодежи на проблемы борьбы против фашизма и империалистической войны.

Вот как рассказывает об этом событии переводчица русской делегации в Париже:

«Перед началом своего выступления Косарев сказал:

— Я буду говорить по-русски, а Тамара Мотылева переведет мою речь на один из иностранных языков — на французский, немецкий или английский, как вы хотите. А перевод на другие языки пусть идет параллельно, чтобы не терять времени, вы уже позаботьтесь об этом сами.

Участники собрания недовольно зашумели, а Пьер Тюротт, председатель собрания, вполголоса объяснил нам:

— Никто тут не возьмется переводить. Видите, какая накаленная атмосфера — у нас много внутренних разногласий, взаимного недоверия. Придется вам перевод на все три языка взять на себя.

На том и порешили. Косарев делал перерывы после каждой фразы и терпеливо ждал, пока я ее переведу на три языка. Кто знает, может быть, ему и кстати были эти перерывы: он внимательно наблюдал за аудиторией, за сменой ее настроений, обдумывал выражения, подыскивал аргументы. И по мере того, как он говорил, все более отчетливо ощущалось расслоение среди присутствующих — большинство принимало речь

Косарева сочувственно, с доверием, а меньшинство продолжало злобствовать.

Общение оратора и слушателей становилось все более живым: Косареву задавали вопросы, возражали, и он каждый раз находил верный тон для ответа.

Женщина не первой молодости, сильно напудренная, с вычурной прической, назвавшаяся представительницей социалистической молодежи Марсея, несколько раз подавала недоброжелательные реплики: ей сильно не нравился ход собрания.

— Что скажут о нас те, кто послал нас сюда, — сокрушалась она, — когда узнают, что мы установили контакт с русскими коммунистами!

Косарев тут же парировал:

— Тем, кто в своих поступках руководствуется не убеждениями, а боязнью, «что про меня скажут», тем бы лучше заниматься домашним хозяйством, а не играть в политику.

Дама из Марсея побагровела, и куда только девалась ее чопорная благовоспитанность! Она завопила:

— Невежа! Идиот!

Но большинство собравшихся встретили слова Косарева одобрительным смехом и аплодисментами.

Косарев одержал явную моральную победу. После собрания многие подходили к нему — пожать руку, получить автограф, поговорить. Ему задавали вопросы еще и еще, и он с готовностью отвечал. Он вышел из зала обессиленный, но довольный. Мне он сказал только:

— Ну и досталось тебе сегодня!

После конгресса мы оставались в Париже еще пять дней. Мы проделали все то, что полагается проделать тем, кто видит Париж в первый раз: поднялись на Эйфелеву башню, постояли в Лувре перед Джокондой, погуляли по дорожкам Версальского парка, осмотрели

Нотр-Дам. А по вечерам встречались с парижскими рабочими в коммунистических мэриях Иври, Сен-Дени, Альфорвилль или сидели в маленьких ресторанчиках и кафе с французскими товарищами — руководителями коммунистического юношеского движения. Неистощимо бодрый, всегда немного насмешливый Раймон Гюйо рассказывал о боевых делах французского комсомола, обаятельная Жанетта Вермерш пела задорные песенки — иногда мы даже неумело пытались подтягивать ей. Все это было радостно и вдохновляюще, все это запомнилось надолго.

Но самым ярким впечатлением от той давней поездки в Париж осталось для меня собрание молодых социалистов и речь Косарева, сумевшего — не ораторскими эффектами, а силой логики и партийной страстности — рассеять туман предубеждения, привлечь новых борцов на сторону антифашистского дела, завоевать нашей стране новых друзей».

В апреле 1935 года Косарев снова оказался в Париже — он возглавлял делегацию советской молодежи на Международной юношеской антивоенной конференции.

В связи с созывом Всемирного конгресса мира в Брюсселе в сентябре 1936 года во многих странах были созданы комитеты движения за мир.

В СССР в такой комитет от комсомола вошел А. В. Косарев.

В эти же дни в Женеве проходил Всемирный юношеский конгресс борьбы за мир. И здесь выступление руководителя советской молодежи Александра Косарева было одним из центральных, тоже вызвало бурную реакцию.

Один из представителей религиозных организаций потребовал копию проекта Советской Конституции, чтобы собственными глазами увидеть пункт о гарантии свободы совести в СССР. Получив документ, делегат

вынужден был публично просить извинения у Косарева и у всего конгресса «за то, что позволил себе усомниться в правильности утверждения о свободе совести в СССР».

А потом полтора часа, до поздней ночи, руководитель советской молодежи отвечал на вопросы делегатов. Реплики Косарева часто были резкими, обличительными. Он критиковал, в частности, те «левые» социалистические организации, которые бойкотировали конгресс, чтобы не встречаться с реакционерами, и те католические организации, которые не желали бороться за мир в единой строю с коммунистами. Слова Косарева запали в душу каждого делегата, и очень скоро, когда разгорелась война в Испании, они вспомнили пророчество советского коммуниста:

«Когда над мирными городами появятся бомбовозы агрессора, одинаково будут переживать величайшие страдания и муки молодые католики, социалисты, республиканцы, демократы, христиане, коммунисты. Юноши и девушки всех стран мира, перед такой страшной угрозой давайте сплотим свои силы и объединим их в борьбе за мир!»

При поддержке Александра Косарева был создан в 1937 году Всесоюзный комитет интернациональных связей молодежи. Членом комитета был он сам. Перед новой общественной организацией стояли благородные задачи: пропаганда и укрепление мира и дружбы народов, ознакомление молодежи капиталистических стран с жизнью молодежи СССР и установление непосредственных контактов между ними.

Косарев участвовал во всемирных форумах молодежи против угрозы войны, часто выступал на собраниях и вечерах перед советской молодежью с докладами о жизни молодежи в капиталистических

странах, о ее борьбе за единый фронт против фашизма и войны.

12

Много сил отдавал Косарев оборонной работе. Понимая, что развивающаяся авиация сыграет ведущую роль в будущей войне, он со свойственной ему страстностью пропагандировал занятия авиаспортом как первый шаг для молодежи к профессии летчика.

На IX съезде в 1931 году Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи принял шефство над Военно-Воздушными Силами Красной Армии. Авиация стала предметом постоянной заботы комсомола. Бурную деятельность развернул ЦК ВЛКСМ. Поскольку Косарев считал, что личный пример — лучшая агитация за любое дело, секретари и другие работники ЦК комсомола осваивали авиационную технику, учились летать на самолетах, прыгали с парашютом.

ЦК ВЛКСМ специально обсуждал вопрос, кто должен показать пример в освоении авиационной техники, в развитии парашютизма — это дело тогда только начиналось.

20 ноября 1934 года по предложению Александра Косарева Бюро ЦК ВЛКСМ приняло решение создать при ЦК группу по обучению летчиков. А к 22 мая 1935 года летная группа из работников ЦК уже начала заниматься. Первыми летчиками и парашютистами стали секретарь ЦК ВЛКСМ по военно-спортивной работе Павел Горшенин, секретарь Московского горкома Серафим Ильинский, секретарь ЦК ЛКСМ Украины Сергей Андреев.

Александр тоже записался в группу и уже предвкушал радость полета, дома только и разговоров было, что про прыжки с самолета. Но Бюро ЦК

комсомола запретило ему это. Саша огорчен был чрезвычайно.

Он часто бывал в Московском аэроклубе, который был создан незадолго до этого по инициативе Косарева и носил поэтому его имя. Там у него было много друзей — и летчики и парашютисты. Как-то, проведя целый день на аэродроме, наглядевшись на полеты планеров и самолетов, Косарев признался:

— Эх, сам бы пошел в летную школу. Влюблен я в авиацию...

Косарев не стал летчиком, но всю душу и всю свою всепобеждающую энергию вложил в развитие молодой советской авиации. Он интересовался конструкторской и производственной деятельностью авиационных заводов, ездил туда сам и отряжал для помощи их комсомольским организациям работников ЦК. Под постоянным контролем были и летные училища.

За весьма короткий срок удалось привлечь к авиации самое широкое и горячее внимание молодежи. К X съезду комсомола в стране уже действовало 140 аэроклубов. Энергично осуществлялся лозунг IX съезда «Комсомолец — на самолет!». В 1935 году аэроклубы Осоавиахима подготовили в пять раз больше пилотов, чем в 1932 году.

Особенной популярностью пользовался парашютный спорт. Все мировые рекорды здесь принадлежали советским спортсменам. К 1935 году с самолета прыгнули уже 20 тысяч человек, с парашютных вышек — миллион двести тысяч.

В феврале 1935 года Косарев отчитывался перед ЦК ВКП(б) и Наркоматом обороны о достижениях Ленинского комсомола в развитии авиации. Но он писал не только об успехах, а и о трудностях, о том, что этому делу нужна помощь государства.

«Необходимо: на 1 миллион рублей запчастей для самолетного парка Осоавиахима; увеличить и

удешевить выпуск парашютов; снабдить Осоавиахим легкими спортивными машинами типа истребителей в количестве 100 штук» и т. д. и т. д.

К письму Косарев прилагал большой список парашютистов, планеристов и инструкторов парашютного и планерного дела, которых ЦК ВЛКСМ представлял к награждению орденами Советского Союза. Почти все представленные в списке Косарева получили правительственные награды.

Летом 1935 года на Тушинском аэродроме состоялся большой праздник — комсомол и авиация отчитывались за четыре года совместной работы. Массовые достижения показывали авиамоделисты, парашютисты, молодые мастера пилотажа на планерах и самолетах.

Генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза Н. А. Каманин вспоминает об одном из организаторов этого праздника: «Мне часто в 30-е годы приходилось встречаться с Косаревым в самой различной обстановке. Он всегда производил на меня впечатление волевого, высокоорганизованного, целеустремленного, умного и чуткого вожака молодежи, беспредельно любившего Родину и свой народ. Но никогда я не видел его таким радостным, веселым и удовлетворенным, как в этот день на аэродроме. Среди авиационных спортсменов Косарев чувствовал себя своим. Его здесь знали, любили, уважали».

Подводя итоги шефства комсомола над авиацией между IX и X съездами ВЛКСМ, Косарев говорил: «...Общепризнано, что мы стали душой и сердцем Осоавиахима, что все новые начинания в общественной оборонной работе связаны с именем Ленинского комсомола... Партия поставила перед нами боевую задачу — стать поколением крылатых людей... Все, что есть самого передового в мировой авиационной технике, должно стать нашим. Летать дальше, выше и

быстрее всех — вот задача, которая должна вдохновлять инженеров, конструкторов, пилотов, планеристов и парашютистов».

Не оставался без комсомольского внимания и Военно-Морской Флот. В декабре 1929 года VI пленум ЦК ВЛКСМ дал указание всем комсомольским организациям — шефам военных моряков — держать краснофлотцев в курсе своих дел, знакомить с опытом участия в социалистическом строительстве. Поднимая такой будничный вопрос, генеральный секретарь имел дальний прицел: отслужив срок, моряки придут в народное хозяйство, хорошо, если они будут с ним знакомы.

На этом же пленуме было решено построить за два года подводную лодку имени Комсомола для подшефного флота. А средства для строительства собрать среди комсомольцев, всей трудящейся молодежи и пионеров.

Кампания проходила успешно. Не раз этот вопрос обсуждался на Бюро и Секретариате ЦК ВЛКСМ. «Комсомольская правда» помещала регулярно материалы о том, как идет сбор средств. К 23 февраля 1930 года Секретариат ЦК приурочил закладку подводной лодки. Спущена на воду она была уже в следующем году.

В честь пятнадцатилетнего юбилея комсомола ЦК ВЛКСМ предложил построить на комсомольские средства дивизион подводных лодок имени ВЛКСМ и создать фонд огневой подготовки и изобретений. Цель комсомольской помощи была в том, чтобы поддержать начавшуюся реконструкцию Военно-Морского Флота.

Реввоенсовет высоко оценил заслуги комсомола и его Центрального Комитета в восстановлении и развитии флота. А Александр Косарев приказом № 1473 от 23 октября 1933 года по личному составу армии зачислен был почетным краснофлотцем линкора

«Марат». С тех пор Косарев стал частым гостем на этом корабле Балтийского флота. Бывал он и в других военных частях.

В 1931 году генсек совершил поездку по пограничным заставам Дальнего Востока, посетил, в частности, заставу имени Косарева. С ее солдатами-комсомольцами Александр провел несколько боевых дней — участвовал в тревоге, ходил ночью в дозор, спал на солдатской койке. Вернулся в Москву полный впечатлений и сразу написал своим новым друзьям письмо, полное теплых слов о том, как пограничники встретили его, о храбрости и непритязательности юных воинов, служба которых представляется ему издалека еще более героической.

Государственный подход и большой интерес к военным вопросам, к обороне страны Косарев проявлял на протяжении многих лет. По его предложению комсомольские организации страны сосредоточивали внимание на военной подготовке молодежи. Они работали вместе с Осоавиахимом, с профсоюзными и партийными организациями.

В докладе Александра Косарева на X съезде комсомола в 1936 году говорилось о том, какую роль для передовой Страны Советов сыграет молодежь в ближайшие годы. Стать оплотом, защитой Родины — вот что предсказал ей Косарев. «Враги должны знать: чтобы победить нашу страну, им надо уничтожить всю ее молодежь, а этому никогда не бывать». Генсек говорил о счастливой жизни юношей и девушек, поколение которых не знает ужасов капиталистического гнета. Но веселье и радость не должны заслонять собой заботу о боевой готовности. «Шагайте, товарищи, с песней по жизни, но не забывайте при необходимости прихватить и винтовку, а главное — научиться безукоризненно ею владеть!»

Нужно постигнуть военную науку, если хочешь всерьез бороться за коммунизм.

Давно известно, что тридцать три года — время расцвета человеческой личности. К X съезду комсомола Косареву исполнилось тридцать три. В докладе на этом съезде был дан анализ обстановки в стране и за рубежом и в этой связи политических задач советской молодежи. То, о чем говорил генсек, требовало немедленного решения, но в то же время давало перспективу комсомольских задач. Съезд подвел первые итоги стахановского движения, приветствовал новаторов, имена которых гремели на всю страну. Это был съезд молодых победителей социализма.

X съезд поставил перед комсомолом как важнейшую задачу готовить образованных, технически подготовленных специалистов, способных совмещать революционный размах с большевистской деловитостью. Генсек повторил слова В. И. Ленина, сказанные на III съезде комсомола, — если молодежь не будет обладать современным образованием, коммунизм останется только пожеланием.

Чтобы молодежь смогла получить индустриально-техническое образование, нужно проделать большую работу, в частности расширить сеть стахановских курсов, реорганизовать школы ФЗУ в технические школы. Особенно настаивал Косарев на необходимости самых разнообразных технических кружков, на задаче, которая и на сегодняшний день является актуальной и не везде полностью решенной. Создать кружки по изучению двигателей внутреннего сгорания, по изучению химии, физики, кружки радиотехники и т. д., увеличить выпуск популярной технической литературы, учебников, наглядных пособий, организовать всевозможные лекции по вопросам науки и техники, консультации для молодежи, занимающейся самообразованием, — такую программу предстояло

осуществить по замыслу ЦК ВЛКСМ комсомольским организациям страны.

Наметив узловые, решающие моменты в предстоящей деятельности комсомола, генсек, как всегда, обрушился на те явления в комсомольской среде, которые могут этой работе помешать, — на болтовню и бюрократизм, на администрирование и подхалимство. Язык выступления стал резким, разящим, стиль — близким к сатире:

«Существует у нас тип активиста, который обязательно на всех фыркает и от всех чего-то требует. Все ему должны, все ему обязаны и все наказуемы. Он не преминет призвать к черновой работе, а сам ее всячески избегает, как черт лаdana.

Он любит, чтобы комсомольцы перед ним ходили «в струне». Он убежден, что все хорошее в организации излучается от его светлого ума или же обязательно является результатом его «твердого руководства». Мыслит он резолюциями и говорит ими».

Александр Косарев смеялся над теми юнцами, которым «всего-то от роду дважды десять лет», но которые преисполнены почтения к себе и, выйдя на трибуну, ждут без всякого смущения, когда им заплодируют. Такие горе-руководители сохраняют интерес лишь к своей персоне, а комсомольцы сливаются для них в однородную массу. Но вот беда, «масса» не уважает их, платит таким же безразличием и даже презрением.

Александр Косарев напомнил делегатам X съезда конкретное указание, которое сделал на этот счет в «Очередных задачах Советской власти» Владимир Ильич Ленин: «Мы пойдем себе своей дорогой, стараясь как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без

шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации»^[34].

Только. такие руководители смогут настойчивой, терпеливой и чуткой работой с каждым молодым человеком воспитывать идейную убежденность и преданность делу строительства социализма.

Опыт самого Александра. Косарева — тому пример. Сохранился рассказ В. Сорокина о командировке Косарева в Донбасс в 1937 году. Это была последняя командировка генерального секретаря комсомола.

Он проехал по шахтам Донбасса. Дела здесь обстояли далеко не благополучно. И Косарев замечал все — от самых крупных нарушений в комсомольской жизни до бытовых неурядиц. И везде он пытался исправить положение.

На шахте «София» возле проходной стоял ларек, где продавали и водку. Горняки частенько наведывались туда перед спуском в шахту или после смены.

Естественно, такие «визиты» отражались на производстве, горняки не только не торопились приступать к работе, но порой засыпали в забое.

Все это Александр выяснил, беседуя с шахтерами.

Зашел он и в ларек — убедился, что посетителей там хватает. Рабочие рассказали ему, кроме того, что в магазинах мало товаров, что в общежитиях грязно, что плохо организован отдых рабочих.

Косарев обратился к руководителям шахты: попросил провести рабочее собрание. Пришло очень много народу. Когда выступал комсомольский секретарь, стояла тишина. Многие удивлялись, откуда приезжий знает такие «интимные» подробности о жизни шахты. Косарев смело связал плохую добычу угля с водкой у проходной и потребовал убрать ларек от шахты и строго следить, чтобы не попадали в забой

пьяные шахтеры. Не менее жестко ставил он вопрос о необходимости срочно навести порядок в общежитиях, о снабжении промтоварами. Долго после собраний разговаривал генсек с горняками, узнавая все больше об их жизни, об их заботах.

Вернувшись в Москву, Косарев доложил о положении в Донбассе в ЦК ВКП(б) и Совнарком. А вскоре организовал специальный комсомольский железнодорожный эшелон с промышленными товарами для шахтеров.

Возвращаясь из Донбасса, в поезде Косарев и его спутники познакомились с комсомольцем-моряком из Мурманска. Разговорились.

В то время в районе Мурманска началось большое строительство в системе Главсевморпути. Оказалось, моряк работал на этой стройке.

— Интересно, интересно, — повторял Косарев, слушая рассказ попутчика о ходе работ, о суровой зиме, о неустроенности, которая тяготит строителей.

— Но это бы все ничего, потерпели бы, товарищ Косарев, — говорил моряк, — да вот что действительно плохо — людей не хватает, комсомольцев мало.

Эта мимолетная дорожная беседа не прошла бесследно. Косарев получил сигнал «SOS», для него никогда не имело значения, что он неофициальный, что не зафиксирован на бумаге с подписями и печатями. Люди, дело нуждаются в помощи — надо помочь.

Вскоре ЦК ВЛКСМ организовал большую поддержку этому строительству. Косарев договорился с И. Д. Папаниным — очень популярным тогда человеком, и герой дрейфа на льдине написал обращение к комсомольцам Советского Союза. Он призвал их идти работать в систему Северного морского пути, говорил о трудной, но чрезвычайно интересной работе в условиях Севера.

Когда «Комсомольская правда» опубликовала обращение Папанина, в ЦК ВЛКСМ посыпались заявления юношей и девушек с просьбой послать их на работу в Мурманск.

Руководство — сложное искусство. Поэтому нужно внимательно приглядываться к людям, замечать хороших работников, выдвигать их.

Косарев говорил: «Приказом, окриком, командованием или администрированием убежденных и преданных людей воспитать нельзя...

Многие горе-секретари предполагают, что комсомольцы имеют только обязанности, а прав никаких. У нас в комсомоле повелся тип руководителей, по поводу которых Салтыков-Щедрин в свое время заметил, что это «люди, думающие басом». Избрав своей сомнительной доблестью начальствующий тон в обращении с молодежью, они поручают члену организации десятки дел, не сообразуясь с его способностями, а потом, утопая в административных восторгах, обрушивают на него розги взысканий.

Одержимые «зудом взыскательства», они не хотят понять, что прежде, чем требовать от комсомольца исполнения поручений, надо контролировать это исполнение, а контролировать — значит толково разъяснять, а главное — помогать...»

В один из апрельских дней 1935 года Косарев вызвал к себе, в Ипатьевский переулок, где помещался тогда ЦК, Татьяну Васильеву — студентку Промышленной академии. Он знал Таню еще по работе в Бауманском районе. Александр объяснил, зачем пригласил ее:

— Надо расширять работу среди женской молодежи, особенно в национальных республиках. В ЦК комсомола существует специальный отдел, в нем-то и предстоит тебе работать. Дело, конечно, непростое, поэтому и

обращаюсь к тебе, ты работник опытный. А будет трудно — поможем!

«Ему можно было поверить, он поможет. Он умел помогать людям, и это у него получалось незаметно. Всегда вовремя он умел подметить упущение и обратить на него твое внимание. Незаметно, не ущемляя достоинства собеседника, наводил его на главные вопросы. Так было и сейчас; Задачи, о которых говорил Косарев, волновали меня. Правда, я уже училась третий год, несколько оторвалась от непосредственной комсомольской работы, но беседа с Косаревым вселила уверенность: справлюсь», — вспоминает Т. Васильева.

В июле 1935 года ЦК комсомола созвал Всесоюзное совещание по работе среди женской молодежи. Ему предшествовали собрания на предприятиях, районные, городские и областные конференции.

На этом совещании не было ни сцены, ни трибуны. Делегатки сидели за длинными столами, покрытыми зеленым сукном. Пока не прозвучал сигнал к открытию, Косарева плотным кольцом окружали делегатки. Он едва успевал отвечать на вопросы.

Но вот приехала Надежда Константиновна Крупская, которую все с нетерпением ждали.

Надо было избрать президиум. Одна из делегатов предложила поручить руководство совещанием Бюро ЦК ВЛКСМ. Но тут поднялся Косарев: «Ваше совещание, вы и хозяйничайте... Пора быть смелее, смелее беритесь за руководство».

Совещание прошло успешно. Об этом говорил Татьяне Александр, когда они возвращались с Красной площади, где в зале заседаний в здании нынешнего ГУМа собирались комсомолки-активистки.

1938 год был последним годом работы Александра Косарева на посту генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, он стал последним годом его жизни.

Зрелый, мужественный, сильный человек, он твердо отстаивает свои убеждения, имеет свой взгляд на происходящие в стране события. Он по-прежнему требователен к себе и к людям, особенно к тем, кто берет на себя смелость руководить, кто облечен властью: «...Переоценка своих личных способностей, гнилое самомнение и чванство для молодого работника, а я думаю, что и не только для молодого, равносильны политической смерти. Это приводит к отказу от работы над собой, порождает верхоглядство, политическую беспечность».

К марту 1938 года относятся слова Александра Косарева, отражающие его большевистское кредо, которому он следовал неотступно всю свою короткую жизнь:

«В вопросах политического руководства ссылка на молодость не существует. В личных вопросах могут быть ссылки на субъективные и объективные отношения, а в вопросах политического руководства — обязательно для большевика, вне зависимости от твоего партийного стажа и вне зависимости от состояния твоего здоровья — один подход, чтобы политическое руководство не хромало».

Юбилеи Ленинского комсомола были и юбилеями комсомольской жизни Косарева. 29 октября 1933 года, в день 15-летия ВЛКСМ, Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР наградил орденом Ленина Александра Васильевича Косарева — «испытанного руководителя Ленинского комсомола, выдающегося организатора комсомольских масс в их борьбе под руководством партии за победу пятилетки».

В тот же день Косарев выступал на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ:

«Мы счастливы тем, что нам выпало жить в эпоху, пожалуй, самую богатую, многогранную, самую насыщенную великими событиями.

Пусть будущее поколение не краснеет, а гордится тем, что когда-то в эпоху переходного периода жил Ленинский комсомол, который не склонял головы перед трудностями, который был подобен буревестнику, который в бурях классовой борьбы чувствовал себя в своей стихии; что жил Ленинский комсомол, чья борьба и работа были той почкой, из которой расцветает счастье будущих поколений; что руководствовался комсомол принципом: лучше смерть, чем классовое бесчестье и классовый позор».

Комсомольцами 20-х годов называют сейчас то поколение, представителем которого был Александр Косарев. И, встречаясь с ними, людьми преклонных лет, сегодня, нельзя не поражаться их жизнерадостной активности, молодому мировосприятию, глубокой вере в торжествующую справедливость, высокой принципиальности и преданности партии. Общаясь с ними, легче понять, каким был генсек комсомола Саша Косарев.

Вот как оценивает личность Косарева один из них, бывший бауманец, министр авиации СССР с 1940 по 1946 год, Герой Социалистического Труда Алексей Иванович Шахурин:

«Косарев был вторым после Петра Смородина, рабочим парнем, который удивительно быстро даже для тех, кто работал рядом с ним, вырос в крупного руководителя с ярким талантом организатора молодежных масс.

Настоящий пламенный боец нашей партии, он обладал исключительной силой убежденности и таким блестящим даром эту убежденность, эту веру в дело партии передавать тем, кого он поднимал на трудные, порой будничные дела, что его можно и нужно считать

самой выдающейся фигурой среди вожakov комсомольского движения».

Воспитанник партии коммунистов, Косарев всегда сохранял чутье истинного большевика, в разногласии мнений, в сложном политическом климате тех десятилетий всегда выбирал то направление, которое совпадало с ленинскими заветами.

Елена Дмитриевна Стасова как-то сказала об Александре Косареве: «Замечательный большевик, руководитель ленинского стиля». Более точной и емкой характеристики для Александра Косарева не найти. В этих словах — суть его короткой жизни, его политических принципов, его характера, склада его ума, его эрудиции и общественного темперамента. Это оценка его самоотверженного труда во славу советской молодежи, во славу Страны Советов.

Татьяна Меренкова

АЛЕКСАНДР БОЙЧЕНКО

Уже третьи сутки море спокойно, с той самой поры, как он здесь. Серо-голубоватые волны будто ласкают камни, а ему хочется, чтобы волны сейчас взлетали на гранитный берег и, разбиваясь вдребезги, с грохотом срывались со скал и падали в морскую бездну.

Санаторий «Харакс». Белая светлая комната. Белоснежная постель. Напряженное лицо Александра Максимовича. Широко открытые глаза смотрят в потолок. Он лежит в окружении солнечных радужных зайчиков и, кажется, к чему-то прислушивается. Мысли, мысли...

«С чего же это началось? — напряженно думает он. — Сначала говорили: обыкновенная простуда. А теперь? Болезнь обострилась... Но неужели и снова, как было это уже столько раз, врачи в конце концов не

скажут свое окончательное слово, не раскроют загадочную болезнь?»

Вот они стоят рядом — те, от кого, кажется, зависит его судьба. Рядом и жена Шура.

Снова осмотр... Несколько коротких фраз по-латыни. Ну говорите же! Только откровенно, честно. Пусть это даже будет приговором!.. Но они молчат. Выходят в соседнюю комнату.

— Обострение пройдет, но у него...

Неожиданный порыв ветра открывает двери, и в это время к Александру Максимовичу долетает всего лишь одно, глупо произнесенное слово «анкилоз».

И этого хватит. Хватит, чтобы ощутить его страшный смысл. Это неизлечимо. Неподвижность суставов на долгие годы. Это приговор. На живое тело неумолимо будет надвигаться извесь.

Шура приближается к постели мужа, пробует заговорить с ним.

— Нет, Шура, ты меня не успокаивай, — тихо сказал Александр. — Я все слышал сам...

Она отошла к окну и так простояла некоторое время, потом приблизилась к Александру и тихо проговорила:

— Ничего, Шура... Все минется... Вместе одолеем это горе...

«Но как? Как жить дальше? Что-нибудь сделать с собой — это не выход... Это легче всего», — промелькнуло у него в мыслях.

И вспомнилось, как они, комсомольцы, патрулировали по ночному городу, боролись с бандитами и кулачем и смотрели не раз в глаза смерти.

«Сумей жить и тогда, когда жизнь стала невозможной. Но попробуй сделать ее полезной...» — вспомнились ему слова Павла Корчагина. Позже придет психологический перелом, Александр все осмыслит и

все передумает, найдет новый путь для себя. И он напишет:

«Быть большевиком, когда все хорошо, нетрудно. А вот, когда враг ухватит за горло, да так, что аж в глазах потемнеет, не упасть перед ним на колени, а остаться большевиком — в этом суть! Жизнь принесла мне суровые испытания, но я должен все выдержать, на то я большевик».

А тогда он не знал, что будет дальше. Метался в постели, в безвыходном отчаянии откинув голову и крепко сжимая железную спинку кровати, почти выкрикнул:

— Шура, прошу тебя, открой пошире окно!

В комнату ворвался стон моря. Море! Будто и вправду почувствовало его душевное смятение, его необычную боль сердца и суровые мысли. Теперь оно высоко вздымалось над скалами и гудело тысячами непонятных голосов.

В памяти ярко всплывало прошлое...

Вот он, маленький Сашко, босоногий, в полотняной, сшитой матерью рубашке, бежит пыльной улицей Демеевки.

Мальчуган находит подсолнечную палку, садится на нее верхом, как на горячего коня, и вихрем скачет по улице, поднимая за собою сизые облака пыли... Любит малыш птиц и рыбалку. Любит слушать птичьи голоса, нежный звон кузнечиков, собирать коллекции красочных мотыльков. И часто в тесном кругу детворы засиживается он далеко за полночь, очарованный сказками восьмидесятилетнего деда Гайдабуры. Словно из глубин седых веков, его сухой старческий голос рассказывает детворе о том, как жил когда-то в Киеве над Днепром Кирило Кожемяка.

Треснет где-то далеко, в небольшой роще, сухая ветка под чьей-то ногою, значит, кто-то идет тропинкою напрямик к станции, и ребятам становится страшно.

Темнеет небо. Пора домой. И летит Сашко как на крыльях, едва касаясь ногами нагретой за день песчаной дороги. А если где-то в зарослях сирени вдруг зашуршит испуганная ночная птица, Сашко от страха еще быстрее мчит к своему двору.

Крепким сном спит его уставшая родная Демеевка, околица Киева. Улочки с выгонами, убогие домишки, покрытые просмоленной толью, небольшие вишневые садики, желтолицые подсолнухи на огородах. Тут живет трудовой люд. Работают на железнодорожном узле, табачной фабрике, пивоваренном заводе... Многие из них пришли сюда из сел и, оставшись в душе хлеборобами, возились после работы в крохотных огородах и садах возле своих халуп.

Их домик тоже напоминает сельскую хату. Маленький, почти вросший в землю, он пристроился на краю глубокого оврага. Рядом, как и у других, огород и сад, а вдоль хаты лента цветов. Это отец вместе с матерью и детьми вырастил и вишни, и сливы, и алые маки, и розовые мальвы. Он видит, как неутомимо копошатся в цветках юркие пчелы, подзывает к себе сына.

— Погляди-ка, Сашко, — тихо говорит он. — Работящие, как люди.

Говорит отец про труженицу-пчелу и про рабочих людей с какой-то особенной любовью, и от этого загорелое лицо его светлеет.

«Почему он такой добрый? — думает Сашко и потом сам же отвечает: — Наверно, оттого, что избрал он в свое сердце немало горя».

С малых лет отец батрачил. Сам был сыном батрака. И только лишь начинал таять снег и в воздухе едва пахло приближением весны, он уже собирался в дорогу — в украинские степи, на юг. Шел на заработки с родной Каневщины, под Киевом.

Провожали его с большой надеждой, но возвращался он в холодную хату с пустыми карманами.

— Не повезло мне, — грустил отец.

А на следующую весну опять собирался в странствия, снова лелеял надежду.

— Как только заработаю денег, куплю телку, свинью, а там, если удастся, — лошаденку. Вот тогда только и заживем, — прощаясь, говорил отец и шел через двор к воротам, а на его плече, будто нехотя, болталась большая полотняная котомка.

Так все годы отправлялся он вдогонку за счастьем, потому что витало оно где-то далеко отсюда, мыкался он по всей Украине до тех пор, пока не призвали его на царскую службу. Отслужив, попробовал устроиться на железной дороге. На этот раз повезло: со временем стал работать слесарем. Немного привык тут, обжился и вскоре женился.

Семья была большой. Детей только шестеро. Прокормить ее нелегко. А заработок мизерный — восемнадцать рублей в месяц. Только на хлеб, и то лишь по фунту на душу.

Бедствовали, пришлось идти на работу и матери. Стирала у господ белье, трудилась на конфетной фабрике, затем на табачной, потом таскала на стройке кирпичи, где за тысячу штук платили двадцать пять копеек. А достатка все не было.

— Вот когда б была у нас своя беленькая хата с вишневым садиком — говорил мечтательно отец, — туда бы счастье непременно заглянуло.

Мечта эта не давала покоя, она измучила, иссушила отца. Решили собрать деньги и откладывали их долгие годы. Жить стало еще труднее, но не падали духом: хлеб выпекали сами, приносили из лесу и сушили на зиму грибы, желуди, ягоды, корчевали пни — не было на что купить дров. И наконец, приобрели недостроенный домишко с единственной комнатой,

обмазанной изнутри глиной. Спали все вповалку, положив на пол матрац, набитый соломой. А когда ударили настоящие морозы, на стенах проступал иней...

— Разве ж это счастье? — размышлял Сашко. — А если оно такое, о котором мечтает отец, то слишком уж маленькое и жалкое, не переступает за порог нашей хаты...

В низкое оконце приземистой хаты заглядывает утреннее солнце, и детвора шумным кругом садится за большой, потемневший от времени дощатый стол и начинает ныть: как им не хочется жевать сухой хлеб!.. Но Сашко веселыми выдумками и шутками забавляет малышей, и так это у него выходит, что те громко смеются и забывают про все на свете, даже про свою еду. А сам он тоже всегда голодный — всю свою маленькую жизнь.

Вспомнил первое посещение железнодорожных мастерских, где работал отец. Закопченные стены, грохот железа, склоненное отцовское лицо, его вопрос:

— Хочешь сам попробовать?

Еще бы! Конечно, хочет Сашко закрутить гайку. Отец протягивает ему огромный гаечный ключ. Сашко неуверенно держит его в своих маленьких, еще непослушных и непривычных к такому делу руках. Это первое рабочее задание, и Сашко выполняет его старательно, с любовью.

Заходят в мастерские помощники машинистов, кочегары с лицами, черными от сажи и мазута. Вскоре таким же черным становится и Сашко. Здравуются с отцом, подмигивают мальчугану: мол, смотри, какой рабочий!

— Ну как дела? — усмехается отец.

Сашко от радости лишь моргает глазами и не знает, что и ответить. Улыбка сходит с отцовского лица, и он серьезно произносит:

— Учись, Сашко, хорошо. Сделаю тебя, сынок, счастливым человеком...

— А кем же вы меня сделаете? — спрашивает Сашко.

— Посмотри-ка сюда, — говорит отец и ведет Сашка куда-то вдоль станков, а потом указывает на стеклянные окна впереди, за которыми мальчуган видит совсем иной, непохожий на этот мир: там, в чистом и светлом помещении конторы, склонившись над бумагами, сидят несколько хорошо одетых, с аккуратными прическами людей.

— Видел? — спросил отец и гордо добавил: — Конторщиком в депо тебя сделаю.

«Вот идеал счастья, граница мечты, которую лелеял рабочий человек, — вспоминал позже Александр Бойченко. — А рядом с нами жил жандарм, дети которого учились на врачей и инженеров. И я начинал понимать, что нищие всю жизнь гоняются за счастьем, идя очень узенькими тропками, но так и не видят счастья».

И Сашко учился. Учился прекрасно. Преподаватели по математике, русскому языку, географии очень хвалили его. Особенно хорошо разбирался мальчуган в жизни природы. Отвечая урок, он всегда говорил не только о том, что узнал из учебника, но и что видел сам.

У него такие же радости и беды, как и у многих одноклассников с рабочей околицы. Но он, по своему собственному признанию, «рос, как пырей, с крепкими корнями». Он знает рабочий люд, видит нелегкую жизнь машинистов, кочегаров, слесарей, дорожных рабочих. И кажется мальчугану, что они, как и его отец, навсегда насквозь пропахли угольным дымом и машинным маслом.

Окончил Сашко Бойченко двухклассное железнодорожное училище первым учеником.

«Помню, на выпускном вечере учитель естествознания, совсем уж седой старичок, прекрасной души человек, отвел меня в сторону и говорит:

— Сашенька! Вам бы учиться дальше, счастливый человек из вас выйдет.

Учиться дальше, стать счастливым человеком — это было моей мечтой. Мне было тогда двенадцать лет, и о счастье своем я думал: «Сколько я знаю несчастных людей, как плохо они живут, а почему? Потому что у них нет денег. А вот владелец конфетной фабрики Ефимов живет в тринадцати комнатах, а какие у него кони, какой сад!»

Сашко слышал, что у каждого свое счастье. Видел, что рабочие и мелкие служащие живут в халупах, на кривых и узких улочках с пылью и грязью, где после дождя все раскисало. По вечерам не светились даже керосиновые фонари. А далеко, в центре города, ярко горело электричество. Там был Крещатик, вымощенный булыжником, с двумя трамвайными линиями, и дома казались большими, хоть были в один или два этажа. Вечером, особенно в теплые летние дни, улица становилась шумной от простолюдинов — молодых рабочих и работниц. На правой стороне ее искали свое мизерное счастье «веселые девчата». Ходили там дворами бродячие музыканты и певцы, шарманщики — любимцы кухарок и прачек. И на каждом углу стояло по одному стражу — городовому — для порядка. Выходит, и там счастье обошло многих...

Подрастали дети бедняков: того устроили учеником к слесарю, ту — к портнихе, а другому повезло найти работу на сахарном заводе, и тогда говорили: «Вот и нашел человек счастье».

Сашко часто задумывался над своей жизнью и размышлял так: «Какое ж это счастье? Оно куцее, урезанное, на кривых ножках!» А однажды экстренный

выпуск газеты принес известие о революции в Петрограде.

Революция! Свобода! Желанная воля... Улицы окрасились в красный цвет от флагов, плакатов, бантов. Повсюду возникали митинги и собрания. Выступали на них и опытные ораторы-большевики и сразу же вызывали бурную ярость меньшевиков, бундовцев и черносотенцев, «левых» и правых эсеров, кадетов, анархистов и монархистов, всевозможных «независимых», «самостийных»... Враги прикрывались революционными лозунгами, прибегали ко всяким уловкам. А одна из ведущих партий Центральной рады так и называлась УСДРП — украинская социал-демократическая рабочая партия и, как утверждали ее лидеры, боролась за будущее рабочего класса и украинской державы. Но это было вранье. Так называемая «рабочая» партия не имела ни поддержки у рабочих, ни влияния на них. В эту партию даже не надо было вступать, достаточно лишь «записаться», назвав свою фамилию и домашний адрес.

И неопытному подростку сперва было нелегко разобраться в сложной обстановке того времени.

На железнодорожном узле, где работает отец Сашка, все чаще стали собираться шумные толпы людей. Через станцию нескончаемо идут военные эшелоны. Тут вспыхивают солдатские митинги. Тут можно услышать выступления большевиков, зовущих к борьбе, увидеть листовки, прочитать ленинские слова...

Минуло лето. О начале вооруженного восстания в Петрограде 25 октября стало известно в два часа в тот же день. Киевский пролетариат решил поддержать питерских рабочих. Городской ревком призвал к всеобщему восстанию.

Утром 30 октября началась стрельба. Восстание охватило весь Печерск. В центр восстания — завод «Арсенал» — темными ночами пробирались небольшие

группы красногвардейцев. Три дня продолжались бои с юнкерами.

Сашко видел опоясанных пулеметными лентами красногвардейцев Демеевского снарядного завода, которые, направляясь на «Арсенал», обходили юнкерские караулы. Пошел бы с ними!.. Он с завистью провожал взглядом бойцов.

Опустели улицы и базары. Не ходили трамваи, молчали заводские гудки. Слышались глухие артиллерийские взрывы. Бои продолжались до глубокой ночи. На «Арсенал» наступали со всех сторон, но рабочие мужественно сдерживали натиск врагов. Забастовал весь город. И следующий день принес восставшим окончательную победу. Штаб Киевской военной окрестности сдался...

Но против революционного Киева были стянуты Центральной радой большие силы. Петлюровцы захватили телеграф, другие важные учреждения. Начались аресты большевиков, революционных рабочих и солдат, обыски и расправы.

От рабочих Саша слышал о событиях на фронтах:

— Красные заняли Харьков... Красные приблизились к Полтаве...

Пришло известие, что петлюровцы наголову разбиты в жестоком бою под станцией Круты, и люди шутили: «А под Крутами нам круто».

Красная гвардия, червонное казачество и повстанческие отряды наступали на Киев. И снова — в январе 1918-го — поднимается киевский пролетариат, впереди — арсенальцы и революционные части гарнизона. Шесть дней шли жаркие бои. Пять тысяч повстанцев дрались против двадцати тысяч гайдамаков и белогвардейцев. 20 января петлюровцы жестоко подавили восстание. Но уже через два дня красногвардейцы заняли Дарницу. Полк червонного казачества Примакова переправился через Днепр у

Куреневки, объединился с красногвардейцами Подола. Началось наступление на центр города. А еще через четыре дня Киев стал советским.

Такое Саша видел впервые. По улицам города большими отрядами шли красногвардейцы. Впереди в лучах солнца медью труб сверкал поредевший оркестр, за ним колыхались всадники, дальше — пешие бойцы, а замыкали отряд, грохоча по булыжнику, пушки.

Киевляне, высыпав на улицы, видели утомленные, но сияющие лица этих простых людей в военных шинелях.

Стали выходить первые советские газеты на одном небольшом листке серой бумаги. В них печатались сообщения, приказы, обращения к гражданам о том, что работа на предприятиях и в учреждениях возобновляется. Началось восстановление разрушенного хозяйства.

Но снова город захватили враги.

Одна власть сменяла другую, город переходил из рук в руки. Кого только не довелось за это время повидать Саше: петлюровцев Центральной рады, немцев, решивших сделать из Киева «второй Париж», молодчиков «гетмана всея Украины» Скоропадского, деникинцев... И сколько радости было, когда опять вошли в Киев красные бойцы Щорса и Боженко.

Саша учился в ту пору в железнодорожном техническом училище, но спустя год пришлось его оставить. Наступил голод. Жить большой семье с каждым днем становилось все труднее. Саша в свои шестнадцать лет становится рабочим на лесозаготовках.

Зима 1920 года была очень суровой. Работали с утра и до поздней ночи. Кожа на руках трескалась до крови от лютого мороза. На подростке плохонькая шинелишка, а на ногах — худые сапоги. За день получали по осьмушке хлеба. Саша старательно

заматывал его в чистый платок и прятал в нагрудном кармане...

«Срубим, бывало, огромное дерево и, проваливаясь по колено в снег, тянем его веревками по лесу.

Но ребята не хныкали: знали, что их труд был необходим для Родины. Тогда я впервые понял, что приносить пользу людям — смысл моей жизни», — напишет позднее о тех днях Александр Бойченко.

Приходит весна, теплеет, припекает солнце, и теперь уже можно скинуть вконец прохудившуюся шинель. Саша переходит работать в мастерские станции Киев-II, становится помощником электромонтера.

Ему еще не исполнилось и семнадцати, когда в день создания первой комсомольской ячейки на станции Киев-II Бойченко стал комсомольцем.

«Я вступил в комсомол, — рассказывал он много лет спустя. — И это был самый счастливый день за шестнадцать лет моей жизни. Пора тогда была трудная. Шла гражданская война, блокада, голод, холод, эпидемии, приходилось много работать и по специальности и на воскресниках, очищать станции от грязи, присматривать за больными, сажать огороды, чтобы обеспечить рабочую столовую овощами и картошкой, охранять станцию, дровяные склады, депо, выезжать на операции против бандитов.

Приходилось преодолевать, казалось, непреодолимые трудности. А одежда у нас была плохонькая. С продуктами еще хуже: если за сутки достанешь четвертушку хлеба и тарелку супу в столовой, то и хорошо. Но настроение у комсомольцев всегда было бодрое. Можно ведь быть сытым, обеспеченным, но не быть счастливым, ибо счастливым ты будешь тогда, если между тобой и коллективом существует органическая связь, если интересы народа — это твои интересы».

Он не пропускал ни одного митинга рабочих. Здесь, на железнодорожном узле, слышал зажигательные, проникновенные слова большевистского комиссара, питерского рабочего, которого, говорили, послал на Украину Ленин.

Вспомнился Александру отец, последний с ним разговор.

— Запомни, сынок, — сказал тогда отец, — иди всегда с большевиками и тогда непременно придешь к счастью...

Многое выпало на их долю. Днем — работа, комсомольские поручения, а вечерами, хоть и страшно уставали, не бросали учебы. Собирались в комнате комсомольской ячейки, садились вокруг раскрасневшейся, румяной «буржуйки», грелись с мороза, пили чай. Читали книги, газеты, а кто-то из местных поэтов-новичков декламировал вслух свои первые задиристые стихи, представляя, что выступает не перед десятком ребят, а слушают его с большой сцены тысячи, миллионы, весь мир... Часто возникали споры, разговоры о будущем. А ночами патрулировали по городу.

Как-то зашел Александр в ячейку с газетами, зачитанными почти до дыр. Устроившись поближе у огня, чтобы получше было читать, и обжигаясь горячим чаем, рассказал он ребятам, как молодежь отремонтировала театр, как молодежь хлебородных губерний помогает собрать хлеб и продукты для голодающих рабочих Питера и Москвы... А потом о геройской гибели на Питерском фронте осенью 1919-го молодого коммуниста Архангельского: когда у ворот Питера появился Юденич, он добровольцем пошел в ряды Красной Армии, и когда потребовалась его жизнь, он отдал ее, взорвав себя на мосту вместе с белыми...

И в тот же миг в переулках вечерней Демеевки гулко загремели взрывы, их эхо неслось в морозное,

придавленное к земле небо. Ребята насторожились...

Послышался еще взрыв и еще... Александр сунул в карман газеты, мигом схватил винтовку и крикнул товарищам:

— Стреляет враг... Это факт!

И стремительно выскочил из комнаты. За ним с винтовками торопятся комсомольцы, бегут в темную, тревожную и холодную ночь, вот так — прямо в бой.

Так было каждую ночь.

Запомнил ночь, когда охраняли груженный продовольствием эшелон. Будто у Сашиного виска слышится сухой выстрел, и рядом с Бойченко на снег падает его веселый друг Володя с простреленной головой.

Морозный звон снега и свист пуль, холодящий сердце. Перестрелка. Погоня...

И опять бессонная ночь. На шумных улицах Киева ни души, но притаился враг, в любую минуту готов выстрелить в спину.

Слышен размеренный и четкий стук шагов комсомольского патруля. Это идут рядом Сашко Бойченко и Карно Марьяненко.

Дома насупились, глядят на тихую улицу темными сонными окнами. Ветер качает одинокие подслеповатые фонари. Холодно. Мороз. Сашко прикрывает лицо куцым воротником старой шинели.

Город спит.

Усталость давит на плечи, как непосильная ноша. Спать, спать, спать... Только спать нельзя. Вот покончим с бандитами, со всякой нечистью — тогда и выспимся, хорошо выспимся за все эти бессонные месяцы и годы.

Высокий и стройный, улыбчивый и синеокий Карпуша Марьяненко тихо рассказывает Сашку об увлекательной, еще не дочитанной книге.

— Вот завтра дочитаю и расскажу, что было дальше... — мечтательно говорит он.

Но так и не узнал Карно, что было дальше, потому что не было для него «завтра».

Они расстались на перекрестке: надо обойти целый квартал. Расходятся в разные стороны. Увидятся ли снова? За каждым окном и каждым подъездом может притаиться смерть...

Карпо Марьяненко ушел в темноту ночи и не вернулся с этого обхода. Утром его нашли убитым на одном из городских перекрестков.

Тихо, необычно тихо в комнате комсомольской ячейки. Молчат товарищи. Два дня тому назад комсомольцы похоронили своего боевого командира. Рядом с Сашком стоит председатель Учпрофсожа, старый коммунист Саенко, высокий, с седыми висками, одетый в потертую кожанку, и с такой же кожаной фуражкой в руках. Минутой молчания почтили память погибшего товарища.

— Кто же заменит Карпа Марьяненко? — спрашивает Саенко.

Молчат хлопцы, молчат и думают. Ведь это вопрос серьезный: Карпо был и старше их, и закален не в одном бою... Молчит и Саенко, пристально вглядываясь в каждого.

«Кто же? Кто? — напряженно думает Сашко, перебирая в памяти имена своих друзей. — Может, Ефим или Микола?..»

Но тишину прорезал уверенный голос Ефима:

— Бойченко!

Сашко поднял на ребят удивленные глаза, заморгал длинными, как у девушки, ресницами и не сразу понял, что случилось.

— Меня? Что вы, ребята?! — приглушенно пробубнил он, а в мыслях пролетела тревога: «А смогу?»

Но его раздумья прервал Саенко:

— Я не возражаю, товарищи. Кандидатура вполне подходящая.

Саенко поздравил Бойченко и тут же протянул новому комсомольскому секретарю Карпов наган:

— Карпо хорошо целил по контре... Бери, Александр. Теперь он твой...

Пряча наган в карман, Сашко расправил ссутуленные плечи и, заметно волнуясь, сказал:

— За доверие, товарищи, спасибо... — Какое-то мгновение подумал и уверенно добавил: — А за Карпа... мы с врагами еще посчитаемся...

Вскоре Александр был зачислен в части особого назначения — ЧОН и выполнил блестяще не одно задание. Они ликвидировали бандитские «осиные гнезда», вылавливали тех, кто грабил крестьян.

И часто, отправляясь на очередное задание, Сашко не знал, вернется ли в ячейку живым...

А все же в минуты коротких передышек они пели песню:

*Мы дети тех, кто выступал
На бой с Цетральной радой,
Кто паровозы оставлял,
Идя на баррикады.*

Эта песня родилась у молодежи Главных мастерских Киев-1, где работал тогда Николай Островский.

Уже тогда Александр понимал, что новый враг — разруха и голод — был не менее страшен, чем гражданская война и интервенция...

Надо как можно скорее восстановить хозяйство. Молодые рабочие-комсомольцы ремонтируют паровозы и товарные вагоны и отправляют их на станцию Боярка. Там, в боярском лесу, ребята из бригады Николая

Островского прокладывают железнодорожные пути, заготавливают дрова, загружают ими вагоны. Потому что крайне необходимо дать тепло учреждениям, топкам паровозов, больницам...

Когда Александр еще учился в техническом училище Юго-Западной железной дороги, где-то рядом с ним в это время был и Николай Островский. Не встретились они здесь, в Боярке, хотя и работали почти рядом. Не знали они, как похожи станут потом их судьбы...

Обессиленная кровавыми войнами, вконец истощенная голодом и эпидемиями, полузамерзшая, покрытая сплошь руинами — такой была тогда страна.

В девятнадцать лет Александр становится коммунистом.

«Этот день всегда стоит перед глазами... Я вижу все и могу прикоснуться руками ко всему: к столу, скамейкам, колоннам, вижу живое собрание и чувствую огромное волнение, наполнившее меня. Более пятисот человек смотрят на меня, здесь большевики и беспартийные, которые всегда приходят на открытые собрания. Это старые рабочие — слесари, кузнецы, токари, машинисты. Многие из них — участники трех революций. Это они в тяжелейшие для республики дни, не жалея своей жизни, надежно поддерживали своими плечами Советскую власть и отстаивали ее в боях. Партия Ленина для них священна и дорога, это их совесть, честь, мозг, испытанный руководитель, и им не безразлично, кто вступает в их ряды, кто будет иметь право носить звание члена великой Коммунистической партии. Скажут ли они «достоин»? Окажут ли доверие? Ведь большевик — это знаменосец всего трудового народа.

— Отводов нет!

Десятки рук большевиков поднимаются вверх, крепких, мозолистых рук. Я глубоко понимаю значение

этой минуты для всей моей жизни. Ни с чем не сравнить радость и счастье, чистое, искреннее, большое! Никакие, даже самые лучшие, минуты в жизни нельзя сравнить с полнотой этого чувства».

Вот оно, настоящее счастье, о котором Александр мечтал. Вспомнился отец... Рано умер, не дождался этих дней. Как бы он радовался вместе с ним!

Возвращался поздно. Улицы спрятались в темноте ночи, и только кое-где мерцали в окнах одинокие огни. Вот уж и его улица. Миновал столетние осокори, вербы, впереди в хате загорелся в окне несмелый огонек и погас. Это окно ее, Шуры. Только сейчас вспомнил вдруг, что не виделась сегодня, как, бывало, раньше — каждый вечер.

«Неужели спит?» — промелькнула мысль. Ведь он же, кажется, говорил ей о сегодняшнем дне. Может, забыла?

И ему страшно захотелось поговорить с ней, порадоваться вместе. Сейчас же... И случилось все, будто в волшебной сказке. Юноша увидел у дощатых ворот едва различимую в темноте тоненькую фигурку девушки. Подошел к ней:

— Ты, Шура?.. Здравствуй!

— Здравствуй, Шура! — тихо проговорила она и внимательно посмотрела в сияющие глаза Александра. И все поняла: — Поздравляю!.. Ой, как я волновалась за тебя. Теперь вижу, все хорошо...

— Спасибо, — только и сказал Александр.

Они сели на скамейке у ворот и долго-долго еще говорили...

Шура Алексеева рано осталась без родителей, и одиннадцатилетней девочкой переехала к родственникам из центра города на Демеевку. Теперь жили они с Бойченками на одной улице, через три хаты. Росли вместе...

Далекие, очень далекие демеевские вечера. То было еще в 20-е годы, а кажется, вчера. Трудное время. Но молодежь всюду успевала. После работы шумной ватагой собирались на улице хлопцы и девчата, шутили, пели песни... А когда приходило время расставаться, расходились по домам до следующего вечера. Он провожал веселую, смешливую Шуру. Тогда впервые робко проговорил: «Люблю!»

А потом решили пожениться... Не хватало посуды на свадьбу, и подружки Нонна и Шура бегали по родственникам. Александру было тогда девятнадцать лет, Александре — семнадцать.

И вскоре... Александр прибежал домой взволнованный:

— Собирайся, Шура, в дорогу! — И рассказал, что его посылают на станцию Круты председателем местного комитета, в самое пекло, где, говорили, свили себе гнездо бандиты и контра... Нужно наладить на станции работу, укрепить общественный актив, сплотить комсомольцев, передовых рабочих.

— А с квартирой как? — беспокоилась Шура.

— О, приготовили прекрасную!

Прошел почти год, как они поженились.

Эта поездка в переполненном людьми, тесном, прокуренном вагоне, хоть и с опозданием, стала их свадебным путешествием, а устроились они в небольшой комнатке месткома.

Работал на новом месте много. Надо было отстроить разрушенную еще со времен гражданской войны станцию, дать жилье железнодорожникам. А кроме этого, организовать различные кружки, самодеятельность...

Круты была узловой станцией, откуда отходила узкоколейка на Чернигов и Ичня. Актив месткома насчитывал шестьдесят человек. Это опора Бойченко, его помощники во всех делах.

В Крутах вовсю орудовали бывшие петлюровцы, кулачье, спекулянты. Вначале они хотели подкупить нового председателя, а потом стали угрожать.

Случилось это как-то под вечер. Вконец уставший после работы Александр сидел на завалинке. Через перелаз перемахнул какой-то незнакомый человек и, не заметив его, направился к веранде, но, увидев хозяина, пробасил:

— Извиняюсь... Не знаю, где тут у вас вход-выход.

Он провел рукой по бороде, словно для того, чтобы собраться с мыслями, и участливо спросил:

— Устали?.. — Бородач перевел взгляд на стоптанные, запыленные сапоги Александра. — Вижу, много приходится бегать... До осени ваши слабенькие сапожки того... А можно пошить новые. Только скажи, начальник, и как в сказке: пройдет одна ночь, и завтра утром будут стоять у тебя в кабинете. Желтые, со скрипом, какие и положено носить начальнику...

— Со скрипом? Желтые? — серьезно переспросил Бойченко, щуря глаза и повнимательней разглядывая гостя.

Бородач кивнул.

— Не беспокойтесь! — твердо сказал Александр и тут же сурово добавил: — Так и передайте тем, кто вас послал сюда: пусть не беспокоятся! Председатель месткома проходит и в дырявых, а их не спасут и желтые, со скрипом! Воевать будем не на жизнь — на смерть...

— Ну гляди, начальник, довоюешься... — со злостью сквозь зубы процедил бородач.

— Угрожаете? — спокойно сказал Бойченко, вставая. — Теперь все тут будет иначе! Верх возьмут рабочие! Запомните это!..

Тогда мало кто верил, что двадцатилетний юноша сможет изменить положение на станции. И вправду он был моложе многих. Но все его здесь с уважением

называли Александром Максимовичем. Вскоре стали проводить раз в неделю политзанятия: их охотно посещали рабочие и служащие, организовали занятия с неграмотными. Руководил ими комсомолец Ваня Радченко.

Для тех, кто уходил в Красную Армию, устраивали в клубе вечера. Торжественно — с песнями и танцами. Но это кое-кому не нравилось, и в один из таких вечеров, когда должен был состояться концерт, кто-то поджег веревку, на которой висел керосиновый фонарь. Фонарь упал, и огромное помещение клуба сгорело. Но Бойченко не отступил: нашли старый барак и сделали из него клуб. В праздники здесь же проводили митинги, часто выезжали с оркестром в села. Мысль об оркестре родилась у Бойченко. Но где раздобыть инструменты? Посоветовались, решили: выменять их на платки, шапки, рукавицы, словом, на всякую одежду. «Оркестрантов» собралось семнадцать человек. Много репетировали и, наконец, сыгрались так хорошо, что о станционном духовом оркестре стало известно по всей округе.

Однажды надо было выступить на комсомольском субботнике. Оркестр был в полном сборе, хоть и один из его музыкантов, Ваня Радченко, чувствовал себя не очень хорошо. Но когда попросил его Александр, он не мог отказаться. Было это осенью, погода стояла дождливая. Музыканты играли весь день, а после этого Ваня слег. Узнав о болезни, Бойченко прибежал к нему. Так навещал он Радченко каждый день и все сокрушался: надо же такой беде быть, если бы его предупредили о болезни, Ивана не брали бы играть. Нашел он для больного нужные лекарства, пригласил врача...

Были в его жизни в Крутах и более тревожные события. Как-то не успели снять деньги в привокзальной кассе. Об этом кто-то предупредил

бандитов. Ночью со стороны станции слышалась одиночная ружейная стрельба. К Ивану Радченко прибежал перепуганный станционный дежурный и только крикнул:

— Бандиты!

Радченко вмиг оказался у Бойченко. Они перескочили через высоченный забор — откуда только взялась ловкость — и вбежали в помещение станции. Кассир лежал, связанный, на полу. Но деньги бандиты не успели взять. Услышав стрельбу, они исчезли за вагонами...

Голодный, в обледеневших сапогах, измученный простудной лихорадкой, Бойченко вместе с товарищами входит в кулацкий дом. Мордастая, упревшая от жара хозяйка достает из печи белый ароматный хлеб.

У Александра подкашиваются ноги от теплого, духовитого запаха, плывущего по хате. Он боится упасть и, сдерживая себя, громко произносит:

— Вы знаете, рабочие голодают... Мы пришли к вам за хлебом.

Хозяйка суетливо накрывает хлеб рушниками, а хозяин протягивает ему заплесневелый сухарь.

— Извиняйте, чем богаты, тем и рады, уважаемый... — тихо говорит хозяин и искоса поглядывает на полаты, где под рушниками в перинах припрятан только что испеченный хлеб.

Надо быть спокойным. Это враг, за ласковой улыбкой не умеющий скрыть своей злобы: он готов перегрызть горло...

— Спасибо и на этом... Но мы не в гости пришли, — спокойно произносит Александр и решительно добавляет: — Одевайтесь, поищем в другом месте...

И мигом слетает ласковая улыбка хозяина. Но Бойченко не видит горящих звериной ненавистью глаз. Александр находит хорошо замаскированную, доверху

наполненную зерном яму в сарае. Он не ошибся. В минуты, когда сердце сжимается от боли, когда клокочет оно от гнева, спокойствие не изменяет ему.

...Будто застыли в печали высокие тополя, окружившие станцию. Остановлены поезда. Уходят в морозный воздух тревожные, надрывные гудки паровозов. Суровые, хмурые лица рабочих-железнодорожников, крестьян — коммунистов и комсомольцев.

Александр Максимович с трудом находит в себе силы, чтобы обратиться к собравшимся:

— Вся страна сейчас в большой скорби... Умер Ильич...

Председатель комитета профсоюза Бойченко выступает на траурном митинге у вокзала. Говорит он тихо и скорбяще о том, что это невосполнимая утрата для партии, народа, для мировой революции. И мы, большевики, даже в такие тяжкие минуты не должны впадать в отчаяние, а будем продолжать борьбу за строительство социализма.

В эти дни значительно пополнилась коммунистами их первичная ячейка. Вскоре Александра избирают секретарем комсомольской организации.

Так в напряженной работе проходят одиннадцать месяцев. Но зато открыта школа-семилетка, кооперативная лавка, немало семей рабочих, ютившихся в железнодорожных вагонах, переселили в квартиры, а главное — создали партийные и комсомольские ячейки. А это значит, что оживилась, забурлила жизнь в Крутах. Вскоре Бойченко отзывают в Киев.

В Киеве он председатель месткома, потом — инструктор Учпрофсожа на станции Киев-II. Работает среди комсомольцев.

После гудка в комсомольской ячейке собираются не только комсомольцы, но и немало молодежи, работающей на станции. Тут изучают устройство винтовки и пулемета, репетируют пьесу, читают газеты, журналы, брошюры, обсуждают текущие дела и международные события. Особенно много и горячо спорят о будущем, о коммунизме... И споры такие трудно остановить. В комнате ячейки душно. Люди сидят тесно и так безбожно смолят сигарки, что в конце концов за дымом почти не видно ни лампочки под потолком, ни плакатов, которые сверху донизу наклеены по стенам... На одном из плакатов девушка с медицинской сумкой призывает: «Мойте руки мылом — чистота залог здоровья». Другой плакат призывал бороться против сыпного и брюшного тифа. Третьи — вступать в организации «Друг детей», МОПР, восстанавливать хозяйство, крепить мощь страны.

В минуты жарких перепалок заходил в ячейку Александр. Войдет, остановится у дверей — статный, красивый, с пышной шевелюрой, глаза горят — и если кто-то удачно выступает, машет в такт рукой: «Так его! Правильно! Молодец!»

А потом не выдерживает и сам вступает в разговор. Из карманов его потертого пиджака всегда торчат газеты или небольшие книжечки. Размахивая в такт речи скрученной газетой, он говорит о том, какой прекрасной будет скоро жизнь. Говорит уверенно, вдохновенно, убедительно и просто.

Он чувствовал, что молодежь прислушивается к нему и живет вместе с ним одними мыслями. Не раз слышал, как кто-нибудь шептал своему соседу: «Видишь... Я тоже так говорил. Ну кто из нас был прав?»

В такие вечера по домам расходились очень поздно. Шли группками, и на улицах звенели комсомольские песни.

Приходит осень 1926 года, Александр Максимович становится секретарем Демеевского райкома комсомола, членом райкома партии. Прибавляется работы. За день успевает побывать всюду. Его можно увидеть в заводских цехах, в бригадах машинистов и кондукторов, вечерами — на комсомольских собраниях, заседаниях бюро райкома, в молодежных общежитиях. Ему приятно бывать там, где начиналась его юность, комсомольцы встречают, как давнего друга.

Вскоре Бойченко избирают секретарем Киевского окружкома комсомола.

Как-то, отправляясь в командировку в Велико-Дымерский район, работник окружкома П. Максимчук зашел посоветоваться с Бойченко.

— А помните, — усмехаясь, сказал Александр Максимович, — решения красилковского собрания?.. — И, с трудом сдерживая улыбку, что ему никак не удавалось, и словно копируя докладчика на собрании, наизусть произнес: — «Заслушав доклад о строении вселенной, комсомольское собрание тоже считает, что земля действительно-таки вращается, и горячо одобряет утверждения и героические поступки Коперника и Галилея и решительно отмежевывается от Птолемея и осуждает его. Следовательно, обязать каждого рассказывать об этом среди молодежи и даже взрослых».

— Разве ж такое забудешь! — весело сказал Максимчук.

— Чудные дела творились, — вел дальше Александр Максимович. — Конечно, если учесть, что то был 25-й год. И хоть с улыбкой говорим мы об этом решении, но мы любим и высоко ценим творческую активность комсомольцев. Ты только вдумайся в это решение и увидишь глубокое содержание, отражающее самые ценные черты наших молодых современников... Пусть не все тогда поняли комсомольцы из доклада учителя о

вселенной, но одно для них стало ясно: Коперник и Галилей — герои, потому что они боролись за поступь человечества.

Заедешь в Красиловку, поинтересуйся, как там дела у молодежи... Только о том решении не вспоминай ни словом — еще чего, обидятся хлопцы... Подбодри их, скажи, что сейчас им нужно смелее внедрять новую агротехнику, ликвидировать неграмотность, развернуть антирелигиозную пропаганду... Пусть смелее включаются в самодеятельность, готовят небольшие сценки, концерты, лекции. Поговори с молодежью, выясни, в чем нужна наша помощь, вместе посоветуйтесь — и за работу!

И когда тот уже был у дверей, сказал:

— Вернешься, сразу же заходи: расскажешь, как там дела. Ну, будь!..

Многое было новым тогда для сельского комсомола, воплощавшего в жизнь ленинский кооперативный план, когда закладывались первые камни в фундамент колхозного строя. ЦК ЛКСМУ объявил конкурс на лучшую сельскую ячейку, целью которого был подъем хозяйства, кооперирование. Большинство из шести тысяч ячеек, принявших участие в конкурсе, стали зачинателями коллективизации.

А в городах возникали производственно-технические кружки, курсы повышения квалификации, вечерние школы рабочей молодежи, проводились конкурсы на лучшего молодого производственника.

Партия и комсомол отбивали ожесточенные атаки троцкистско-зиновьевской оппозиции, стремившейся сбить комсомольцев с верного пути. Нужно было дать суровый отпор раскольникам, выступавшим под лозунгом «перерождения комсомола посредством наплыва крестьянской массы». Боролись против вражеских элементов, усиливших проповедь

великодержавного шовинизма, украинского буржуазного национализма.

Так был встречен VII съезд комсомола республики, проходивший 25 апреля 1928 года. Александра Бойченко избирают членом ЦК и членом бюро ЦК ЛКСМУ, а на VIII съезде комсомола страны — кандидатом в члены ЦК ВЛКСМ. Во всех районах Киева проходят конференции молодежи: идет серьезный разговор об индустриализации страны. Возникают острые схватки с троцкистами.

Такой случай произошел и с Александром на конференции на Подоле, в Петровском районе. Только он вышел на трибуну, как в открытые окна вскочила группа троцкистов... стали кричать, размахивать руками, выкрикивали оскорбительные слова... Но комсомольцы не растерялись: они все вместе выпроводили непрошенных гостей, а их главаря под общий смех бросили в лужу...

Думали и о культуре. Комсомольцы организовывали фабзаучи, детские и юношеские театры. Был создан городской комсомольский клуб на углу улиц имени Карла Маркса и Заньковецкой в помещении бывшего кафешантана.

Приходит весна 1929 года. Стране нужен хлеб. Организуются колхозы, в каждодневном напряжении всех сил, в жестокой борьбе. Нужно разъяснять крестьянам политику партии на селе.

— Давайте подготовим небольшие пьесы-агитки, — предлагает Александр. — Острые, боевые...

— А кто же их напишет? — спрашивают товарищи.

— Как кто? Мы сами, окружкомовцы... Привлечем наших товарищей, поднимем комсомольцев и пионеров.

Вот как вспоминает об этом учительница Олена Савицкая:

«Меня вызвал Бойченко.

— Садись и быстрыми темпами напиши инсценировку — призыв к сельским пионерам и школьникам: надо двинуть их на борьбу за урожай.

Я замерла от неожиданности.

— Да что ты, Шура! Какой же из меня писатель? Кроме писем и методразработок, я никогда ничего не писала.

Бойченко весело смеется.

— Вот поэтому мы тебе и поручаем, что ты не писатель. Писатели за это дело не берутся, говорят, что это мелочь, что они заняты более важными темами. К тому же сроки у нас очень ограничены: весна подпирает. Ты педагог, у тебя есть опыт работы на селе.

Доводы Александра были так убедительны, что я не могла отказаться...

...Утром захожу к Бойченко. У него в кабинете, как всегда, полно молодежи, шумно, весело.

Он распорядился по всем неотложным вопросам, и мы остались вдвоем. Я начала читать. Шура тут же на ходу правил, находя новые образы, мысли. Вызвали стенографистку. Работали вместе часов шесть подряд. Шура был так взволнован, что казалось, уже видит, как на полях колосится и зреет богатый урожай...

Как-то утром иду я по Крещатику и вдруг в витрине «Киевпечати» вижу брошюру: «Леся Радяньска. Пионерский поход за лучший урожай. Инсценировка на два действия». Остановилась. Глазам не верю.

В окружке вызывает меня Бойченко и подносит брошюру.

— Поздравляю тебя, Леся. Получай свое детище.

Я расплакалась, разволновалась.

— Ну вот, написала за сутки, а теперь плачешь. Смеяться надо, а не плакать. Советую тебе на этом не останавливаться, а продолжать. У тебя неплохо вышло на первый раз».

Его рабочий день не заканчивается в пять или в шесть вечера. Часто он засиживается до поздней ночи, потому что накапливались неотложные дела.

По вечерам комсомолия до отказа заполняла просторные залы театров. Все в юнгштурмовках, с комсомольскими значками на груди. Задор, энергия, смех.

В зале рассаживались по ячейкам фабрик, по районам. Особенно весело было там, где много девчат, — в ячейках табачной фабрики, трикотажки, у швей.

Ожидая, пока все сойдутся, пели свои любимые песни — «Марсельезу», «Мы — кузнецы», «Завещание» Тараса Шевченко, «Пионерскую картошку». Ребята выскакивали на сцену и под аплодисменты лихо отплясывали «Ой, лопнул обруч». А то, повязав девичьи косынки, тонкими, писклявыми голосами пели:

*Ой що ж то за шум
Учинився,
Що комарик та и на мусі
Оженився!*

А вдруг кто-то басом начинал: «Отец благочинный залез в погреб винный», и зал ему вторил хором: «Удивительно!»

Начиналось собрание, и все стоя пели «Мы — молодая гвардия», заканчивалось — пели «Интернационал», а потом большими группами с песнями растекались по улицам и переулкам ночного Киева.

У комсомола республики радостный праздник — его десятилетний юбилей. Со всех уголков города направляются к центру колонны молодежи. Все в

праздничном убранстве, всюду звенят комсомольские песни.

Там, где Богдан Хмельницкий показывает булавой в сторону Москвы, разлилось широкое людское море. На импровизированную трибуну поднимается Бойченко.

Он не был профессиональным оратором, однако все его выступления привлекали какой-то удивительной сердечностью.

Александр Бойченко рассказывает о событиях десятилетней давности, о том, как в тревожные июньские дни 1919-года в Киеве состоялся первый съезд комсомола республики. Донбасс и Харьков — сердце Украины — были тогда захвачены деникинцами. Нужно освободить их, вернуть Советской власти, и, закончив съезд, большинство его делегатов взялось за оружие, ушло на фронт...

Так было десять лет назад. И сейчас перед комсомолом, закаленным в ожесточенных битвах, встают не менее важные задачи. Одна из них — Днепрострой.

Заканчивает свою речь Александр Бойченко словами песни:

— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

И ему отвечает могучее многотысячное комсомольское «ура!».

А уже на следующий день десятки, сотни юношей и девушек подают заявления, желая ехать на Днепрогэс, в Донбасс.

В июле 1929 года Александр Бойченко становится секретарем ЦК комсомола Украины, переезжает в Харьков, бывший тогда столицей республики.

Александр остается таким же, каким он был и раньше. Всегда требовательный к себе, он хотел, чтобы такими были и другие. Нетерпим к лодырям. В то же время корректный и вежливый, чуткий, задушевный и

веселый, он легко завоевывал симпатии окружающих. Его уважали, но немного и побаивались.

Как-то один из работников ЦК поехал на служебной машине за несколько сотен километров по своим личным делам. И влетело же ему за это от Бойченко!

С конвейера харьковского завода имени Орджоникидзе сходят первые стальные кони. Победителей приветствует секретарь ЦК комсомола республики Александр Бойченко.

«Всеукраинский комсомольский секретарь»! Сколько забот ложится на его плечи, сколько дорог осталось позади, сколько еще впереди дорог, которыми надо пройти сквозь дни тяжелые и бессонные ночи...

Всюду на нашей земле вырастают гиганты индустрии. От города Каменское, ныне Днепропетровск, до Азовского моря небо пылает новыми заревами плавок. На сотни верст шагает возрожденный угольный Донбасс.

И секретарь всегда среди комсомольцев: то на строительстве Днепрогэса, то на шахтах Донбасса, то в колхозах... Теперь у него широкие масштабы работы — вся республика. А это конкурсы на лучшего производственника, социалистические соревнования, ударные бригады. Все тогда было в движении, все перестраивалось. Не страшили молодежь ни бури, ни жестокие морозы... Отогревались у костров. И там, где еще недавно простирался пустырь, уже вырисовывались контуры завода-гиганта. Сегодня молодежь ходит улицами родного города, а завтра в эшелоне мчит из Киева, Чернигова, Винницы, Полтавы в Донбасс, на Амур. Строит шахты, заводы, Дворцы культуры, школы, библиотеки... Целые города...

Комсомольский секретарь всегда там, где особенно трудно. Так было почти два года. Все преодолевал Александр Бойченко: любые трудности, любые нагрузки...

Случилось это летом 1931 года. Бойченко был в командировке на Днепрострое. Не день и не неделю — два месяца неустанного труда и бессонных ночей.

Надо успеть до морозов закончить бетонные работы, объяснить молодежи, чтобы такое задание стало заданием каждого. А это непросто. Особенно, когда на строительстве разные люди, съехавшиеся со всех концов большой страны, в основном вчерашние крестьяне. Большинство из них настоящие труженики, но есть среди них и не такие...

Рассказывают, что однажды группа молодежи отказалась работать, ссылаясь на то, что тяжело, что нет специальной одежды, что плохое снабжение строительными материалами... Раздавались даже голоса:

— Агитировать каждый может, а работать... вот так, как мы...

И Александр появляется на строительной площадке в спецовке.

— Ну, кто вместе со мной?!

Рядом становятся парни из тех, кто не хотел работать. Присоединился и их вожак.

Немало дней работает Александр Бойченко вместе с рабочими. И в дождь, и в слякоть он на стройке.

С Днепростроя Бойченко возвращается простуженным. Но болеть нет времени. Болеть просто нельзя, когда в прорыве Донбасс и ему нужно срочно быть там.

Стране нужны станки и машины, трактора и комбайны. Нужно много угля. На призыв партии вся страна поднялась помогать «всесоюзной кочегарке». Комсомол Украины проводил мобилизацию двадцати тысяч юношей и девушек на шахты. В то время секретарь Николаевского горкома комсомола Степан Ерохин отправил туда уже вторую группу молодежи и

вскоре получил телеграмму: его срочно вызывают в ЦК комсомола.

Ветеран комсомола вспоминает, что принимал его Александр Бойченко. Он спросил, как идет мобилизация комсомольцев на Донбасс, потом — как Ерохин представляет трудности, сложившиеся с угледобычей, и, когда тот ответил на вопросы, сказал:

— У нас в ЦК есть мнение направить тебя на работу в Донбасс...

Степан Федорович сперва с этим не согласился, стал доказывать, что строительство кораблей не менее важное дело, к тому же он не совсем знает, как добывается уголь.

Бойченко внимательно выслушал все его доводы и сказал:

— Нет, здесь ты не прав. ЦК исходит из важности стоящих заданий и наличия кадров, которые способны их решить. В Николаеве кадров много, а в Донбассе их не хватает. И мы верно поступаем, рекомендуя тебя на работу секретарем Макеевского горкома комсомола...

Потом, считая вопрос решенным, Бойченко стал подробно рассказывать о том, как освоиться и успешно начать работу на новом месте.

Степан Ерохин едет в Донбасс. А Бойченко в это время в Харькове решает ряд вопросов, чтобы ему помочь на первых порах.

И потом командировки, снова поездки по дорогам Украины, разлука с женой, детьми... Когда же случались минуты короткого отдыха, он доставал свой неразлучный дорожный дневник и записывал:

«Быстро проходят у тебя дни и ночи и, как в той песне поется, ты нынче здесь, а завтра там. Ты увлечен всепобеждающей работой, но ты не щепка в бурном водовороте, ты не безвольная душа, которую лянет течение. Нет, ты сознательный труженик, ты делаешь то, что идет из самой глубины твоего сердца и разума,

что тебе указывает партия. Немного жаль, что так быстро летит время, но ты ненасытен в своей работе. Тебе все мало и мало сделанного, хочется, чтобы это бесконечное движение становилось все быстрее. Может, ты месяцы не видел жены, детей, может, живя в городе, ты не всегда имеешь возможность пойти в театр. Полная запахов весна, чудесный парк, чарующие ночи, но ты ничего не замечаешь. Тебе в жизни много чего не хватает, но твоя жизнь увлекательна, до краев наполнена скромным и благородным трудом. И ты счастлив, как никто в мире!

Осень. Медленно облетает с притихших перед непогодой деревьев золотистая листва, мягко устилает тротуары, клейко пристает к подошвам сапог и ботинок. Откуда-то издалека неторопливо наползает на крыши густой туман. Вспыхивают огни в окнах домов.

Мелкий дождь сечет прямо в лицо. Но шумная молодежь, не обращая внимания на непогоду, торопится на Харьковский тракторный. Завод только что встал в строй, и здесь проходит заседание бюро ЦК ЛКСМУ.

Вот как рассказывает о нем В. Тюева, работавшая тогда вместе с Бойченко: «Бюро заслушало и обсудило вопрос: «О развертывании социалистического соревнования среди молодых рабочих Харьковского тракторного завода».

На заседание приглашено много молодежи не только с тракторного, но и с других предприятий города. Заседание, помню, прошло довольно активно: в обсуждении этого важного вопроса приняли участие комсомольские активисты и рядовые комсомольцы, было много выступающих.

Это заседание имело широкий резонанс и сыграло положительную роль в развитии социалистического соревнования среди молодежи. Комсомольцы

тракторного завода стали инициаторами многих полезных начинаний.

Закончилось заседание поздно. Бойченко сказал:

— Мы в машину все не поместимся, давайте поедем трамваем.

Так мы и сделали. Александр Максимович ни в чем не хотел выделять себя.

В каждом деле он видел основу, знал, как его начинать, у кого искать поддержки. Помню такой конкретный факт. Я руководила отделом работы по коммунистическому воспитанию юных пионеров. Известно, что в этом деле было много недостатков, низовые комсомольские организации этому важному вопросу очень мало уделяли внимания.

На бюро ЦК проходила беседа — советовались, как оживить работу среди пионеров, с чего начать, что в первую очередь выправить, как организовать контроль и т. д. После продолжительных споров Бойченко предложил:

— Давайте попросим помощи у партии.

Мы удивленно переглянулись, не понимая, о чем идет речь. Но быстро поняли...

Согласовав с Центральным Комитетом партии Украины, мы начали готовить материал на заседание ЦК КП (б) У. На заседание было приглашено много партийных работников, вынесено практическое решение, которое обязывало партийные организации уделять больше внимания работе школы и пионерских организаций, указывало партийным организациям систематически контролировать исполнение решения Политбюро.

Когда через год ЦК комсомола Украины созвал слет пионеров республики, стало особенно заметно, насколько улучшилась работа по коммунистическому воспитанию детей».

Александр снова едет в Донбасс.

Широкая донецкая степь. Особенно неоглядна она теперь, когда кругом белое снежное безмолвие и страшная колючая метель немилосердно бьет в лицо.

Остановлено железнодорожное движение. Александру обязательно надо быть утром в райкоме. И он несколько долгих часов, почти до самого рассвета, пробирается по снежной пустыне. В голове только одна мысль: выдержать, не упасть. Наконец, промерзший, обессиленный, он добрался до жилья. Из последних сил постучал в темное стекло окна. А здесь люди — он спасен!

Робко засветилась керосиновая лампа. В ее сумерках суетливо забегали по стенам длинные тени. Звякнул железный засов.

— Боже ты мой, в такую непогоду... — запричитала пожилая женщина в длинной полотняной сорочке и по самые глаза повязанная платком, когда Александр едва переступил порог. — Неужели это со станции?

Александр кивнул и хотел сказать «да», но домашнее тепло сильно сжало грудь, и закружилась голова.

— На такую дорогу решиться в пургу? — не унималась женщина, гремя посудой.

— Поставь-ка поживее кипяток! — сказал жене хозяин.

— А мне не привыкать... — только и успел проговорить Александр и от усталости склонился на скамейку. Его быстро раздели, а разуть не смогли, не стягивался с правой ноги валенок, и пришлось его разрезать. Перед ним поставили чайник кипятку и бутылку вина. Натерли спиртом, потеплее укрыли.

Проснувшись утром, Александр Максимович почувствовал себя бодрым и подумал: все обошлось...

Но страшное случилось месяца через два, когда он снова был в Донбассе.

Он помнит, как упал на угольную глыбу. Шахтеры бросились к нему.

— Что с вами, Александр Максимович?

Открывает глаза. Над ним склонились шахтеры.

— Мне уже лучше, — тихо произносит.

Пробует встать сам... и не может: нет сил. Шахтеры несут его к клетки. На поверхности уже ждет машина «скорой помощи»...

Позже в его дневнике появится такая запись:

«Снова вернуться в ряды бойцов народа, в ряды большевиков, идти со всеми в ногу, делать пусть маленькое, но полезное дело — стало моей страстной мечтой, содержанием моей жизни...»

А тогда эта мысль еще не была оформлена в слова. Он чувствовал ее лишь сердцем. И остался в Донбассе. Даже не хотел говорить ни о какой болезни и продолжал работать. Ходит с забинтованной шеей, опирается на палку, потому что трудно передвигаться, но не сдается. Два месяца, пока есть силы. Хочет встретиться со Степаном Ерохиным, которого послал в Донбасс, узнать о его успехах.

Ерохин был очень удивлен и обрадован, услышав по телефону голос Александра Максимовича и, с большим трудом раздобыв автомашину (их тогда было не больше десяти на весь город), привез его из Донецка в Макеевку. Сразу же предложил собрать работников горкома комсомола на совещание, но Бойченко отговорил:

— Еще успеется, Степан. Давай сперва поедem на шахту. Хочу на месте посмотреть, в каких условиях живет и работает молодежь, мобилизованная комсомолом.

Бойченко и Ерохин решили поехать на шахту «София», неподалеку от Макеевки. Машина бежит широкой пыльной дорогой. Город переходит в шахтерский поселок: маленькие белые домики, около

каждого палисадники, а в них — сирень, яблони, абрикосы, вишни... А над кручей будто повис «Шанхай» — так здесь называют далекие окраины поселков — мазанки тесно жмутся друг к другу. Показались терриконы «Софии». А в голову непрощено лезут мысли о грядущем, когда не будет этих пыльных дорог и этих ветхих домишек тоже не будет. А как-то оно будет? Как? Приехать бы сюда через несколько лет и снова на все посмотреть... Наверно, ничего не узнал бы!

Останавливают машину, выходят. Александр Максимович поднимает вверх голову, смотрит, как плывут над поседевшей от пыли степью белые облака. Пьяняще пахнет полынью. Где-то монотонно стрекочет кузнечик...

Сначала Ерохин не обратил внимания, что Александр Максимович опирается на палку при ходьбе, думал, носит, как обычный сувенир из Крыма или Кавказа. Но, внимательно приглядевшись, заметил, что он как-то необычно держит голову, спросил, что с ним.

— Да вот здоровье подкачивает. Трудно поворачивать голову, а с палкой мне легче ходить...

Они уже подошли к шахте. Понимая, как нелегко передвигаться в лавах, где иногда приходится и ползти, Степан Федорович стал отговаривать Бойченко спускаться в шахту.

— Все это я знаю, — твердо ответил Александр Максимович. — Только хочу сам посмотреть на условия работы и поговорить с молодежью...

Ерохин тогда не знал и не мог себе представить, какой тяжелой была болезнь Бойченко и каких нечеловеческих усилий стоило ему спуститься в забой.

Под землей Александр Максимович беседовал с молодыми забойщиками, крепильщиками... А когда настал вечер, в окружении молодежи шел в клуб. Где-то брэнчала гитара, слышалась девичья песня. Сначала

было комсомольское собрание, посвященное ходу работ на шахте. Комсорг дал слово Александру Максимовичу.

— Хорошо работаете, товарищи шахтеры, — сказал он негромко. — Комсомольские бригады перекрывают график. Так, как это было сегодня. Но немало надо еще сделать, чтобы наша молодежь жила и трудилась еще лучше. И она, эта молодежь, верю я, все сама сделает, — своими руками... Разговаривал я сегодня в забое с одним комсомольцем с Черниговщины. Так этот хлопец фильм видел — «Землю» Довженко. Страшно понравились ему там сады, потому что они такие, как в его родном селе. И яблоки там такие ж красивые, как у них дома... Я и подумал, вот такие бы сады вам, в Донбасс! И верю, что вы их скоро посадите.

Все горячо зааплодировали.

Потом Бойченко побывал на репетиции «Наталки-Полтавки» в комсомольском театре, зашел в общежитие, рабочую столовую, где очень похвально сказал о борщах и кашах. Ой интересовался, казалось бы, незначительными подробностями жизни и труда горняков.

На совещании в горкоме, где присутствовали секретари шахткомов комсомола, Александр Максимович сказал:

— Надо молодежи откровенно говорить о трудностях, чтобы она лучше представляла, что ее труд необходим для Родины. И чтобы она эти трудности смелее преодолевала... Чтоб дать стране больше угля, успешно справиться с поставленной партией задачей, надо повседневно улучшать условия жизни и труда шахтеров, делать молодежь кадровыми горняками...

Помощь со стороны ЦК Компартии Украины ощущал постоянно. Ежедневно с кем-то из секретарей обсуждались комсомольские дела: быт рабочей молодежи, заработная плата, школьные проблемы... Словом, все, чем жил комсомол.

К его словам и советам внимательно прислушивались. Он уже был первым секретарем ЦК комсомола и членом ЦК партии Украины. Он много ездил по республике, немало знал и умел всегда что-то вовремя подсказать, найти мудрое решение сложного вопроса.

У него богатый опыт. Но он никогда не переставал учиться. А учителями его были не только учебники, книги, но и люди. Это были закаленные в боях коммунисты-ленинцы, такие, как Г. Петровский, С. Косиор, П. Постышев, В. Чубарь...

Григорий Иванович Петровский был частым гостем Бойченко, интересовался жизнью комсомола, в личных беседах, на съездах и пленумах советовал не раз, какое принять лучше решение. Александр Максимович всегда прислушивался к его голосу. Сам Г. И. Петровский вспоминал:

«Александр Бойченко принадлежит к тем первым молодым руководителям комсомола, которых избирала на съезде молодежь. Размах социалистической революции поднял на Украине всю рабоче-крестьянскую массу, и повсюду забили живые источники народного творчества. Талантливая молодежь росла, как грибы после дождя...»

Так говорили о нем старшие.

«В работе он был примером высокой принципиальности, требовательности и дисциплинированности, — рассказывает бывший редактор газеты «На зміну» И. Вавилов. — Не любил болтунов. На заседаниях бюро ЦК, на совещаниях требовал конкретных, деловых выступлений. Не любил «кабинетных руководителей». Требовал от всех, чтобы больше бывали среди комсомольцев, молодежи, детей. И сам был образцом массовика. За годы его работы в ЦК ЛКСМУ он большую часть времени провел в

командировках, на заводах, стройках, на селе. В ЦК его не часто видели...»

А когда Александру Максимовичу все же приходилось быть в Харькове, в ЦК, он принимал комсомольцев, чутко и внимательно относился к их просьбам, во всем помогал.

Однажды пришел к нему студент Харьковского технологического института. К сожалению, забылось его имя, которое теперь не вспомнить. Александр Максимович тепло принял парня, поговорил с ним и, прощаясь, предложил:

— Я тоже еду домой, давайте подвезу.

Вышли из помещения, а на улице мороз градусов тридцать. Суровая зима была в том году, морозная, с метелями.

— Вам не холодно? — спрашивает Бойченко, глядя на плохонькое пальто студента.

— Нет, — отвечает тот, а сам аж на голову натягивает воротник.

— Вижу, что жарко, — пошутил секретарь ЦК.

Он повел парня не в общежитие, а к себе домой — «чайку попить».

«Поужинали, — рассказывал потом студент, — а я уже собираюсь домой и слышу — Бойченко что-то сказал жене, Александре Григорьевне. Она принесла еще хорошее зимнее пальто, подает мне, надевайте, мол. Я стал отказываться, но куда там. Бойченко аж рассердился: «У меня есть пальто, не по два же сразу надевать буду». Взял я его, хватило мне в нем институт закончить».

Все чаще атакует Александра Максимовича болезнь, а когда хоть немного отступает, он снова напряженно работает, приходит в ЦК. Можно ли так не жалеть себя, совсем не жалеть? Наверное, у каждого, кто видит его, возникает такая мысль. А он шутя отвечает на это:

— На людях и смерть не страшна!

Когда же недуг скручивает окончательно, он тоже не остается наедине: к нему приходят люди.

Это было как-то днем. К Александру Максимовичу заглянули друзья. Он лежал в постели и что-то записывал в тетради. Рядом с ним — раскрытый учебник по высшей математике. И вообще в комнате всюду книги, брошюры, рукописи.

Он приподнялся, заволновался:

— Здравствуйте! Проходите, пожалуйста, товарищи... Садитесь поближе...

Пожал каждому руку. Его глаза горели молодо, весело.

— Рад, что пришли, — сказал он и глянул на Олену Савицкую, державшую в руках толстую папку и маленький букетик полевых цветов. Заметив его внимательный взгляд, она проговорила:

— Я снова принесла вам материал, — и потом, смутившись, сказала: — А это вам... от полтавчан...

Она встала, нашла стакан и поставила на подоконник нежные голубые васильки.

Александр Максимович был счастлив и даже растерялся от такого неожиданного подарка, потом тихо сказал:

— Спасибо!.. Передавай от меня всем дружеский привет. Интересно, откуда узнали, что я люблю васильки?..

— А это секрет, — пошутила она, а потом рассказала: — Сегодня на совещании были девчата из Полтавы. Спрашивали о вас... и передали. Рассказывали: когда вы приезжали в том году в их район на уборку урожая, такие же цветы всегда стояли у вас в комнате... И решили привезти их на память о нашем селе...

— Выходит, помнят, — тихо и задумчиво проговорил он. И, наверное, что-то вспомнил, так по всему было заметно, что ему сейчас тяжело думать о прошлом,

когда он был весь в движении, исходил пешком и изъездил всю Украину. Он сдерживал себя, чтобы не волноваться, и это стоило ему немалых усилий. Наконец, сказал: — Как больно и обидно, когда ты прикован к постели... Кажется, за один час, чтобы опять побывать сейчас среди хлебов, на шахтах, отдал бы полжизни...

Кто-то подхватил учебник, сползавший с постели на пол. Он заметил это и, словно вспомнив что-то, добавил:

— Вот бьюсь, бьюсь и никак не могу осилить одно уравнение по высшей математике. Целую ночь бился, и ничего не вышло: такое упрямое уравнение. Только теперь понял, что это за сложная штука. У нас была другая высшая математика: железнодорожные мастерские, патрулирование по ночным улицам, стычки с бандитами, заготовка дров и конфискация у кулаков хлеба для голодающих... А тут совсем иное требуется — не те знания... Жду консультанта-профессора. Прекрасный он человек, всегда поможет...

По желтизне лица, синякам под глазами можно было догадаться, что Александр Максимович, несмотря на большие физические страдания, много работает.

Но вот в дверь постучали.

— Входите! — пригласил Александр Максимович, и в комнату вошел его знакомый — профессор.

И так каждый день у него людно, идет напряженная работа, учеба.

Уходя от него, друзья получали большие, пухлые папки переработанных материалов, которые надо было передать работникам ЦК, а также просьбу присылать ему новые бумаги и справки для работы.

А болезнь все наступает.

На помощь приходят врачи — лучшие специалисты страны. Подозревают, что у него хроническое заражение крови — сепсис, но окончательно ничего определенного о болезни сказать не могут. Советуют

поехать лечиться за границу. По решению ЦК ВКП(б) Александра Максимовича посылают на лечение.

Получен заграничный паспорт.

«Может, там одолеют ледяную скованность моего тела», — думает он и, попрощавшись с семьей, едет с надеждой на выздоровление.

Тогда из далекой Германии в Харьков приходили от него письма жене. Она сразу не отваживалась вскрывать их. Что там, в этих продолговатых конвертах? Может быть, ему стало уже легче, может быть, отступает недуг? Еще теплится какая-то надежда на лучшее! А если ему стало хуже?.. И Александра Григорьевна дрожащими руками разрывает конверт.

«Берлин, 19. VIII. 1932 года.

Здравствуй, Шурочка!

Лежу в клинике профессора Зауэрбруха. Пока что положили на исследования. Дела мои, по сути, стоят на месте, первый консилиум решил, что у меня костный туберкулез... решили проверить этот диагноз с другими авторитетными врачами. Повели меня к профессору Зауэрбруху, и тот категорически отклонил диагноз — костный туберкулез, считая, что у меня туберкулезный ревматизм, и предложил мне лечь к нему в клинику на два месяца, с гарантией, что за это время он меня вылечит...

Пока что... тоска страшная. А потом какое-то дурное нервное состояние.

Ну ничего, Шурик, мое желание быть здоровым, приносить пользу и любить тебя и деток сделает меня здоровым. Мне очень тяжело, что тебя и детей нет вблизи меня, я бы просто ожил и быстро поправился...»

Иногда закрадывается в душу сомнение: выздоровеет ли, переборет неотступную болезнь? Но Александр Максимович гонит его от себя, держится.

«Берлин, 13.IX. 1932 года.

...Я одинок, и мне часто нестерпимо трудно, я начинаю думать о всяких неприятностях, раскисаю, чувствую себя разбитым, в голову лезут мрачные мысли.

Все меня спрашивают — почему вы грустный, вам что — хуже? И вот тогда я начинаю думать о самом лучшем в моей жизни. Это о тебе и Родине. Перед моими глазами проходит все то, что называют счастьем и любовью к тебе и к Родине. И чувствую, как что-то легкое, хорошее, радужное переполняет мне грудь.

Мне нестерпимо хочется этого счастья и любви. И весь этот мрак и упадочность развеиваются, исчезают, возникает легкость, радужность. Будто сквозь черные грозные тучи прорвалось солнце и силой своего света и тепла уничтожило тучи, разогнало их, сделало день хорошим для людей. И я тогда оживаю. Я становлюсь таким, будто снова появился на свет. Начинаю выбрасывать коники, кричу, шучу. Все нанеребой спрашивают: «Что, Александр, утихли боли?» Да, меньше боль, мне лучше. О, если бы они знали, что мне уменьшает боль и делает здоровым человеком! И вот я изо дня в день кую в себе одну мысль. Я люблю тебя и мою Родину это основа основ моей жизни.

Это приносит мне счастье и радость. И да здравствует жизнь, радостная, счастливая, любимая! Вот и все.

Целую крепко, крепко. Твой Шурка».

Александр Максимович лежит в берлинской больнице «Шарите», а всеми своими мыслями он сейчас дома, на Украине.

«Берлин, 4.X. 1932 года.

Я теперь каждый день слушаю радио и под звуки волшебной музыки начинаю мечтать. Звуковая волна всего тебя подхватывает, поднимает и несет. Я лечу над городами и селами Германии, Польши и попадаю в свой родной край на Украину, и через широкие степи, луга и леса, заводы и стройки — прямо домой».

Он надеется, что недели через две будет дома — в первой половине декабря, а потом пишет, что не может приехать потому, что из Москвы получено решение продолжить его лечение, что был у него Григорий Иванович Петровский и по-отечески сокрушался, что рано уезжаю. А он так соскучился по родным, истосковался по делу, что дальше нет сил сидеть.

Приходит декабрь, а здоровье все ухудшается. Ничего не могут сделать с болезнью берлинские врачи, и Александра Максимовича перевозят в Австрию. А из головы не выходит «берлинский случай».

Однажды привезли в клинику портного, больного туберкулезом. Хозяин фабрики прогнал портного с работы. Лечиться не было денег. Главный же врач отделения устроил его к себе с тем, чтобы за это портной всю жизнь бесплатно шил ему. Сперва портной обрадовался, считая себя самым счастливым человеком на свете, но становился все грустнее по мере того, как выздоравливал.

Как-то Александр Максимович увидел его в темном углу — забитого, несчастного. Спросил, почему он плачет, что с ним...

— Завтра меня выписывают из клиники, — ответил портной.

— Выходит, вы совсем поправились: какое это счастье!

— Да, это правда, избавиться от такой болезни — счастье, — сказал, плача, портной. — Я стал здоровым, но лучше бы я не выздоравливал...

И он пояснил, что не знает, как ему быть завтра, когда его выпишут из клиники, ведь он потерял работу, его выбросили из квартиры, нет денег...

«Лучше бы я не выздоравливал...» — так и стояли в голове Александра Максимовича эти слова.

«Ужасные слова, — рассказывал он. — Я слышал их от человека, которому возвращено здоровье. Я не мог

дождаться того дня, когда буду чувствовать себя хоть немного здоровее, смогу скорее выехать на Родину и снова стану работать...»

Александр Максимович лечится в венском санатории «Винервальд». Как и прежде, пишет оптимистические письма жене. Он радуется, что скоро будет дома, и просит, чтобы она приехала встречать его в Шепетовку, пограничную в то время станцию.

Ровно стучат колеса поезда. Мелькают за окном телеграфные столбы, пробегают большие города и маленькие деревеньки... Скоро и дома. Сколько передумано за это время. Мысли оформляются в слова и ложатся неровными строчками в его дневнике:

«Пусть я песчинка в океане жизни человечества, но то, что я делал, ради чего жил, продолжает жить, развиваться, становится крепче. Разве ж можно себя хоронить? Разве можно своей болезнью отгородить от себя любимый мир? Мне говорят — ты болен, болезнь может тянуться годы, она превратит тебя в камень. Несчастливая у тебя судьба. Да, я болен, и врачи говорят, что я уже не смогу подняться с постели, но разве от этого я не смогу возвратиться в строй? Неужели в моем положении нельзя найти свое новое счастье? Где оно, где его искать?»

Наверное, он устал. Положив под голову свой дневник, медленно закрывает глаза и мечтает. О близкой встрече с родными, с Шурой...

Наконец, на родной земле. Казалось бы, осталась позади разлука длиной в несколько месяцев. Да, он вместе с семьей — женой и детьми — в Крыму. А потом он в Москве, а она — в Харькове, тоже больная. И снова вместо того, чтобы быть рядом, они пишут друг другу письма.

«Здравствуй, Шура!

Как твои дела, как твое здоровье и здоровье детей?..

Во время съезда партии у меня было много ребят с Украины. Очень довольны, что в Киев переносится столица, и дружески подшучивают над харьковчанами. Но ничего, хоть мы и будем людьми провинции, наша провинция не хуже столицы, а там и посмотрим. А вообще, какая разница, где жить — в столице или нет? Ведь дело не в этом. Важно делать частицу общего дела, а где это будет, в Харькове, Киеве или на Земле Франца-Иосифа, не все ли равно...»

«Делать частицу общего дела» — не эти ли слова всегда были смыслом его жизни, а теперь стали страстной мечтой. Он находит силы не только для себя, а и для нее, слова волнений и заботы: «...несчастье за несчастьем сыплется на нашу голову. Прямо словно как по заказу, но все это надо перебороть. Неужели после всего ты еще не убедилась в преступном отношении к своему здоровью, это не укор, это мольба, просьба, что угодно».

Александр Максимович надеется на скорую встречу... Она слишком коротка, и снова они живут врозь, хоть Шура и часто приезжает в Москву. А когда возвращается домой, получает его письма.

Нужно было обладать огромной силой воли, чтобы быть прикованным к постели и писать такие слова:

«...Мои дела хороши, температура нормальная...»

Из Москвы его перевозят в Харьков. Но еще в Хараксе, в Крыму, врачи вынесли свой приговор: неподвижность на многие годы... Значит, никаких надежд на выздоровление?! И он для себя решает: надо бороться! Многое вспомнилось, что было в жизни. Это было. А что будет? Завтра, послезавтра...

«...Я стал комсомольцем, почти коммунистом. Я стал счастливым и богатым, хозяином большой страны, ее настоящего и будущего. А когда болезнь подкосила меня, разве имел я право считать себя несчастным? Разве мог я весь мир замкнуть в свою болезнь? Нет...»

Однажды Бойченко посетил профессор-иностранец. Он, как признавался потом, готовился увидеть желчного, капризного больного, каких немало было у него, на Западе, с таким же тяжелым недугом. Спустя четверть часа после осмотра Александра Максимовича профессор удивленно пожал плечами:

— Ничего не понимаю! Вы знаете, какая это болезнь? Окостенение суставов. Медленная смерть. А здесь человек. Понимаете, полноценный человек!.. Читает, пишет, мыслит, как все люди. Это какое-то чудо. Если бы не видел это собственными глазами, ни за что бы не поверил. Чудо!

Да, для профессора это казалось чудом: он не знал, как объяснить увиденное. Но это было не чудо. Это было мужество. Мужество большевика.

Его спрашивают, откуда он черпает силы, чтобы сопротивляться своей болезни, почему не пугает его мысль о своей безнадежности, что дает ему бодрость? И он отвечает:

«...Мы должны жить кипучей жизнью во имя Родины, партии, жить самоотверженным борцом армии строителей коммунизма и отдать на это все свои силы, способности...»

Только как? Он окончательно еще не решил...

«Какое счастье чувствовать себя частицей целого организма! Но как вернуть это счастье? Как снова стать солдатом большевистской армии, ведущей народ к коммунизму?

Для этого ты должен возвратиться в строй!»

Так размышлял тогда Александр Максимович. А решение все не приходило...

У писателя и критика Бориса Буряка, лично знавшего его, есть строки о том, как начинался Бойченко — будущий писатель:

«...Много рассветов встретил Александр Максимович с открытыми глазами. Еще никогда так тяжело не

поднималось солнце над городом, никогда так не нависали над неподвижными глазами крылья широких бровей. Город без него, земля без него, люди, друзья, цветы, весь мир без него!

Кто это сказал: «Без меня народ неполный...»? Кажется, один из героев Платонова. В рассказе о машинистах. Сашко рос среди машинистов и любил читать про них.

«Без меня народ неполный...» Именно это чувство неполноты жизни больше всего и тревожило Александра Максимовича, больше всего пугало.

И пришло первое решение, как светлый луч среди долгой жуткой ночи — учиться. Ничего не случилось. Он просто теперь осуществит свою мечту ранней тревожной молодости. Чем темнее ночь, тем светлее день».

...Мозг работает с предельной четкостью. Он может мыслить, говорить, глубоко знает людей. У него еще здоровы глаза и руки... Он возьмет новое оружие — слово.

Ровно в десять утра Александр Максимович уже за рабочим столом собственной конструкции — четырехугольнике из фанеры, на деревянной подставке, поставленном ему на грудь, читает, делает выписки... На его столике можно увидеть произведения Ленина, книги Толстого, Чехова, Горького, Маяковского. Здесь и украинская классика — «Кобзарь» Тараса Шевченко, «Фата моргана» Михаила Коцюбинского, книги Ивана Франко, особенно его «Борислав смеется»...

— Я люблю Маяковского, — говорил Александр Максимович. — Хоть он и поэт, но мне, прозаику, он очень помогает... Учусь у него злободневности, умению говорить взволнованно, горячо. Часто перед тем, как писать, читаю поэму о Ленине, стихи о советском паспорте. Здесь я нахожу ясный ответ на вопрос, как

писать большевику. Каждый стих Маяковского... написан остро, четко, без возможности примирения. И это прекрасно, вы знаете, это прекрасно! — на несколько секунд он умолкает, подыскивая слова для новой мысли. — Врага нельзя называть на «вы» ни в жизни, ни в литературе. Я говорю не столько о понятиях этических, сколько об эстетических. А Маяковский был вестником будущего в нашем искусстве. Он поднимал новое раньше наиоперативнейших журналистов!

Часто на квартире у Бойченко собираются друзья, товарищи, молодежь. Здесь горячо обсуждают новый роман или театральный спектакль, говорят о философии и музыке.

Как-то пришли к нему друзья посоветоваться о небольших книжечках к 20-летию комсомола. Его мысли показались им интересными и смелыми... Ему предложили написать рецензию. Спустя несколько дней он рассказывал товарищам:

— Знаете, ужас, как волновался, но рецензия признана хорошей. Я радовался, будто малыш, сделавший свой первый шаг, почувствовал под ногами твердую почву...

За первой рецензией была вторая, третья... Александр Максимович хорошо знает внутренний мир человека, художественно, образно мыслит, и поэтому так полезны его советы авторам, которые обращаются к нему, как к редактору. Он редактирует книгу за книгой, сначала политическую литературу, потом — художественную.

«Коллектив киевского издательства «Молодий більшовик»^[35] узнал, что на работу поступил новый редактор массово-политической литературы, — вспоминает Е. Виленская. — Книжки с фамилией нового редактора появлялись все чаще и чаще, а самого

редактора еще никто не видел. Новым редактором был Александр Максимович Бойченко...

Его отсутствие в издательстве не мешало нам по-настоящему почувствовать силу и неутомимость этого человека. Каждую книгу он старательно редактировал, делал ее интересной и понятной для молодежи. Сам Бойченко прекрасно знал запросы молодого поколения...

Мне почти каждый день приходилось бывать на квартире у Бойченко, наблюдать его работу. Это был неутомимый, огромной воли человек. Как он много работал!»

Александр Максимович видит, как внимательны и заботливы товарищи из молодежного издательства. У него на квартире устраивают праздничные вечера, обсуждают стенную газету, редактором которой он избран.

Все чаще Александру Максимовичу приходит мысль: «Начинай писать сам, смелее пробуй свои силы».

А тут и Товарищи, словно угадывая его переживания, настойчиво советуют писать. Он долго скрывает от всех то, о чем уже давне думал сам: если бы все пережитое, увиденное изложить на бумаге?

«А если провалюсь?.. Но я не должен провалиться! Все дело в желании, воле, работе», — решает Александр Максимович.

Да и Александра Григорьевна говорит ему:

— Ты много видел, Саша, много знаешь... Ты мог бы обо всем этом рассказать молодежи...

Жена становится помощником Александра Максимовича в его работе над будущей книгой. Она приходит в библиотеки, архивы, собирает нужные материалы, переписывается с друзьями и товарищами Бойченко. В памяти его встают события и люди, о которых он будет писать. Но какой должна быть эта книга? Он решает: это будет художественное

произведение. О партии, комсомоле, о тревожной молодости своей и своих сверстников...

И вот уже написаны первые страницы, потом — десятки, сотни страниц... С каждой новой строчкой растет его уверенность, крепнет воля.

Пока у него двигались руки и было зрение, он писал сам, а когда остался только слух, только единственная возможность работать, начал диктовать жене.

Александра Григорьевна, жена, для него все годы — Шура, Шурочка... Самый близкий друг.

Вот она только что вернулась из архива, принесла новые материалы. Не было ее несколько часов, и часы эти казались ему вечными. А теперь опять рядом. Так было все предыдущие годы, в самые трудные минуты его жизни, в дни печали и радости.

Сейчас она сядет к столу. Он будет чувствовать тепло ее глаз, бодрую ласковую улыбку, и все это передастся ему. А это значит: жить можно!

Так было вчера, будет сегодня и завтра, потому что рядом всегда верный, испытанный друг. И в солнечные дни его жизни и в пасмурные...

Александра Григорьевна придвигает стол поближе к кровати Александра Максимовича. Перед ней стопка чистой бумаги, чернила, ручка. Он начинает медленно диктовать, она — записывать. То, что записала, вскоре читает ему. Александр Максимович внимательно слушает, просит прочитать еще раз — исправляет отдельные слова или целые предложения. И так страница за страницей.

Рабочий день его начинается в десять и заканчивается в четыре, потом — радио, газеты, встречи с друзьями. Но преградой снова встает болезнь. Неотступно надвигается страшная темнота. Будущие схватки с недугом Бойченко для себя определяет так:

«...Но разве большевик должен видеть мир только глазами? Нет, видеть, понимать мир сердцем и, пока

оно бьется в груди, двигаться вперед и только вперед!»

Писатель продолжает работу. Понимает, что главное требование к себе, как к литератору, — это правдиво показать действительность, глубоко осмыслить ее.

Жена Александра Максимовича вспоминает, что он часто любил повторять слова Ленина о том, что класс нельзя обмануть, что народу надо говорить правду, какая бы горькая она ни была. В своем произведении он стремился отразить правду первых лет Советской власти, показать трудную судьбу своих героев. Я знаю, говорил он, мне читатель может простить художественную незавершенность, бледность некоторых образов, но он никогда не простит неправды, да и сам он, писатель, не простит ее себе.

Александр Максимович чувствует, что скоро наступит та минута, когда можно будет сказать, что рукопись окончена. Наконец первая книга задуманной трилогии готова. Он назовет ее «Молодость». Несколько недель он никому не решается дать ее читать, боится: удача или провал? Потом все-таки решается и просит друзей говорить ему только правду, пусть самую горькую... И они высказываются о книге остро, хоть перед ними и начинающий писатель, судят его как литератора. Об этом остались воспоминания писателя Николая Строковского.

«— Вот, слушай, — говорил он Александру Максимовичу. — Ты спрашиваешь, как мы поняли сюжет? Я мыслю так. Ну, 1920-1921 годы. Тяжелые годы на Украине. Разруха после гражданской войны и интервенции. И вот X съезд нашей партии. Выступает Ленин. Провозглашена новая экономическая политика. Середняк повернул в сторону Советской власти. Банда петлюровцев и прочей сволочи заползает в государственный аппарат, на заводы, вредит где только

может. Звериная ненависть обреченных, у которых выбиты из рук последние козыри.

Партия поднимает народ на восстановление хозяйства. Это общий фон книги. Так, Александр?

А вот сердцевина. На Киевском железнодорожном узле группа старых и молодых рабочих берется отремонтировать к Первому мая паровоз. Ведущая роль в этой борьбе за секретарем партийной организации узла Искровым. Он душа и мозг узла. Но Искров не одинок, его окружают комсомольцы, молодежь, старые производственники. Работа кипит, это вызывает еще большую ненависть у контрреволюционных недобитков.

— В книге ты хорошо подал Искрова — в разных, так сказать, разрезах, — вступает в разговор другой. — Показал как партийца и человека. Хорош чекист Василь Бойчук — человек железной воли, безгранично преданный делу партии. Видишь перед собою Наталью Стрекаленко, хоть она несколько «книжная», видишь неуверенного Андрея Дубченко, да и всех других действующих лиц... В этом твоя удача. Люди есть, людей твоих чувствуешь!

— Здорово ты, Александр Максимович, раскрыл нутро бандитов, махровых петлюровцев — Перепычку и Ков-быка».

Незабываемым становится этот вечер для Александра Максимовича. Он еще долго не может уснуть, вспоминая разговор с писателями. Встают перед глазами его товарищи — комсомольцы 20-х годов, их мечты о будущем, о счастье. Вспомнились строки рукописи:

«— Софрон Иванович, скажите, как это при социализме будем жить?

— При социализме? — переспросил Искров. — При социализме не будет ни кулаков, ни торговцев, ни буржуев. Мы полностью ликвидируем класс эксплуататоров. Все люди будут трудиться, каждый

будет жить своим собственным трудом. Богатой и счастливой будет жизнь, Алеша. И Родина наша будет могучей и сильной!..

Вкусно пахло кулешом. Вадим разлил по доброй порции в котелок каждому. Не отказался и Искров от предложенного угощения.

Приятно было ему сидеть у костра в кругу молодежи. Кто-то из комсомольцев затянул любимую песню:

*Вперед, заре навстречу,
Товарищи, в борьбе...»*

Много хороших слов сказали о рукописи книги товарищи. Одобрена она и издательством. А это победа! ...Известие о войне ошеломило.

На Киев падают бомбы, в центре города горят дома. Готовится эвакуация. Бойченко решают взять только самое необходимое — не больше двух чемоданов с вещами. Таков приказ. Александра Григорьевна отдельно упаковывает второй экземпляр рукописи. Однако Александр Максимович не соглашается. Протестует: ведь первый экземпляр в издательстве...

Рукопись оставляют в Киеве... Мог ли тогда кто подумать, какая это будет досадная, тяжелая ошибка! Мог ли кто допустить, что рукопись в издательстве будет утеряна, и... все, все придется начинать сначала. Но об этом станет известно позже.

А тогда, в июле 1941-го, семья Бойченко переехала в село Сеньково на Харьковщине.

Приближается фронт. Прикованный к постели, Александр Бойченко заявляет:

«...Не могу ничего не делать, быть наблюдателем, и я должен внести свою лепту в дело победы».

Нельзя понапрасну терять времени, и Александр Максимович думает перебраться в Харьков. Но в село входят наши воинские части, готовя новый рубеж обороны. И снова приходится думать об эвакуации...

Наступило резкое похолодание. 19 сентября позвонили из Купянского райкома партии, чтобы семья Александра Максимовича до двух часов дня была на станции Заосколье. Оттуда уходил последний эшелон. За два часа надо проехать тридцать километров... Надо успеть. Но как добраться, где раздобыть транспорт?

Александра Григорьевна вспоминает, как она нервно крутила ручку телефона, взволнованно кричала в молчаливую черную мембрану, вызывая Купянск. Звонила еще и еще, но все было напрасно.

В открытое окно доносился гул самолетов, потом слышались далекие взрывы. Но вот громыхнул страшный взрыв где-то поблизости, жалобно зазвенели в комнате стекла. Она встревоженно выскочила во двор. Из помещения торопливо выносили и грузили на подводы ящики, сейфы... Недалеко от станции рвались снаряды. Она спросила у извозчика, где может быть еще телефон. Тот сказал, что линия повреждена, и посоветовал обратиться в воинскую часть — рядом, через дорогу.

Она кинулась туда. Но у ворот часовой не пропускал ее.

— Мне надо в штаб... — умоляла она.

Нервы сдали совсем, и от слез она ничего не видела перед собой, даже когда подошел военный.

— Почему эта женщина здесь плачет? — спросил он.

— Просится в штаб, товарищ комиссар.

— С чем вы к нам, уважаемая гражданка? — спросил военный.

Александра Григорьевна сквозь слезы рассказала о семье...

— Бойченко? Александр? — живо воскликнул комиссар части. — Сашко Бойченко? Так я же его хорошо знаю. Секретарем райкома комсомола работал, когда он был секретарем ЦК. Идемте к командиру. Все сейчас попробуем уладить.

Случилось так, что и командир, с которым Александра Григорьевна познакомилась, тоже в прошлом был комсомольским работником и хорошо знал Бойченко... Военная грузовая машина отвезла семью на станцию Заосколье.

Железная дорога была забита эшелонами. С Украины вывозилось на восток оборудование заводов и шахт, уголь и хлеб. Ехали люди. Тысячи людей. Часто в дороге на поезд налетали вражеские самолеты.

«В вагоне, кроме нас, было еще несколько семей колхозников, — появляется запись в дневнике Александра Максимовича. — На лицах у всех большое горе, тревога.

Мои носилки стояли на полу, около меня жена, дети. К нам тесным кольцом подсаживались все постояльцы вагона и так часами сидели, разговаривая о том, как дальше пойдет война, словом, говорили о судьбе Родины и о пашей судьбе. Мысли об этом не оставляли нас ни днем, ни ночью».

Надвигалась суровая зима, уже давали о себе знать ранние двадцатиградусные морозы. Было холодно, особенно по ночам. Скорее бы добраться до места, отогреться.

Судьба забрасывает Александра Максимовича с семьей в небольшую деревушку Белополье на Саратовщине. Это по ту сторону Волги — 18 километров от железнодорожной станции и 35 от районного центра.

Наконец — в доме. Едва теплится огонек в печи, а они и этому безмерно рады. Греются с холода. Едят очень горячий суп, пьют горячий чай. Нет постели, нет теплой одежды.

— Но ничего, будем как-нибудь жить, — успокаивает Александр Максимович жену. — Все устроится.

— Не померзли бы дети, — волнуется Александра Григорьевна.

— Главное, есть крыша над головой. Перезимуем, а там — весна, лето...

— Придут теплые дни, — добавляет Александра Григорьевна.

Так и успокаивают они друг друга, хоть и знают хорошо, что зима эта будет нелегкая, что надо перебороть все трудности...

Рядом с Бойченко живут эвакуированные. Здесь, в тылу, надо работать для фронта, для победы и, прежде всего давать хлеб. Люди же, собравшиеся в Белополье, в большинстве своем никогда раньше не имели дела с сельским хозяйством.

Они находили в себе силы, чтобы в дождь, под ветром, пронизывавшим до костей, выкапывать картошку из раскисшей земли или, проваливаясь по пояс в снегу, собирать подсолнечник, или в мороз ночью за пятнадцать километров ехать в степь за сеном для скота.

Рядом со взрослыми работали подростки. Они брались за любую работу, чтобы заменить старших, сражавшихся сейчас на фронтах войны.

Многие среди эвакуированных были актеры, учителя, счетоводы...

«Каждому стоило немало труда стать настоящим колхозником, — рассказывает в своем дневнике Александр Максимович. — Это не шутка, за месяц из артиста Ленинградской оперетты превратиться в конюха или, будучи прежде преподавателем иностранных языков, за неделю стать дояркой. Вот, например, наша соседка была учительницей, а как хорошо научилась сеять руками, не хуже стариков, что всю жизнь прожили в селе. Не хватало трактористов,

комбайнеров, и горожане быстро освоили сельскохозяйственные машины. Пахали, сеяли, собирали хлеб, помогали государству и кормили себя».

Веселая шутка никогда не оставляет Александра Максимовича. Кто-то из товарищей или друзей рассказывает ему о забавном случае, происшедшем в колхозе, и он не без юмора записывает в дневнике:

«...Конечно, все шло не так гладко, бывали казусы и смешные истории. Эвакуированным раздали тридцать коров. Одна из них попала преподавателю истории, эвакуированному из Одессы. Историк решил подоить коровку. Взял поллитровую бутылку, подставил к соску и давай дергать — молоко струйками обливало руки, грудь, лицо, не попадая лишь в бутылку. Не нравился корове этот историк, она немного саданула его. Позвали помощницу, но и та сроду возле коровы не бывала. Пришлось передать корову другому эвакуированному».

Люди учились хозяйствовать...

Стало холодать. Степь раскисла. Дороги превратились в сплошное месиво, низина — в широкие озера, в самой деревне стояли большие лужи.

Александр Максимович беспокоится о жене и детях. Уезжая, они не захватили теплой одежды, зимней обуви. А везде такая грязь, что даже в сапоги набирается вода. Ходить в туфлях — все равно что босиком...

«Выдержат ли дети?» — думает он.

Неля пошла работать на колхозную почту. Славик — ездовым в колхоз. Он окончит курсы трактористов, вступит в комсомол и, работая весной 1942 года трактористом, один будет зарабатывать хлеб для семьи.

Возвращается с работы Славик, мокрый, по колени в грязи, снимает парусиновые туфли, а от воды и холода

у пето посинели ноги. Он садится у плиты, трет задеревеневшие ноги руками, но молчит.

— Ну как дела, мой работничек?! — ласково говорит Александра Григорьевна, стараясь как-то развеселить Славику, хоть на душе у нее тревожно. — Ближе садись к огню, грейся!.. А я тебе сейчас поесть дам.

Немного согревшись, Славик моет туфли и ставит их к плите, чтобы до утра просохли. Развешивает на веревке у огня свою мокрую и грязную одежду. Шмыгает носом — промерз до костей. И такой он жалкий сейчас, что у отца от боли заходится сердце.

Позлее Александра Григорьевна побывала в Саратове. Оттуда она приехала с «подарками». Александр Максимович записывает в дневнике: «...приобрела поношенные сапоги для Славы, валенки, вязаную кофточку одну на двоих — себе и Неле, платок и рукавички, галоши на сапоги, правда, они были на одну ногу...»

Начинаются бураны, страшные степные бураны... Несколько дней сильный ветер гонит колючий снег. Для них, украинцев, особенно киевлян, это непривычная картина. От метели нигде нельзя спрятаться. Поля, дома все занесло снегом толщиной в несколько метров. В квартире Бойченко, в углу северной стены, даже появился снежный сугроб, его прибрали, думая, что там дыра, но все было в порядке, а сугроб вырос опять. Ветер дул с такой страшной силой, что снег пробивался сквозь мельчайшие щели. В каждой хате жили по две-три семьи. Топлива не было, а кругом, на десятки километров, — ни деревца.

Болеют дети, ходит грипп, ангина. Перебои в снабжении хлебом. Фашисты угрожают Москве.

В один из таких вечеров на квартире у Александра Максимовича собрались коммунисты. Надо было оформить партийную организацию села, избрать бюро...

Поднялся председательствующий, невысокий худощавый человек с глубоким красным шрамом на бледном лице, учитель местной школы. Он недавно вернулся из-под Киева, был ранен на Днестре. Его правая рука мертво висела на белом бинте.

— Есть у меня такое предложение, — сказал он негромко, — избрать коммуниста Бойченко членом бюро нашей партийной организации и редактором колхозной стенной газеты «Социалистический труд»... Он бывший секретарь ЦК комсомола Украины, работал редактором в издательстве. Думаю, товарищи меня поддержат...

За Бойченко проголосовали единогласно.

Теперь его комната — штаб, где намечаются планы борьбы за урожай, где проходят партийные и комсомольские собрания, обсуждаются следующие номера стенгазеты... Здесь бурлит настоящая жизнь — у постели человека, скованного тяжелым недугом.

Потихоньку начал восстанавливать по памяти первоначальные главы рукописи.

Каждая семья тогда ощущала на себе внимание и заботу Бойченко. Жена погибшего красноармейца Козаренко осталась с тремя маленькими детьми. Об этом узнал Александр Максимович. Однажды ей принесли молоко.

— Откуда это? — удивленно спросила женщина.

— Бойченко велел передать.

Александр Максимович не забывал каждый день посылать ее детям молоко. Он отдавал свой паек...

Приходит весна 1942 года. Потом — короткое заволжское лето. Александр Максимовичу запоминаются степи с сочной, зеленой и густой травой по весне, много цветов, особенно красивы тюльпаны.

Его кровать стоит у открытого окна, а за окном, до самого горизонта, раскинулась широкая степь. Оттуда доносятся запахи полыни и свежего сена, пение

жаворонка и слова печальной песни, которую поют женщины, идя с поля.

Заканчивается косовица, проходит жатва. И тут уже подкрадывается дождливая осень.

Возвращаясь из госпиталя, заезжают друзья. Они никогда не забывали об Александре Максимовиче, даже в самые трудные для себя минуты. Так после ожесточенных боев, выйдя из окружения, писатель Микола Шеремет узнал, что Александр Бойченко в заволжском селе, и решил заглянуть к нему.

Говорили о боях, о литературе и друзьях, вспоминали Украину и Киев. Когда же зашла речь о книге, гость расстелил на полу шинель, положил на нее рукопись «Молодости», по-солдатски прилег и единым духом прочитал страницу за страницей будущую книгу. Воин сердцем чувствовал, что книга очень нужна не только здесь, в заволжском селе, в тылу, но и там, на фронтах войны. Она расскажет воинам о тревожной юности комсомольцев 20-х годов, будет звать на подвиги сегодня.

Позже заглянули к Александру Максимовичу Андрей Малышко, Андрей Головкин, Борис Буряк.

Это было уже в Уфе. Борис Буряк встретился с Андреем Малышко, только что приехавшим с фронта.

— Здесь живет много наших земляков-киевлян, — сказал Малышко. — Живет со своей семьей и Бойченко. Давай вечером зайдем, проведем...

Они осторожно постучали в высокие двери. Открыла им Александра Григорьевна. Гости увидели ее сдержанную и мягкую улыбку.

В глубине комнаты напротив единственного окна стояла кровать Александра Максимовича. В комнате было много белого. И было видно бледное лицо Александра Максимовича на белой подушке. А шапка темно-русых волос, зачесанных назад, и черные

широкие брови еще больше подчеркивали его бледность.

Александр Максимович насторожился. Будто что-то вспомнил и вдруг радостно улыбнулся. По голосу узнав Андрея Малышко, он по-мальчишечьи выкрикнул:

— Андрей, любимый мой!..

Потом — объятия, знакомство Бориса Буряка и Александра Бойченко.

Они готовились к встрече с тяжелобольным человеком, как вспоминал Борис Буряк, а встретили улыбку — улыбку, которую никогда не забыть. Они встретились с автором «Молодости», немного застенчивым и сдержанным, когда он рассказывал о своей работе над книгой, когда читал черновики и ждал от опытных писателей «беспощадной критики». А вот загорелись искорки в светлых глазах над белой подушкой — это гости подняли рюмки за победу, за встречу в родном Киеве.

Поздно вечером стали прощаться.

— Если можно, прочитайте мою рукопись «с карандашом», — попросил Александр Максимович Буряка. — Я уже давал ее читать Андрею Васильевичу Головки. Ему я очень благодарен: он сделал ценные замечания, высказал советы и согласился быть редактором книги. Но вы хорошо понимаете, война: он выехал на фронт, когда вернется, неизвестно...

Борис Спиридонович прочитал рукопись «с карандашом», и, как признавался позже сам, были у него «какие-то очень скромные мысли об отдельных эпизодах, образах, сценах, диалогах».

Приходил он к Александру Максимовичу, садился у его кровати, клал рыжеватую папку себе на колени, и так в разговоре они переворачивали страницу за страницей. Александр Максимович не только слушал замечания, но временами не соглашался с ними, отстаивая свою точку зрения:

Бойченко показал себя при этом страстным полемистом, бескомпромиссным и опытным. Его знания по теории литературы были глубоки, и он не раз ссылаясь на высказывания Горького...

— Я не стремился к «усложненному» сюжету, — сказал он в конце разговора, — старался отразить не просто жизненные факты, а «психологию фактов»...

— О, если бы вы не были прозаиком, то, несомненно, стали бы хорошим критиком, — шутливо заметил Борис Спиридонович.

— Увидим, какой еще из меня прозаик, — скромно и тоже шутливо ответил Александр Максимович.

А пока что за низким окном сельской хаты плыла вторая тревожная осень войны. Болезнь усложнялась. Здесь не было ни врачей, ни медикаментов. Не давали покоя мысли о книге.

Он уже восстановил по памяти первую часть своей повести, без восьми начальных глав, рассказывавших о детстве героев книги. Но впереди — большая редакторская работа. Семья переезжает в Уфу. Они поселились в хорошей, светлой комнате — с паровым отоплением и электричеством. Главное, в этом доме — поликлиника, и в любую нужную минуту можно вызвать врача.

Неля пошла работать в обком партии, Слава поступил в авиационную школу.

Настроение улучшилось, признается Александр Максимович. Приходят радостные вести с фронта.

Он помнит этот день — 22 ноября 1942 года. Было уже за полночь. Александру Максимовичу вдруг показалось, будто бы по всему дому бегают люди, громко выкрикивают, хлопают дверьми. Александра Григорьевна и Неля поднялись с кровати и не успели накинуть на себя палы о, как в дверь постучали.

— Вы слышали, какая новость?! Наши под Сталинградом перешли в наступление...

Женщины принесли в комнату Бойченко единственный репродуктор и включили его. Послышался знакомый голос диктора из Москвы.

Они не спали до утра.

Александр Максимович продолжает работать над рукописью. Первым редактором «Молодости» становится Андрей Васильевич Головкин. Страницу за страницей дорабатывают они книгу. Но снова болезнь.

— Попробуем пока что лекарства, — осмотрев его, сказал академик Николай Дмитриевич Стражеско.

Проходят две трудные недели. Организм, боровшийся с недугом, сильно ослаб, нужно усиленное питание. На помощь приходят люди, совсем чужие люди.

С сердечностью отзывается он о них: «Приносили кто что мог, отрывая от себя. Мать большой семьи зашла и «ненароком» оставила сахар. Соседка, жившая рядом, — кусочек сала, соседи напротив раздобыли яблоко, принесли комочек масла и крупы на кашу. Меня глубоко волновала забота и чуткость наших людей».

Но опять — угроза гангрены. Снова приходит Николай Дмитриевич Стражеско.

— В первый раз мы вас спасли, — говорит он задумчиво. — На второй не выйдет: теперь лекарства не помогут... Необходима операция.

Александр Максимович просит отсрочить операцию: ему еще надо успеть отредактировать книгу.

«...Сколько лет я уже борюсь со смертью. Ходит она вокруг меня, но до сих пор мне удавалось держать ее на приличном расстоянии. Весь смысл был в том, чтобы выиграть время для работы...»

Александр Максимович торопится. Александра Григорьевна уже восьмой раз переписывает рукопись книги.

В конце апреля «Молодость» он отправляет в издательство в Москву, а сам ложится в больницу. Да,

теперь можно уже и на операционный стол.

Операция проходит удачно. Однако болезнь обостряется... К тому же донимает уфимская жара. Александр Максимович не может работать и от этого впадает в отчаяние.

Подбадривают лишь радостные вести с фронта: Красная Армия разгромила фашистов под Курском и Орлом, началось освобождение Украины. Он радуется встречам с ранеными бойцами и командирами, переписывается с фронтовиками...

Может, возобновить первые восемь глав романа?

— Давай начнем так, как было: с детских лет, — предложила Александра Григорьевна, когда он хотел продолжить работу.

— Нет, теперь я так не смогу. Не лирическое у меня сейчас настроение, — пошутил Александр Максимович.

Тогда он боялся, что не успеет написать все задуманное, наверное, считал, что молодежи надо рассказать прежде всего об острой классовой борьбе в годы гражданской войны, в годы восстановления народного хозяйства. Детские же годы его героев так и остались ненаписанными.

Заканчивается октябрь. Украинские семьи отправляются домой. Конечный пункт следования — Харьков. А впереди сколько потом еще остановок! Иногда — на всю ночь. И это кажется вечностью. Кружатся в воздухе легкие снежинки. Приходит зима. Наконец двигаются дальше.

«...Настроение у всех приподнятое, все суется, не могут найти себе места. Прошел день, второй, третий, четвертый, мы уже за Волгой, проехали большую часть пути. Приближаемся к родной Украине. Проезжаем места недавних боев, видим ужасные картины разрушений, опустошения, часто попадаются могилы наших бойцов. Женщины не могут скрыть своего волнения, украдкой вытирают слезы.

Мы в Харькове. Выгружаемся из эшелона. Вокзала нет, едем на грузовике по городу, нигде нет света, и кажется, что едешь не улицами города, который три года тому расцвечал, а какими-то глухими провалинами. Всюду руины, и в темноте ночи они кажутся еще более зловещими...»

Зимовать пришлось в Харькове, и лишь в начале апреля следующего года вернулись в Киев.

Александр Максимович сразу же приступает к работе над книгой, над ее второй частью. Собирает материал, делает выписки, обдумывает сюжет... и так каждый день: с половины десятого до четырех. «Больше бы хотелось, как бывало до войны, — с досадой признается писатель, — по сердцу не то, приходится с ним считаться».

Радостным в его жизни становится день 26 июня 1944 года. Это двойной праздник: 25-летие комсомола Украины с вручением ему ордена Красного Знамени и награждение Александра Бойченко.

Вечером в Оперном театре состоится торжественное заседание. Конечно, пойти туда Александр Максимович не может. Вся надежда: услышать его трансляцию по радио, но, на беду, не работает репродуктор.

Все ушли уже на вечер, а он лежит и волнуется.

Часов в шесть кто-то постучал. Оказалось, техник радиоцентра.

— Мне поручено проверить и привести в порядок вашу радиоточку, — сказал он Александру Максимовичу, который был удивлен, ибо помнил, что никто из домашних никому не говорил, что радиоточка работает плохо и, кажется, никого не просил починить ее. Но все-таки кто-то узнал о том, что делается у него дома, и вот, пожалуйста, техник...

Начинается торжественное заседание. Александр Максимович ловит каждое слово. Как хочется знать, что

делается в сегодняшнем комсомоле. Ведь это ему отдал он лучшие годы своей жизни...

Зачитывается Указ о награждении комсомола республики, потом о награждении Александра Бойченко орденом Трудового Красного Знамени.

И вдруг как-то сжалось сердце, перехватило дыхание.

Он старался сдержать свое волнение и не мог. Вечер продолжался, зачитывались поздравительные телеграммы...

Вскоре вернулась Александра Григорьевна. Услышав слова «орденоносный комсомол Украины», она спросила:

— Уже передавали Указ о награждении комсомола?

— Передавали.

Ее лицо озарилось радостью.

О своем награждении он молчал, думая, что придет с вечера Неля и расскажет, но не выдержал и рассказал сам. Александра Григорьевна бросилась к нему, ласково обняла и выбежала в другую комнату... Они оба плакали от счастья, только врозь.

Приходят поздравления. Большинство из них — от боевых друзей. От тех, кто вместе с ним громил остатки националистических и белогвардейских банд, строил донецкие шахты и криворожские домны, создавал колхозы и совхозы...

Приходят письма и от незнакомых людей, особенно после того, как в «Правде Украины», а со временем и в «Комсомольской правде» были помещены рассказы о жизни Александра Бойченко. Вот что пишут ему воины одной из воинских частей Прибалтийского фронта:

«Ваш образ преданного Отчизне, партии комсомольца — бойца за новую, социалистическую жизнь на фронте хозяйственного и культурного строительства нашей страны, вдохновляет нас, бойцов

переднего края фронта, на ратные подвиги до полного разгрома фашистской гадины».

В другом письме от бойцов есть такие слова:

«То, чего вы ждете и просите от нас, а именно — поднять Знамя Победы над Берлином, при всех трудных условиях нами будет выполнено!»

Эти строки письма запали ему в душу. Поздно вечером он снова и снова перечитывал их и долго не мог уснуть. А когда наконец сон поборол его, увидел, что идет вместе с воинами в атаку... Нет, это мечта с оружием в руках идти на врага, только мечта.

Заглядывают к нему боевые друзья, овеянные дымом ц пожарищами войны, радостью близкой победы. Он смотрит на них с открытой, теплой улыбкой.

— Если б только успеть... Я напишу о ваших боевых делах... Это будет продолжение повести о дружбе, о славе, о подвиге, о доблести комсомола... — взволнованно говорит Александр Бойченко.

Приходят к нему и люди малознакомые или незнакомые совсем. Был среди них и писатель Николай Строковский, так рассказавший об этом.

Он входит в небольшую, чистую и светлую комнату. Видит у окна шкаф с книгами, столик с радиоприемником и телефоном. Двери на балкон широко раскрыты, но рама затянута кисеей. Хорошо слышно, как шумят листья каштанов.

Гость приближается к никелированной кровати, поставленной на четыре велосипедных колеса, в которой лежит Александр Максимович. Белоснежная простыня закрывает его до самого подбородка. Коротко подстриженные русые волосы. Ни одного седого волоска. Глаза спрятаны за толстыми стеклами.

— Пожалуйста, садитесь напротив меня! — говорит Александр Максимович, не шевельнувшись. Его голос ровный и выразительный.

— Не нарушил ли я распорядок вашего дня? — спрашивает гость.

— Нет, — отвечает Александра Григорьевна. Чувствуется, что она привыкла к посетителям, и приход их не вносит ничего необычного в жизнь дома. А Александр Максимович тихо добавляет:

— У меня сегодня выходной: Дарья Михайловна, секретарь мой, повезла свою Валюшу в Ирпень, в лагерь, и я отдыхаю...

И вскоре идет уже непринужденный разговор между хозяином и гостем. Говорят они о последних новостях, о сессии Академии наук, о спектаклях Театра имени Ивана Франко.

— Я знаю, нового человека интересуется, что со мной. Расспрашивайте без церемоний, — говорит вдруг Александр Максимович очень просто, и сразу исчезают последние перегородки, которые обычны между людьми малознакомыми...

Все, кто приходил тогда в серый дом на улице Кирова, наверно, запомнили Александра Бойченко таким, каким увидел его писатель П. Федоренко:

«Лицо его стало более бледным, на нем еще выразительнее обозначилось страдание, но улыбка все та же, по-детски открытая, немного удивленная, будто он прислушивается к чему-то удивительно интересному, когда улыбается. И голос его сохранил бывшую уверенность, спокойствие, теплоту».

А вскоре еще теплее становится на душе у Александра Максимовича. И не только потому, что все больше и больше приходит к нему знакомых и незнакомых людей. И не только потому, что на дворе весенний месяц май и появились на его подоконнике нежные подснежники и первые пахучие ландыши... Потому, что приходит в его дом книга — первая часть трилогии «Молодость».

У его кровати собрались друзья, те, кто знал давно, и новые друзья. Был здесь и Борис Спиридонович Буряк, сохранивший в памяти эту встречу.

Глядя на Александра Максимовича, он, — видать, припомнил сейчас Уфу, как читал «с карандашом» и правил рукопись будущей книги. А теперь вот она — эта книга...

Руки Александра Максимовича уже совсем не двигались, и он не мог не только взять свою книгу, но даже прикоснуться к ней. И тогда, волнуясь и не сводя взгляда с книги, пахнувшей еще типографской краской, он сказал:

— Положите мне на грудь...

Книгу положили ему на грудь. Александр Максимович смотрел на нее так, как, наверное, смотрит на свое первое дитя счастливая мать. Так почувствовал он весомость своей первой книги. Но он тогда не мог почувствовать и предвидеть ту художественную весомость, которую ей суждено было приобрести в нашей литературе.

Приходит к Александру Бойченко-писателю признание. Союз писателей Украины принимает его в свои ряды...

Присылают Александру Максимовичу письма читатели и те, кто еще не смог, но очень хочет прочитать его книгу, письма со всей страны, а позже и из-за границы.

«Дорогой тов. Бойченко!

Узнав из газет о том, что вы написали книгу «Молодость», посвященную героической молодежи Украины, я очень захотел прочитать ее, — пишет из далекого Заполярья Г. Сухокобыла. — Но достать здесь книгу не так-то легко. И вот я обратился за помощью в ЦК ЛКСМУ. Теперь, прочитав ее, пишу вам письмо. Мне хочется от всей души поблагодарить вас за эту чудесную повесть.

Я не участник тех событий, которые описываются в ней. Я родился в 1921 году, но для меня очень дорог комсомол, потому что он воспитал меня и сделал человеком...

Читая вашу книгу, я невольно вспоминал книгу Н. Островского «Как закалялась сталь». Особенно хорошо показаны в книге вашей Василий Бойчук, Софрон Искров, Наталка, Гафийка, Андрей. Хочется быть достойным этих людей и во всем подражать им.

Еще хочу сказать вам о том, как хорошо нарисована в вашей книге крепкая дружба комсомольцев, их взаимная любовь, готовность принести в жертву все для общего дела».

«Мы, комсомольцы Н-ской части, с глубоким чувством удовлетворения прочитали «Молодость». Мы, новое поколение, учимся на примерах героев вашей книги.

Мы будем совершенствовать свою боевую подготовку, крепить воинскую дисциплину», — пишут бойцы из Латвии.

Начальник политотдела пластунской казачьей дивизии полковник И. Петрашин вместе с подарком шлет Александру Максимовичу такие слова:

«Книга «Молодость» изображает трудный период становления новой жизни, период, о котором должна знать наша молодежь...

Я счастлив облегчить твой полезный труд. Прими мой скромный подарок — пишущую машинку...»

Мать Героя Советского Союза Наташи Ковшовой — Нина Дмитриевна, член партии с 1917 года, восторженно пишет Александру Бойченко:

«Ваша неисчерпаемая, неутомимая, жизнеутверждающая сила человека-большевика, борца живет и пламенеет ярким огромным огнем. И как это хорошо, что есть на свете такие сердца!»

Повесть Бойченко в боевом и трудовом строю.

«Ваша книга зажигает и зовет нас на трудовые подвиги», — заявляют комсомольцы-железнодорожники со станции Гребенка.

«Молодость» звала на подвиги и наших бойцов в последние месяцы кровавой битвы с врагом на многих дорогах войны.

Бывший фронтовик, литератор Н. Халемский рассказывает:

«В 1945 году, когда воздух еще дышал недавно затихшими битвами Отечественной войны, в Карпатах, на привале, бойцы читали первую часть трилогии «Молодости», и у каждого было такое ощущение, будто рядом с ним, в дальних походах, шагают герои книги: Василий Бойчук и его славные друзья. Но никто из солдат, совсем еще молодых людей, вероятно, не так давно покинувших школьную скамью, не знал судьбы автора «Молодости», и, когда майор Кривенко стал рассказывать о жизни Александра Максимовича Бойченко, все позавидовали офицеру, так близко знавшему этого человека. Он рассказывал солдатам о любимце украинской комсомолии, который то появлялся на стройках Днепровской гидроэлектростанции, то оказывался в донецкой шахте, был всегда там, где труднее, где требовались мужество и воля к победе...»

Александра Максимовича навещает группа передовиков-железнодорожников. Как всегда, возникает непринужденная беседа. О работе гостей, о книге хозяина.

— Я возвратился из поездки, устал, но, когда сел за вашу книгу — не мог оторваться, — говорит паровозный машинист Ильинский. — Книга украинская, я русский, а вот начал читать — и будто сроду я украинец. Так просто и понятно написано.

— Чувствуется, что вы железнодорожник, все мелочи знаете, — добавляет Надя Натыкан. — У нас вся молодежь рвется к этой книге.

Инженер Лазаревский сказал:

— Я дал Ильинскому книгу на три дня. Когда прошел этот срок, он попросил еще на день оставить. Надо, говорит, дать ее помощнику. Он немного зазнался, прочитает, и тогда будет полный порядок.

Внимательно слушая гостей, Александр Максимович заметил:

— Я рад, что книга полезна. Пишу о том, что знаю, что видел. Если в ней что-то не нравится, не скрывайте. Работаю я не для себя, а для комсомольцев. Ведь я себя все еще комсомольцем считаю.

Откуда, словно водопад, такой бурный поток писем к Александру Бойченко? Юношество видит в книге «Молодость» талантливое, страстное произведение. Видит в его авторе мужественного, несгибаемого человека.

Много лет волновал своей жизнью, своим бессмертным романом Николай Островский. Новое поколение бойцов-корчагинцев увидело в Бойченко человека, продолжившего героический подвиг Островского. И поставило его имя рядом с именем автора «Как закалялась сталь». Причиной этого была не только схожесть биографий, схожесть судьбы Бойченко и Островского.

И поэтому приходят к нему письма не только от многомиллионной молодежи, но и от самой матери Николая Островского, которая видит в судьбе Бойченко судьбу своего сына.

«...Большое вам спасибо за теплое, сердечное отношение ко мне, — отвечает ей Александр Максимович. — Вы сами хорошо знаете, как Николай Алексеевич радовался своему литературному успеху, ведь для него ощущать, что ты снова полезный человек, было самым радостным и самым счастливым. И вот, когда мне говорят, что моя книга «Молодость» нравится

читателю, что она приносит пользу в его жизни и борьбе, — для меня это счастливые и светлые минуты...

Простите меня, Ольга Осиповна, что, может быть, этим я вызываю у вас тяжелые воспоминания, но Николай Алексеевич продолжает жить с нами. Каждый честный человек носит его в своем сердце и бережет память о нем, как о самом святом и самом дорогом...»

Переписка с читателями своей книги глубоко волнует Александра Максимовича, и в одном из писем к ним он высказывается так:

«...Большое вам спасибо за теплое, дружеское письмо, которое до слез растрогало меня. Ваше письмо принесло мне большую радость. Я несколько раз перечитывал его и чувствовал себя счастливым человеком. Да, именно счастливым настоящим человеческим счастьем...»

1946 год приносит Александру Бойченко новую радость: первая часть его «Молодости» выходит в Москве, в издательстве «Молодая гвардия». Через два года он заканчивает вторую часть трилогии, которая печатается в нескольких номерах журнала «Дпшро» в Киеве.

Настал декабрь 1948 года. Проходит Второй съезд писателей Украины.

Председательствующий объявляет:

— Слово предоставляется делегату съезда Александру Бойченко...

Но никто не поднялся на трибуну. Среди глубокой, торжественной тишины прозвучал из громкоговорителя молодой и бодрый голос:

— Пламенный привет вам, дорогие товарищи!

Вы проявили ко мне большое доверие, избрав делегатом на Второй съезд советских писателей Украины. Я, к сожалению, не могу прийти на съезд, но всегда стремлюсь идти с вами в одном строю.

Наша украинская литература пришла к своему Второму съезду с большими достижениями, она стала неотъемлемой частью нашего общего дела — строительства коммунизма, ради чего мы живем и работаем...

В те минуты его не было на писательской трибуне, но все, кто был в сессионном зале Верховного Совета УССР, почувствовали, что он здесь, рядом...

Александр Максимович знал, что его слышат сейчас друзья, побратимы. И голос его звенел сильно и взволнованно. Переполненный зал тихо слушал. Да, он здесь, рядом, в небольшой комнате на этой же улице Кирова: только перейти через широкие аллеи парка, и гостеприимная Александра Григорьевна откроет двери, а он, Александр Максимович, громко произнесет:

— Друзья, рад, очень рад видеть вас. Проходите, садитесь ближе ко мне...

В начале 1949 года первая и вторая книги «Молодости» выходят одним томом в Киеве, Москве, за рубежом. И опять поток писем от новых читателей.

А смог ли бы он бороться, если бы писательский труд оказался ему не под силу, если бы он «родился» не писателем, а кем-то другим? Об этом часто спрашивают у Александра Максимовича. И своим многочисленным корреспондентам он отвечает так:

«...Писать было моим страстным, непреодолимым желанием. Я много и долго работал, пока наконец добился осуществления своей мечты. Но поставим вопрос так: несмотря на огромный труд и желание, у меня с писательским делом ничего бы не вышло. Конечно, мне было бы очень тяжело убедиться в этом, получить еще и такой удар. Но я бы никогда не считал, что все кончено и путей больше нет. Нет! Я бы искал новые возможности, каких у нас тысячи.

А что касается вашего вопроса, что бы я делал, если бы родился не писателем, а плотником, то всем

известно, что люди не появляются на свет ни писателями, ни учеными, ни рабочими, но стать в жизни тем или другим могут.

И если б я не смог стать писателем, я стал бы плотником, я бы изготавливал такие вещи, что и писатели мне позавидовали. И в этом я нашел бы свое счастье! Ибо настоящее счастье добывается в труде на благо Родины!»

Начинается новый, 1950-й год, последний в жизни Александра Бойченко. Он торопится... Уже созданы две части «Молодости», сейчас он работает над третьей. Работает и лечится.

Он рассказывает, что как-то лежал в санатории, и в один из летних дней подошел к нему садовник. Вид у него был сияющий, будто он только что познал истину, над которой бился долгие годы, и от этого на душе у него было радостно и возвышенно. Положив на круглый столик рядом с коляской, в которой лежал Александр Максимович, цветы, он стал вынимать из карманов яблоки.

Бойченко пригласил садовника сесть. Удобно устроившись в кресле, он попросил разрешения закурить папиросу.

— Какая благодать! — воскликнул садовник, любуясь облачками дыма, остававшимися тут же на веранде.

— Да, хорошо, очень хорошо, — согласился Александр Максимович.

Красота и величие окружающей природы возбуждали добрые чувства.

— Жить — и только жить, — проговорил садовник взволнованно.

Александр Максимовичу показалось, что в его голосе зазвучала какая-то особая нотка, с такой жадностью он сказал о жизни, но чувствовалось вместе с тем, что где-то глубоко запрятана грусть.

— И какая хорошая штука — эта жизнь, — поддержал Александр Максимович садовника.

— Я тоже так думаю, — сказал садовник, — если уж появился на этом свете, то главное — жить и жить, любой ценой жить!

Садовник встал, выпрямился. Александру Максимовичу вдруг показалось, что он в своих мыслях идет за тем, что высказал садовник, но вмиг вспомнилась фраза, брошенная им: «Жить любой ценой...» Любой ценой?..

— Я с вами согласен, что человеку жизнь дается один раз, — сказал Бойченко. — Но как прожить эту жизнь? Такой вопрос каждый из нас должен поставить перед собой...

— Любой ценой, — снова повторил садовник.

Будто что-то острое резануло Бойченко по сердцу.

— Вы говорите: человек должен прожить свою жизнь любой ценой, — даже ценой сделки со своей совестью, ценой предательства? — ребром поставил он вопрос перед садовником.

Садовник медленно, будто впервые, посмотрел вокруг, вытер вспотевший лоб и, не отвечая Александру Максимовичу, не надевая шляпы, попрощался. Больше садовник не приходил.

Позже Александр Максимович узнал, что работал он до войны агрономом научно-исследовательской сельскохозяйственной станции, в дни войны не эвакуировался, при фашистах стал директором той же станции, стараясь чем только можно угодить своим хозяевам...

Разговор с садовником о том, как прожить жизнь, остался незаконченным. Но всей своей жизнью Александр Бойченко доказал, в чем ее смысл.

В одном из последних писем к читателям «Молодости», ученикам Мурафской средней школы на

Харьковщине, Александр Максимович обещает: «Буду работать, пока бьется сердце...»

Шумели за окном тополя. К нему в комнату врывался гомон беспокойной улицы. Пьянили запахи весенней листвы и майских цветов...

Через распахнутое окно влетел легкий ветерок и сдул со стола листки бумаги, в беспорядке рассыпавшиеся на полу.

Вошла секретарь, спросила:

— Будем работать?

Да, будем.

...Тихо, неторопливо стучит пишущая машинка. Почувствовал вдруг, что вот-вот остановится она... И тогда пришли к нему все герои предыдущих частей книги и той, которая осталась недописанной. Окружили тесным кольцом. Он видит их, выстрадавших, рожденных им, как мать видит своих детей, слышит их голоса...

Софрон Искров: «Хорошо потрудились, а теперь надо сделать самое главное...»

Вадим Родына: «...надо прожить свою молодость, свою жизнь так, чтобы ты мог честно смотреть в глаза партии и народа...»

Василь Бойчук: «...Как хочется жить! Честно ли, правдиво ли прожил ты свою жизнь, Василий? Жизнь прожита правильно, никогда товарищи не забудут, что я отдал ее за общее счастье...»

И поплыла перед глазами одна из волнующих картин книги.

На погрузочном дворе станции слышно было, как выкрикивали в строю:

— Первый!

— Второй!..

— Первый!

— Второй!..

Уже шесть лет рабочие крепко держат винтовку в руках.

— Ряды сдвой! Раз-два-три-четыре!

— Нале-во! Правое плечо вперед, шагом арш! Запевала, песню!

*Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...*

И вдруг машинка умолкла... Умолкла на полуслове. Случилось это 30 мая 1950 года.

Но он остался для нас, как Боец, Коммунист, Писатель, Человек... Остался в строках своей повести «Молодость», в недописанных страницах третьей части... В воспоминаниях людей, которые были рядом с ним... В названиях улиц, школ, библиотек, пароходов, носящих его имя.

Это человек, который всегда с нами. И с теми, кто строил Страну Советов в годы Октября и защищал в тяжелые годы испытаний, с сегодняшними комсомольцами и пионерами.

И грядущие поколения, как живому среди живых, будут говорить ему:

— Здравствуй, Александр Бойченко! Здравствуй, наш современник!

Юрий Косач, Александр Игнатенко

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция серии «Жизнь замечательных людей» выпускает книгу о вожаках комсомола, о тех, кто под руководством партии создавал славный ВЛКСМ, вел нашу молодежь на строительство социализма, готовил ее к защите социалистического Отечества.

Редакция и авторский коллектив понимали особую значимость этой книги для комсомольского издательства «Молодая гвардия». Архивных материалов, писем, дневников и других документов осталось мало — слишком бурным темпом шла жизнь комсомольских руководителей. Да только ли руководителей, нет, всего Ленинского комсомола. И меньше всего они думали о будущей славе. Они созидали и защищали от врагов новую социалистическую Россию.

Отныне среди пяти с половиной сотен книг нашей серии в ряду с именами М. И. Калинина и М. В. Фрунзе, Г. В. Чичерина и Н. К. Крупской, С. Г. Шаумяна и Я. М. Свердлова встанут имена их младших соратников, замечательных деятелей Ленинского комсомола — Лизы Пылаевой, Бориса Дзгеладзе, Рафаэля Хитарова, Николая Чаплина, Гани Муратбаева, Александра Косарева, Александра Бойченко.

Они, эти вожаки комсомола, были людьми разных возрастов, разных национальностей, они родились в разных краях нашей великой Родины. Но всех их объединяло одно: беспредельная преданность идеалам ленинской партии, самоотверженный труд во имя народа, большевистская решимость и энергия, полное отсутствие своекорыстия и беззаветная отдача своих сил стране и людям.

Это драгоценное наследие ушедших от нас замечательных людей есть наследство всего Ленинского комсомола, маяк и ориентир для современной советской молодежи.

Настоящую книгу удалось создать только благодаря помощи специалистов — историков комсомола и в особенности — ветеранов-комсомольцев. Живые рассказы ветеранов воссоздали перед авторами своеобразную картину минувших тех дней, кипение страстей и противоборства, которые не смогли отразить документы, сохранившиеся в архивах.

Редакция серии «Жизнь замечательных людей» и авторы сборника «Вожаки комсомола» приносят самую искреннюю, самую глубокую благодарность тем, кто помогал в работе над книгой и кто по праву может быть назван ее соавтором. Сердечную признательность и лучшие пожелания мы выражаем Г. А. Аветисяну, А. Г. Бойченко, Н. А. Бойченко, В. Ф. Васютину, К. М. Иванидзе, М. В. Нанейшвили-Косаревой, Е. А. Косаревой, Р. А. Лаврову, М. М. Мухамеджанову, М. И. Мильчаковой-Лившиц, Н. Ф. Пивню, В. Ф. Пикиной, Е. Н. Пылаевой, Т. Н. Пылаевой, Н. Р. Хитаровой, С. М. Хитаровой, М. П. Чаплиной, Р. И. Чаплиной, А. П. Чаплину, В. П. Чаплину, Б. Н. Чаплину, Г. А. Мильчаковой-Чаплиной, Б. Митбрейту, В. Д. Шмπτкову, Е. И. Щагиной, а также другим товарищам, которые так или иначе способствовали выходу в свет этой книги.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Елизавета Пылаева. 1917.

Василий Алексеев, один из организаторов комсомола.

Дом, где проходила первая конференция ССРМ Петрограда. Август, 1917.

Здание на Мойке, где помещалась редакция газеты «Правда» до июльских событий 1917 г.

Елизавета Пылаева среди демонстрантов. 1917.

Елизавета Пылаева.

Р.С.Ф.С.Р.
НАРКОМПРОС
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРОМЫСЛ.-ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

Отдел Рабочих Факультетов
РАБОЧИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
№ Г. В. ПЛАХИНА
4. *Пылаевой*
№ 129

Прислуживаясь всем органам, государственным!

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Выдано сие *Пылаевой*
Елизавете Яковлевне
работнице факультетов Института Народного Хо-
зяйства к.м. Плахиной в том, что она *Пылаева Е. Н.*
окончила полный курс означенного рабфака по
техническому отделению и потому, как
лицо, окончившее рабочий факультет, состоящий в
составе Отдела рабочих факультетов Главпрофобра
Р.С.Ф.С.Р. на основании Положения о рабочих фа-
культетах, глава V, § 50, издания С.Н.К. Р.С.Ф.С.Р.
19 февраля 1924 года, имеет право преимуществен-
ного поступления во все ВУЗы Республики без всяких
проверочных испытаний в ВУЗах по разверстке
мест, предоставленных Отделу рабфаков.

Гор. Москва, 1го июля 1925 года

Ведущий Рабфака *[подпись]*
Заместитель Уполном. Чистова *[подпись]*

№ 129

Свидетельство об окончании рабфака Е. Н. Пылаевой.

Группа молодых рабочих завода «Розенкранц».

***Рабочая молодежь Путиловского завода перед выходом на
демонстрацию 18 апреля (1 мая) 1917.***

Борис Дзнеладзе.

Заседание Бюро ЦК ВЛКСМ. Москва, 1928. В центре А. Мильчаков, стоит первый справа А. Косарев.

Рафаэль Хитаров.

Николай Чаплин.

Колонна комсомольцев на Красной площади. Москва, 1925.

Николай Чаплин, секретарь ЦК ВЛКСМ.

Питерские комсомольцы на субботнике. 1919

Николай Чаплин. 1936.

В перерывах между боями комсомольцы ведут занятия по ликвидации неграмотности.

Гани Муратбаев.

Гани Муратбаев (в о втором ряду слева четвертый) среди казахской и киргизской молодежи.

Ч Л Е Н
ТУРКЕСТАНСКОГО
Центрального Исполнительного
КОМИТЕТА.

Т. А. С. С. Р. Р. С. Ф.

Туркестанский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Делеганских и Красноармейских Депутатов.

Членский билет № 81

Предъявитель сего *тов. Мурат-Баев Тачи*

Избран *XI* - созывом Советов Туркестанской Республики членом Туркест. Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Делеганских и Красноармейских Депутатов сроком до *XII* - созыва Советов Туркестанской Республики

Секретарь Турк. Ц. И. К. *С. И. К.*

Удостоверение Гани Муратбаева.

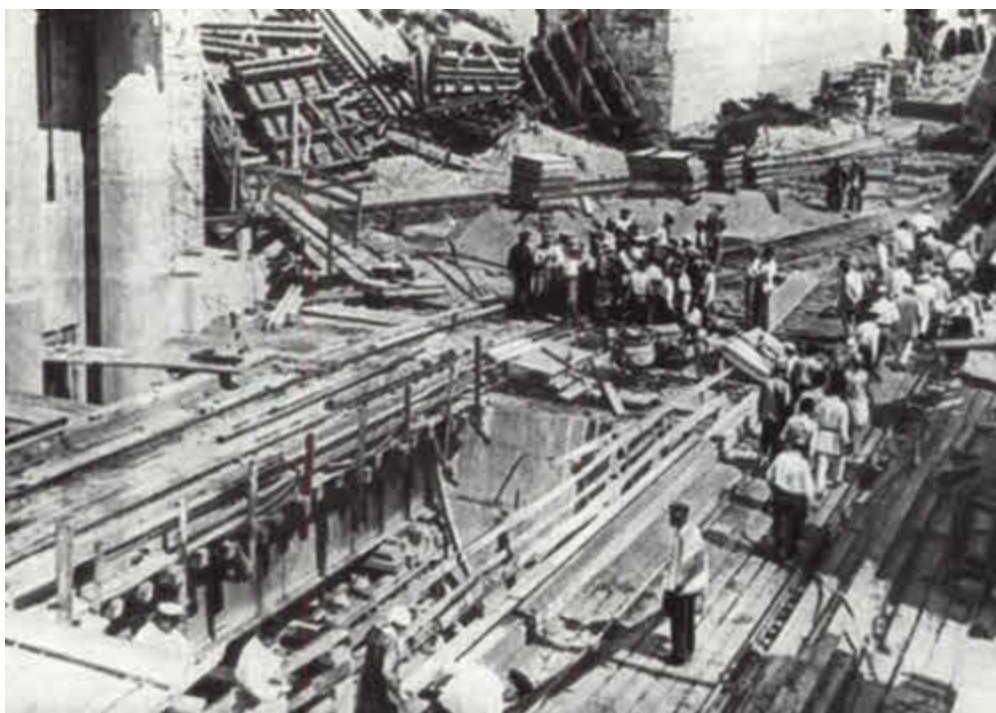
Александр Косарев на конгрессе Коминтерна.

Н. К. Крупская, П. Ангелина, М. Демченко, Д. Виноградова на X съезде ВЛКСМ. Москва, 1936.

Строительство Ферганского канала. 1939

Ударные бригады на Днепрострое.

Александр Косарев.

Комсомольский воскресник. 1932.

***С. М. Буденный, А. Мильчаков (справа) и А. Косарев на Красной
площади.***

Александр Косарев.

***Н. Камнева, Я. Гамарник, К. Е. Ворошилов и А. Косарев на съезде
комсомола.***

А. Косарев, М. Горький и Р. Роллан среди комсомольцев. 1933.

***Александр Бойченко — секретарь Демеевского райкома комсомола.
1926.***

Александр Бойченко среди делегатов VIII съезда ЛКСМУ (второй во втором ряду справа).

Дом в Киеве, где жил А. Бойченко.

***Диплом А. М. Бойченко о присуждении ему посмертно
республиканской премии имени Н. Островского.***

INFO

В63

Вожаки комсомола. Сборник. Изд. 3-е, испр.
М., «Молодая гвардия», 1978.

384 с. с фотогр.; портр. (Жизнь замечат.
людей. Серия биографий. Вып. 2 (538).

ЗКСМ1

В 70302—023/078(02) —78 265 — 78

ИБ № 1239

ВОЖАКИ КОМСОМОЛА. Сборник

Редактор *В. Пекшев*

Серийная обложка *Ю. Арндта*

Рисунок на обложке и заставки *А. Цветкова*

Художественный редактор *А. Степанова*

Технический редактор *Т. Цыкунова*

Сдано в набор 27/VII 1977 г. Подписано к
печати 9/1 1978 г. А05805. Формат 84×108/32.
Бумага № 1. Печ. л. 12 (усл. 20,16)+ + 16 вкл.
Уч. — изд. л. 22,9. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р.
70 к. Т. П. 1978 г., № 265. Заказ 1376

Типография ордена Трудового Красного
Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии: 103030,
Москва, К-30. Сущевская, 21.

notes

Примечания

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 43.

Все даты до 15 февраля 1918 года даются по старому стилю, за исключением 1 мая 1917 года.

День 1 Мая приходился по старому стилю на 18 апреля.

«Правда», 1917, 20 апреля.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 383–384.

«Народная гвардия» — охранные войска
меньшевистского правительства.

Екатеринодар — сейчас Краснодар.

Александрополь — сейчас Ленинакан —
промышленный центр Армении.

Порт-Петровск — сейчас Махачкала — главный город Дагестана.

Владикавказ — сейчас Орджоникидзе — центр
Северной Осетии.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 72.

Бичико — мальчик. Принятое у грузин ласковое обращение старшего к младшему.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 388–389.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 121.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 89–90.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 226.

Сейчас с. Рогнедино Брянской области.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 226.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 298.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 301.

Там же, с. 305.

Там же, с. 316.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 308.

Там же, с. 301.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 256, 258.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 67.

Там же, с. 137.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 219.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

30

Бала — мальчик.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 307.

«Арыстан» означает «Лев».

«Правда», 1968, 3 ноября.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 193.

Теперь это республиканское издательство
«Молодь».